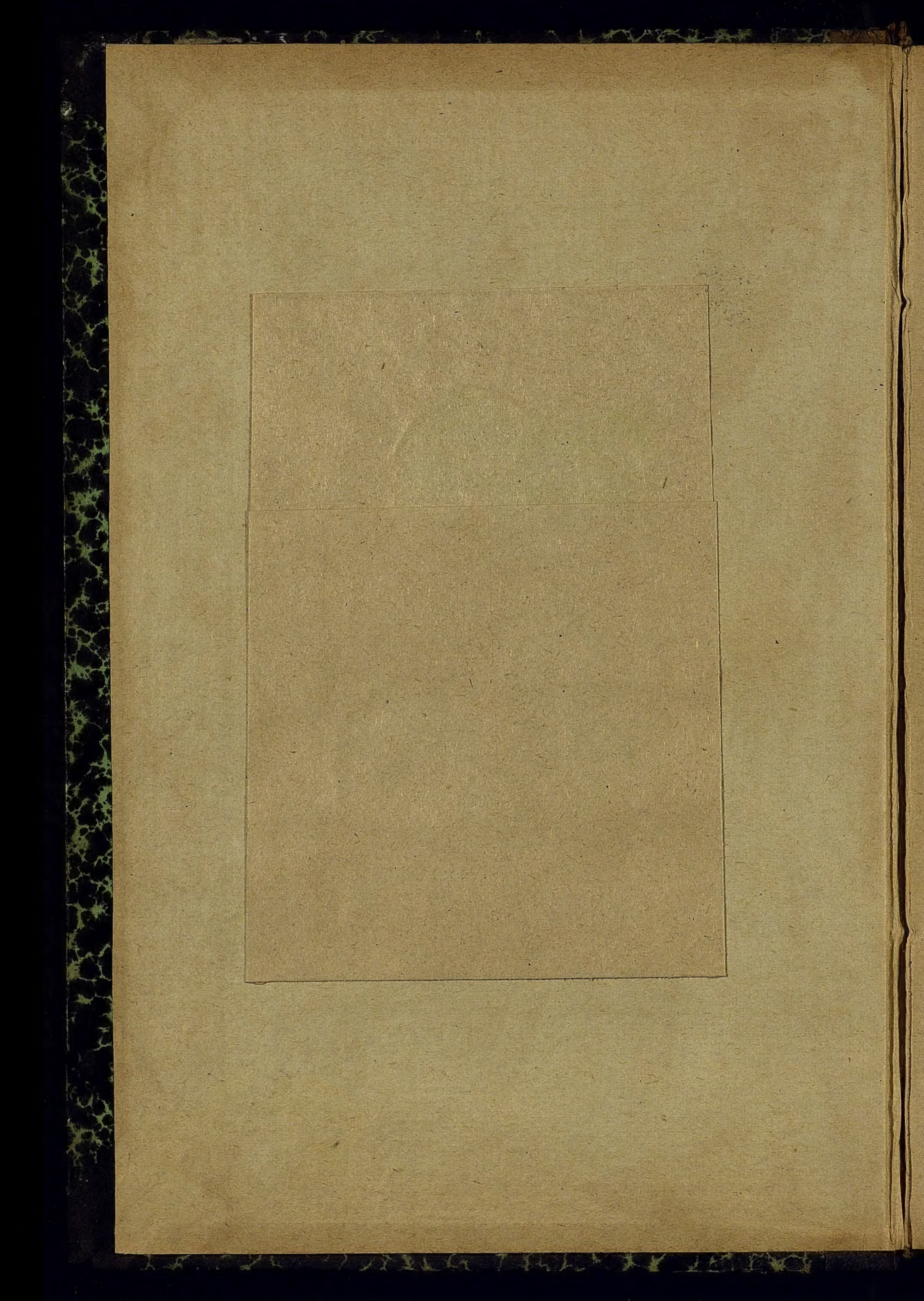
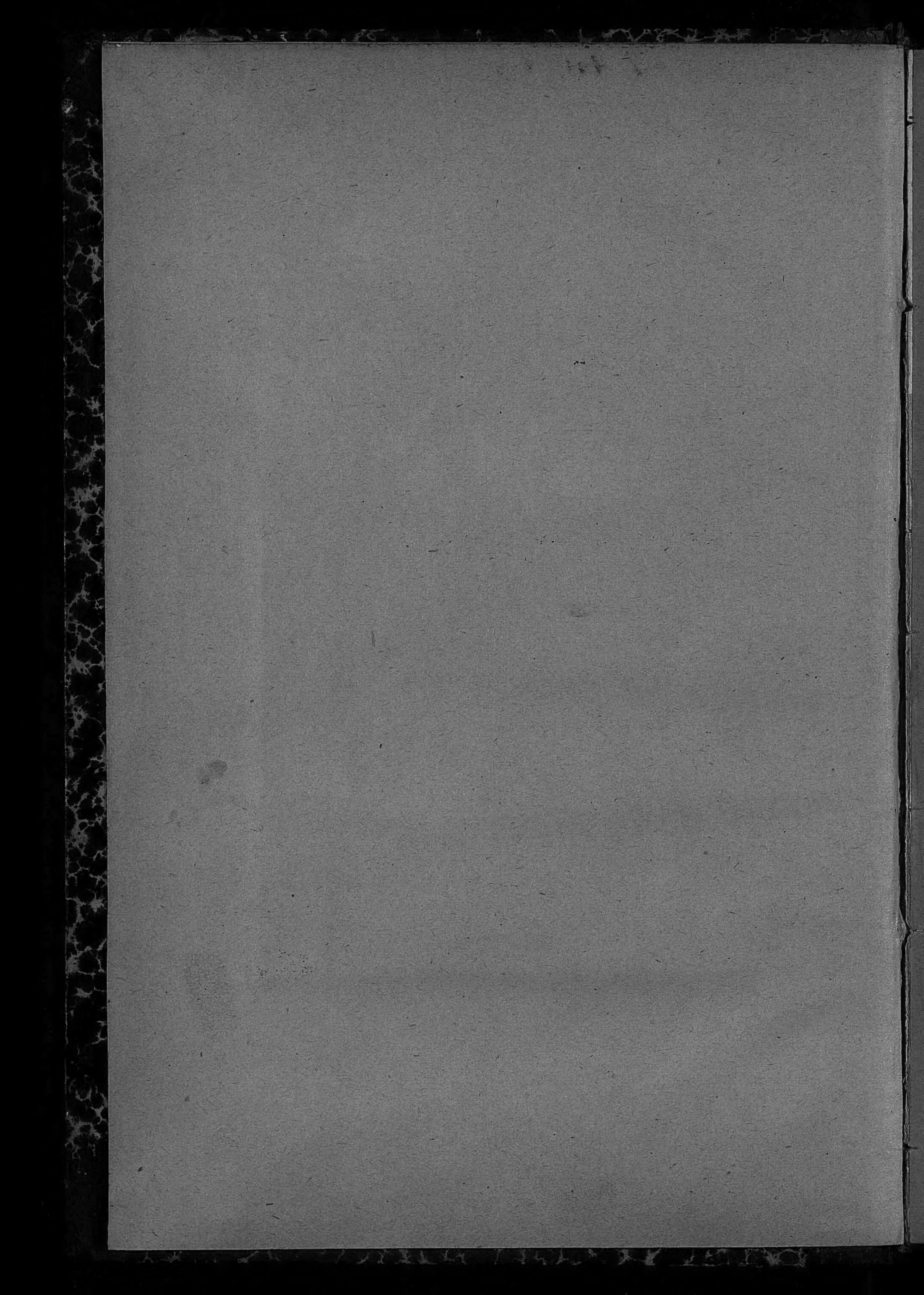
Русская Старина

№ 7.

1905 г.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVI-й. ІЮЛЬ. 1905 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Павла Матвѣевича Обухова.

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1905 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко), Фонтанка, 117.
1905.

VII-я книга „Русской Старины" вышла 1-го іюля 1905 года.

Библіографическій листокъ.

Арсеній, епископъ псковскій. Изслѣдованія и монографіи по исторіи молдавской церкви. Части I и II. Съ 8-ю автотипическими портретами. Спб. 1904.

Румыны, число которыхъ по статистикѣ румынскихъ ученыхъ, доходитъ до 13 милліоновъ, а по статистикѣ иностранныхъ— до 10 милліоновъ, живутъ въ нынѣшнемъ королевствѣ Румыніи, русской Бессарабіи, австрійской Буковинѣ, угорской Трансильваніи и Банатѣ, турецкой Македоніи, Ѳессаліи и Эпирѣ, частью—въ Сербіи, Болгаріи и Греціи. Какъ политическое цѣлое, самостоятельное,— румыны образуютъ королевство Румынію, которая состоитъ изъ двухъ объединенныхъ въ 1862 г. княжествъ—Валахіи и Молдавіи, съ населеніемъ до $5^1/_2$ милліоновъ.

Вопросъ о происхожденіи румынскаго племени до сихъ поръ не рѣшенъ въ наукѣ вполнѣ точно. Несомнѣннымъ считается одно, а именно, что румыны принадлежатъ къ романской группѣ народовъ и являются потомками римскихъ колонистовъ, переселенныхъ Траяномъ въ завоеванную имъ Дакію, и туземнаго дакійскаго населенія.

Нынѣшняя Румынія, т. е. Валахія и Молдавія вмѣстѣ съ Банатомъ и Трансильваніей, занимаетъ приблизительно пространство Траяновой Дакіи. Покоренная римлянами Дакія недолго наслаждалась спокойствіемъ подъ ихъ владычествомъ. Въ концѣ II и началѣ III вѣка она подвергается нападеніямъ со стороны различныхъ варварскихъ племенъ, отъ опустошительныхъ набѣговъ которыхъ римляне не могли ее защитить вслѣдствіе крайняго упадка и разложенія государственнаго организма имперіи. Послѣ цѣлаго ряда попытокъ къ усмиренію возставшихъ и отраженію нападавшихъ готовъ, римскіе императоры, не разъ предпринимавшіе къ тому кровавое преслѣдованіе христіанъ, вынуждены были въ 274 г. объявить границей имперіи Дунай, уступивъ варварамъ лѣвобережную Дакію, сохранившую за собою названіе Дакіи Траяна. Это случилось при Авреліанѣ. Жителямъ ея было предложено выселиться на правый берегъ Дуная, въ Мизію, т. е. въ такъ называемую Дакію Авреліана. Но выселилось ли отсюда все романизованное населеніе Траяновой Дакіи или же только легіоны Авреліана,— вопросъ открытый. Одни ученые ищутъ родину румынскаго народа въ области Балканъ, т. е. въ Дакіи Авреліана; другіе—въ области Карпатъ, т. е. въ Банатѣ и Трансильваніи. Отсюда и получились двѣ теоріи: „балканская" и „карпатская". Кромѣ того, не всѣ изслѣдователи одинаково датируютъ время обратнаго переселенія румынъ въ придунайскую долину и основанія княжествъ Молдавіи и Валахіи.

Въ качествѣ самостоятельныхъ государствъ, Валахія и Молдавія появляются поздно: первая въ концѣ XIII, вторая—въ половинѣ XIV вѣка. Но самостоятельность ихъ не продолжалась долго вслѣдствіе политической незрѣлости, выражавшейся во внутреннихъ неурядицахъ, интригахъ и кровавыхъ столкновеніяхъ между ея господарями и боярскими родами, пользовавшимися большимъ вліяніемъ. Этимъ и воспользовались всесильные въ то время турки и въ концѣ XIV вѣка покорили Валахію, а нѣсколько позже, въ половинѣ XV вѣка, и Молдавію. Такое порабощеніе продолжалось до XIX стол., когда княжества постепенно стали освобождаться отъ турецкаго ига, сначала въ 1821 г., затѣмъ въ 1858 и, наконецъ, въ 1878 г., когда объединенная Румынія стала королевствомъ.

По исповѣданію значительное большинство румынъ королевства принадлежитъ къ православной церкви; къ ней принадлежатъ также румыны, живущіе въ другихъ областяхъ, кромѣ румынъ Угорскихъ областей—Трансильваніи и Баната, въ большинствѣ принадлежащихъ къ католичеству и уніатской церкви уже около 200 лѣтъ. Православіе румынъ—исконная ихъ религія; изъ всѣхъ народовъ, принадлежащихъ къ романской расѣ, одни только румыны исповѣдуютъ православіе, тогда какъ другіе романцы исповѣдуютъ католичество.

Исторія румынской церкви и румынскихъ господарствъ, особенно первоначальная, очень запутана вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ политическихъ обстоятельствъ того времени, вліявшихъ на церковную жизнь. Цѣльной исторіи румынской церкви до сихъ поръ нѣтъ и на румынскомъ языкѣ. Только въ послѣднія два десятилѣтія истекшаго вѣка, послѣ того, какъ Румынія стала королевствомъ, явилось у румынъ сильное стремленіе къ изученію судебъ своей родины. Благодаря этому, явилось много монографій по гражданской и церковной исторіи, касающихся или отдѣльныхъ лицъ, или же крупныхъ событій и эпохъ.

Разсматриваемый нами трудъ Арсенія, епископа псковскаго, вмѣщаетъ въ себѣ только часть многочисленныхъ матеріаловъ по исторіи румынской церкви, собиравшихся въ теченіе многихъ лѣтъ. „Изслѣдованія и монографіи", составляющія первый томъ обширнаго изслѣдованія о румынской церкви, раздѣляются на двѣ части.

Первая часть, содержащая шесть главъ, заключаетъ въ себѣ исторію епархій молдавской церкви, существующихъ въ настоящее время и прекратившихся, такъ какъ въ прежнее время, въ зависимости отъ территоріальныхъ измѣненій Молдавіи, а также отъ разныхъ политическихъ, обстоятельствъ,— измѣнялись количество и объемъ епархій. Такъ, съ самаго начала

По независящимъ отъ Редакціи обстоятельствамъ, книжка „Русской Старины" за іюль мѣсяцъ 1905 г. не могла выйти въ срокъ.

Дозв. цена. Спб., 21 февраля 1905 г. Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко), Фонтанка,

Библіографическій листокъ.

Арсеній, епископъ псковскій. Изслѣдованія и монографіи по исторіи молдавской церкви. Части I и II. Съ 8-ю автотипическими портретами. Спб. 1904.

Румыны, число которыхъ по статистикѣ румынскихъ ученыхъ, доходитъ до 13 милліоновъ, [illegible]

[illegible] вой Дакіи. Покоренная римлянами Дакія недолго наслаждалась спокойствіемъ подъ ихъ владычествомъ. Въ концѣ II и началѣ III вѣка она подвергается нападеніямъ со стороны различныхъ варварскихъ племенъ, отъ опустошительныхъ набѣговъ которыхъ римляне не могли ее защитить вслѣдствіе крайняго упадка и разложенія государственнаго организма имперіи. Послѣ цѣлаго ряда попытокъ къ усмиренію возставшихъ и отраженію нападавшихъ готовъ, римскіе императоры, не разъ предпринимавшіе къ тому кровавое преслѣдованіе христіанъ, вынуждены были въ 274 г. объявить границей имперіи Дунай, уступивъ варварамъ лѣвобережную Дакію, сохранившую за собою названіе Дакіи Траяна. Это случилось при Авреліанѣ. Жителямъ ея было предложено выселиться на правый берегъ Дуная, въ Мизію, т. е. въ такъ называемую Дакію Авреліана. Но выселилось ли отсюда все романизованное населеніе Траяновой Дакіи или же только легіоны Авреліана,— вопросъ открытый. Одни ученые ищутъ родину румынскаго народа въ области Балканъ, т. е. въ Дакіи Авреліана; другіе—въ области Карпатъ, т. е. въ Банатѣ и Трансильваніи. Отсюда и получились двѣ теоріи: „балканская“ и „карпатская“. Кромѣ того, не всѣ изслѣдователи одинаково датируютъ время обратнаго переселенія румынъ въ придунайскую долину и основанія княжествъ Молдавіи и Валахіи.

Въ качествѣ самостоятельныхъ государствъ, Валахія и Молдавія появляются поздно: первая въ концѣ XIII, вторая—въ половинѣ XIV вѣка. Но самостоятельность ихъ не продолжалась долг[о] вслѣдствіе политической незрѣлости, выражав[шейся] во внутреннихъ неурядицахъ, интригахъ и кровавыхъ столкновеніяхъ между ея господарями и боярскими родами, пользовавшимися [illegible]

[illegible] исповѣдуютъ католичество.

Исторія румынской церкви и румынскихъ господарствъ, особенно первоначальная, очень запутана вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ политическихъ обстоятельствъ того времени, вліявшихъ на церковную жизнь. Цѣльной исторіи румынской церкви до сихъ поръ нѣтъ и на румынскомъ языкѣ. Только въ послѣднія два десятилѣтія истекшаго вѣка, послѣ того, какъ Румынія стала королевствомъ, явилось у румынъ сильное стремленіе къ изученію судебъ своей родины. Благодаря этому, явилось много монографій по гражданской и церковной исторіи, касающихся или отдѣльныхъ лицъ, или же крупныхъ событій и эпохъ.

Разсматриваемый нами трудъ Арсенія, епископа псковскаго, вмѣщаетъ въ себѣ только часть многочисленныхъ матеріаловъ по исторіи румынской церкви, собиравшихся въ теченіе многихъ лѣтъ. „Изслѣдованія и монографіи“, составляющія первый томъ обширнаго изслѣдованія о румынской церкви, раздѣляются на двѣ части.

Первая часть, содержащая шесть главъ, заключаетъ въ себѣ исторію епархій молдавской церкви, существующихъ въ настоящее время и прекратившихся, такъ какъ въ прежнее время, въ зависимости отъ территоріальныхъ измѣненій Молдавіи, а также отъ разныхъ политическихъ, обстоятельствъ,— измѣнялись количество и объемъ епархій. Такъ, съ самаго начала

Доав. ценз. Спб., 21 февраля 1905 г. Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка,

Павелъ Матвѣевичъ

Обуховъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

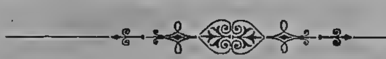
основанное 1-го января 1870 г.

1905.

Іюль.—Августъ.—Сентябрь.

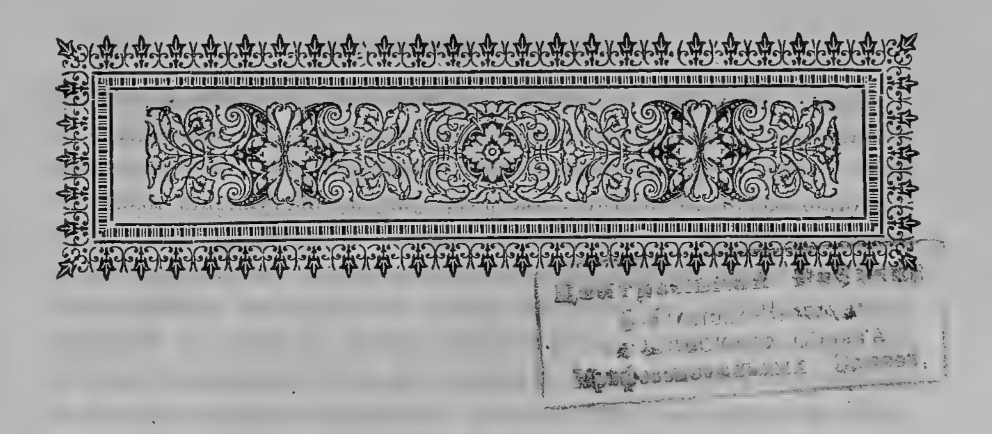
ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1905.

Павелъ Матвѣевичъ Обуховъ.

Біографическій очеркъ.

Не только введеніе изготовленія въ Россіи стальныхъ орудій, но и способъ полученія необходимой для этого литой стали, принадлежатъ, какъ извѣстно, горному инженеру, Павлу Матвѣевичу Обухову.

Со дня его смерти прошло уже 35 лѣтъ, а между тѣмъ до сихъ поръ не было помѣщено въ русскихъ журналахъ болѣе или менѣе полной біографіи этого, выдававшагося, въ свое время, русскаго инженера.

Только двѣ статейки: В. А. Полетики—„Характеристика П. М. Обухова“ и П. П. Падучева—„Первыя русскія стальныя пушки“, помѣщенныя: первая—въ № 31 „Петербургскихъ Вѣдомостей“, за 1869 годъ, и вторая—въ апрѣльской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“, за 1894 годъ, даютъ нѣкоторое, далеко не полное понятіе о личности Обухова.

Полетика коснулся преимущественно того періода жизни Павла Матвѣевича, въ который онъ зналъ его лично, а этотъ періодъ былъ, сравнительно, непродолжителенъ. Падучевъ же изложилъ только нѣкоторые случаи изъ жизни Обухова и, такъ сказать, оффиціальныя свѣденія о его служебной дѣятельности. Для воспроизведенія же болѣе или менѣе полнаго, нравственнаго облика изобрѣтателя ни у одного изъ авторовъ не было подъ рукою необходимыхъ данныхъ.

Первый, какъ товарищъ - однокашникъ по горному корпусу, лично зналъ Обухова, въ годы его юности и молодости. Второй же—гораздо позднѣе, во время службы своей подъ начальствомъ Павла Матвѣевича, уже, такъ сказать, на закатѣ служебной дѣятельности послѣдняго

Будучи роднымъ, по матери, племянникомъ Обухова и проведя дѣтство въ Кушвинскомъ заводѣ, гдѣ одновременно съ дядей служилъ и мой отецъ, я помню Павла Матвѣевича съ 1846 года, когда ему было около 25-ти лѣтъ. Затѣмъ, уже по поступленіи моемъ въ горный институтъ, я очень часто видался съ нимъ въ Петербургѣ, гдѣ, по дѣламъ службы, приходилось проживать ему по полугоду и болѣе. Наконецъ, по окончаніи курса, я около года служилъ подъ его начальствомъ въ Златоустовскомъ заводѣ и жилъ съ нимъ все это время, въ его казенной квартирѣ, въ домѣ горнаго начальника.

Не мало вечеромъ скоротали мы вдвоемъ съ дядей и за игрой въ шахматы и въ простой, задушевной бесѣдѣ.

Онъ любилъ вспоминать о давно минувшемъ и незамѣтно, въ живыхъ разсказахъ, познакомилъ меня съ своимъ дѣтствомъ, съ годами ученія въ горномъ корпусѣ, съ жизнью за границей, съ служебной дѣятельностью, съ работами по изобрѣтенію литой стали и вообще по горно-заводскому дѣлу и со многимъ другимъ, касающимся всевозможныхъ сторонъ общественной и частной жизни.

Особенно охотно разсказывалъ дядя о своемъ отцѣ, о моемъ дѣдѣ, о его происхожденіи и о томъ, какъ онъ, не получивъ достаточнаго образованія, но обладая выдающимися способностями и любовью къ заводскому дѣлу, выбился на дорогу и достигъ такого положенія въ горнозаводской іерархіи, о которой не грезилось ему даже въ мечтахъ.

Полагая, что наивозможно подробное жизнеописаніе такой незаурядной личности, какую представлялъ собою Павелъ Матвѣевичъ Обуховъ, можетъ быть небезъинтересно, я, на основаніи его разсказовъ а также личныхъ моихъ воспоминаній и, наконецъ, оффиціальныхъ источниковъ, задумалъ написать настоящій біографическій очеркъ и предложить его благосклонному вниманію читателей.

I.

Происхожденіе Обухова.—Дѣтство.—Вліяніе отца.—Ребяческія забавы.—Посѣщеніе Урала Е. П. Ковалевскимъ.—Неожиданныя послѣдствія этого посѣщенія.—Дѣтскій караванъ.—Поступленіе въ горный корпусъ.

Еще въ царствованіе Елизаветы Петровны, въ числѣ приписныхъ, мастеровыхъ людей, на заводахъ графа Петра Ивановича Шувалова, находился Степанъ Обухъ [1]). Онъ, по сохранившемуся преданію, зналъ грамоту и былъ искусенъ въ какомъ-то ремеслѣ.

Сыновья его, а въ ихъ числѣ и дѣдъ Павла Матвѣевича, назывались уже Обуховыми.

---

[1]) Прапрадѣдъ П. М. Обухова.

На заводахъ Обуховы занимали должности писцовъ, чертежниковъ, надсмотрщиковъ, штейгеровъ, мастеровъ, надзирателей, а слѣдовательно уже нѣсколько выдѣлялись изъ общей массы чернаго, рабочаго люда.

Дѣдъ Павла Матвѣевича Обухова былъ мастеромъ какого-то производства, или цеха, въ Воткинскомъ заводѣ, гдѣ родился и началъ свою службу отецъ Павла Матвѣевича, Матвѣй Ѳедоровичъ Обуховъ.

Получивъ изрядное, по тогдашнему времени, образованіе, въ заводской школѣ, и выдѣляясь, среди другихъ учениковъ, способностями, прилежаніемъ и любовью къ заводскому дѣлу, особенно къ механикѣ, Матвѣй Ѳедоровичъ, уже въ молодыхъ годахъ, занималъ должность заводскаго надзирателя и уставщика, т. е. завѣдывающаго механизмами, ихъ ремонтомъ и наблюденіемъ за ихъ дѣйствіемъ.

Сознавая недостаточность свѣдѣній, вынесенныхъ имъ изъ заводской школы, и страстно полюбя все, относившееся до заводскихъ машинъ, Матвѣй Ѳедоровичъ, всѣ свободные отъ службы часы, всецѣло посвящалъ изученію математики и прикладной механики, доставая у инженеровъ, или выписывая черезъ нихъ необходимыя для того руководства. Такимъ путемъ, постепенно и незамѣтно выработывался изъ него дѣльный и искусный самоучка - механикъ, умѣвшій даже составлять проекты водяныхъ двигателей и строить по нимъ эти послѣдніе.

Обухова любили и цѣнили всѣ заводскіе инженеры, не исключая и непосредственнаго начальника его—Батуева [1]).

Когда послѣдній, по распоряженію начальства, былъ переведенъ изъ Воткинскаго въ Серебрянскій заводъ, Гороблагодатскаго округа, то пригласилъ съ собою и Обухова, имѣвшаго тогда уже первый классный чинъ, обѣщая, при первой же возможности, выхлопотать ему должность смотрителя завода. Матвѣй Ѳедоровичъ съ большою радостью принялъ столь неожиданное и лестное предложеніе Батуева, но къ обѣщанію его отнесся скептически, ибо хорошо зналъ, что, по штату, должность смотрителя предоставлена только спеціалистамъ-инженерамъ, и что ходатайство о назначеніи его, простаго и мелкаго горнаго чиновника, на эту должность едва-ли будетъ уважено.

Такимъ образомъ, въ 1822 году, когда Павлу Матвѣевичу, родившемуся въ 1820 году, не минуло еще и двухъ лѣтъ, отецъ его, съ семьею, переѣхалъ на новое мѣсто жительства—въ Серебрянскій заводъ.

Батуевъ, пріѣхавшій туда нѣсколько ранѣе Обухова и заставшій должность смотрителя вакантной, тотчасъ же сдѣлалъ, по начальству, обстоятельное и достаточно мотивированное представленіе о назначеніи на эту должность Матвѣя Ѳедоровича. Впредь же, до полученія

---

[1]) Фамилія вымышлена. Настоящей фамиліи этого инженера не помню.

отвѣта на представленіе, поручилъ ему временно исправлять эту должность.

Въ прежнее, крѣпостное время, на управителѣ завода лежала масса разнообразныхъ обязанностей. Онъ руководилъ веденіемъ заводскаго производства; наблюдалъ за порядкомъ и предупрежденіемъ и пресѣченіемъ преступленій; велъ слѣдствія и творилъ, въ опредѣленныхъ рамкахъ, судъ и расправу по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ; отвѣчалъ за цѣлость казеннаго имущества и за правильное расходованіе припасовъ и матеріаловъ; части учебная, санитарная и прочія отрасли мѣстнаго управленія, все это было въ непосредственномъ его подчиненіи, и за все это онъ былъ главнымъ, отвѣтственнымъ лицомъ въ заводѣ и во всѣхъ, приписанныхъ къ нему, селеніяхъ.

Поэтому управителю приходилось ежедневно, по нѣсколько часовъ, присутствовать въ конторѣ, что Батуевъ и исполнялъ добросовѣстно; но за то въ заводскія фабрики онъ заглядывалъ, сравнительно рѣдко, раза два—три въ недѣлю, и то на самое короткое время, предоставивъ всю техническую и чисто заводскую часть своему помощнику.

Обуховъ не только не сѣтовалъ за это на Батуева, но былъ, напротивъ, чрезвычайно доволенъ и ежедневно, цѣлые часы, проводилъ въ заводскихъ фабрикахъ, заглядывая въ каждый уголокъ, наблюдая за каждой мелочью, словомъ, способствовалъ, на сколько хватало умѣнья, силъ и энергіи, успѣшному ходу горнозаводскаго дѣла въ Серебрянскомъ заводѣ.

Заботясь объ увеличеніи заводской производительности, Обуховъ увидѣлъ, что водяной силы для этого было недостаточно, а потому обратилъ особое вниманіе на водяные двигатели, которые нашелъ устарѣвшими и рѣшилъ замѣнить ихъ болѣе совершенными.

Составивъ проектъ водянаго колеса новѣйшаго типа, онъ представилъ его Батуеву и просилъ разрѣшенія на постепенную замѣну ими всѣхъ старыхъ колесъ.

Разсмотрѣвъ проектъ, Батуевъ одобрилъ его и разрѣшилъ Обухову построить, въ видѣ опыта, одно такое колесо.

И какъ же огорчонъ былъ Матвѣй Ѳедоровичъ, когда въ часъ, назначенный для пробы перваго, новаго колеса, Батуевъ прислалъ сказать, что не пріѣдетъ въ заводъ и чтобы пробу произвели безъ него.

Батуеву же дѣйствительно было не до пробы. Къ нему наѣхали гости изъ Кушвинскаго завода и уже третій день, почти не вставая изъ-за зеленаго стола, рѣзались въ карты.

Между тѣмъ проба колеса дала весьма удовлетворительные результаты. Постройка его обошлась дешевле, а расходъ воды, на его дѣйствіе, потребовался значительно меньшій.

Батуевъ искренно поблагодарилъ своего помощника за его полезную дѣятельность и тотчасъ же распорядился о постепенной замѣнѣ прежнихъ водяныхъ колесъ—колесами новаго типа.

Горячо принялся Обуховъ за перестройку двигателей и, покончивъ съ нею, добился осуществленія своей цѣли—значительнаго увеличенія заводской производительности.

Прошло пять лѣтъ, а на представленіе Батуева о назначеніи Матвѣя Ѳеодоровича смотрителемъ Серебрянскаго завода, отвѣта отъ горнаго начальника все еще получено не было. Послѣдній не находилъ возможнымъ назначить на эту должность простаго, заводскаго служащаго и, въ угоду Батуеву, медлилъ замѣщеніемъ ея инженеромъ.

Всѣ дѣти болѣе или менѣе переимчивы и охотно подражаютъ родителямъ. Такъ было и съ Павломъ Матвѣевичемъ. Съ шестилѣтняго возраста онъ сталъ интересоваться заводскими фабриками, приглядываться къ нимъ и постепенно вводить ихъ въ кругъ дѣтскихъ игръ. Каждый день, по нѣсколько часовъ, проводилъ онъ на заводскомъ дворѣ и въ фабричныхъ зданіяхъ. Его все тамъ занимало: какъ, на тачкахъ, издѣлія и припасы возятъ; какъ валки вертятся, и сквозь нихъ огненныя ленты ползаютъ; какъ желѣзо, совсѣмъ красное, начнутъ колотить молотками и выдѣлывать изъ него разныя штуки; какъ вода бѣжитъ изъ пруда черезъ прорѣзъ; какъ она, по трубамъ, проходитъ къ колесамъ и заставляетъ ихъ вертѣться.

Вдоволь наглядѣвшись на все это, онъ и самъ сталъ запруживать ручьи, устраивать плотины, фабрики и колеса.

Плотину, изъ камней и битаго кирпича, устроилъ онъ удачно, такъ какъ выше ея образовался небольшой прудокъ. Наладилъ онъ и водопроводныя трубы изъ пикановъ [1]), настроилъ изъ щепъ и колышковъ нѣкоторое подобіе фабричныхъ зданій; но водяныя колеса долго ему не удавались. Тѣмъ не менѣе юный строитель не унывалъ и упорно продолжалъ свои работы. Наконецъ, труды его увѣнчались успѣхомъ, и колеса стали дѣйствовать.

Восторгу ребенка не было границъ. Всѣмъ онъ показывалъ свои сооруженія: и отцу, и кучеру, и стряпкѣ, не говоря уже о сверстникахъ-мальчишкахъ, которые, словно свита, всюду сопутствовали маленькому Обухову. Каждый изъ этой свиты занималъ извѣстную должность въ маленькомъ, дѣтскомъ заводѣ. Тутъ были и надзиратели, и мастера, и работники, конные и пѣшіе. Конные, верхомъ на палочкахъ, подвозили къ мѣсту работъ строительные матеріалы: щепки, камни и т. п., а пѣшіе помогали строителю возводить зданія и прочія заводскія устройства.

---

[1]) Растеніе, имѣющее довольно толстый и пустой внутри стволъ.

Въ семь лѣтъ, Павелъ Матвѣевичъ былъ, сравнительно, высокимъ, плотнымъ и сильнымъ мальчикомъ. Нѣсколько смуглый, краснощекій, съ черными, курчавыми волосами и карими глазами, просто, но опрятно одѣтый, онъ рѣзко выдѣлялся среди своихъ разнокалиберныхъ сверстниковъ, въ числѣ которыхъ попадались босоногіе и чумазые ребятишки, дѣти мастеровыхъ и работниковъ. Кромѣ того онъ превосходилъ ихъ и ростомъ, и силой, и ловкостью. Подвижной, самолюбивый и дѣятельный по натурѣ, онъ ревниво охранялъ свое превосходство и не допускалъ даже мысли, чтобы въ чемъ-нибудь уступить своимъ товарищамъ. Онъ легко взлѣзалъ не только на самое высокое дерево, по его вѣтвямъ, но даже и на совершенно гладкій столбъ; въ шутливой, дѣтской борьбѣ всегда оставался побѣдителемъ. Уже съ этихъ лѣтъ онъ чувствовалъ влеченіе къ охотѣ и недурно стрѣлялъ въ цѣль изъ сдѣланнаго ему кучеромъ самострѣла. А узнавъ, что въ заводѣ есть охотники и одинъ изъ нихъ даже такой, который ходилъ исключительно на медвѣдей и уже не мало десятковъ уложилъ этого звѣря, Павелъ Матвѣевичъ отправился къ нему и убѣдительно просилъ его взять съ собой на охоту. Конечно, охотникъ отказалъ въ просьбѣ и крайне огорчилъ мальчика. Отказавшись поневолѣ отъ возможности побывать на медвѣжьей охотѣ, онъ тѣмъ не менѣе нерѣдко забирался, съ своимъ самострѣломъ, въ ближайшій лѣсокъ; но почти всѣ эти экскурсіи оказывались безрезультатными: охотникъ былъ еще недостаточно умѣлый, да и оружіе оказывалось далеко не подходящимъ. Впрочемъ вскорѣ, когда отецъ его, заинтересовавшись охотничьими стремленіями сына, подарилъ ему хорошо устроенный самострѣлъ и стрѣлы съ желѣзными наконечниками, съ условіемъ употреблять ихъ только въ лѣсу, Павлу Матвѣевичу удавалось иногда подшибить или галку, или сову, или иную болѣе крупную и близко къ себѣ подпускающую птицу.

Все это дѣйствовало обаятельно на товарищей маленькаго Обухова и, такъ сказать, возводило его на извѣстную высоту, съ которой онъ энергично командовалъ своею добровольною дружиной. Послѣдняя обожала своего начальника и повиновалась ему безпрекословно.

Съ шестилѣтняго возраста Павелъ Матвѣевичъ началъ ходить въ заводскую школу. Ученье давалось ему легко, и онъ вскорѣ превзошелъ успѣхами не только сверстниковъ, но и мальчиковъ значительно высшаго возраста.

— Ну, Паша, молодчина! сказалъ ему отецъ, когда, по окончаніи учебнаго года, онъ притащилъ ему похвальный листъ.

— Учись, учись, старайся. Отсюда въ окружное училище попадешь, а тамъ и на службу. Ужь тогда взаправду и колеса и печи разныя строить будешь. Вотъ, если бъ инженеромъ я былъ, то въ

горный корпусъ тебя отдалъ бы. Хорошо бы было... Да только объ этомъ и помышлять нечего: не по чину намъ это.

— А почему не по чину, папенька?—спросилъ Паша:—вѣдь вы же помощникъ управителя...

— Помощникъ, да не инженеръ,—съ горечью возразилъ Матвѣй Ѳедоровичъ:—а въ горный корпусъ принимаютъ только дѣтей инженеровъ и высшихъ горныхъ чиновниковъ. А мы, братъ, хоть и исправляемъ должность смотрителя завода, а все же считаемся мелкою сошкой.

И не думалъ, не гадалъ, говоря это, скромный и дѣльный труженикъ, что то, о чемъ, какъ ему казалось, и помышлять нельзя, сдѣлается само собой, безъ всякихъ хлопотъ и стараній, единственно благодаря слѣпому и счастливому случаю.

Въ этомъ же году, по высочайшему повелѣнію, былъ командированъ на Уралъ, для обозрѣнія казенныхъ и частныхъ заводовъ, членъ ученаго комитета горнаго корпуса, Евграфъ Петровичъ Ковалевскій [1]).

Объѣзжая заводы, Евграфъ Петровичъ, въ концѣ лѣта, посѣтилъ Гороблагодатскій округъ и, въ одинъ прекрасный день, пріѣхалъ и въ Серебрянскій заводъ.

Заинтересованный личностью Обухова, о которомъ, по представленіи его пріѣзжему генералу, съ весьма лестной стороны отозвалось мѣстное, горное начальство, Ковалевскій особенно внимательно отнесся къ обозрѣнію заводскихъ производствъ и водяныхъ двигателей, требуя постоянно подробныхъ объясненій отъ Матвѣя Ѳедоровича. Найдя производства въ полной исправности, а механическія устройства чуть не образцовыми, Евграфъ Петровичъ не только лично и горячо поблагодарилъ Обухова, но и обѣщалъ еще доложить о его особыхъ заслугахъ министру.

При возвращеніи изъ заводскихъ фабрикъ въ квартиру управителя, Ковалевскому, съ окружавшимъ его мѣстнымъ служебнымъ персоналомъ, пришлось проходить мимо того мѣста, гдѣ маленькій Обуховъ устроилъ свой дѣтскій заводъ и гдѣ, въ это время, окруженный своею свитою, поджидалъ возвращенія начальства изъ завода, чтобы взглянуть на рѣдкаго гостя, петербургскаго генерала.

Замѣтивъ дѣтскую затѣю и собравшуюся около нея небольшую кучку мальчиковъ, Евграфъ Петровичъ сказалъ Батуеву:—Что это? Заводъ въ миніатюрѣ. Кто этимъ забавляется?

— Сынъ Обухова. Очень любознательный и бойкій мальчикъ.

Евграфъ Петровичъ остановился и, подозвавъ къ себѣ Павла Матвѣевича, спросилъ его ласково:—Какъ тебя зовутъ?

---

[1]) Впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія.

— Павелъ Обуховъ,—не смущаясь и глядя прямо въ глаза Ковалевскому, отвѣчалъ ребенокъ.

— Это все твоя работа?

— И моя, и они, вотъ, помогали.

И онъ указалъ на мальчиковъ.

— Ты очень любишь заводское дѣло?

— Очень. Да только колеса все не выходятъ, ломаются. Никакъ не могу наладить.

— Немудрено. Вѣдь ихъ не зря дѣлаютъ, а по наукѣ; ну, а этимъ наукамъ здѣсь въ школѣ не обучаютъ?

— Нѣтъ. Насъ учатъ только читать, писать, молитвамъ, да еще ариѳметикѣ.

— А тѣмъ наукамъ, которыя показываютъ намъ, какъ колеса строить, желѣзо дѣлать, обучаютъ въ горномъ корпусѣ. Слыхалъ ты объ этомъ?

— Слыхалъ. Папенька говорилъ.

— Ну, а хотѣлъ бы ты уѣхать отъ папеньки далеко, туда, гдѣ горный корпусъ, и обучаться тамъ горнымъ наукамъ?

— Извѣстно, хотѣлъ бы. Да только нельзя этого...

— Почему нельзя? Кто тебѣ сказалъ?

— Папенька. Онъ говоритъ, не по чину намъ это.

Евграфъ Петровичъ разсмѣялся.

— Не по чину. Да, точно,—проговорилъ онъ: теперь бы тебя не приняли, но со временемъ.—Кто знаетъ—все можетъ случиться. Ну, прощай, милый, учись, старайся. Богъ труды любитъ и вознаградитъ за нихъ.

И, милостиво потрепавъ по щекѣ ребенка, Ковалевскій двинулся дальше и вскорѣ скрылся изъ глазъ маленькаго, заводскаго люда.

Батуевъ, какъ честный, добрый и безпристрастный человѣкъ, не скрылъ отъ Евграфа Петровича, что большая часть улучшеній и усовершенствованій въ заводскомъ производствѣ Серебрянскаго завода сдѣлана Обуховымъ; что этотъ служака, по его мнѣнію, обладаетъ не только недюжинными способностями, но и довольно солидными знаніями и, въ полезной дѣятельности своей, не уступитъ не только посредственному, но и хорошему инженеру; что онъ, Батуевъ, дорожитъ такимъ помощникомъ, который значительно облегчаетъ ему чисто-техническія занятія и позволяетъ удѣлять достаточно времени на другія отрасли управленія, не менѣе необходимыя и обязательныя для управителя.

Евграфъ Петровичъ пробылъ въ Серебрянскомъ заводѣ болѣе сутокъ и, при прощаньи, еще разъ благодарилъ заводское начальство за отличное состояніе завода.

Долго вспоминалось серебрянскими жителями такое рѣдкое, въ то время, событіе, какъ посѣщеніе столичнымъ генераломъ небольшаго, въ глушь Уральскихъ горъ заброшеннаго завода.

Промелькнули лѣто и осень, настала зима, а тамъ незамѣтно подошли и святки. Фабрики закрылись, и весь заводскій людъ, пользуясь отдыхомъ, проводилъ время въ разнообразныхъ, святочныхъ развлеченіяхъ.

Перваго января Батуевъ получилъ, съ нарочнымъ, предписаніе горнаго начальника — немедленно командировать въ Кушвинскій заводъ губернскаго секретаря Обухова, для личныхъ объясненій. Такое экстренное требованіе, особенно въ неурочное, праздничное время, не мало удивило Батуева, и онъ терялся въ догадкахъ о причинахъ вызова Обухова. Онъ тотчасъ же послалъ за Матвѣемъ Ѳедоровичемъ и лично передалъ ему распоряженіе начальства.

Выѣхавъ въ тотъ же день изъ Серебрянскаго завода, на другой день, утромъ, Обуховъ входилъ уже въ кабинетъ начальника.

— А! Здравствуй! Садись! Новость есть для тебя. Хорошая новость. Да что же ты не садишься?—любезно и ласково говорилъ начальникъ, встрѣчая Матвѣя Ѳедоровича.

Послѣдній нѣсколько растерялся отъ такой необычной любезности. До сего времени заводскіе служащіе никогда не удостоивались подобнаго пріема, а держали рѣчи свои съ начальствомъ, стоя на вытяжку, по-военному.

— Ну, какъ ты полагаешь, въ чемъ состоитъ эта хорошая новость?—спросилъ начальникъ, когда послѣ вторичнаго приглашенія, или, вѣрнѣе, приказанія садиться, Обуховъ наконецъ неловко помѣстился на стоявшемъ около письменнаго стола креслѣ.

— Не могу знать, ваше высокородіе.

— Награда тебѣ вышла... Высочайшая награда. Да еще какая. Не догадываешься?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— И я бы не догадался; даже не повѣрилъ бы, если бъ сказали. Ну, а какъ, вотъ тутъ,—ударяя пальцемъ по печатному листу бумаги, говорилъ начальникъ, — ясно сказано, такъ по неволѣ повѣришь. Слушай!

И онъ прочелъ слѣдующее:

„Государь императоръ, вслѣдствіе представленія господина министра финансовъ, въ виду особыхъ заслугъ по горнозаводской части губернскаго секретаря Матвѣя Обухова, всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать его званіемъ горнаго инженера, съ переименованіемъ въ соотвѣтственный горный чинъ“.

— Это великая монаршая милость!—взволнованно сказалъ начальникъ:—радуюсь за тебя и отъ души поздравляю.

Такъ неожиданно свалилась на Обухова эта дѣйствительно безпримѣрная и исключительная, по тому времени, награда, что онъ долго не могъ уяснить себѣ,—сонъ это или дѣйствительность?

— Ужь какъ мнѣ благодарить ваше высокородіе!

— Стой!—перебилъ его начальникъ:—ты теперь такой же инженеръ, какъ и я, такой же мундиръ носить будешь, а потому долженъ называть меня по имени и отечеству. Слышишь?

— Слушаю-съ.

— А благодарить меня не за что. Я тутъ ни при чемъ. Это все Евграфъ Петровичъ оборудовалъ. Его поблагодари. Напиши ему непремѣнно.

— Слушаю-съ.

— А вотъ это, подавая пакетъ,—продолжалъ начальникъ: — отвезешь управителю. Тутъ распоряженіе объ утвержденіи тебя въ должности смотрителя завода. Это тоже награда, хотя и поменьше, но все-таки довольно изрядная.

Пообѣдавъ, первый разъ въ жизни, въ домѣ горнаго начальника, въ обществѣ горныхъ инженеровъ и высшихъ горныхъ чиновниковъ, гдѣ, за его здоровье, пили шампанское, Матвѣй Ѳедоровичъ въ ту же ночь помчался домой.

Пріѣхавъ въ Серебрянскій заводъ рано утромъ, когда сынъ его, Паша, только-что проснулся и еще не вставалъ съ постели, Обуховъ прошелъ прямо къ нему и радостно воскликнулъ:

— Ну, Паша, кричи „ура"! Ты будешь инженеромъ!.. Ты поступишь въ горный корпусъ.

Тутъ онъ и женѣ и всѣмъ своимъ, прибѣжавшимъ встрѣчать его чадамъ и домочадцамъ повѣдалъ о полученной имъ царской милости.

Послѣдніе два года, передъ поступленіемъ Павла Матвѣевича въ горный корпусъ, онъ учился не въ школѣ, а у отца, который заботливо готовилъ его къ предстоящему экзамену.

Прошло пять лѣтъ со времени посѣщенія Серебрянскаго завода Ковалевскимъ. Матвѣй Ѳедоровичъ Обуховъ уже занималъ должность управителя, замѣнивъ Батуева, переведеннаго въ другой округъ.

Въ іюнѣ 1832 года въ серебрянской конторѣ было получено предписаніе главнаго начальника Уральскихъ заводовъ о доставкѣ, къ 1-му іюля, въ г. Екатеринбургъ, сына горнаго инженера Обухова, Павла, для отправленія его, съ дѣтскимъ караваномъ, въ С.-Петербургъ, и опредѣленія тамъ, какъ казеннокоштнаго пансіонера, въ горный корпусъ.

О дѣтскомъ караванѣ, этомъ благодѣтельномъ, во времена нашихъ отцовъ и дѣдовъ, учрежденіи горнаго начальства, нынѣшніе инженеры едва-ли имѣютъ какое-либо понятіе.

Въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, весь путь, въ 2.000 слишкомъ верстъ, отъ Екатеринбурга до Петербурга, приходилось совершать на лошадяхъ, ибо пассажирскіе пароходы ни по Волгѣ, ни по Камѣ, еще не ходили, и обѣ столицы наши еще не были соединены желѣзною дорогою. Доставка, при этихъ условіяхъ, въ столичныя учебныя заведенія своихъ дѣтей для нашихъ отцовъ и дѣдовъ была крайне затруднительна и обходилась чрезвычайно дорого. Поэтому на помощь имъ явилось горное начальство, учредивъ такъ называемый дѣтскій караванъ.

Подъ охраной и надзоромъ кого-либо изъ горныхъ чиновниковъ, или инженеровъ, по усмотрѣнію главнаго начальника, всѣ дѣти лицъ, служащихъ на заводахъ и имѣющихъ право опредѣлять ихъ, на казенный счетъ, въ горный корпусъ, отправлялись изъ Екатеринбурга, въ удобныхъ просторныхъ тарантасахъ, по сибирскому тракту, черезъ Пермь, Казань, Нижній и Москву, въ С.-Петербургъ.

Въ помощь начальнику каравана, или караванному, давались либо лѣкарь, либо помощникъ лѣкаря, на случай оказанія врачебнаго пособія заболѣвшему въ пути мальчику. На путевые расходы, т. е. на прогоны, суточныя, для продовольствія дѣтей, ремонтъ экипажей и проч., выдавалась караванному особая сумма, въ видѣ аванса, въ израсходованіи которой онъ обязанъ былъ, по окончаніи командировки, представить полный и подробный отчетъ начальству.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, караванный подавалъ прошенія о пріемѣ привезенныхъ имъ питомцевъ въ учебныя заведенія, доставлялъ ихъ въ послѣднія, въ назначенные дни и часы, для пріемныхъ испытаній и, наконецъ, по совершеніи всѣхъ формальностей, сдавалъ мальчиковъ, съ рукъ на руки, начальству учебнаго заведенія.

Вотъ съ подобнымъ-то дѣтскимъ караваномъ былъ отправленъ въ С.-Петербургъ и Павелъ Матвѣевичъ Обуховъ.

Болѣе чѣмъ двухтысячеверстный путь, съ ежедневными, въ удобныхъ пунктахъ, ночлегами, представлялъ не мало интереса для любознательнаго и бойкаго мальчика. Все его занимало, о многомъ онъ разспрашивалъ караваннаго, и каждое селеніе, каждый городокъ, гдѣ располагались на ночевку, онъ спѣшилъ осмотрѣть, хотя поверхностно, проходя по улицамъ, набережнымъ, садамъ и бульварамъ. Особенное же вниманіе обращалъ онъ на большія, каменныя зданія съ высокими трубами, напоминавшія ему заводскія фабрики. Не разъ намѣревался онъ пробраться въ эти зданія, но охранявшіе ихъ сторожа его не пропускали, что, конечно, сильно огорчало мальчика.

Когда караванъ подъѣзжалъ къ Москвѣ, то на первомъ планѣ, снова появились подобныя же, но еще гораздо большихъ размѣровъ,

съ дымящимися трубами, каменныя зданія. Если только, какъ обѣщалъ караванный, они проживутъ въ древней столицѣ не менѣе трехъ дней, то—рѣшилъ въ умѣ Обуховъ—онъ непремѣнно осмотритъ ихъ и узнаетъ наконецъ,—такія ли, какъ въ Серебрянкѣ, или совсѣмъ другія всѣ эти городскія фабрики.

На другой день, по пріѣздѣ въ Москву, караванный повелъ своихъ маленькихъ спутниковъ въ Кремль и показалъ имъ всѣ его достопримѣчательности, включая сюда и царь-колоколъ и царь-пушку.

На третій же день Обуховъ не пошелъ, вмѣстѣ съ другими мальчиками, для дальнѣйшаго обзора столицы, а отправился одинъ на ея окраины, къ болѣе всего интересовавшимъ его фабричнымъ зданіямъ. Не зная совсѣмъ города, долго онъ блуждалъ по улицамъ, нерѣдко попадая въ тупики, прежде чѣмъ добрался до предмѣстья.

Вотъ, наконецъ, онъ у одной изъ фабрикъ; но, увы, какъ и дорогой, около нея тоже стоялъ церберъ, ни за что не хотѣвшій впустить его внутрь зданія. Какъ ни просилъ, какъ ни умолялъ его Павелъ Матвѣевичъ позволить взглянуть,—какъ и что тамъ работаютъ,—но жестокій и неумолимый церберъ оставался непреклоннымъ.

Къ счастію, въ это время подходилъ къ фабрикѣ какой-то господинъ и, узнавъ,—чего такъ домогался мальчикъ, заинтересовался послѣднимъ и подробно разспросилъ его,—кто онъ, откуда и почему такъ сильно желаетъ попасть на фабрику. Получивъ обстоятельные отвѣты, незнакомецъ взялъ за руку Обухова и прошелъ съ нимъ внутрь зданія.

Это была ситцевая фабрика.

Не мало удивило Павла Матвѣевича, что она совсѣмъ не похожа на серебрянскія. Чугуна и желѣза тутъ не было и въ поминѣ. Но, тѣмъ не менѣе, не безъ любопытства осматривалъ онъ все, что ему показывалъ любезный проводникъ.

По окончаніи осмотра, тепло поблагодаривъ незнакомца, Обуховъ отправился обратно, въ гостиницу, гдѣ остановился караванъ.

Сдѣлавъ пѣшкомъ такой громадный конецъ, какъ отъ Тверской до предмѣстья, Павелъ Матвѣевичъ настолько сильно утомился, что едва дошелъ до перваго городскаго бульвара, какъ бросился на траву и вскорѣ же крѣпко уснулъ. Проснувшись уже въ сумерки и почувствовавъ голодъ, онъ купилъ у сидѣвшей при выходѣ съ бульвара женщины-торговки московскій калачъ и, аппетитно его уплетая, направился къ гостиницѣ. Не зная не только названія послѣдней, но и улицы, на которой она стоитъ, онъ оказался, разумѣется, въ весьма затруднительномъ и непріятномъ положеніи. Пройдя двѣ-три

улицы и какую-то площадь и все не находя искомаго, онъ сталъ, наконецъ, спрашивать у встрѣчныхъ,—какъ пройти къ гостиницѣ? Встрѣчные, съ своей стороны, тоже задавали вопросъ: къ какой? Но на вопросъ этотъ отвѣта у мальчика не находилось.

Между тѣмъ замѣтно темнѣло, и надвигалась ночь. Храбрый отъ природы мальчикъ началъ не на шутку трусить. Къ счастію, на одномъ изъ перекрестковъ, блюститель порядка, замѣтивъ одинокаго и встревоженнаго мальчика и узнавъ изъ разспросовъ, что послѣдній просто на просто заблудился, увелъ его въ участокъ и обо всѣхъ обстоятельствахъ дѣла подробно доложилъ начальству.

Полицейскій приставъ, въ виду поздняго времени, рѣшилъ помѣстить приведеннаго мальчика у себя на квартирѣ, дабы утромъ, по наведеніи справокъ, сдать его съ рукъ на руки караванному.

Въ гостиницѣ же, въ нумерахъ, занимаемыхъ караваннымъ, шелъ изрядный переполохъ: одинъ изъ питомцевъ потерялся. Ждали его къ обѣду, къ вечернему чаю, нѣтъ, не возвращается. Пробило десять, одиннадцать, а о Пашѣ Обуховѣ—ни слуха. Искать его, по городу, ночью, разумѣется, безполезно. Нужно просить содѣйствія полиціи, и завтра же утромъ поѣхать къ полицеймейстеру.

Такъ рѣшилъ караванный.

Но, утромъ, едва онъ проснулся, какъ ему ужъ докладываютъ, что потерявшійся мальчикъ только-что доставленъ въ гостиницу будочникомъ.

Конечно, караванный обрадовался, далъ на чай будочнику, а любознательному путешественнику изрядно намылилъ голову, съ обѣщаніемъ впредь, на каждой стоянкѣ привязывать его на веревочку.

Отъ Москвы до Петербурга караванъ доѣхалъ благополучно и расположился въ одной изъ гостиницъ Васильевскаго Острова.

Вскорѣ же по пріѣздѣ въ столицу, Обуховъ, въ числѣ другихъ мальчиковъ, держалъ экзаменъ и былъ, наконецъ, включенъ въ списокъ воспитанниковъ горнаго корпуса.

II.

Пребываніе въ горномъ корпусѣ.—Офицерскіе классы.—Соперничество изъ-за первенства. — Выпускъ. — Возвращеніе на Уралъ.

Въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія горный корпусъ считался однимъ изъ лучшихъ петербургскихъ учебныхъ заведеній. Особенно хорошо было поставлено тамъ общее образованіе, въ обширномъ смыслѣ этого слова. Кромѣ преподаванія необходимыхъ, на-

учныхъ предметовъ, обучали тамъ и разнымъ искусствамъ: рисованію, музыкѣ, танцамъ и фехтованію. Иностранные языки преподавались не только теоретически, но и практически. Для этой цѣли находились особые гувернеры, которые цѣлые дни, поочередно, проводили среди воспитанниковъ, заставляя ихъ говорить и съ ними и между собою по-французски и по-нѣмецки.

Кромѣ того, введенныя однимъ изъ бывшихъ управляющихъ горнымъ корпусомъ, Е. П. Мечниковымъ, для развлеченія воспитанниковъ, театральныя представленія получили уже, такъ сказать, права гражданства и продолжали свое существованіе почти до послѣдняго преобразованія горнаго института въ высшее, открытое учебное заведеніе.

Все это, вмѣстѣ взятое, сильно содѣйствовало всестороннему развитію воспитанниковъ, постепенно и незамѣтно пріобрѣтавшихъ и хорошія манеры, и свѣтскій лоскъ, и ловкость, и умѣніе свободно говорить по-французски и по-нѣмецки.

Хотя по своимъ лѣтамъ и прекрасной подготовкѣ изъ ариѳметики, географіи, русскаго языка и исторіи, Обухову слѣдовало бы поступить по крайней мѣрѣ во второй приготовительный классъ, но, не будучи совершенно знакомъ съ иностранными языками, для обученія которымъ въ глухомъ уголкѣ Урала не нашлось даже самаго посредственнаго преподавателя, онъ могъ быть принятъ только въ первый классъ.

Весьма способный и крайне самолюбивый, Павелъ Матвѣевичъ вѣроятно вскорѣ же успѣлъ бы болѣе или менѣе основательно изучить и иностранные языки, если бы вскорѣ, по его поступленіи въ корпусъ, послѣдній не былъ значительно преобразованъ и должности гувернеровъ не заняли офицеры.

Въ 1834 году горный корпусъ, переименованный въ Институтъ корпуса горныхъ инженеровъ, состоялъ изъ пяти приготовительныхъ, двухъ кондукторскихъ и двухъ офицерскихъ классовъ. Воспитанники первыхъ назывались кадетами, вторыхъ—кондукторами, а въ послѣднихъ обучались уже офицеры.

Во время пребыванія въ корпусѣ, до перехода въ офицерскіе классы, жизнь Обухова текла ровно и довольно однообразно, подобно жизни большинства воспитанниковъ. Оказывая блестящіе успѣхи по всѣмъ предметамъ, за исключеніемъ иностранныхъ языковъ, которые давались ему не совсѣмъ легко, онъ считался однимъ изъ лучшихъ учениковъ и, при переходѣ изъ класса въ классъ, постоянно получалъ награды.

Тѣмъ не менѣе самолюбіе его страдало. Стремясь быть первымъ, по успѣхамъ, ученикомъ, онъ не могъ достигнуть этого. Неполные

баллы изъ иностранныхъ языковъ, какъ тормазъ, мѣшали ему забраться на верхнюю ступень ученической лѣстницы. А между тѣмъ онъ занимался ими добросовѣстно и усердно. Но бывшіе въ то время учителя иностранныхъ языковъ, французы и нѣмцы, плохо знавшіе русскій языкъ и съ большимъ трудомъ на немъ говорившіе, естественно не имѣли возможности ясно и толково объяснять ученикамъ грамматическія правила, что, съ устраненіемъ гувернеровъ, а слѣдовательно и практическихъ уроковъ, не особенно содѣйствовало успѣшному преподаванію иностранныхъ языковъ.

Помимо успѣховъ въ наукахъ, Обуховъ оказывалъ не меньшіе успѣхи въ искусствахъ, гимнастикѣ и фехтованіи.

На корпусныхъ концертахъ онъ выступалъ не только въ хорахъ и оркестрахъ, но и какъ солистъ. У него былъ пріятный и сильный баритонъ, и исполняемые имъ въ концертахъ романсы и аріи доставляли ему не мало громкихъ аплодисментовъ публики [1]). Такія же оваціи вызывала въ слушателяхъ и игра его на віолончели.

Держалъ себя онъ въ корпусѣ спокойно и ровно; къ начальству относился почтительно, но безъ униженія и подобострастія. Съ товарищами былъ простъ, искрененъ и ни съ кѣмъ изъ нихъ ни разу не ссорился. Ближе и короче другихъ сошелся онъ, съ третьяго класса, съ И. А. Штейнманомъ [2]), да въ послѣдніе два года, уже въ офицерскихъ классахъ, съ Я. И. Ламанскимъ [3]). Шумныхъ, дѣтскихъ игръ онъ не любилъ, предпочитая имъ, въ саду — городки и лапту, а въ комнатахъ — шахматы.

Не имѣя родныхъ и близкихъ знакомыхъ въ Петербургѣ, Обуховъ естественно всѣ праздничные дни проводилъ въ стѣнахъ корпуса, лишь изрѣдка и то уже въ позднѣйшіе годы, посѣщая, по приглашенію кого-либо изъ товарищей, ихъ семейства. Но онъ, по его разсказамъ, не скучалъ, проводя праздники въ занятіяхъ музыкой, фехтованіи, игрѣ въ шахматы и преимущественно въ чтеніи книгъ, которыя имѣлись при корпусной библіотекѣ и частью доставлялись ему возвращавшимися изъ отпуска товарищами.

Такъ незамѣтно пролетѣло нѣсколько лѣтъ, и Обуховъ перешелъ въ первый офицерскій классъ.

Съ этихъ поръ образъ жизни его совершенно измѣнился.

---

[1]) Послѣ одного изъ такихъ концертовъ, лицо, власть имущее въ дирекціи Императорскихъ театровъ, будучи восхищено голосомъ Обухова, предложило ему поступить въ русскую оперу, на весьма выгодныхъ условіяхъ. Но предложеніе это было Обуховымъ отклонено.

[2]) Бывшимъ впослѣдствіи управляющимъ горною частью на Кавказѣ и за Кавказомъ.

[3]) Бывшимъ впослѣдствіи директоромъ Технологическаго института.

Пользуясь, сравнительно, гораздо большею свободой, слушатели офицерскихъ классовъ, уже произведенные въ прапорщики и подпоручики, жили въ особомъ помѣщенiи и, въ свободное отъ классныхъ занятiй время, имѣли право выходить на прогулку, въ гости, въ театръ, словомъ, всюду, куда имъ вздумается.

Въ офицерскихъ классахъ преподавались уже исключительно спецiальныя, горныя науки.

Особенно основательно старался Павелъ Матвѣевичъ усвоивать тѣ изъ нихъ, которыя непосредственно относились къ заводскому дѣлу, а именно: металлургiю, химiю и механику. Но, находя одни книжныя, чисто теоретическiя знанiя недостаточными, онъ усердно посѣщалъ мѣстные заводы и фабрики и внимательно знакомился со всѣмъ тѣмъ, что, по его мнѣнiю, ему могло быть не безполезно, впослѣдствiи на заводахъ.

Онъ перешелъ уже во второй офицерскiй классъ, учился прекрасно и былъ на отличномъ счету у начальства, а между тѣмъ товарищи стали замѣчать въ немъ нѣкоторую перемѣну. Обыкновенно ровный, спокойный и почти всегда веселый, Обуховъ началъ задумываться и обнаруживать порою раздражительность и нетерпѣнiе, которыхъ въ немъ до сего времени не замѣчали. Какiя-то тяжелыя мысли видимо его угнетали. Но какiя именно, никто не догадывался, а разспрашивать его не рѣшались, ибо знали, что этого онъ недолюбливалъ и, не стѣсняясь, довольно рѣзко обрывалъ любопытныхъ.

А было дѣйствительно одно обстоятельство, которое не давало покоя Павлу Матвѣевичу и скверно влiяло на его, почти всегда прекрасное, расположенiе духа.

Обстоятельство это—недостатокъ шансовъ на возможность воспользоваться, по окончанiи курса, заграничною, на казенный счетъ, командировкой.

Въ то время существовало правило: перваго по выпуску изъ корпуса отправлять, на казенный счетъ, на два года, за границу, для болѣе подробнаго ознакомленiя, на практикѣ, со всѣми усовершенствованiями и нововведенiями въ горнозаводской техникѣ.

Перейдя во второй офицерскiй классъ вторымъ, Обуховъ твердо зналъ, что ему не удастся стать, въ теченiе учебнаго года, а слѣдовательно и окончить курсъ первымъ. Эта высшая ступень классной лѣстницы уже нѣсколько лѣтъ подрядъ твердо занималъ М. П. Даниловъ; это былъ весьма серьезный соперникъ Павла Матвѣевича. Хотя оба они имѣли полные баллы изъ предметовъ, но у Данилова такiе же баллы были и изъ иностранныхъ языковъ, тогда какъ у Обухова изъ послѣднихъ были не полные.

Какъ ни усердно занимался Обуховъ переводами и чтенiемъ, при

помощи лексиконовъ, техническихъ статей иностранныхъ авторовъ, но, къ досадѣ своей, сознавалъ, что все же, въ концѣ концовъ, придется ему уступить первенство Данилову.

Эта-то мысль, со дня перехода въ послѣдній, старшій классъ, назойливо сверля мозгъ, не давала ему покоя и неблагопріятно отражалась на его характерѣ.

Такъ шло время до наступленія Рождественскихъ праздниковъ.

Но, однажды, вскорѣ послѣ новаго года, проведя въ невеселыхъ думахъ длинную, безсонную ночь, Павелъ Матвѣевичъ вдругъ напалъ на одно, самое простое и легко исполнимое средство, и долго мучившій его вопросъ былъ, наконецъ, вырѣшенъ.

Онъ разомъ повеселѣлъ, снова сдѣлался спокойнымъ и ровнымъ въ обращеніи съ товарищами, но, зато, пересталъ заниматься и сталъ чаще уходить изъ офицерской квартиры, что, въ свою очередь, тоже не мало дивило его одноклассниковъ. Ламанскій же былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и крайне огорченъ такою небрежностью въ занятіяхъ своего друга и не одинъ разъ говорилъ ему объ этомъ. Но Обуховъ только усмѣхался и замѣчалъ небрежно:

— Еще будетъ время. Успѣю наверстать сторицей.

— Сомнѣваюсь,—возражалъ Ламанскій.—Ты вѣдь ни одной лекціи не прочелъ. Я наблюдалъ, знаю... И, вотъ, погляди, ты не только первымъ, какъ ты мечтаешь, но и вторымъ-то не кончишь. Даже можешь не получить медали.

— И кончу первымъ, и медаль получу, и за границу, на казенный счетъ, поѣду,—увѣренно говорилъ Обуховъ.

— Ничего-то не дѣлая?—съ удивленіемъ воскликнулъ Ламанскій.

— Именно.

— Ну, ужъ это, извини, бахвальство какое-то! Возмутительная самовѣренность!—горячо ратовалъ Яковъ Ивановичъ.

— Хочешь пари?

— Пари? О чемъ?

— О томъ, что я кончу первымъ.

— Что это? Шутка или глумленіе?—обидчиво замѣтилъ Ламанскій.

— Ни то, ни другое. Я говорю серьозно и увѣренъ впередъ, что ты проиграешь. Ну, идетъ, что-ли? спросилъ—Обуховъ.

— На что?

— На бутылку шампанскаго, больше съ тебя, по дружбѣ, взять не желаю.

— Изволь.

И оба пріятеля ударили по рукамъ.

Увѣрившись, что Павелъ Матвѣевичъ не шутитъ, Ламанскій, не столько изъ любопытства, сколько изъ дружескаго участія, сталъ до-

пытываться,—какимъ это образомъ онъ, при настоящихъ, неблагопріятныхъ условіяхъ, надѣется кончить курсъ первымъ.

— Очень просто, тотчасъ же объяснилъ Обуховъ:—съ Даниловымъ соперничать безполезно; онъ въ языкахъ собаку съѣлъ. Ну, а съ Версиловымъ я потягаюсь.

— Съ Версиловымъ? Да вѣдь мы кончаемъ съ нимъ только въ будущемъ году.

— Ну, и я рѣшилъ кончать вмѣстѣ съ вами, ибо останусь, по болѣзни, на второй годъ. Это — единственное средство достигнуть цѣли. Понялъ?

— Да, это... это дѣйствительно,—бормоталъ пораженный Ламанскій.—Изъ всѣхъ насъ, только ты одинъ способенъ выкинуть такую штуку—цѣлый годъ оставаться добровольно въ этихъ стѣнахъ. Это—большое самопожертвованіе.

— Ну, нѣтъ, это—простой разсчетъ. За лишній годъ пребыванія въ корпусѣ я выгадываю два года заграничной командировки.

Передъ наступленіемъ выпускныхъ экзаменовъ, Обуховъ, сказавшись больнымъ, около мѣсяца пробылъ въ лазаретѣ и остался на второй годъ во второмъ офицерскомъ классѣ.

О своемъ рѣшеніи пробыть лишній годъ въ корпусѣ и о причинахъ, побудившихъ принять это рѣшеніе, онъ подробно сообщилъ отцу. Матвѣй Ѳедоровичъ не только вполнѣ одобрилъ дѣйствія сына, но и обѣщалъ ему приготовить, ко времени заграничной командировки, еще небольшую денежную субсидію.

Послѣдній 1842—43-ій учебный годъ, подобно предъидущимъ, прошелъ обычнымъ порядкомъ, и снова настало время экзаменовъ.

Результатъ ихъ былъ вполнѣ благопріятенъ для Обухова: онъ оказался первымъ по выпуску, и фамилія его, по настоящее время, красуется на золотой доскѣ въ конференцъ-залѣ горнаго института.

Окончившіе курсъ инженеры, получивъ каждый служебныя назначенія, скромно отпраздновали и свое вступленіе на арену служебной дѣятельности, и разлуку съ товарищами-однокашниками, прощальнымъ обѣдомъ.

Вскорѣ послѣ него, всѣ они разсѣялись по разнымъ заводамъ и промысламъ, а Обуховъ съ Версиловымъ отправились на Уралъ, въ Гороблагодатскій округъ, куда были назначены, въ распоряженіе горнаго начальника, для практическихъ занятій.

Павелъ Матвѣевичъ поселился въ Кушвинскомъ заводѣ и, все время практическихъ занятій, жилъ въ квартирѣ своего отца, который, въ чинѣ подполковника, занималъ въ то же время должность помощника горнаго начальника.

Старикъ Обуховъ былъ весьма радъ, что могъ жить вмѣстѣ съ

любимымъ сыномъ, тѣмъ болѣе, что, выдавъ трехъ дочерей замужъ, онъ проживалъ, въ довольно большой квартирѣ, только вдвоемъ съ женою.

Одна изъ этихъ трехъ дочерей и была замужемъ за моимъ отцомъ, который занималъ тогда въ Кушвинскомъ заводѣ должность окружнаго лѣсничаго.

Пріятно было видѣть, какъ отецъ съ сыномъ, въ свободные часы, вели горячія бесѣды о горнозаводскихъ дѣлахъ и какъ почтительно, съ какимъ вниманіемъ выслушивалъ Павелъ Матвѣевичъ дѣльные совѣты и указанія опытнаго практика-инженера.

Не разъ, въ позднѣйшее время, съ любовью вспоминалъ онъ объ этихъ бесѣдахъ и всегда прибавлялъ въ заключеніе, что большая часть совѣтовъ и указаній отца не однажды пригодилась впослѣдствіи и послужила ему на большую пользу.

Пробывъ полтора года на практическихъ занятіяхъ, 16-го февраля 1845 года, Павелъ Матвѣевичъ былъ опредѣленъ смотрителемъ, дорогаго ему, по воспоминаніямъ дѣтскихъ лѣтъ, Серебрянскаго завода.

Прибывъ къ мѣсту служенія и обойдя всѣ, такъ хорошо знакомыя ему заводскія зданія, Обуховъ нашелъ ихъ почти въ томъ же видѣ, въ какомъ они находились передъ отправкой его въ горный корпусъ.

Заглянулъ онъ и на мѣсто, близъ заводскаго двора, гдѣ, когда-то, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, устраивалъ, въ компаніи своихъ сверстниковъ, миніатюрныя фабрики и колеса. Но тамъ не нашелъ онъ и слѣда былыхъ дѣтскихъ сооруженій.

Сопровождавшій Обухова надзиратель, оказавшійся однимъ изъ участниковъ въ его дѣтскихъ, горнозаводскихъ забавахъ, почтительно объяснилъ ему, что съ отъѣзда его изъ Серебрянки заводскіе ребятишки постепенно охладѣвали къ этой забавѣ и наконецъ совсѣмъ ее оставили.

Усердно и добросовѣстно принялся Павелъ Матвѣевичъ за исполненіе своихъ служебныхъ обязанностей. Но въ небольшомъ Серебрянскомъ заводѣ дѣла было не на столько много, чтобы не выдавалось ежедневно нѣсколькихъ свободныхъ часовъ. Часы эти онъ проводилъ, частію, за научными занятіями, пополняя вынесенныя изъ корпуса знанія, частію за игрой на віолончели и гитарѣ, которую полюбилъ уже по выпускѣ изъ корпуса. Сравнительно рѣдко посѣщалъ онъ своихъ сослуживцевъ: управителя, лѣсничаго и врача, ибо не игралъ въ карты, а у нихъ послѣднія считались почти единственнымъ развлеченіемъ.

Еще въ дѣтствѣ мечтая объ охотничьихъ экскурсіяхъ, Павелъ Матвѣевичъ, поселясь въ Серебрянкѣ, окрестности которой изобиловали не только всевозможною дичью, но и звѣремъ, а именно: медвѣдями, лисицами и волками, сдѣлался ярымъ охотникомъ.

Не довольствуясь истребленіемъ лѣсной и болотной дичи, онъ стремился поохотиться за медвѣдями и, съ этой цѣлью, разыскивалъ, среди охотниковъ-мастеровыхъ, опытнаго медвѣжатника.

И какъ же удивился онъ, когда узналъ, что самый опытный и лучшій изъ нихъ—женщина.

Любимая и единственная дочь вдовца мастероваго, завзятаго медвѣжатника, рослая, сильная, но некрасивая, не вышла, по обыкновенію своихъ сверстницъ, замужъ и нерѣдко сопровождала отца въ его охотахъ за медвѣдемъ. Охоты эти были часты, ибо составляли, такъ сказать, ремесло, представлявшее собою единственный источникъ добычи средствъ къ существованію. Охотникъ ходилъ на медвѣдя, безъ ружья, а только съ ножомъ и рогатиной.

Не одинъ десятокъ этого, иногда очень крупнаго, звѣря одолѣлъ храбрый и искусный медвѣжатникъ, но на послѣднемъ не сдобровалъ и, въ свою очередь, былъ смятъ и задранъ лапами громаднаго Мишки.

Дочь его, уже тридцатилѣтняя тогда дѣва, на столько сильно была огорчена смертью отца, что поклялась посвятить свою жизнь мести всѣмъ медвѣдямъ безъ исключенія. И, вотъ, схоронивъ отца, она стала ходить на нихъ, такъ же, какъ хаживалъ и онъ, то есть съ ножомъ и рогатиной и, подобно ему, не одинъ уже десятокъ уложила этого звѣря.

Этого-то охотника-женщину и избралъ Павелъ Матвѣевичъ своимъ компаніономъ, при первой экскурсіи на медвѣжью охоту. Послѣдняя оказалась удачной, и новичекъ-охотникъ вернулся домой, везя съ собою, въ видѣ трофея, прекрасную медвѣжью шкуру.

Сдѣланный изъ нея коверъ хранился, надо полагать, до смерти Обухова, ибо я, лично, видѣлъ его, въ 1863 году, когда служилъ, подъ начальствомъ дяди, въ Златоустовской оружейной и Князе-Михайловской фабрикѣ.

При такомъ образѣ жизни незамѣтно промелькнулъ годъ, а уже въ апрѣлѣ слѣдующаго, 1846-го, года Обуховъ, по высочайшему повелѣнію, былъ командированъ за границу, въ Германію и Бельгію, для усовершенствованія въ горномъ дѣлѣ и предпочтительно для изученія желѣзнаго и мѣднаго производствъ, а такъ же и современныхъ усовершенствованій по механической части.

Въ обезпеченіе же пожертвованій, производимыхъ казною на эту командировку, онъ обязывался, по возвращеніи изъ-за границы, прослужить не менѣе шести лѣтъ въ горнозаводскомъ вѣдомствѣ, въ чемъ была взята отъ него особая подписка.

Черезъ три мѣсяца, по выѣздѣ изъ Петербурга въ Германію, Павелъ Матвѣевичъ получилъ горестное извѣстіе съ Урала — о смерти его

отца—извѣстіе, не мало отравившее первые мѣсяцы жизни его за границей. Но любовь къ избранной имъ спеціальности, усердныя занятія, знакомство съ новыми мѣстами, ихъ жителями, нравами, обычаями, все это помогало ему легче переносить тяжелую утрату.

III.

Заграничная командировка. — Маленькій романъ. — Дуэль. — Возвращеніе на Уралъ.—Назначеніе на должность управителя Кушвинскаго завода.—Переводъ на ту же должность въ Юговской заводъ.—Начало опытовъ надъ полученіемъ литой стали.—Назначеніе управителемъ Златоустовской оружейной фабрики.—Выдѣлка изъ литой стали кирасъ и ружейныхъ стволовъ.

Въ Германіи и Бельгіи Обуховъ прожилъ около двухъ лѣтъ, старательно осматривая и изучая все то, что находилъ тамъ новаго и интереснаго въ горнозаводскомъ дѣлѣ.

Пользуясь случаемъ, не преминулъ онъ побывать и въ Парижѣ, гдѣ, подобно другимъ, не уклонился отъ всевозможныхъ соблазновъ этого современнаго Вавилона. На сколько позволяли довольно скромныя средства, Павелъ Матвѣевичъ воспользовался частію, въ изобиліи предлагавшихся иностранцамъ, удовольствій и развлеченій.

Да и дѣйствительно, послѣ весьма продолжительныхъ и усердныхъ занятій на заграничныхъ заводахъ, онъ чувствовалъ нѣкоторое утомленіе и потребность освѣжиться и нѣсколько разсѣяться. А Парижъ, въ то время и до конца второй имперіи, считался для этого единственнымъ и незамѣнимымъ, во всей Западной Европѣ, горородомъ. Правда, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ служилъ нерѣдко и гибелью для легкомысленныхъ и слабохарактерныхъ личностей; но Обуховъ не принадлежалъ къ ихъ числу и, пользуясь, въ мѣру, удовольствіями, только отдохнулъ отъ усиленныхъ занятій и съ прежнею энергіей приступилъ къ продолженію своихъ занятій на заводахъ.

Въ теченіе двухлѣтняго пребыванія за границей было у Обухова и небольшое приключеніе, на романтической подкладкѣ. Онъ увлекся миловидной и сантиментальной нѣмочкой, дочерью одного изъ профессоровъ, въ домѣ котораго всегда былъ радушно принятъ.

Проводя въ семьѣ профессора свободные вечера, онъ имѣлъ возможность все ближе и ближе сходиться съ предметомъ своего увлеченія. Но какъ семья профессора была довольно многочисленна, и оставаться наединѣ влюбленной парочкѣ приходилось весьма рѣдко, то родители нѣмочки долго не замѣчали взаимной склонности молодыхъ людей. Зато глаза соперника, студента нѣмца, еще ранѣе Обухова влюбившагося въ профессорскую дочку и тайно по ней стра-

давшаго, оказались гораздо зорче и уяснили ему вскорѣ же дѣйствительное положеніе дѣла, т. е. предпочтеніе ему, нѣмцу, русскаго инженера.

Ревность студента разгоралась съ каждымъ днемъ; вражда къ Обухову обнаруживалась каждый разъ, когда только судьба сводила ихъ вмѣстѣ.

Наконецъ, нѣмецъ не выдержалъ и, въ одинъ прекрасный день, придравшись къ какому-то, самому пустому случаю, произнесъ оскорбительную для Павла Матвѣевича фразу, на которую послѣдній отвѣтилъ пощечиной.

Въ тотъ же день студентъ прислалъ Обухову секундантовъ, и дуэль оказалась неизбѣжной.

Считая себя искуснымъ фехтовальщикомъ, юный нѣмчикъ былъ вполнѣ увѣренъ, что одержитъ побѣду надъ русскимъ инженеромъ. Но, на самомъ дѣлѣ, случилось противное. Павелъ Матвѣевичъ оказался искуснѣе своего соперника, и послѣдній получилъ неопасную рану въ лѣвое плечо, тогда какъ Обуховъ вышелъ изъ поединка безъ царапины.

Тѣмъ не менѣе, вызовомъ на дуэль юный нѣмчикъ достигъ своей цѣли.

Профессоръ, узнавшій всѣ обстоятельства этого непріятнаго случая, на другой же день зашелъ къ Павлу Матвѣевичу и имѣлъ съ нимъ довольно продолжительный, секретный разговоръ, послѣ котораго Обуховъ прекратилъ посѣщеніе семьи профессора, а вскорѣ и совсѣмъ уѣхалъ изъ города.

Въ маѣ 1848 года, Павелъ Матвѣевичъ вернулся изъ заграничной командировки въ Петербургъ, гдѣ сперва былъ занятъ составленіемъ о ней отчета, а затѣмъ ему было поручено горнымъ департаментомъ отправиться въ Сестрорѣцкій заводъ, для ознакомленія съ введенными тамъ, иностранцемъ Тальботомъ, способомъ машинной заварки ружейныхъ стволовъ.

Вернувшись изъ Сестрорѣцка и представивъ, по принадлежности, свои отчеты, Павелъ Матвѣевичъ, въ іюлѣ 1848 года, отправился на Уралъ, гдѣ занялъ прежнюю свою должность, смотрителя Серебрянскаго завода.

Но въ этой должности пробылъ онъ только около двухъ мѣсяцевъ и уже 4-го ноября 1848 года, произведенный передъ тѣмъ въ штабсъ-капитаны, получилъ назначеніе исправлять должность управителя Кушвинскаго завода, а въ маѣ 1850 года былъ утвержденъ въ этой должности.

Проживъ довольно долго за границей и ознакомясь тамъ съ комфортабельной, домашней жизнью болѣе или менѣе зажиточныхъ ино-

странцевъ, онъ не могъ не признать, какую замѣтную разницу представляетъ она съ обыденной жизнію заводскихъ служащихъ. Сдѣлавшись управителемъ и занявъ довольно большую, казенную квартиру, онъ, за неимѣніемъ достаточныхъ средствъ для полной ея меблировки, все же устроилъ и, на заграничный ладъ, по своему вкусу, меблировалъ двѣ пріемныя комнаты.

И какъ же восхищались нѣкоторые изъ его знакомыхъ и сослуживцевъ, съ дѣтства привыкшіе видѣть, во всѣхъ домахъ, однообразную, словно, по разъ на всегда принятому шаблону, устроенную обстановку.

Но не только въ этомъ, а и въ пріемѣ гостей, ихъ угощеніи Обуховымъ, каждый замѣчалъ что-то особенное, не такое, что видѣлъ у другихъ, и говорилъ обыкновенно, что у Павла Матвѣевича дѣлается все по-заграничному. На самомъ же дѣлѣ дѣлалось у него все просто, по-обуховски.

Придумать что-нибудь необычное, чѣмъ-нибудь поразить другихъ— была одна изъ его слабостей, сильнѣе и ярче обнаружившаяся впослѣдствіи, когда онъ располагалъ уже значительными средствами и могъ, безъ стѣсненія, исполнять свои маленькія прихоти и затѣи.

На первыхъ же порахъ при вступленіи въ отправленіе должности управителя Кушвинскаго завода, Павлу Матвѣевичу пришлось проявить на практикѣ свои, почерпнутыя въ корпусѣ и заграничной командировкѣ, свѣдѣнія и знанія.

Старая, заводская плотина оказалась негодною, и ему пришлось работать надъ составленіемъ проекта новой плотины и руководить ея сооруженіемъ.

Квартира, занимаемая моимъ отцомъ, была расположена на берегу пруда и недалеко отъ плотины, и я нерѣдко съ любопытствомъ слѣдилъ, изъ окна, за постройкой временной перемычки.

Мнѣ живо припоминается тотъ день, въ который прорвало эту перемычку, и, хлынувшая черезъ прорѣзъ, вода бѣшено понеслась изъ заводскаго пруда по рѣчкѣ, затопляя прибрежныя и вообще ниже плотины лежащія улицы.

Набатный звонъ, переполохъ жителей, смятеніе, шумъ, все это крѣпко врѣзалось въ моей памяти, и я помню, какъ жадно наблюдалъ за творившимся у перемычки и видѣлъ, какъ Павелъ Матвѣевичъ, озабоченный и взволнованный, появляясь то тутъ, то тамъ, командовалъ толпами рабочихъ и отдавалъ имъ свои распоряженія.

Вскорѣ однако мѣсто прорыва въ перемычкѣ было задѣлано, и грозившее нижнимъ улицамъ затопленіе водою предупреждено.

Должность управителя Кушвинскаго завода Обуховъ исполнялъ, сравнительно, недолго, всего около трехъ лѣтъ, и 10-го августа

1851 года былъ уже переведенъ на такую же должность въ Юговской заводъ, Пермскаго округа. Здѣсь, изъ-за должности управителя, онъ былъ назначенъ еще инспекторомъ школъ; но, черезъ годъ и три мѣсяца, отъ этой должности былъ освобожденъ.

Въ 1852 году Павелъ Матвѣевичъ былъ произведенъ въ капитаны.

Собственно мѣдное производство, которое онъ, между прочимъ, изучалъ за границей, одновременно съ желѣзнымъ, не особенно интересовало Обухова. Шло оно не блестяще, а для болѣе широкаго развитія его въ будущемъ благопріятныхъ, мѣстныхъ условій не было.

Все это, вмѣсто взятое, направило пытливый умъ Павла Матвѣевича на другое, а именно на полученіе литой стали, столь необходимой въ обиходѣ заводскаго дѣла. Для приготовленія большей части инструментовъ, требующихъ особой твердости и прочности, употреблялась на заводахъ англійская сталь, такъ какъ выдѣлываемая нѣкоторыми уральскими заводами, такъ называемая, сырцовая сталь, обладала низкими качествами и для этой цѣли оказывалась непригодной.

Разумѣется, опыты, по изобрѣтенію литой стали, велись Обуховымъ въ маломъ видѣ, такъ сказать, путемъ лабораторнымъ. Для избранія инаго, болѣе широкаго, пути, Юговской заводъ не представлялъ никакихъ подходящихъ средствъ. Поэтому и полученные Обуховымъ результаты опытовъ были, сравнительно, незначительны.

Къ счастію, служба Павла Матвѣевича въ Юговскомъ заводѣ продолжалась не долго.

Въ мартѣ 1854 года, по распоряженію главнаго начальника Уральскихъ заводовъ, онъ былъ опредѣленъ на должность управителя Златоустовской оружейной фабрики, которая, по штатамъ, считалась выше должности управителя Юговскаго завода.

Вскорѣ же по занятіи этой должности, получилъ онъ чинъ подполковника и былъ, кромѣ того, награжденъ орденомъ св. Станислава 3-й степени.

Въ Златоустѣ арена для дѣятельности Павла Матвѣевича оказалась несравненно болѣе широкой, и опыты его, съ приготовленіемъ литой стали, пошли гораздо успѣшнѣе. Изъ нихъ онъ вывелъ заключеніе, что литую сталь можно получать только посредствомъ сплава въ тигляхъ.

Хотя въ оружейной фабрикѣ небольшіе тигли, для расплавки мѣди, уже выдѣлывались, но они могли выдерживать недостаточно высокую температуру.

Тигли приготовлялись изъ смѣси графита, огнеупорной глины и черепковъ отъ бывшихъ уже въ употребленіи тиглей. Варьируя про-

порціи составныхъ частей тигельной массы, Обуховъ дошелъ постепенно до такого процентнаго отношенія ихъ, что приготовленные тигли стали свободно выдерживать температуру до 3000° по Реомюру.

Затѣмъ пришлось учиться формовкѣ тиглей и способу тщательной и постепенной ихъ просушки. На все это было потрачено Павломъ Матвѣевичемъ не мало времени и труда.

Добившись возможности имѣть прочные, огнеупорные тигли, Обуховъ занялся рядомъ систематическихъ опытовъ надъ полученіемъ состава шихты для литой стали. Матеріаломъ для этого служили: извѣстнаго сорта и качества чугунъ, сырцовая сталь и другія примѣси. Тигли съ такою шихтой нагрѣвались въ особыхъ горнахъ, устроенныхъ по чертежамъ изобрѣтателя, а расплавленный металлъ выливался въ чугунную форму (изложницу), изъ которой, по охлажденіи, въ видѣ болванки, подвергался проковкѣ подъ молотомъ. Этой манипуляціей придавался болванкѣ такой видъ, какой былъ необходимъ для болѣе удобнаго приготовленія изъ нея кирассъ, ружейныхъ стволовъ и инструментовъ.

Варьируя составныя части шихты, Павелъ Матвѣевичъ постепенно достигъ возможности получать инструментальную и кирассную сталь.

Разумѣется, на всѣ эти опыты было затрачено не мало времени и матеріаловъ, прежде чѣмъ удалось получить стальную болванку, вполнѣ пригодную для изготовленія изъ нея кирассъ.

Такимъ образомъ, только въ 1855 году были приготовлены на оружейной фабрикѣ первыя кирассы изъ русской литой стали. Послѣдняя оказалась превосходной и нисколько не уступала подобной же крупповской.

Приготовленныя изъ нея кирассы, какъ значилось въ оффиціальномъ, помѣщенномъ въ „Горномъ журналѣ", отчетѣ, по своей легкости и сопротивленію ударамъ пуль, оказались лучше крупповскихъ.

Что же касается инструментальной стали, то, по произведеннымъ въ оружейной фабрикѣ испытаніямъ струговъ, для строганія кожъ на ножны къ холодному оружію, оказалось, что стругами изъ англійской стали обдѣлывалось только до 80, а стругами, выкованными изъ обуховской, до 2.000 кожъ.

Такіе блестящіе результаты придали еще болѣе энергіи Павлу Матвѣевичу, и онъ, неутомимо продолжая свои опыты, достигъ, наконецъ, возможности полученія пяти сортовъ литой стали, окончательно вытѣснившей изъ оружейной фабрики дорого стоющую, англійскую сталь.

Дѣйствительно, обладая неоцѣненными свойствами—свариваться подобно желѣзу—обуховская сталь, твердая и мягкая, обходилась

фабрикѣ чуть не въ пять разъ дешевле крупповской, которая, въ свою очередь, была значительно дешевле англійской.

Въ 1857 году Обуховъ взялъ десятилѣтнюю привилегію на свое изобрѣтеніе, сдѣлавшее имя его извѣстнымъ не только въ Россіи, но и за границей.

Начало второй половины прошлаго столѣтія до сихъ поръ памятно каждому русскому. Крымская война застала Россію не достаточно подготовленной, въ отношеніи современныхъ вооруженій и устройства интендантской и санитарной частей, что̀, какъ извѣстно, вскорѣ же обнаружилось на дѣлѣ.

Хотя, несмотря на все это, побѣдоносное, русское воинство храбро отражало нападенія военныхъ силъ трехъ союзныхъ націй и покрыло себя неувядаемой славой, тѣмъ не менѣе правительство не могло не убѣдиться въ непригодности нашего вооруженія, состоявшаго изъ чугунныхъ и мѣдныхъ пушекъ и устарѣвшихъ кремневыхъ ружей и, по окончаніи крымской войны, дѣятельно приступило къ замѣнѣ ихъ болѣе совершеннымъ и удовлетворяющимъ своему назначенію оружіемъ.

Эти обстоятельства внушили Обухову мысль немедленно приступить къ полученію особаго сорта мягкой стали, изъ которой можно было бы готовить ружейные стволы, для нарѣзныхъ, дальнобойныхъ штуцеровъ.

Дѣло пошло на ладъ, и вскорѣ же удалось ему получить подходящую сталь. Работы повелись спѣшно и днемъ и ночью. Лично слѣдя за ними, Павелъ Матвѣевичъ торопилъ мастеровъ и токарей, обтачивавшихъ и сверлившихъ стволы, за неимѣніемъ спеціальныхъ для этихъ работъ, станковъ, ручнымъ способомъ.

Едва нѣсколько стволовъ было совсѣмъ готово, Обуховъ тотчасъ же доложилъ о томъ горному начальнику, а послѣдній, для испытанія ихъ, назначилъ особую коммиссію, въ составъ которой вошелъ и одинъ изъ артиллерійскихъ пріемщиковъ.

Вѣсть о предстоящемъ испытаніи стальныхъ, ружейныхъ стволовъ живо облетѣла Златоустъ. Всѣхъ интересовали результаты опытовъ. Въ назначенный день и часъ, мѣсто пробы, было окружено со всѣхъ сторонъ толпами рабочихъ, служащихъ и постороннихъ лицъ.

Рядъ стволовъ, блестѣвшихъ при свѣтѣ солнечнаго дня и укрѣпленныхъ на особыхъ, деревянныхъ обрубкахъ, съ приспособленными, для разбитія пистоновъ, собачками, уже съ утра былъ установленъ на берегу заводскаго пруда. Къ десяти часамъ собрались члены коммиссіи, а ровно въ десять, съ прибытіемъ Обухова съ горнымъ начальникомъ, началась и самая проба.

Она велась въ слѣдующемъ порядкѣ: послѣ извѣстнаго числа выстрѣловъ заряды пороха и пуль постепенно увеличивались.

Выстрѣлъ слѣдовалъ за выстрѣломъ. Толпа зрителей съ интересомъ слѣдила за стрѣльбой. Каждый залпъ сопровождался громкими возгласами и разными замѣчаніями. Тутъ и тамъ раздавались фразы:

— Ишь-ты, какъ палитъ! Словно пушка!

— Порохъ-то казенный, что его жалѣть.

— Мнѣ бы малость отсыпали, чѣмъ задаромъ тратить. Я бы по крайности хоть рябковъ настрѣлялъ,—завистливо говорилъ кто-то изъ мастеровыхъ-охотниковъ.

— И тамотко, слышь, откликается!—замѣчалъ другой, указывая на горы.

И дѣйствительно, каждый залпъ звонкимъ эхо раскатывался по окружавшимъ Златоустъ горамъ и производилъ на толпу какое-то, особенно радостное впечатлѣніе.

Несмотря на все болѣе и болѣе усиленные заряды, стволы выдерживали пробу блистательно. Они лишь нѣсколько разбухали въ мѣстахъ нахожденія заряда, да затравочныя отверстія ихъ, постепенно разгораясь, увеличивались въ діаметрѣ.

Удивляясь необыкновенной прочности стволовъ, артиллерійскій пріемщикъ предложилъ, въ заключеніе, зарядить порохомъ и пулями сплошь, то есть до конца дула.

— Это ужъ, кажется, сверхъ положенія?—замѣтилъ Обуховъ.

— Тѣмъ лучше, если и при этомъ ихъ не разорветъ, отозвался членъ коммиссіи.

Стволы были заряжены согласно предложенія артиллерійскаго офицера, наложены капсюли и спущены собачки.

Но, вмѣсто выстрѣловъ, раздались какіе-то частичные взрывы. Пороховые газы, не будучи въ состояніи вытолкнуть изъ ствола пули, вырвались черезъ казенники стволовъ, при чемъ часть послѣднихъ была попорчена и вырвана.

И никому изъ окружавшей мѣсто пробы толпы, ни даже самимъ членамъ коммиссіи, не приходило мысли, что вскорѣ, вмѣсто ружейной, придется слышать имъ несравненно болѣе громкіе звуки выстрѣловъ изъ стальныхъ орудій. Только въ головѣ Обухова уже назойливо копошилась мысль—отливки изъ стали артиллерійскихъ орудій, мысль, какъ извѣстно, вполнѣ осуществившаяся въ весьма скоромъ, сравнительно, времени и покрывшая новымъ ореоломъ славы имя русскаго изобрѣтателя-инженера.

Составленный коммиссіею актъ о результатахъ испытанія, приготовленныхъ изъ обуховской стали, ружейныхъ стволовъ, былъ доставленъ, между прочимъ, въ 1857 году, и въ военное министерство.

Военный министръ, обративъ серьезное вниманіе на такіе, бле-

стящіе результаты опытовъ, счелъ своимъ долгомъ доложить о нихъ покойному императору, Александру II-му.

Оцѣнивъ изобрѣтеніе Обухова, государь всемилостивѣйше повелѣлъ производить въ награду изобрѣтателю по 600 рублей въ годъ, до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ состоять въ горномъ вѣдомствѣ.

Эта высочайшая награда и вниманіе монарха къ трудамъ русскаго инженера, не имѣвшаго никакихъ связей и достигшаго извѣстности только благодаря своей талантливой натурѣ и упорному преслѣдованію разъ намѣченной цѣли, вызвали, къ сожалѣнію, нѣкоторую зависть среди сослуживцевъ Павла Матвѣевича.

Мало того, откуда-то появлялся даже, среди инженеровъ, постыдный и нелѣпый слухъ, что будто бы какой-то горный инженеръ, служившій вмѣстѣ съ Обуховымъ, не то въ Юговскомъ, не то въ Кушвинскомъ заводѣ, намѣренъ предъявить претензію на привилегію, выданную Павлу Матвѣевичу.

Сущность слуха заключалась въ томъ, что будто бы Обуховъ, сойдясь съ этимъ инженеромъ, дѣйствительнымъ обладателемъ секрета изготовленія литой стали, сталъ его систематически спаивать и, доведя такимъ образомъ чуть не до сумасшествія, завладѣлъ всѣми его бумагами и замѣтками, содержавшими въ себѣ разныя соображенія, анализы и шихты для полученія литой стали. Но къ чести большинства нашихъ заводскихъ инженеровъ, такой нелѣпый слухъ не долго держался въ ихъ средѣ и, не успѣвъ появиться, вскорѣ же замолкъ навсегда, какъ будто бы его и не существовало.

IV.

Командировка въ Германію.—Введеніе стале-пушечнаго производства въ Златоустѣ.—Отливка первой стальной пушечной болванки.—Участіе въ общественной жизни завода.—Болѣзнь и причины ея.

Вскорѣ послѣ испытанія ружейныхъ стволовъ, а именно 16-го августа 1857 года, Обуховъ, по высочайшему повелѣнію, былъ командированъ, на шесть мѣсяцевъ, въ Германію, для осмотра и изученія устройствъ, служащихъ къ выдѣлкѣ стали и приготовленію изъ нея орудій.

Въ сентябрѣ того же года онъ былъ всемилостивѣйше пожалованъ знакомъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ, а 31-го октября ему была выдана правительствомъ десятилѣтняя привилегія на изобрѣтенный имъ способъ приготовленія литой стали.

Проѣздомъ за границу и по возвращеніи изъ нея, Павелъ Матвѣе-

вичъ довольно долго прожилъ въ Петербургѣ, гдѣ останавливался у своего товарища по корпусу, Я. И. Ламанскаго.

Я былъ тогда въ пятомъ классѣ Горнаго института и проводилъ у него всѣ праздники.

Въ свободные отъ занятій и визитовъ часы, онъ охотно разсказывалъ про свои работы по стале-литейному дѣлу, результаты опытовъ, заграничныя впечатлѣнія и т. п.

По его словамъ, ему не легко было попасть на заводъ Круппа, но еще труднѣе болѣе или менѣе подробно осмотрѣть всѣ детали производства. Сопровождавшій его заводскій служащій торопливо водилъ Обухова изъ одной фабрики въ другую, не давая возможности внимательно присмотрѣться къ чему-либо, особенно если замѣчалъ, что это интересовало русскаго инженера.

Нѣмцы уже успѣли пронюхать, кто такой этотъ русскій инженеръ, и заботливо охраняли отъ его вниманія всѣ секреты заводскаго производства.

Изъ заграничной командировки Павелъ Матвѣевичъ вернулся въ Златоустъ въ іюлѣ 1858 года.

Представленный начальству, о результатахъ этой командировки, отчетъ заключалъ въ себѣ подробный проектъ изготовленія стальныхъ орудій непосредственно въ Россіи.

Пройдя разныя инстанціи, онъ былъ наконецъ одобренъ, и въ 1859 году Обуховъ получилъ разрѣшеніе приступить къ отливкѣ, въ Златоустовской оружейной фабрикѣ, пробныхъ стальныхъ пушекъ, одновременно же, въ его распоряженіе, было ассигновано, на этотъ предметъ, около ста тысячъ рублей.

Въ сентябрѣ того же года Обуховъ былъ всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ Св. Анны 3-ей степени.

Работы по приготовленію пробныхъ орудій, можно сказать, кипѣли и шли успѣшно.

Дѣла было по горло. Никакихъ приспособленій для новаго производства при оружейной фабрикѣ не имѣлось. Пришлось возвести новый корпусъ литейной фабрики, съ необходимымъ количествомъ горновъ; зданіе для проковки орудійныхъ болванокъ, съ 250-тъ пудовымъ молотомъ, и, наконецъ, соорудить, хотя небольшую, механическую мастерскую, и снабдить ее станками для обточки и сверленія болванокъ.

Павелъ Матвѣевичъ, горячо, всею душой, отдавшись излюбленному дѣлу, дѣйствовалъ энергично и неутомимо.

Онъ поспѣвалъ вездѣ. Въ литейной, подъ его руководствомъ и по его указаніямъ, шла кладка горновъ; въ проковочной—сооружался фундаментъ для пароваго молота, и производилась сборка составныхъ

частей послѣдняго; въ механической — устанавливались различные станки, паровыя машины, приводы и т. д.

Паровыя машины только съ этихъ поръ появились въ Златоустѣ, несмотря на то, что со дня основанія этого завода протекло цѣлое столѣтіе.

Всѣ станки, машины, словомъ, всѣ предметы оборудованія фабрикъ были выписаны изъ Бельгіи и устанавливались подъ руководствомъ уставщика-бельгійца.

Благодаря умѣлой распорядительности Обухова и замѣчательному усердію его сотрудниковъ, техниковъ, мастеровъ и рабочихъ, уже въ началѣ 1860 года всѣ подготовительныя работы для выдѣлки стальныхъ пушекъ были окончены.

Первая работа закипѣла въ литейной. Одни подвозили къ горнамъ уголь; другіе выбирали изъ сушила готовые тигли и осторожно, въ наглухо закрытыхъ ящикахъ, переносили ихъ въ литейную; третьи, по указанію Павла Матвѣевича, сортировали составныя части шихты, тщательно ихъ взвѣшивали и ссыпали въ тигли.

Когда послѣднее было окончено и тигли помѣстили въ горны, Обуховъ, прямо съ фабрики, отправился къ горному начальнику, генералъ-маіору Лизелю, и доложилъ ему, что все готово и можно приступить къ отливкѣ первыхъ, пушечныхъ болванокъ.

— Когда вы полагаете начать отливки? — спросилъ начальникъ.

— Завтра, въ пять часовъ утра.

— Препятствій не предвидится?

— Думаю, что нѣтъ. Шихта составлена, ссыпана въ тигли. Тигли уже въ горнахъ, и къ пяти часамъ, по моему разсчету, смѣсь должна расплавиться.

— Кому вы поручили ночной надзоръ за работами?

— Никому. Это первая отливка; весь успѣхъ зависитъ отъ нея, и я рѣшилъ наблюдать за всѣмъ непосредственно,—проговорилъ взволнованно Павелъ Матвѣевичъ.

— Это, значитъ, вы намѣрены не спать ночь. Ну, смотрите, вы этимъ себя, пожалуй, совсѣмъ уходите. Хоть теперь-то ступайте, да отдохните до вечера — посовѣтовалъ добродушно Лизель.

— Постараюсь, хотя увѣренъ, что не засну. Прикажете ожидать васъ къ отливкѣ? — спросилъ Обуховъ, вставая и откланиваясь начальнику.

— Да, да, непремѣнно. Дай-те мнѣ знать за полчаса до начала. До свиданья! Желаю полнѣйшаго успѣха.

Въ теченіе вечера, въ присутствіи Обухова, были установлены, въ центрѣ фабрики, въ сдѣланныхъ на полу углубленіяхъ, четыре чугунныя формы, которыя, черезъ нѣсколько часовъ, по расплавкѣ содержимаго тиглей, должны были наполниться литою сталью.

На другой день, чуть свѣтъ, съ четырехъ часовъ утра, стали прибывать въ литейную разные чины горнозаводскаго управленія.

Однихъ влекло любопытство, такъ какъ они слышали, что процессъ отливки представляетъ довольно эффектное зрѣлище; другіе дѣйствительно интересовались новымъ дѣломъ и желали ознакомиться съ нимъ практически. Были и такіе, которыхъ влечетъ вообще все, что только выдается изъ круга заурядной, будничной жизни, и въ чемъ находятъ они нѣчто въ родѣ развлеченія.

Послѣднимъ пріѣхалъ горный начальникъ, и, вскорѣ же по его пріѣздѣ, раздался звонокъ.

Заранѣе сформированная артель литейщиковъ, изъ крѣпкихъ и дюжихъ, съ загорѣлыми отъ огня лицами, рабочихъ размѣстилась на своихъ постахъ, то есть каждая пара—у своего горна.

Главный мастеръ, обойдя горны и убѣдясь, что шихта расплавилась, доложилъ объ этомъ Обухову.

— Второй звонокъ!—крикнулъ Павелъ Матвѣевичъ.

Едва раздался звукъ звонка, какъ каждая пара литейщиковъ, вытащивъ изъ горна, особыми, желѣзными ухватами, до̀-бѣла раскаленные тигли, ставила ихъ на посыпанный пескомъ полъ фабрики; затѣмъ, выломавъ пробки, закрывавшія отверстія тиглей, стали ожидать дальнѣйшей команды.

Внимательно слѣдившій за дѣйствіями рабочихъ, Обуховъ крикнулъ:

— Къ отливкѣ!

Тотчасъ же литейщики, ухвативъ посредствомъ двухручныхъ, желѣзныхъ щипцовъ, тигли, пара за парой, въ стройномъ порядкѣ, стали подходить къ формамъ и выливать въ нихъ содержимое тиглей.

Тонкія, блестящія струи металла полились безъ перерыва, постепенно и равномѣрно наполняя формы.

— Блоки!—скомандовалъ Обуховъ, когда увидѣлъ, что всѣ изложницы уже достаточно наполнились расплавленной массой.

Зазвенѣли цѣпи, скользя по блокамъ; тяжелыя, чугунныя пробки опустились на поверхность жидкаго металла и сжали его до извѣстной степени.

Процессъ отливки окончился.

Вдругъ, неожиданно раздались аплодисменты, и всѣ, наперерывъ, спѣшили къ Павлу Матвѣевичу съ поздравленіями.

Утомленный и вообще замѣтно возбужденный пережитыми часами, Обуховъ смущенно благодарилъ и раскланивался передъ окружавшими его сослуживцами и знакомыми.

Пока происходила эта сцена поздравленій и пожеланій, толпа рабочихъ, прямыхъ участниковъ въ только-что окончившейся работѣ, выстроилась въ двѣ шеренги, съ мастеромъ впереди.

— Павлу Матвѣевичу Обухову ура!—крикнулъ, во всѣ свои легкія, главный мастеръ.

— Урра! Урра!—подхватили его рабочіе, и эти громкіе, вырвавшіеся изъ могучихъ грудей молодцовъ-литейщиковъ, звуки лихо пронеслись подъ желѣзной крышей фабричнаго зданія.

— Первымъ русскимъ стальнымъ пушкамъ ура! — снова прокричалъ мастеръ.

И снова, подхваченное рабочими, раскатисто пронеслось громогласное „ура!“ по литейной.

Павелъ Матвѣевичъ вышелъ изъ окружавшей его группы лицъ, снялъ фуражку и низко поклонился рабочимъ.

— Качать! Качать!—закричали послѣдніе и, подхвативъ Обухова, стали подбрасывать его къ верху.

— Браво! Браво!—вторила остальная публика, невольно возбужденная этою сценою.

— Освободить ихъ на два дня отъ работъ,—приказалъ Павелъ Матвѣевичъ надзирателю: — да угостить ихъ, на мой счетъ, хорошенько! Они это вполнѣ заслужили.

Такою неожиданной манифестаціей закончилась отливка первыхъ четырехъ орудійныхъ болванокъ изъ обуховской стали.

Воодушевившись успѣхомъ первыхъ отливокъ, Павелъ Матвѣевичъ еще энергичнѣе принялся за дѣло, спѣша окончательной отдѣлкой пробныхъ пушекъ.

Занятый цѣлые дни и на фабрикѣ и дома, онъ рѣдко показывался въ обществѣ, гдѣ считалъ себя неудобнымъ гостемъ, ибо не танцовалъ и не игралъ въ карты, а послѣднія, увы, довольно сильно процвѣтали и въ частныхъ домахъ и въ клубѣ. Въ послѣдній впрочемъ онъ иногда заѣзжалъ, ради билліардной игры, которую любилъ, и считался однимъ изъ лучшихъ игроковъ клуба.

Но, за то, чтобы нѣсколько разсѣяться и отдохнуть отъ занятій, Павелъ Матвѣевичъ, время отъ времени, устраивалъ у себя на квартирѣ, для златоустовскаго общества, какое-нибудь особенное, имъ придуманное, развлеченіе, и былъ всегда очень доволенъ, когда оно удавалось.

Вскорѣ послѣ Рождественскихъ праздниковъ, Павелъ Матвѣевичъ началъ прихварывать, жалуясь особенно на боли въ ногахъ. Эта болѣзнь, сопровождавшая его вплоть до смерти, обострялась временами на столько сильно, что не позволяла ему выходить изъ дому и носить обычную обувь, которую онъ долженъ былъ замѣнить высокими, выше колѣнъ, пимами.

Явилась она послѣдствіемъ одного романтическаго эпизода.

Какъ холостякъ, но живущій своимъ хозяйствомъ и нерѣдко при-

нимающій у себя гостей, Павелъ Матвѣевичъ держалъ опытную экономку - нѣмку, вдову одного изъ приглашенныхъ въ Златоустъ на службу вестфальскихъ мастеровъ, которые, въ то время, составляли въ заводѣ цѣлую колонію и имѣли даже свой клубъ.

Вдова поступила къ Обухову вмѣстѣ съ подросткомъ - дочерью, Терезой. Черезъ два-три года, этотъ подростокъ превратился въ замѣчательно красивую дѣвушку. Постепенно и незамѣтно она сдѣлалась не только прямой помощницей матери, но и заняла особое, привилегированное положеніе въ квартирѣ своего хозяина, котораго начала обожать еще дѣвочкой.

Страстная, малообразованная, съ упрямымъ и настойчивымъ нравомъ, она боялась за прочность своего положенія и придумывала разные способы,—какъ-бы покрѣпче привязать къ себѣ Павла Матвѣевича. Хотя она съумѣла окружить его всѣми удобствами, устраивать все по его вкусу и желанію, но этого казалось ей далеко недостаточно.

Едва-ли мечтала она о законномъ бракѣ, ибо взгляды на этотъ предметъ Обухова ей были хорошо извѣстны. Да, кромѣ того, она прекрасно знала, что настоящимъ положеніемъ своимъ обязана матери, усердно стремившейся къ этой цѣли и получившей за то весьма щедрую плату. Но боязнь, что Павелъ Матвѣевичъ можетъ къ ней охладѣть, увлечься другой, или, даже, жениться, не давала покоя неугомонному сердцу Терезы.

Услыхавъ случайно, что есть какое-то средство, какой-то приворотный корень, оказывающій чудодѣйственную силу,—прочно и неразрывно привязывать любимаго человѣка,—Тереза стала упорно искать этого средства среди мѣстныхъ знахарокъ и бабушекъ-повитухъ.

Исканія ея увѣнчались успѣхомъ, и, вотъ, началось систематическое подливаніе какого-то настоя къ разному питью, которое употреблялъ, въ обыденной жизни, Павелъ Матвѣевичъ.

Результатомъ этого явилось какое-то особенное, общее недомоганіе, которое вдругъ сталъ ощущать Обуховъ, а главное, временами, у него опухали ноги и ножные мускулы почти не дѣйствовали.

Богъ знаетъ какія бы печальныя послѣдствія принесли эти систематическіе пріемы неизвѣстнаго снадобья, если бы, случайно, кѣмъ-то изъ прислуги не были замѣчены продѣлки Терезы. А вся прислуга любила своего барина и, разумѣется, тотчасъ же довела до его свѣдѣнія о своемъ открытіи.

На другой же день, убѣдившись въ вѣрности сообщенныхъ ему о дѣйствіяхъ Терезы свѣдѣній, Павелъ Матвѣевичъ немедленно отказалъ отъ мѣста экономкѣ, приказавъ ей, сейчасъ же, вмѣстѣ съ дочерью, выѣхать изъ его дома.

Помянутое выше снадобье было изслѣдовано однимъ изъ заводскихъ врачей, который нашелъ, что оно должно было оказать на состояніе здоровья Обухова именно то дѣйствіе, какое оказало, и что, въ виду довольно долгаго пріема его, врядъ-ли болѣзнь ногъ можетъ быть излѣчена радикально.

Заключеніе врача, къ сожалѣнію, вполнѣ подтвердилось впослѣдствіи.

Поступившая къ Обухову новая экономка, тоже изъ нѣмокъ, оказалась образцовой. Помимо всѣхъ качествъ, присущихъ хорошей и опытной экономкѣ, она была одновременно и прекрасной сестрой милосердія, въ разумномъ и внимательномъ уходѣ которой нерѣдко нуждался Павелъ Матвѣевичъ.

Эта экономка прожила у него до конца его жизни и собственноручно закрыла ему глаза.

За такую продолжительную и примѣрную службу она была весьма щедро вознаграждена, оставленнымъ Обуховымъ и хранившимся у петербургскаго нотаріуса, духовнымъ завѣщаніемъ.

V.

Первыя стальныя пушки.—Проба ихъ въ Златоустѣ.—Командировка въ Петербургъ.—Испытаніе пробныхъ орудій на артиллерійскомъ полигонѣ.—Посѣщеніе послѣдняго государемъ.—Блестящіе результаты испытаній.—Награды и лестныя обѣщанія.—Возвращеніе въ Златоустъ.—Назначеніе горнымъ начальникомъ.—Неожиданныя неполадки и ихъ послѣдствія.

Работы по приготовленію пробныхъ пушекъ велись энергично, и три изъ нихъ, къ марту 1860 года, были уже вполнѣ готовы, то есть обточены и высверлены. Четвертую же надлежало отправить въ Петербургъ въ неотдѣланномъ видѣ.

Пушки были сдѣланы по образцу крупповскихъ, такихъ же размѣровъ и такого же діаметра въ каналѣ, ибо испытаніе на артиллерійскомъ полигонѣ, въ Петербургѣ, предполагалось произвести съ цѣлью опредѣленія и сравненія достоинствъ орудій изъ обуховской и крупповской стали.

Предварительно отправки въ столицу, пробныя орудія были подвергнуты испытанію въ Златоустѣ. Полигономъ служила ледяная, покрытая снѣгомъ, довольно обширная площадь заводскаго пруда. Лафеты съ орудіями были установлены на берегу, подъ горою Косатуромъ, недалеко отъ плотины.

Назначенный для испытанія день выдался солнечный и тихій.

Со всѣхъ концовъ завода стекались толпы лицъ, разныхъ сосло-

вій, преимущественно рабочихъ, и располагались, гдѣ кто находилъ удобнѣе. Не только всѣ свободныя мѣста, около орудій, но весь берегъ, часть пруда, у плотины, и даже гора Косатуръ были усѣяны народомъ.

Бравые артиллеристы, подъ командой офицера - пріемщика, суетились около орудій.

Вотъ пошелъ въ ходъ банникъ, заложенъ зарядъ пороха, забитъ пыжъ, и раздалась команда: пли!

Грянулъ первый, холостой выстрѣлъ и гулкимъ эхо прокатился по окружавшимъ ледяное поле горамъ.

Вслѣдъ за этимъ раздалось приказаніе зарядить пушку ядромъ

Ухвативъ изъ ящика гладкую, чугунную бомбу, артиллерійскій солдатикъ вкатилъ ее въ дуло орудія и забилъ зарядъ банникомъ.

Снова раздалась команда: пли! И снова грянулъ болѣе громкій выстрѣлъ, который окружающія толпы зрителей шумно привѣтствовали возгласами одобренія.

Испытаніе продолжалось цѣлый день и, послѣ назначеннаго числа выстрѣловъ, было закончено.

Пушки выдержали пробу.

На другой же день онѣ были уложены въ особыя сани и отправлены гужомъ въ Петербургъ.

По доставкѣ въ столицу, орудія были сданы въ артиллерійскій арсеналъ, гдѣ ихъ нарѣзали. Не вполнѣ же отдѣланная въ Златоустѣ орудійная болванка была тамъ же обточена и высверлена.

Въ августѣ 1860 года, по распоряженію главнаго начальника уральскихъ заводовъ, Обуховъ былъ командированъ въ Петербургъ для присутствованія при отдѣлкѣ и пробѣ отлитыхъ имъ стальныхъ пушекъ.

Начало опытовъ на артиллерійскомъ полигонѣ назначено было 26-го ноября, при чемъ предполагалось произвести изъ орудій по 4.000 выстрѣловъ.

Первая тысяча выстрѣловъ прошла благополучно; никакихъ измѣненій и поврежденій въ каналѣ орудій замѣчено не было. Со второй тысячи зарядъ нѣсколько усилили, добавивъ еще одинъ фунтъ пороха. Но и при этомъ, послѣ трехъ тысячъ выстрѣловъ, правильность полета ядра нисколько не измѣнилась.

Такой блестящій результатъ не могъ не произвести на начальствующихъ лицъ извѣстнаго впечатлѣнія.

Министръ финансовъ, въ вѣдомствѣ котораго служилъ Обуховъ, не желая вторично быть предупрежденнымъ въ ходатайствѣ о награжденіи изобрѣтателя военнымъ министромъ, не замедлилъ доложить государю о результатахъ испытаній пробныхъ орудій и одновременно

представить Павла Матвѣевича къ наградѣ, за полезные труды его по орудійному производству.

И дѣйствительно, какъ изъ рога изобилія, щедро посыпались на Обухова награды.

Государь императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра финансовъ, въ 9-ый день февраля 1861 года, объ особыхъ трудахъ горнаго инженеръ-подполковника Обухова, по изобрѣтенію имъ способа приготовленія литой стали и выдѣлки изъ нея орудій, всемилостивѣйше повелѣлъ, независимо отъ производства его въ полковники, о чемъ объявлено было въ высочайшемъ приказѣ по корпусу, отъ 3-го февраля, пожаловать его кавалеромъ ордена св. равноапостольнаго князя Владиміра 4-ой степени и производить ему по 50 копѣекъ съ пуда приготовленныхъ къ сдачѣ орудій и по 35 копѣекъ съ пуда глухихъ, орудійныхъ болванокъ и сортовой стали, приготовленныхъ по заказамъ правительства.

Четвертая и послѣдняя тысяча выстрѣловъ изъ пробныхъ орудій производилась уже въ мартѣ 1861 года.

Въ послѣдній день пробы, 8-го марта, покойный императоръ Александръ II удостоилъ полигонъ своимъ присутствіемъ.

Зная лично Обухова, который еще ранѣе былъ представленъ государю въ Зимнемъ дворцѣ, императоръ спросилъ его:

— Увѣренъ ли ты, что твоя пушка выдержитъ?

— Вполнѣ увѣренъ, ваше величество,—отвѣчалъ Обуховъ.

— А чѣмъ ты это докажешь?

— Не побоюсь сѣсть на нее, во время стрѣльбы, если будетъ угодно дозволить вашему величеству.

— Ну, нѣтъ, это ужъ лишнее,—замѣтилъ государь, улыбаясь:—я и такъ со всѣхъ сторонъ слышу, что пушки твои выше похвалъ и безъ сомнѣнія выдержатъ пробу.

По окончаніи испытаній орудій, Павелъ Матвѣевичъ удостоился быть представленнымъ великимъ князьямъ Константину и Михаилу Николаевичамъ, съ глубокимъ чувствомъ отзывался о ихъ сердечномъ и милостивомъ пріемѣ.

Кстати, разскажу о небольшомъ приключеніи, помѣшавшемъ Обухову пріѣхать, для представленія къ великому князю Михаилу Николаевичу, въ назначенный его высочествомъ день.

Это случилось въ воскресенье, и я, по обыкновенію, былъ у дяди.

Въ назначенный часъ, въ полной, парадной формѣ, Павелъ Матвѣевичъ, въ заранѣе нанятой каретѣ, отправился къ великому князю.

Каково же было мое удивленіе, когда, черезъ 10 или 15 минутъ, я вижу быстро входящаго, блѣднаго и съ кровавыми ранами на лицѣ дядю.

— Чортъ знаетъ, что за экипажи!—раздраженно говорилъ онъ, проходя въ уборную.

— Что такое? Что случилось? спрашивалъ я, слѣдуя за нимъ, сильно встревоженный.

— Не доѣзжая до дворца, карету тряхнуло, и лопнувшее стекло изрѣзало мнѣ всю щеку,—объяснялъ онъ, обмывая раны у умывальника.

Покончивъ съ этимъ, Павелъ Матвѣевичъ тотчасъ же далъ знать, кому слѣдуетъ, что, по такой-то, уважительной причинѣ, онъ лишенъ возможности исполнить приказаніе его высочества и представиться ему сегодня.

Великій князь былъ на столько внимателенъ и милостивъ, что въ тотъ же день послалъ къ Обухову своего адъютанта справиться о состояніи его здоровья.

Къ счастію, три небольшія ранки оказались довольно легкими, и черезъ недѣлю, послѣ дня, назначеннаго великимъ княземъ для пріема Обухова, послѣдній имѣлъ возможность представиться его высочеству.

Почти цѣлый годъ провелъ Павелъ Матвѣевичъ въ Петербургѣ и не мало поразсказалъ мнѣ о своихъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ визитахъ, о тѣхъ любезностяхъ и комплиментахъ, которые щедро расточали ему и инженеры, и артиллеристы, и знакомые, и, наконецъ, объ обѣщаніи, данномъ имъ военному министру, непремѣнно приготовить къ будущему году 12-ти фунтовыя орудія.

— Если вы это исполните, то я, въ свою очередь, обѣщаю вамъ исходатайствовать флигель-адъютанскіе аксельбанты,—сказалъ министръ.

— Да, это былъ бы первый примѣръ въ горномъ вѣдомствѣ!—возбужденно говорилъ дядя.—И я постараюсь, приложу всѣ силы... У меня такіе славные помощники. Особенно Николай Васильевичъ Воронцовъ. Способная, энергичная личность. Вотъ, кончишь курсъ, пріѣзжай, самъ увидишь.

И не предчувствовалъ Павелъ Матвѣевичъ, что встрѣтится неожиданное препятствіе, и онъ не сдержитъ даннаго военному министру обѣщанія, а слѣдовательно и не украситъ свой горный мундиръ флигель-адъютантскими аксельбантами. Не предчувствовалъ онъ также, что это препятствіе отразится и на отношеніяхъ его къ Воронцову и послужитъ причиною полнаго между ними разрыва.

Эту бесѣду съ дядей вели мы какъ разъ передъ обѣдомъ, который онъ получалъ изъ ресторана Бореля.

— Кушать подано!—доложилъ Матвѣй, любимый камердинеръ дяди, почти всегда сопутствовавшій ему во всѣхъ его командировкахъ.

Мы усѣлись за столъ и съ аппетитомъ принялись за уничтоженіе прекрасно приготовленныхъ и вкусныхъ блюдъ кухни Бореля.

— А я съ Борелемъ устроилъ, между прочимъ, одно дѣльце,—заговорилъ Павелъ Матвѣевичъ, въ концѣ обѣда.

— Какое?—спросилъ я.

— У меня, въ Златоустѣ, при поварѣ, есть два молодыхъ парня-поваренка, очень способныхъ. Вотъ я ихъ и пристроилъ къ Борелю, который, въ теченіе года, обязался сдѣлать изъ нихъ хорошихъ поваровъ и взялъ за это очень недорого, всего пятьсотъ рублей.

— А вашъ поваръ развѣ не хорошъ?

— Такъ себѣ, да и старъ очень; а замѣнить его тамъ положительно не кѣмъ. Я же, грѣшный человѣкъ, послѣ трудовъ праведныхъ, люблю подкрѣпить силы хорошимъ обѣдомъ. Это одна изъ моихъ слабостей. Теперь же, благодаря щедрости государя, я могу себѣ позволить эту небольшую роскошь.

Дѣйствительно, какъ я потомъ имѣлъ возможность лично убѣдиться, изъ обучавшихся у Бореля двухъ заводскихъ пареньковъ вышли прекрасные повара, которые готовили кушанья поочередно.

Блестящіе результаты испытанія пробныхъ орудій доказали полную возможность имѣть военному вѣдомству свои, русскія, стальныя пушки, не покупая крупповскихъ, которыя, по контракту, стоили по 52 руб. за пудъ, тогда какъ пушки изъ обуховской стали обошлись казнѣ по 16 руб. 50 коп. за пудъ.

Разница весьма чувствительная.

По окончаніи пробы, первая стальная русская пушка была отправлена въ артиллерійскій арсеналъ, а оттуда въ Историческій музей, устроенный въ кронверкѣ Петропавловской крѣпости.

Въ приказѣ по корпусу горныхъ инженеровъ, отъ 12-го мая 1861 г., было изложено распоряженіе его высочества, генералъ-фельдцейхмейстера, о назначеніи Обухова членомъ-корреспондентомъ временнаго ученаго артиллерійскаго комитета.

Успѣшно выдержавшее 4.000 выстрѣловъ 4-хъ фунтовое орудіе, изъ обуховской стали, фигурировало позднѣе на Лондонской всемірной выставкѣ. Тамъ оно обратило на себя всеобщее вниманіе и возбудило не мало толковъ среди заграничныхъ металлурговъ, а Обухову коммиссіей международныхъ экспертовъ выставки была присуждена, за это орудіе, медаль.

Покончивъ со всѣми дѣлами, задержавшими Обухова въ Петербургѣ чуть не цѣлый годъ, онъ отправился, наконецъ, къ мѣсту своего служенія.

Дошедшіе до Златоуста слухи о его успѣхахъ и наградахъ настолько воодушевили его сослуживцевъ и все заводское общество, что

ему, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ завода, была устроена торжественная встрѣча, съ шампанскимъ и тостами. А вскорѣ затѣмъ, въ честь его, былъ устроенъ, въ благородномъ собраніи, блестящій балъ, на которомъ рѣкою лилось шампанское и провозглашались тосты за здравіе государя императора, особъ царствующаго дома и виновника торжества.

На предшествовавшій каждому тосту тушъ оркестра, въ стѣнахъ зданія клуба, отзывались, внѣ его, залпы мѣднаго единорога, который какъ бы привѣтствовалъ появленіе на свѣтъ новаго поколѣнія своихъ собратьевъ—стальныхъ орудій.

Память объ этомъ крайне веселомъ и оживленномъ балѣ на долго сохранилась среди златоустовскаго общества.

По возвращеніи изъ Петербурга, Павелъ Матвѣевичъ немедленно приступилъ къ дальнѣйшему развитію стале-пушечнаго дѣла, на что казною былъ ассигнованъ весьма солидный кредитъ. Предполагалось приготовлять ежегодно не менѣе 500 штукъ стальныхъ орудій, разнаго калибра, начиная съ легкихъ, полевыхъ и кончая тяжелыми, осадными, какъ крѣпостными, такъ и морскими.

Всюду, на заводскомъ дворѣ, кипѣла работа. Воздвигались новыя, болѣе обширныя, фабричныя зданія механической и проковочной; подвозились изъ Бельгіи станки, паровые котлы, молотъ и другія необходимыя машины.

Въ декабрѣ 1861 года, по высочайшему повелѣнію, Павелъ Матвѣевичъ былъ назначенъ горнымъ начальникомъ Златоустовскаго округа. Вслѣдъ за этимъ назначеніемъ, сотрудники Обухова, такъ же, въ свою очередь, получили новыя должности: Воронцовъ—управителя, Деви—его помощника и мой однокурсникъ, Мирецкій—смотрителя оружейной фабрики.

Все это были люди, искренно преданные дѣлу и дѣйствительно полезные помощники Павла Матвѣевича.

Прогостивъ у дяди зимою 1861 года около мѣсяца, я лично убѣдился въ ихъ добросовѣстной и дружной работѣ на пользу стале-пушечнаго дѣла.

Хотя Павелъ Матвѣевичъ и очень желалъ, чтобы я, по выпускѣ изъ института, тотчасъ же пріѣхалъ въ Златоустъ и началъ службу подъ его начальствомъ, но, вслѣдствіе усиленной просьбы отца, я рѣшилъ первый годъ практическихъ занятій провести въ мѣстѣ его служенія, въ Воткинскомъ заводѣ.

Въ это время Обуховъ составлялъ новый штатъ для фабрики, по которому содержаніе служащихъ предполагалось значительно увеличить.

— Какъ только штатъ будетъ утвержденъ, и тебѣ откроется штатное мѣсто,—говорилъ мнѣ Павелъ Матвѣевичъ.

Я, конечно, былъ очень радъ и съ удоволствіемъ мечталъ о совмѣстныхъ трудахъ съ такими симпатичными и дѣльными инженерами, какихъ я встрѣтилъ въ лицѣ сотрудниковъ Обухова.

Между тѣмъ, вновь строющаяся фабрика, названная, въ честь великаго князя Михаила Николаевича, весьма сочувственно относившагося къ Обухову, стале-пушечной, Князе-Михайловской фабрикой, росла не по днямъ, а по часамъ.

Вскорѣ все было на столько подготовлено, что можно было приступить къ валовой работѣ пушекъ. Ждали только окончательнаго установа поспѣшно сбираемаго пятисотпудоваго пароваго молота.

Вотъ установленъ, наконецъ, и этотъ молотъ, и въ одинъ прекрасный, но печальный по послѣдствіямъ, день была назначена первая проковка подъ нимъ орудійныхъ болванокъ.

Около десяти часовъ утра Воронцовъ отправилъ посланнаго доложить Павлу Матвѣевичу, что въ фабрикѣ все готово и можно приступить къ ковкѣ.

Самъ же онъ съ другими инженерами и техниками ждалъ у воротъ проковочной фабрики пріѣзда начальника.

Лица у всѣхъ были довольныя, радостныя, ибо все поспѣло во̀время, къ сроку.

Стоятъ, курятъ и весело перебрасываются фразами.

Вдругъ раздается шумъ выпущеннаго пара и какой-то особенный, сильный и рѣзкій стукъ внутри зданія.

Разговоръ разомъ оборвался; всѣ невольно вздрогнули и кинулись поспѣшно въ фабрику.

А тамъ, блѣдный, какъ полотно, помощникъ машиниста, держась за ручку привода, стоитъ, словно статуя, на молотовой площадкѣ и недоумѣло глядитъ на молотъ, паровой цилиндръ котораго и одна изъ станинъ оказались на столько поврежденными, что требовали замѣны ихъ другими, новыми.

— Что здѣсь случилось?—спрашиваетъ тревожно Воронцовъ у помощника машиниста.

Послѣдній, въ отвѣтъ, только шевелитъ губами, не будучи въ силахъ произнести хотя слово отъ страха.

— Несчастье, Николай Васильевичъ,—спѣшитъ доложить подбѣжавшій уставщикъ-бельгіецъ: — цилиндръ и одну станину совсѣмъ испортили, а запасныхъ нѣтъ; не знаю что̀ и дѣлать.

— Кто? Какимъ образомъ?

— Да вотъ онъ, указывая на помощника машиниста, объясняетъ уставщикъ:—хотѣлъ показать свое умѣніе управлять молотомъ, да хватилъ не такъ, не задержалъ пара.

— А какъ же вы-то позволили ему сдѣлать это?

— Да онъ самовольно, безъ спросу.

— Начальникъ ѣдетъ!—крикнулъ кто-то, вбѣгая въ фабрику.

Съ мрачными, вытянутыми лицами вышли Воронцовъ и его помощники навстрѣчу Обухову.

Павелъ Матвѣевичъ тотчасъ же замѣтилъ разстроенныя лица инженеровъ и, торопливо здороваясь, спросилъ:

— Что тутъ у васъ? Все въ порядкѣ?

— Несчастье, Павелъ Матвѣевичъ,—угрюмо отвѣчалъ Воронцовъ: молотъ сломали.

— Какъ? Кто?

— Помощникъ машиниста. Вздумалъ самовольно пробовать.

— Да какъ же допустили это? Гдѣ же у васъ были глаза? Хороши порядки—нечего сказать,—горячась, заговорилъ Обуховъ.

— Никто не допускалъ. И кому бы пришло въ голову, что онъ осмѣлится...

— А нужно, чтобъ приходило. Нужно все предвидѣть. У хорошаго управителя такихъ вещей не должно случаться,—все больше и больше горячась, укорялъ Обуховъ Воронцова.

— Самый лучшій управитель не застрахованъ отъ подобныхъ случайностей,—сдержанно, но тоже далеко не хладнокровно, возражалъ Николай Васильевичъ.

— Вздоръ-съ! Никогда! Вы-съ... вы—отвѣтственное лицо, и вы кругомъ виноваты.

— Прошу извиненія; но я, въ этомъ случаѣ, никакой вины за собой не признаю.

— Не признаете?.. Еще бы!.. Ахъ, вы... дрянной управитель! не сдержался Обуховъ.

— А вы—дрянной начальникъ, съ которымъ я служить не намѣренъ,—кинулъ въ отвѣтъ Воронцовъ и тотчасъ же уѣхалъ изъ завода.

Эта коротенькая, нѣсколько минутъ длившаяся, сценка произвела такое тяжелое впечатлѣніе на присутствующихъ, что всѣ они стояли въ глубокомъ молчаніи и понуривъ головы.

Обведя, не столько гнѣвнымъ, сколько возбужденнымъ взглядомъ собравшихся въ фабрикѣ лицъ, Павелъ Матвѣевичъ вышелъ изъ фабрики и уѣхалъ домой.

— Остановка... и сколько времени... когда-то еще доставятъ изъ Бельгіи... а срокъ пройдетъ... не успѣю, не выполню заказа... Вотъ тебѣ и флигель-адъютантскіе аксельбанты!.. Обидно... Такъ, отрывочно, думалъ Обуховъ на пути къ своей квартирѣ.

Несчастный случай съ молотомъ на столько сильно разстроилъ

Павла Матвѣевича, что онъ весь этотъ день чувствовалъ себя очень не хорошо, былъ крайне разсѣянъ и относился пассивно ко всему, что обыкновенно пользовалось извѣстною долею его вниманія.

На другой день, волей-неволей примирившись съ совершившимся фактомъ, онъ ясно созналъ, что оскорбилъ Воронцова, что послѣдній дѣйствительно былъ ни при чемъ, а виною всему послужила чистая, непредвидѣнная случайность, одна изъ тѣхъ случайностей, которыя тамъ неожиданно разрушаютъ иногда наши намѣренія и предположенія.

Искренно привязавшись къ Николаю Васильевичу и цѣня его энергію и знанія, Обуховъ былъ сильно опечаленъ разыгравшимся инцидентомъ и отъ всей души желалъ примиренія съ Воронцовымъ. И это примиреніе несомнѣнно состоялось бы, такъ какъ и Воронцовъ, въ свою очередь, любилъ и уважалъ Обухова, но нашлись люди, враждебно-настроенные противъ Павла Матвѣевича, и употребили всевозможныя, не особенно чистыя средства, чтобы раздуть еще сильнѣе обострившіяся между начальникомъ и управителемъ отношенія.

Павлу Матвѣевичу, разумѣется подъ секретомъ, передавали разныя нелестныя и оскорбительныя для него выраженія, которыя, будтобы, позволялъ себѣ употреблять Воронцовъ и въ обществѣ, и въ клубѣ. Воронцову же, въ свою очередь, спѣшили сообщать, — какъ честитъ и чернитъ его Обуховъ.

Обычная и грустная исторія.

Едва Николай Васильевичъ оффиціально отказался отъ должности, какъ и преданный ему и вполнѣ съ нимъ солидарный Мирецкій также отказался отъ своей должности.

Обухову пришлось организовать новый составъ управленія фабрикой.

Управителемъ былъ назначенъ подполковникъ И. Ф. Нейбергъ, помощникомъ его—штабсъ-капитанъ И. К. Чупинъ и смотрителемъ—я.

Деви же замѣстилъ Нейберга, бывшаго до сего управителемъ Саткинскаго завода.

Получивъ распоряженіе о моемъ назначеніи и ничего не зная о томъ, что творилось въ Оружейно и Князе-Михайловской фабрикѣ, я съ радостью спѣшилъ въ Златоустъ, гдѣ мечталъ работать вмѣстѣ съ такими прекрасными и дѣльными сотоварищами, какими считалъ Воронцова, Деви и Мирецкаго. Но каково же было мое разочарованіе, когда, по пріѣздѣ въ Златоустъ, никого изъ нихъ я уже не засталъ на фабрикѣ.

На первыхъ же порахъ вступленія въ отправленіе своихъ обязанностей новаго состава управленія фабрики, стали встрѣчаться коекакія неполадки. А въ обществѣ по этому поводу ходили разные,

иногда совершенно противорѣчивые, слухи; сплетни росли, какъ грибы; нѣкоторыя лица, безъ всякихъ особенныхъ видовъ и разсчетовъ, пользуясь обстоятельствами, сообщали всѣ эти дрязги Обухову, постепенно вооружая его противъ нѣкоторыхъ изъ сослуживцевъ.

Такъ, между прочимъ, незаслуженно очерненъ былъ въ его глазахъ и управитель Златоустовскаго завода, подполковникъ Е. И. Ольховскій.

Но онъ поступилъ и разумно и тактично. Не оправдываясь и не объясняясь, онъ тотчасъ же просилъ объ увольненіи отъ должности и былъ зачисленъ временно, по главному управленію, безъ содержанія отъ казны.

Вмѣсто него, по представленію Обухова, былъ назначенъ молодой инженеръ, штабсъ-капитанъ В. К. Покровскій.

Всѣ подробности вышеприведеннаго инцидента я узналъ тотчасъ же по пріѣздѣ въ Златоустъ, частію отъ дяди и его сторонниковъ, частію же отъ противной партіи. Разнясь нѣсколько въ частностяхъ, въ общемъ подробности эти оказались почти совершенно одинаковыми.

Окончательно разойдясь съ Воронцовымъ, Павелъ Матвѣевичъ тѣмъ не менѣе не хранилъ въ душѣ противъ него ни малѣйшей непріязни и не переставалъ считать его личностью, заслуживающей полнаго уваженія.

Хотя работы въ Князе-Михайловской фабрикѣ и шли обычнымъ порядкомъ, но чувствовалось, что въ нихъ чего-то недостаетъ, какъ будто у нихъ что-то отнято.

Это что-то было недостатокъ опытности, знакомства съ дѣломъ и энергіи въ вновь назначенномъ управителѣ.

Добрый, безусловно честный и работящій, Нейбергъ не обладалъ, къ сожалѣнію, особенными способностями и, при такомъ серьезномъ и совершенно новомъ для него дѣлѣ, какъ стале-пушечное производство, онъ былъ совершенно не на своемъ мѣстѣ.

Поэтому Обухову приходилось еще болѣе удѣлять времени на указанія,—гдѣ, какъ и что именно слѣдуетъ дѣлать; приходилось чаще слѣдить за точнымъ выполненіемъ этихъ указаній. А между тѣмъ прискорбный инцидентъ на столько неблагопріятно отозвался на его здоровьѣ, что онъ, временами, по цѣлымъ днямъ не могъ не только выходить изъ дому, но и ходить по комнатамъ.

Это состояніе здоровья Павла Матвѣевича продолжалось вплоть до отъѣзда его изъ Златоуста и оставленія имъ должности горнаго начальника.

VI.

Посѣщеніе Златоуста главнымъ начальникомъ Уральскихъ заводовъ и артиллерійскимъ генераломъ, О. П. Рѣзвымъ. — Предложеніе капиталистовъ Кудрявцева и Путилова.—Основаніе стале-пушечнаго завода въ Петербургѣ.—Отъѣздъ изъ Златоуста.—Служба въ Петербургѣ.—Поѣздка на югъ, для поправленія здоровья.—Смерть Обухова.—Заключеніе.

Лѣтомъ 1863 года посѣтили Златоустовскій заводъ главный начальникъ Уральскихъ заводовъ, генералъ - лейтенантъ Фелькнеръ и артиллеріи генералъ-лейтенантъ, О. П. Рѣзвый [1]).

Первый пріѣхалъ для обозрѣнія Златоустовскаго округа и, остановясь у Обухова, въ домѣ горнаго начальника, прожилъ въ Златоустѣ не болѣе трехъ-четырехъ дней.

Второй же, командированный по дѣлу стальныхъ орудій, прибылъ изъ Петербурга, вскорѣ послѣ отъѣзда Ф. А. Фелькнера, и прожилъ въ заводѣ около трехъ недѣль. Онъ такъ же останавливался въ квартирѣ Павла Матвѣевича.

Чувствуя себя въ это время не особенно хорошо, дядя нѣсколько дней не покидалъ своей комнаты, а потому просилъ меня позаботиться о петербургскомъ гостѣ, занимать его, угощать, ѣздить съ нимъ на фабрику, доставлять нужныя ему свѣдѣнія и вообще исполнять всѣ обязанности хозяина.

Если бы не милый и симпатичный характеръ, которымъ отличался Орестъ Павловичъ, то порученіе дяди было бы для меня очень тяжело и даже подчасъ затруднительно.

Но петербургскій гость такъ просто держалъ себя, такъ мягко и ласково обходился со мною, что я съ большимъ удовольствіемъ проводилъ съ нимъ нерѣдко по 5—6-ти часовъ ежедневно.

Въ то время Орестъ Павловичъ былъ еще, сравнительно, молодой генералъ, ибо ему было не болѣе 45-ти лѣтъ.

Онъ любилъ поговорить и хорошо покушать. Кухня же у Павла Матвѣевича, какъ я упоминалъ, выше, управлялась учениками Бореля, а потому повседневный столъ состоялъ изъ вкусныхъ и прекрасно приготовленныхъ блюдъ, которымъ пріѣзжій гость отдавалъ должную дань, уничтожая ихъ по мѣрѣ требованій желудка и не уставая хвалить искусство заводскихъ поваровъ.

Изъ трехъ недѣль, проведенныхъ въ Златоустѣ, Орестъ Павловичъ около недѣли находился, если можно такъ выразиться, на моемъ попеченіи.

---

[1]) Скончался въ январѣ 1904 года, въ очень преклонныхъ годахъ, въ чинѣ генерала-отъ-артиллеріи.

Между тѣмъ, дѣла по фабрикѣ шли своимъ, обычнымъ порядкомъ, но шли не такъ успѣшно, какъ желалъ этого Павелъ Матвѣевичъ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда изъ Златоуста генерала Рѣзваго, Обухову было сдѣлано петербургскими капиталистами, Кудрявцевымъ и Путиловымъ, весьма выгодное предложенiе.

Они предложили Павлу Матвѣевичу уступить имъ привилегiю, съ условiемъ, что они, на компанейскомъ началѣ, оснуютъ въ Петербургѣ стале - пушечный заводъ, затративъ на это свои собственные капиталы. Онъ же, Обуховъ, безъ взноса деньгами своей доли, вступитъ въ эту компанiю равноправнымъ пайщикомъ и кромѣ того будетъ избранъ начальникомъ вновь устраиваемаго завода, съ приличнымъ, по сей должности, содержанiемъ.

Быстро обсудивъ условiя предложенiя, Павелъ Матвѣевичъ не замедлилъ принять послѣднее, и новыя перспективы, съ новыми, болѣе широкими планами, зароились въ его воображенiи, подкрѣпили силы и воскресили упадавшую, было, энергiю.

Между тѣмъ компаньоны Обухова, оформивъ заключенную съ нимъ сдѣлку, не теряли времени и дѣятельно принялись за хлопоты о разрѣшенiи сооруженiя новаго завода и объ уступкѣ для него мѣста бывшей Александровской мануфактуры.

Благодаря содѣйствiю великихъ князей, Константина и Михаила Николаевичей, сочувственно отнесшихся къ этому предпрiятiю, дѣло по основанiю въ Петербургѣ стале-пушечнаго завода шло весьма успѣшно, и осенью же 1863 года Павелъ Матвѣевичъ былъ командированъ туда для его устройства.

Зная прекрасно, что, на этотъ разъ, онъ уже не вернется изъ Петербурга и по условiю съ компаньонами станетъ тамъ во главѣ вновь устраиваемаго завода, Обуховъ готовился покинуть Златоустъ навсегда.

Знало это и все златоустовское общество и, не задолго до отъѣзда, устроило, въ честь его, прощальный балъ. Вслѣдъ за тѣмъ такой же балъ былъ данъ обществу Павломъ Матвѣевичемъ.

Изъ Златоуста выѣхалъ онъ поздней осенью. Сослуживцы и близкiе знакомые провожали его до первой станцiи, гдѣ, съ бокалами въ рукахъ, распростились съ своимъ начальникомъ, искренно желая ему дальнѣйшихъ успѣховъ въ развитiи стале-пушечнаго дѣла на новомъ заводѣ, въ Петербургѣ.

Вскорѣ же, по отъѣздѣ Павла Матвѣевича изъ Златоуста, состоялся высочайшiй приказъ объ увольненiи его отъ должности горнаго начальника, а въ началѣ 1864 года онъ былъ назначенъ состоять при управляющемъ морскимъ министерствомъ.

Въ 1863 году Обуховъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени.

Зимою же 1864 года въ Златоустѣ было получено изъ Петербурга оффиціальное предложеніе мастерамъ стале-пушечнаго производства поступить на службу въ новый заводъ, на весьма выгодныхъ условіяхъ. Мастера, не долго раздумывая, тотчасъ же согласились и, на счетъ компаньоновъ, отправились въ Петербургъ.

Такъ началась постепенная убыль Князе-Михайловской фабрики сперва въ мастерахъ, затѣмъ разныхъ станкахъ, паровыхъ молотахъ и другихъ машинахъ, которые потребовались, почти одновременно съ С.-Петербургскимъ, Обуховскимъ, еще вновь на Уралѣ устраиваемому, на берегу рѣки Камы, Пермскому стале-пушечному заводу.

Туда также переселилась изъ Златоуста часть опытныхъ мастеровъ и рабочихъ, и въ немъ не осталось почти слѣда отъ промелькнувшаго, какъ метеоръ, стале-пушечнаго производства.

Въ своей статьѣ, помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ „Историческаго Вѣстника", за 1894 годъ, авторъ говоритъ, между прочимъ, что начальникомъ вновь основаннаго Пермскаго пушечнаго завода былъ назначенъ Н. В. Воронцовъ, по указанію, будто-бы, Обухова.

Это невѣрно.

Проектъ устройства, на берегу Камы, близъ Перми, новаго сталепушечнаго завода былъ представленъ горному начальству Воронцовымъ, еще въ послѣднее время существованія этого производства въ Златоустѣ. Этотъ проектъ, останься Обуховъ горнымъ начальникомъ въ Златоустѣ, вѣроятно долго бы не осуществился; но съ уходомъ Павла Матвѣевича, препятствій больше не было, и онъ былъ одобренъ и утвержденъ высшей горной инстанціей.

Устройство новаго завода на удобной по мѣстнымъ условіямъ, береговой полосѣ, занимаемой закрытымъ въ 60-хъ годахъ мѣдно-плавильнымъ, Мотовилихинскимъ заводомъ, было поручено составителю проекта, Н. В. Воронцову, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ назначенъ и первымъ его начальникомъ, но не по указанію Обухова, а потому, что, послѣ него, являлся единственнымъ опытнымъ и хорошо знакомымъ съ новымъ дѣломъ инженеромъ.

Послѣ отъѣзда дяди изъ Златоуста, я, отъ времени до времени, получалъ свѣдѣнія о его жизни и дѣятельности въ Петербургѣ.

Постройка и оборудованіе новаго завода, который въ честь Павла Матвѣевича, былъ названъ поздвѣе Обуховскимъ, на первыхъ порахъ шли довольно успѣшно.

Одну изъ первыхъ отливокъ стальной, орудійной болванки удостоили своимъ присутствіемъ, какъ я слышалъ, великіе князья Константинъ и Михаилъ Николаевичи.

Она велась подъ непосредственнымъ руководствомъ Обухова. Всѣ рабочіе были одѣты въ темно-синія, съ кожанными кушаками, блузы.

Раскаленные добѣла тигли, обычнымъ порядкомъ, извлекались изъ горновъ и подносились къ изложницѣ.

Жидкія струи расплавленной стали, испуская миріады блестящихъ искръ, выливались изъ тиглей въ форму и наполняли послѣднюю металломъ.

Великіе князья, окруженные свитой, компаньонами и чинами заводскаго управленія, съ интересомъ слѣдили за процессомъ отливки и, по окончаніи ея, выразили свое удовольствіе Павлу Матвѣевичу. Затѣмъ, милостиво принявъ предложенный послѣднимъ завтракъ, ихъ высочества, прямо изъ завода, отправились въ квартиру Обухова.

Въ Петербургѣ Павелъ Матвѣевичъ велъ довольно однообразный и замкнутый образъ жизни.

Еще ранѣе разстроенное здоровье, съ переѣздомъ въ столицу, не улучшилось и не позволяло ему ни принимать у себя знакомыхъ, ни посѣщать ихъ въ свою очередь.

Впрочемъ, у него еще кой-кто иногда собирался и встрѣчалъ, по обыкновенію, самый радушный пріемъ. Но самъ онъ, кромѣ завода, почти никуда не выѣзжалъ.

Единственнымъ развлеченіемъ служила для него опера, которую онъ посѣщалъ, сравнительно, довольно часто, не менѣе раза въ недѣлю.

Большую же часть времени онъ отдавалъ разнообразнымъ дѣламъ и соображеніямъ, относящимся до заводскихъ устройствъ, постепенно возводимыхъ въ новыхъ фабрикахъ.

Но, къ сожалѣнію, несмотря на массу труда, заботъ и хлопотъ, дальнѣйшее развитіе Обуховскаго завода шло весьма медленно, встрѣчая на пути разныя, непредвидѣнныя препятствія.

Да и не мудрено.

Совершенно новое въ Россіи стале-пушечное производство, вводимое не безъ затрудненій на Уралѣ, гдѣ легче найти необходимыхъ для того, опытныхъ и привычныхъ рабочихъ, естественно встрѣтило, на новомъ мѣстѣ, еще болѣе затрудненій и препятствій къ успѣху.

Несмотря на то, что Павелъ Матвѣевичъ энергично и настойчиво преслѣдовалъ свои цѣли, все же рядъ мелкихъ неудачъ и неожиданныхъ тормазовъ замедлялъ ходъ дѣла.

Все это крайне неблагопріятно отзывалось на его здоровьѣ, для поправленія котораго онъ вынужденъ былъ оставить заводъ и уѣхать за границу.

Это было въ 1868 году.

Въ томъ же году, за труды его по стале-пушечному производству, онъ былъ всемилостивѣйше пожалованъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

По совѣту врачей, Павелъ Матвѣевичъ отправился на югъ. Но ни южный климатъ, ни предписанныя врачами средства не помогли ему, и, въ мартѣ 1869 года, на пути въ Россію, онъ скончался въ Молдавіи, 48-ми лѣтъ отъ роду.

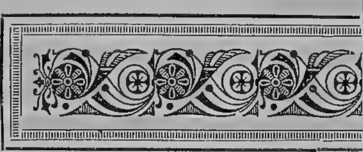
По желанію покойнаго, тѣло его было перевезено въ Петербургъ и предано землѣ на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

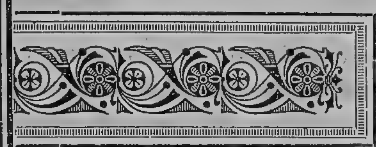
Въ заключеніе передаю выдержку изъ некролога, составленнаго К. К. Скальковскимъ и помѣщеннаго въ апрѣльской книжкѣ „Горнаго журнала" 1869 года:

„Именемъ Обухова гордились долго всѣ горные инженеры, слава его отражалась и на всемъ горномъ вѣдомствѣ, потому свѣжая могила покойнаго не позволяетъ еще сдѣлать совершенно безпристрастной оцѣнки его трудовъ. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что это былъ истинно честный труженикъ, горячо любившій свое дѣло и оказавшій русской горной промышленности огромныя заслуги. Если смерть, прервавшая его дѣятельность такъ рано, не позволила ему пріобрѣсти славы русскаго Круппа, то, по крайней мѣрѣ, онъ сдѣлалъ все возможное, чтобы въ скоромъ времени у насъ были свои Круппы".

А. Кавадеровъ.

Карлъ-Густавъ Лиліенфельдъ [1].

I.

Карлъ-Густавъ Лиліенфельдъ, печальная судьба котораго тѣсно связана съ мрачнымъ дѣломъ Лопухиныхъ, былъ типичный представитель сильнаго духомъ гордаго эстляндскаго дворянства, въ которомъ воплотились отличительныя черты характера германской расы.

Высокаго роста, бѣлокурый, съ правильнымъ красивымъ профилемъ и серьезнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько надменнымъ выраженіемъ лица, онъ былъ одаренъ замѣчательной силой воли и настойчивостью, но въ то же время это былъ нѣжный, любящій сынъ.

Лиліенфельдъ родился и выросъ въ имѣніи своего отца, Аддиналь, на берегу Балтійскаго моря. Играя, ребенкомъ, на морскомъ берегу и охотясь, въ юношескомъ возрастѣ въ еловыхъ лѣсахъ роднаго края, онъ росъ въ здоровой, независимой обстановкѣ помѣщичьей жизни, подъ вліяніемъ своей матери (происходившей изъ шведскаго семейства Гилькрона), женщины выдающагося ума и душевныхъ качествъ, которую онъ страстно любилъ; его ожидала, повидимому, спокойная будущность зажиточнаго помѣщика, какимъ былъ его отецъ, посвящавшій все свое время управленію имѣніемъ; но эта тихая, спокойная жизнь не удовлетворяла юношу; въ немъ рано проснулось честолюбіе, жажда болѣе широкой дѣятельности, и онъ, подобно многимъ своимъ соотечественникамъ, вздумалъ искать счастья при русскомъ дворѣ; этому рѣшительно воспротивилась его мать, и родители Лиліенфельда, желая дать исходъ его стремленію къ дѣятельной жизни, предоставили ему управленіе ихъ имѣніемъ Мойзама, гдѣ онъ провелъ, въ полномъ почти уединеніи три года (съ 1738—1740), лишь изрѣдка посѣщая Аддиналь.

---

[1]) Charles-Gustave de Lilienfeld. Princesse Schahovskoy-Strechneff. La nouvelle Revue. 15 Mars 1905.

Дѣятельно занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, молодой человѣкъ отдыхалъ отъ работъ на маленькой яхтѣ, совершая длинныя прогулки по морю, которое онъ страстно любилъ. Во время долгихъ зимнихъ вечеровъ онъ усердно и много читалъ, пополняя свое образованіе.

Это было затишьемъ передъ бурей. Въ судьбѣ Лиліенфельда произошелъ въ скоромъ времени рѣшительный поворотъ.

Въ 1740 г. скончалась его мать. Вмѣстѣ съ нею исчезла та нравственная сила, которая удерживала его у домашняго очага: жребій былъ брошенъ, стремленіе къ новому, неизвѣданному счастью, заговорило въ его душѣ съ большей силой, чѣмъ прежде, и онъ отправился въ Петербургъ, чтобы окунуться въ ту кипучую жизнь, отъ которой тщетно оберегала его мать, какъ бы предчувствуя, сколько въ ней таилось опаснаго.

Въ то время всесильнымъ правителемъ Россіи былъ герцогъ Курляндскій, несмотря на всеобщую ненависть къ нему русскаго народа; послѣднія слова, сказанныя ему на смертномъ одрѣ императрицей Анной Іоанновной: „тебѣ нечего бояться", какъ будто оправдывались, ибо все повиновалось ему.

Лиліенфельдъ имѣлъ рекомендательныя письма къ регенту и къ нѣкоторымъ высшимъ сановникамъ нѣмецкаго происхожденія, между прочимъ къ барону Менгдену, президенту коммерцъ-коллегіи, и къ оберъ-гофмаршалу Левенвольде, благодаря содѣйствію котораго, вслѣдъ за представленіемъ Бирону, онъ былъ вскорѣ представленъ ко двору: первый шагъ къ карьерѣ, къ которой влекло его честолюбіе, былъ сдѣланъ.

Несмотря на блестящую жизнь двора, Лиліенфельдъ, также какъ и большинство иностранцевъ, посѣтившихъ Петербургъ въ это переходное время, чувствовалъ, что въ столицѣ творилось что-то неладное; русскіе были возмущены тѣмъ, что они находились подъ игомъ фаворита, набросившаго столь неблаговидную тѣнь на предъидущее царствованіе; гвардія была явно враждебна герцогу Курляндскому, народъ ненавидѣлъ его за несправедливость, постигшую дочь Петра Великаго, любимую имъ цесаревну Елисавету Петровну, и былъ возмущенъ тѣмъ, что власть находилась въ рукахъ нѣмца.

Иностранные посланники доносили своимъ дворамъ, что положеніе регента было ненадежно, и объясняли его упорное желаніе остаться въ Россіи только тѣмъ, что ему было одинаково опасно возвратиться въ Митаву, гдѣ онъ могъ подвергнуться нападкамъ со стороны надменнаго курляндскаго дворянства, которое также ненавидѣло его.

Лиліенфельдъ съ удивительной для его лѣтъ выдержкой и осторожностью выжидалъ, рѣшивъ не принимать никакого мѣста изъ рукъ Бирона. Благодаря рекомендаціи барона Менгдена, двоюроднаго брата

Юліи Менгденъ, имѣвшей неограниченное вліяніе на Анну Леопольдовну, онъ былъ принятъ въ интимномъ кругу августѣйшихъ родителей юнаго императора и понравился кроткой и апатичной правительницѣ и ея робкому супругу, которые отнеслись къ нему весьма милостиво; но этотъ маленькій дворъ, подавленный деспотизмомъ регента и не имѣвшій никакого вліянія, представлялъ мало привлекательнаго для честолюбиваго эстляндскаго дворянина.

Положеніе Брауншвейгской фамиліи казалось Лиліенфельду столь же непрочнымъ, какъ и положеніе регента, и онъ уже подумывалъ объ отъѣздѣ изъ Петербурга, когда герцогъ Курляндскій былъ арестованъ въ ночь съ 8-го на 9-ое ноября 1740 г.

Но это мало измѣнило положеніе дѣлъ. Анна Леопольдовна была слишкомъ добра и гуманна, чтобы карать своихъ враговъ, какъ того требовали интересы ея династіи; вдобавокъ, ея слабохарактерный и недалекій мужъ возставалъ противъ какихъ бы то ни было рѣшительныхъ дѣйствій съ ея стороны; ей очень мѣшали также происки приближенныхъ.

Она жила замкнуто, мало интересуясь дѣлами и избѣгая придворной суеты, одѣтая въ простое платье, повязавъ непричесанную голову бѣлымъ платкомъ, она проводила цѣлые дни во внутреннихъ покояхъ въ обществѣ своей любимицы, допуская къ себѣ лишь немногихъ друзей и родственниковъ своей фрейлины Менгденъ и графа Линара.

Карлъ Лиліенфельдъ, посвященный въ закулисныя тайны двора графомъ Кенигсфельдомъ, адъютантомъ маршала Миниха, съ которымъ онъ близко сошелся, ясно видѣлъ бездну, разверзавшуюся подъ ногами Брауншвейгской фамиліи, и рѣшилъ наконецъ уѣхать изъ Петербурга, написавъ отцу о своемъ намѣреніи заняться снова управленіемъ Мойзама.

Пока онъ выжидалъ отвѣта на это письмо, положеніе дѣлъ въ Петербургѣ ухудшилось. При дворѣ цесаревны Елисаветы Петровны, которая до тѣхъ поръ мало интересовалась дѣлами, замѣчалось необычайное оживленіе; у нея составлялся заговоръ противъ правительницы, душою котораго былъ французскій посланникъ де-ля-Шетарди; весь городъ говорилъ о происходившихъ въ ея дворцѣ тайныхъ совѣщаніяхъ; эти слухи дошли наконецъ до Анны Леопольдовны. Къ несчастію, въ это самое время заболѣлъ Минихъ, и герцогъ Брауншвейгскій, побуждаемый своими приближенными, воспользовался этимъ, чтобы стать во главѣ управленія; это былъ жестокій ударъ, нанесенный престарѣлому воину, который игралъ роль всесильнаго перваго министра.

Въ удаленіи Миниха отъ дѣлъ принималъ видное участіе Остерманъ, который доказывалъ правительницѣ, что военный, хотя бы онъ

и былъ въ высшихъ чинахъ, не можетъ управлять иностранной коллегіей, коей руководилъ въ теченіе двадцати лѣтъ онъ, Остерманъ, и которую онъ желалъ немедленно взять снова въ свои руки.

Справедливо говорятъ, что кого Господь захочетъ наказать, у того онъ отниметъ разумъ. Лишивъ власти самаго преданнаго своего слугу, герцогъ и герцогиня Брауншвейгскіе обрекли себя на неминуемую гибель.

Между тѣмъ, несмотря на политическія осложенія и внутреннее броженіе, жизнь при дворѣ шла своимъ чередомъ, и наканунѣ катастрофы 25-го ноября при дворѣ была еще ассамблея, т. е. большой парадный вечеръ, на которомъ присутствовалъ Лиліенфельдъ. Стоя въ толпѣ царедворцевъ, онъ увидѣлъ подлѣ правительницы молодую дѣвушку, которая своей граціей и красотою привлекала всѣ взоры. Это была вновь пожалованная фрейлина Анны Леопольдовны, Софія Васильевна Одоевская, появившаяся при дворѣ.

Юлія Менгденъ представила ей Лиліенфельда, котораго она окончательно покорила своимъ наивнымъ кокетствомъ, и съ этого вечера онъ уже болѣе не располагалъ собою.

Княжна Одоевская была сирота и наслѣдовала отъ отца значительное состояніе, ея руки добивались знатнѣйшія лица. Лиліенфельдъ понималъ, что ему, скромному нѣмецкому дворянину, было мало надежды удостоиться вниманія молодой дѣвушки, поэтому несмотря на охватившую его страсть онъ не измѣнилъ своего рѣшенія уѣхать въ Эстляндію и удалиться навсегда съ той арены, на которой онъ мечталъ нѣкогда играть видную роль. Но увлеченіе первой любви пересилило вскорѣ доводы разсудка.

Благодаря участію, которое приняла въ немъ Юлія Менгденъ, большая любительница устраивать браки, случилось то, что и слѣдовало ожидать: въ то время какъ молодой Лиліенфельдъ тщетно боролся со своимъ чувствомъ, постоянно откладывая свой отъѣздъ, княжна С. В. Одоевская, благодаря частымъ встрѣчамъ съ молодымъ человѣкомъ, которыя устраивала Менгденъ, въ свою очередь, увлеклась имъ и по своей крайней молодости и живому характеру не умѣла скрыть своихъ чувствъ. Лиліенфельдъ, окончательно покоренный непринужденностью обхожденія молодой княжны, ея рѣзвостью и шаловливымъ кокетствомъ, которыя составляли совершенную противоположность его собственному сдержанному и нѣсколько холодному темпераменту, рѣшилъ остаться въ Петербургѣ, тѣмъ болѣе, что полученное имъ въ это время званіе камергера поставило его въ независимое положеніе отъ семьи.

Оставшись однажды, благодаря старанію Юліи Менгденъ, съ княжной Одоевской наединѣ, Лиліенфельдъ не могъ долѣе сдержать

себя, и съ его устъ сорвалось признаніе, которое было выслушано со слезами на глазахъ. Лиліенфельдъ, въ свою очередь, чрезвычайно растроганный, сказалъ: „Вы отдаете мнѣ все“ и намекая на ея крупное состояніе, присовокупилъ: „болѣе, нежели я могъ бы желать, но, Богъ дастъ, я отплачу вамъ за все“. Эти слова, оказавшіяся пророческими, не поразили въ тотъ моментъ молодую дѣвушку, которой будущее рисовалось въ самыхъ радужныхъ краскахъ.

Свадьба Карла Лиліенфельда съ княжной Одоевской была отпразднована какъ разъ за недѣлю до достопамятнаго въ русской исторіи дня 25-го ноября 1741 г. Катастрофа, которой всѣ ожидали, была близка; объ ней не подозрѣвали только тѣ, коимъ она угрожала болѣе всего.

Заговоръ, подготовленный французскимъ посланникомъ, созрѣлъ, а близорукая правительница и ея супругъ все болѣе и болѣе ухудшали свое положеніе, дѣлая ошибку за ошибкой; одной изъ главныхъ была снисходительность и вниманіе, которыя они оказывали цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

Лиліенфельдъ и его молодая жена, упоенные счастьемъ, не предвидѣли надвигавшейся развязки; связи и богатство новобрачной и блестящая карьера, предстоявшая ея мужу, сулили имъ, повидимому, самое радостное будущее.

Но всѣ эти надежды рушились въ тотъ день, когда бывшая у власти нѣмецкая партія была сметена съ лица земли во время торжественнаго шествія цесаревны Елисаветы Петровны по пустыннымъ улицамъ Петербурга, въ ту морозную зимнюю ночь на 25-ое ноября, когда гренадеры буквально внесли ее на рукахъ въ Зимній дворецъ. Въ числѣ прочихъ лицъ особенно пострадали супруги Менгденъ.

Лиліенфельдъ не занималъ еще достаточно виднаго положенія, чтобы подвергнуться мести тѣхъ лицъ, кои завладѣли властью; въ добавокъ медовый мѣсяцъ служилъ оправданіемъ того, что онъ не принималъ участія въ восторженныхъ оваціяхъ, коими привѣтствовали при дворѣ начало новаго царствованія.

Съ паденіемъ Брауншвейгской фамиліи рушились всѣ честолюбивыя мечты Карла Лиліенфельда, коего личное счастье было такъ велико, что онъ не думалъ о будущемъ. Ему хотѣлось уѣхать съ молодой женою къ себѣ, въ Эстляндію, по крайней мѣрѣ на первое время. Къ несчастію, онъ уступилъ желанію молодой женщины и остался въ Петербургѣ, гдѣ его личное положеніе не было поколеблено, хотя на всѣхъ нѣмцевъ смотрѣли косо.

Софія Лиліенфельдъ вернулась мало по малу къ веселой свѣтской жизни. Она была дружна съ нѣкоторыми изъ приближенныхъ Елисаветы Петровны, между прочимъ съ графинею Анной Гавриловной

Бестужевой-Рюминой, женою оберъ-гофмаршала М. П. Бестужева, братъ котораго Рюминъ, состоявшій въ предъидущее царствованіе во главѣ русской партіи, былъ возвращенъ изъ ссылки и занялъ мѣсто Остермана, не пользовавшагося довѣріемъ новаго правительства.

Съ воцареніемъ Елисаветы Петровны борьба придворныхъ партій возобновилась еще съ большей силой. Вынужденный отъѣздъ маркиза де-ля-Шетарди, игравшаго при переворотѣ слишкомъ видную роль, усилилъ вліяніе лейбъ-медика Лестока, который употреблялъ все свое стараніе къ тому, чтобы сломить вліяніе Бестужева, относившагося враждебно къ Франціи.

Хотя новобрачные Лиліенфельдъ не принимали никакого участія въ этихъ интригахъ, но дружба Софіи Лиліенфельдъ съ графиней Бестужевой имѣла для обоихъ супруговъ самыя роковыя послѣдствія.

Къ числу друзей молодой женщины принадлежала еще одна особа, близость съ которой ея мужъ не могъ одобрить. Это была Наталья Ѳедоровна Лопухина, связь коей съ бывшимъ оберъ-гофмаршаломъ графомъ Левенвольде ни для кого не была тайною.

Лопухина, рожденная Балкъ, статсъ-дама императрицы Анны Іоанновны и правительницы Анны Леопольдовны, была племянницей извѣстной красавицы Анны Монсъ, которую она слегка напоминала наружностью.

Умная, живая, обольстительная, несмотря на свои сорокъ лѣтъ, страшная кокетка, она не могла быть подходящей компаніей для молодой женщины, но Карлъ Лиліенфельдъ не съумѣлъ или не хотѣлъ прекратить это знакомство, у него была одна дума, одна забота, украсить жизнь своей жены. Строгій къ себѣ и къ другимъ, онъ совершенно преображался, когда дѣло касалось ея, тѣмъ болѣе, что она готовилась быть матерью. Онъ не находилъ въ себѣ силъ осуждать ее за ея болтливость и неосторожное поведеніе, недостатки въ ея лѣта впрочемъ вполнѣ извинительные и которые могли не имѣть никакихъ серьезныхъ послѣдствій.

Разлука съ любимымъ человѣкомъ не мѣшала Н. Ѳ. Лопухиной веселиться и пожинать лавры въ дипломатическихъ салонахъ, гдѣ она появлялась чаще всего. Однимъ изъ ея усердныхъ поклонниковъ состоялъ бывшій австрійскій посланникъ, маркизъ Ботта, блиставшій въ дипломатическомъ мірѣ своимъ умомъ и остроумной бесѣдой; онъ былъ преданъ бывшей правительницѣ, при которой онъ былъ аккредитованъ съ самаго момента ея вступленія на престолъ.

Въ свѣтскомъ кругу, въ которомъ вращался Ботта, первое мѣсто по молодости и красотѣ занимала хорошенькая Софія Лиліенфельдъ, съ которой соперничала княжна Гагарина, падчерица графини Бестужевой. Къ сожалѣнію, эти хорошенькія свѣтскія молоденькія женщины

не довольствовались одной пустой свѣтской болтовнею. Нѣкоторыя изъ нихъ, съ Лопухиной во главѣ, недовольныя тѣмъ, что онѣ не пользовались при дворѣ Елисаветы Петровны прежнимъ положеніемъ, позволяли себѣ критиковать политику новаго правительства, сожалѣли о прошломъ и, что еще хуже, громко порицали частную жизнь императрицы. Въ сущности, это была довольно невинная салонная оппозиція, но то обстоятельство, что къ этому кружку принадлежала невѣстка графа А. П. Бестужева, заставило Лестока, непримиримаго врага канцлера, обратить на него особое вниманіе. Онъ увидѣлъ въ этомъ мнимомъ заговорѣ удобное средство уронить „кредитъ" Бестужева, въ его головѣ возникъ цѣлый планъ, и въ то время, какъ молодая Лиліенфельдъ, давая волю своему нѣсколько насмѣшливому уму, предавалась въ этомъ интимномъ кружкѣ веселой болтовнѣ, во время которой произносились дерзкіе намеки на императрицу, въ домѣ Лестока сплетались петли той невидимой сѣти, въ которой она должна была роковымъ образомъ запутаться со своими мнимыми сообщниками.

II.

Вечеромъ 17-го іюля 1743 года, сынъ Натальи Ѳедоровны Лопухиной, подполковникъ Иванъ Степановичъ Лопухинъ, кутилъ въ одномъ вольномъ домѣ, любимомъ пріютѣ гвардейской молодежи того времени, со своимъ пріятелемъ, поручикомъ лейбъ-кирасирскаго полка Бергеромъ. Поручикъ собирался въ Соликамскъ, мѣсто ссылки Левенвольде, чтобы передать ему нѣкоторыя бумаги и драгоцѣнныя вещи, которыя не были конфискованы и хранились у Лопухиной.

Молодые люди порядочно выпили, и Лопухинъ, который легко хмѣлѣлъ, болталъ безъ умолку. Бергеръ пилъ меньше, а больше слушалъ несдержанныя рѣчи своего собутыльника о послѣднихъ событіяхъ.

Насидѣвшись вдоволь въ трактирѣ, Лопухинъ пригласилъ Бергера съ себѣ, чтобы поговорить откровеннѣе. Болтая, онъ вспоминалъ о прошломъ, по сравненію съ которымъ настоящее казалось ему мрачнымъ и скучнымъ.

— Какая же причина этой перемѣны?—спросилъ Бергеръ.

— Та и есть,—отвѣчалъ Лопухинъ,—что нынѣ веселье никому на умъ не идетъ. Вотъ хотя на себя укажу. При дворѣ Анны Леопольдовны я былъ камеръ-юнкеромъ, въ рангѣ полковника, а нынѣ опредѣленъ въ подполковники, да и то невѣдомо куда, въ гвардію или армію, тогда какъ мои товарищи получили повышенія. А сказать тебѣ за что? За скверное дѣло... Нынѣ, другъ мой, веселится только наша

государыня, ѣздитъ въ Царское Село со всякими непотребными людьми, аглицкимъ пивомъ напивается, а тѣ...

— Правда,—замѣтилъ Бергеръ,—императрица очень весело проводитъ время.

— Императрица!—усмѣхнулся Лопухинъ,—да знаешь ли ты, что ей и императрицей-то быть не слѣдовало? Незаконная—разъ; другое: фельдмаршалъ князь Долгорукій сказывалъ, что въ тѣ поры, когда императоръ Петръ II скончался, хотя бъ и надлежало Елисавету Петровну къ наслѣдству допустить, да она беременна была. Теперь она Ивана Антоновича и принцессу Анну Леопольдовну, со всѣмъ семействомъ, въ Ригѣ подъ карауломъ держитъ, а того не знаетъ, что рижскій караулъ очень къ принцу и къ принцессѣ склоненъ и съ лейбъ-компаніей потягается. Думаетъ, не сладитъ съ тремя стами канальями? Прежній караулъ и крѣпче былъ, да сдѣлали дѣло. Ежели бы Петру Сем. Салтыкову можно было выйти, то бъ онъ и самъ ударилъ въ барабанъ... За что его и отъ двора удалили, самъ знаетъ! Плохъ подъ бабьимъ правительствомъ.

— Такъ ты думаешь, что принцу Іоанну Антоновичу?

— Самъ увидишь, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ будетъ перемѣна. Недавно мой отецъ къ матери писалъ, чтобы я не искалъ никакой милости у государыни. Мать перестала къ двору ѣздить; я былъ на послѣднемъ маскарадѣ и больше не буду [1]).

Пораженный всѣмъ слышаннымъ, Бергеръ отправился къ своему другу, маіору Фалькенбергу, и передалъ ему весь разговоръ. Послѣдующіе дни, съ 15 по 21 іюля, онъ ходилъ за злополучнымъ Лопухинымъ по пятамъ, тщетно стараясь вызвать его снова на откровенный разговоръ; это удалось ему наконецъ 21 числа, когда, проходя вмѣстѣ съ Бергеромъ мимо дома князя Трубецкаго, Лопухинъ произнесъ слѣдующія знаменательныя слова:

„Трубецкой и принцъ Гессенъ-Гомбургскій, сказалъ онъ, дѣйствуютъ сообща“. „Князь Долгорукій былъ прежде не добръ къ императрицѣ, а нынѣ доброжелательствуетъ, но у нея такихъ немного; наша знать ее вообще не любитъ,—она же простому народу благоволитъ для того, что сама живетъ просто“.

— А принцу Іоанну не долго быть сверженну?

— Не долго.

Послѣ этого разговора Бергеръ вмѣстѣ съ Фалькенбергомъ поспѣшилъ къ Лестоку, который въ тотъ же день далъ имъ возможность представиться императрицѣ.

Первый актъ драмы начался.

---

[1]) Весь разговоръ этотъ изложенъ въ подлинномъ дѣлѣ Лопухиныхъ.

Елисавета Петровна, которая была все время напугана ложными доносами Лестока и обнаруженными незадолго передъ тѣмъ двумя заговорами, очень взволновалась, слушая разсказъ Бергера и Фалькенберга, и подписала немедленно указъ, коимъ повелѣвалось арестовать Ивана Лопухина и начать слѣдствіе, для производства котораго была учреждена секретная коммиссія, въ составъ которой вошли генералъ Ушаковъ, тайный совѣтникъ князь Никита Трубецкой и Лестокъ. Между тѣмъ Бергеръ и Фалькенбергъ постарались вывѣдать у Лопухина еще кое-какія свѣдѣнія о мнимомъ заговорѣ; съ этой цѣлью они подготовили его. Говоря о герцогѣ Брауншвейгскомъ, Лопухинъ назвалъ его величествомъ, присовокупивъ, что король прусскій придетъ на помощь изгнанному императору, когда будетъ нужно; онъ назвалъ также маркиза Ботта, какъ дѣятельнаго сторонника Брауншвейгской династіи. Лестокъ не замедлилъ подтвердить эти показанія своими навѣтами. Слѣдствіе велось людьми безжалостными, привыкшими карать людей безъ пощады. Лопухинъ дрожалъ все время допроса отъ страха и отрицалъ всякую вину со своей стороны; но, будучи поставленъ на очную ставку съ Бергеромъ и Фалькенбергомъ, подтвердилъ ихъ обвиненія. Какъ человѣкъ безхарактерный, безвольный, онъ подъ конецъ совершенно упалъ духомъ и подъ угрозою пытки не остановился ни передъ чѣмъ, выдалъ свою мать, графиню Бестужеву, и Софію Лиліенфельдъ, и показалъ, между прочимъ, что во главѣ заговорщиковъ, все преступленіе коихъ заключалось, въ сущности, въ неосторожныхъ рѣчахъ, стоялъ маркизъ Ботта. Окончивъ допросъ Лопухина, члены слѣдственной коммиссіи: Трубецкой, Ушаковъ и Лестокъ отправились къ Н. Ѳ. Лопухиной на домъ, чтобы произвести ей допросъ и выяснить, съ кѣмъ она имѣла, въ Петербургѣ, разговоры, относительно средствъ, при помощи которыхъ можно было бы вновь посадить на престолъ Анну Леопольдовну и ея сына. На всѣ настойчивые вопросы Лопухина отвѣчала одно: что маркизъ Ботта, преданный правительницѣ, говорилъ о своемъ намѣреніи, при помощи короля прусскаго низвергнуть съ престола императрицу Елисавету Петровну. Но уже тотъ фактъ, что она слушала эти преступныя рѣчи, былъ въ глазахъ слѣдователей преступленіемъ въ оскорбленіи величества, и никакія увѣренія Лопухиной, что она не раздѣляла мыслей Ботта, не послужили ея оправданію.

Когда генералъ Ушаковъ спросилъ, почему она не донесла объ этихъ преступныхъ разговорахъ?

— Я была въ немилости у ея величества, отвѣчала Лопухина, и думала, что не изволитъ повѣрить.

Несчастная женщина старалась всѣми силами оправдать своего

мужа и сына, которые, по ея словамъ, ничего не знали; однако созналась, что вела подобные же разговоры съ Анной Бестужевой.

Жена оберъ-гофмаршала была немедленно арестована, на своей дачѣ, гдѣ она жила въ то время, и предстала передъ слѣдственной коммиссіей вмѣстѣ со своей дочерью отъ перваго брака, Анастасіей Ягужинской.

Ягужинская, Бестужева и Лопухина никого не выдали; по ихъ показаніямъ единственнымъ виновнымъ былъ маркизъ Ботта, иностранный подданный; это давало надежду на благополучную развязку дѣла, но онѣ не знали, что слѣдователи хотѣли, во что бы то ни стало, обнаружить заговоръ, хотя бы для этого пришлось подстроить факты.

Иванъ Лопухинъ, къ несчастью, былъ не такъ остороженъ, какъ его мать и Бестужева; будучи арестованъ, онъ давалъ по-прежнему волю своему языку. Приведенный въ застѣнокъ и увидавъ орудія пытки, онъ сказалъ все, что отъ него хотѣли вывѣдать. Уже раздѣтый, дрожа отъ страха, онъ оговорилъ своихъ родителей и назвалъ еще двухъ лицъ, Мошкова и Зыбина, которые выдали, въ свою очередь, еще нѣсколько человѣкъ.

Такимъ образомъ, къ дѣлу привлекалось съ каждымъ днемъ все большее число лицъ, даже вовсе не причастныхъ къ мнимому заговору.

Было ясно, что маркизъ Ботта, располагая огромными средствами, хотѣлъ сдѣлать попытку освободить Брауншвейгскую фамилію, но для этого ему не нужны были ни Лопухины, ни Бестужевы: начатое противъ нихъ преслѣдованіе было дѣломъ происковъ Лестока, который старался запутать въ свои сѣти какъ можно болѣе жертвъ.

Красавица княгиня Гагарина, ея мужъ и многія другія знатныя лица, обвиненные въ соучастіи въ заговорѣ, были спасены только тѣмъ, что они совершенно не знали нѣмецкаго языка, на которомъ, по показанію доносчиковъ, происходили совѣщанія заговорщиковъ съ маркизомъ Боттою.

Допросы и очныя ставки происходили ежедневно. 30-го іюля 1743 г. Иванъ Лопухинъ, подтверждая еще разъ свои показанія, произнесъ новое имя—Софіи Лиліенфельдъ.

Новобрачные Лиліенфельдъ сидѣли за завтракомъ въ тотъ моментъ, когда предъ ними появились посланные генерала Ушакова съ указомъ, коимъ повелѣвалось немедленно арестовать Софію Лиліенфельдъ. Несмотря на ея слезы и отчаяніе, ее вырвали изъ объятій мужа и, посадивъ въ ожидавшій у воротъ экипажъ, помчались съ нею къ дому, гдѣ жила императрица до восшествія своего на престолъ. Несчастной женщинѣ не дали даже переодѣться: она была въ роскошномъ утрен-

немъ свободномъ платьи, которое, ниспадая широкими складками, скрывало полноту ея фигуры; она успѣла только мимоходомъ накинуть на плечи мантилью.

Когда ее привезли въ бывшій домъ цесаревны Елисаветы, гдѣ уже собралась къ тому времени слѣдственная коммиссія, немедленно было приступлено къ допросу. Софія Лиліенфельдъ, подъ угрозою пытки, въ крайнемъ испугѣ созналась во всемъ, безповоротно погубивъ себя и всѣхъ остальныхъ; она показала, что вела съ Натальей Лопухиной и Анной Бестужевой преступныя бесѣды, что онѣ произносили дерзкія рѣчи противъ императрицы, горевали объ участи правительницы Анны Леопольдовны — наконецъ, она показала, что все это говорилось въ присутствіи ея мужа... Продолжительный допросъ совершенно измучилъ молодую женщину, которая нѣсколько разъ падала въ обморокъ; послѣдній былъ такъ продолжителенъ, что несмотря на всѣ старанія ее долго не удалось привести въ чувство и ее считали уже мертвой: это имѣло для нея благопріятное послѣдствіе, что члены слѣдственной коммиссіи при всей своей жестокости сжалились надъ ея страданіями и отпустили ее домой, разрѣшивъ ей, „остаться въ виду ея болѣзненнаго состоянія при мужѣ“.

Несмотря на безразсудное показаніе Софіи Лиліенфельдъ, будто ея мужъ присутствовалъ при преступныхъ разговорахъ, тогда какъ этого никогда не было, и на лживыя показанія другихъ лицъ, Карла Лиліенфельда не удалось обвинить ни въ чемъ; онъ держалъ себя во время послѣднихъ событій такъ безупречно, что всѣми было признано единогласно, что, при его честномъ образѣ мыслей, онъ не только не сочувствовалъ тайнымъ проискамъ, но всегда осуждалъ ихъ; къ тому же онъ не былъ близокъ къ маркизу Ботта. Единственною его виною было то, что онъ не съумѣлъ удержать жену отъ неосторожной болтовни въ обществѣ, которой она предавалась съ крайнимъ легкомысліемъ, составлявшимъ полную противоположность сдержанному и осторожному поведенію самого Лиліенфельда.

Между тѣмъ слѣдствіе по дѣлу Лопухиной велось дѣятельно; очныя ставки и одиночные допросы производились ежедневно; была захвачена переписка обвиняемыхъ, и ихъ пытали, если они не давали на допросѣ тѣхъ показаній, какія отъ нихъ хотѣли получить.

Душевная тревога, которую испыталъ въ эти дни Карлъ Лиліенфельдъ, пошатнула его крѣпкое здоровье, и онъ началъ кашлять кровью; онъ страдалъ за жену, которая слегла по возвращеніи домой въ постель и отъ которой онъ старательно скрывалъ ходъ процесса; ей былъ сдѣланъ, 31-го іюля, на дому вторичный допросъ съ соблюденіемъ величайшей осторожности. Она не знала, что уже начался рядъ жестокихъ пытокъ: Наталія Лопухина, графиня Бестужева, графиня

Головкина были подняты на дыбы, но ни Бестужева, ни Лопухина, несмотря на страшнѣйшія мученія, ни однимъ словомъ не выдали своихъ мужей; что касается Ивана Лопухина, то, несмотря на его полное сознаніе, его пытали до такой степени, что онъ едва не испустилъ духъ.

Видя, въ рукахъ какихъ жестокихъ людей находилась участь обвиняемыхъ, Карлъ Лиліенфельдъ имѣлъ полное основаніе опасаться, что и его женѣ предстояли въ скоромъ времени подобныя же мученія. Съ энергіей, которую удвоивало отчаяніе, онъ пустилъ въ ходъ всѣ средства, чтобы спасти ее отъ этого позора: ему помогли отчасти его связи и то вліяніе, какое сохранила еще отчасти нѣмецкая партія, главное,—его безупречное прошлое.

Сидя у изголовья больной жены, Лиліенфельдъ старался своимъ наружнымъ спокойствіемъ утѣшить ее, поддержать въ ней бодрость духа и въ особенности успокоить ея угрызенія совѣсти, которыя доводили ее иногда до умоизступленія. Она не слыхала отъ него ни слова упрека, онъ простилъ ей все—даже ту непонятную слабость, съ какою она взвела на него несправедливое обвиненіе.

Необходимость постоянно сдерживаться, скрывать свои истинныя чувства, такъ какъ онъ не отходилъ ни на шагъ отъ больной женщины, усугубляла его страданія, и они становились невыносимы...

18-го августа Софія Лиліенфельдъ была снова вызвана въ слѣдственную коммиссію для допроса, этотъ разъ въ сопровожденіи своего мужа; подтвердивъ свои первыя показанія, относительно существовавшаго намѣренія вернуть престолъ бывшей правительницѣ, она показала, что „маркизъ Ботта, играя въ карты съ графиней Бестужевой и Лопухиной, говорилъ въ ея присутствіи преступныя рѣчи, хвастая тѣмъ, что, въ случаѣ надобности, ему окажетъ поддержку король прусскій“.

Послѣ этого Софіи Лиліенфельдъ была дана очная ставка съ Лопухиной, противъ которой ею было возведено тяжкое обвиненіе на первомъ допросѣ; но это не дало слѣдователямъ никакихъ новыхъ данныхъ для обвиненія.

Всѣ допрашиваемые настаивали на томъ, что они вели одни пустые разговоры, коимъ судьи старались, между тѣмъ, придать значеніе серьезныхъ уликъ; Наталія Ѳедоровна Лопухина припомнила между прочимъ, что, проходя мимо дворца, она спросила Софію Лиліенфельдъ, слышала ли она, что говорилъ Ботта? На что молодая вѣтренница отвѣчала: „ну его къ чорту“!

Софія Лиліенфельдъ, не отрицая того, что она быть можетъ и говорила это, показала, что она не помнитъ этихъ словъ.

Изъ многочисленныхъ показаній, вынужденныхъ у свидѣтелей са-

мыми страшными физическими и нравственными пытками, нельзя было вывести никакого опредѣленнаго заключенія. Взбалмошныя, болтливыя женщины, которыя считали себя болѣе или менѣе обиженными императрицей Елисаветой, высказывали иностранному посланнику свое неудовольствіе и свои сожалѣнія о прошломъ, о томъ времени, когда онѣ блистали при дворѣ; единственная ихъ вина заключалась въ томъ, что онѣ касались частной жизни императрицы, осуждали нѣкоторыя черты ея характера и ея легкомысленное поведеніе, которое ни для кого, впрочемъ, не было тайною; такъ какъ большинство лицъ, присутствовавшихъ при этихъ разговорахъ, не знали нѣмецкаго языка, на которомъ говорили обвиняемые, то это обстоятельство внесло въ дѣло еще бо́льшую путаницу. Что касается главной заговорщицы, Н. Ѳ. Лопухиной, то она не умѣла даже писать по-русски и диктовала свои письма крѣпостному человѣку, который къ удивленію оказался грамотнымъ. Во всей этой запутанной исторіи трудно было найти малѣйшій признакъ опасности, угрожавшей жизни и власти императрицы.

Иначе смотрѣли на дѣло лица, стоявшія у власти. Кромѣ Лестока и его приспѣшниковъ: Остермана, князя Трубецкаго, принца Гессенъ-Гомбурскаго, нашлось не мало людей, которые, будучи обязаны своимъ положеніемъ новому царствованію, горѣли желаніемъ доказать свою преданность Елисаветѣ Петровнѣ, загладить свою прошлую службу правительницѣ, упрочить свое положеніе интригами и разбогатѣть, завладѣвъ богатствомъ намѣченныхъ ими жертвъ, у которыхъ, въ ожиданіи указа о конфискаціи ихъ помѣстій и недвижимаго имущества, отбирали принадлежавшія имъ золотыя вещи и драгоцѣнности.

Вечеромъ 18-го августа императрицею былъ подписанъ указъ о назначеніи генеральнаго суда изъ сенаторовъ, архіепископовъ и генераловъ, подъ предсѣдательствомъ фельдмаршала принца Гессенъ-Гомбургскаго.

Первое засѣданіе этого судилища происходило въ Сенатѣ 19-го августа 1743 г. Оно началось въ 8 часовъ вечера и окончилось въ ту же ночь, въ 4 часа. Въ протоколѣ засѣданія значилось, что всѣ обвиняемые сознались въ преступленіи; слѣдовательно, оставалось только подыскать подходящія статьи закона, но это заняло весьма мало времени, такъ какъ судьи не особенно стѣснялись юридическими тонкостями; приговоръ былъ произнесенъ единогласно: Наталія Лопухина, Анна Бестужева, Степанъ и Иванъ Лопухины были приговорены къ смертной казни колесованіемъ съ предварительнымъ урѣзаніемъ языка; Машковъ и князь Путятинъ—къ четвертованію, Зыбинъ и Софія Лиліенфельдъ—къ обезглавленію. Нѣсколько часовъ спустя.

приговоръ былъ представленъ на высочайшее утвержденіе или „апробацію“ императрицы.

Десять дней, съ 19-го по 28-е августа 1743 г., прошло, пока Елисавета Петровна подписала этотъ приговоръ. Причиною этого промедленія едва-ли было колебаніе императрицы, а скорѣй ея обычная безпечность.

Елисавета, въ первые два года своего царствованія поражавшая всѣхъ своей дѣятельностью, впадала съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе въ апатію.

29-го августа появился наконецъ манифестъ, коимъ, „по природному великодушію“ императрицы, какъ говорилось въ высочайшей резолюціи, смертная казнь была замѣнена для Лопухиныхъ и графини Бестужевой вѣчной ссылкой съ предварительнымъ наказаніемъ кнутомъ и отрѣзаніемъ языка. Софія Лиліенфельдъ была приговорена къ наказанію плетьми и къ ссылкѣ въ Сибирь; исполненіе этого приговора было отложено до разрѣшенія ея отъ бремени. Прочіе обвиняемые, за исключеніемъ Зыбина, были избавлены отъ всякаго наказанія, только лишились имущества, которое было конфисковано.

Для исполненія приговора былъ назначенъ день 31-го августа. О часѣ и мѣстѣ казни было оповѣщено во всеобщее свѣдѣніе, дабы „всякаго чина люди о томъ вѣдали и для смотрѣнія приходили на оное мѣсто“.

Эшафотъ былъ сооруженъ напротивъ зданія двѣнадцати коллегій (нынѣ С.-Петербургскій университетъ).

На разсвѣтѣ, 31-го августа 1743 г., на мѣстѣ казни собралась несмѣтная толпа. Ей пришлось ждать не долго; вскорѣ появились преступники подъ конвоемъ солдатъ; впереди всѣхъ шла Наталья Ѳедоровна Лопухина, величавая красавица, несмотря на свои сорокъ лѣтъ и перенесенную при допросѣ пытку. Она взошла на эшафотъ твердой поступью; за ней шли прочіе осужденные, и въ числѣ ихъ Софія Лиліенфельдъ, возбуждавшая всеобщее состраданіе своей крайней молодостью, красотою и неописуемымъ ужасомъ, искажавшимъ ея блѣдное лицо. Когда секретарь Сената Замяткинъ началъ громогласно читать приговоръ, въ толпѣ воцарилось гробовое молчаніе. Въ приговорѣ была пространно изложена вина каждаго обвиняемаго, и указана статья, на основаніи которой присуждалось наказаніе.

„Софія Лиліенфельдъ“, читалъ секретарь Сената, „обращалась всегда въ обществѣ вышеуказанныхъ Натальи Лопухиной и Анны Бестужевой и слышала, не столько отъ нихъ, какъ отъ маркиза Ботты, изъявленія сожалѣнія по поводу паденія правительства правительницы и выраженныя ими желаніе, чтобы настоящая власть была нисповергнута, и сама выражала сожалѣніе по поводу участи правительницы Анны, присовокупляя, что если бы не вліяніе ея фрейлины,

Юліи Менгденъ, то она была бы еще на престолѣ и не совершила бы тѣхъ неосторожныхъ поступковъ, которые погубили ее и ея приверженцевъ. Кромѣ того она (Софія Лиліенфельдъ) слышала отъ Лопухиныхъ и Бестужевыхъ поносительныя слова о высочайшей ея императорскаго величества персонѣ, молчала о томъ „и никому не объвила".

За таковыя „богопротивныя и ея имп. вел. и государству вредительныя злоумышленныя дѣла" ея величество указала: „Степана, Наталью и Ивана Лопухиныхъ, и Анну Бестужеву, вырѣзавъ языки, колесовать; Ивана Машкова, Ивана Путятина и Александра Зыбина обезглавить, Софіи Лиліенфельдъ отсѣчь голову, когда она освободится отъ бремени".

Но „по природному великодушію" и „высочайшей милости" императрицы, имъ была дарована жизнь, и смертная казнь была замѣнена наказаніемъ кнутомъ.

По окончаніи чтенія было приступлено къ казни.

Наталья Лопухина, сохранявшая хладнокровіе во время чтенія приговора, не могла болѣе владѣть собою, когда палачи прикоснулись къ ней; объятая ужасомъ, она оказала имъ отчаянное сопротивленіе; одинъ изъ нихъ сорвалъ съ нея платье, другой схватилъ ее и вскинулъ себѣ на плечи, дрожащую, обезсиленную; въ воздухѣ свистнулъ кнутъ и оставилъ на ея тѣлѣ кровавые рубцы. Напрасно вырывалась несчастная жертва изъ рукъ палача, оглашая площадь своими криками. Наконецъ, изнемогая отъ страданія, она была поставлена на ноги, и тогда началась вторая, еще болѣе ужасная казнь, Сдавивъ ей со всею силою горло, такъ что у нея высынулся языкъ, палачъ отрѣзалъ его почти до самаго корня. Захлебывавшуюся въ крови Лопухину свели съ эшафота, въ то время какъ палачъ показывалъ народу ея отрѣзанный языкъ, крича: „Кто покупаетъ? Дешево продамъ".

Настала очередь Анны Бестужевой; женщина умная, находчивая, осторожная въ своихъ показаніяхъ на допросѣ, терпѣливо перенесшая пытку, она и тутъ не потеряла присутствія духа, и въ тотъ моментъ, когда палачъ снималъ съ нея одежду, успѣла сунуть ему въ руку золотой, осыпанный брилліантами крестъ, который она носила на шеѣ. Заплечный мастеръ понялъ, что отъ него хотѣли, и со свойственнымъ ему умѣніемъ смягчилъ удары кнута, дѣлая видъ, что онъ бьетъ имъ со всей силой. Также точно онъ отрѣзалъ графинѣ только кончикъ языка.

Послѣ Бестужевой были наказаны Лопухинъ отецъ и сынъ, Машковъ, князь Путятинъ и Зыбинъ.

Софія Лиліенфельдъ, переживъ во время чтенія приговора ужас-

ную душевную муку при мысли, что и ее ожидаетъ такое же истязаніе, не вынесла до конца потрясающаго зрѣлища казни и лишилась чувствъ, въ то время какъ ея мужъ, затерянный въ толпѣ, не будучи въ силахъ помочь страстно любимой имъ женѣ, переживалъ ужасную душевную муку.

На другой день Лиліенфельду было сообщено, что онъ будетъ содержаться до разрѣшенія его жены отъ бремени вмѣстѣ съ нею подъ строгимъ домашнимъ арестомъ съ запрещеніемъ куда бы то ни было выходить и кого бы ни было видѣть. Несмотря на эту, ничѣмъ не заслуженную кару, это было для Лиліенфельда нѣкоторымъ успокоеніемъ. Совершенно измученный, больной, онъ не думалъ о себѣ и только старался успокоить несчастную молодую женщину, столь ужасно наказанную за свое легкомысліе. Окруживъ ее самымъ нѣжнымъ уходомъ, онъ съумѣлъ поддержать въ ней бодрость духа.

Въ то же время онъ хлопоталъ неустанно о томъ, чтобы его жена была избавлена отъ позорнаго наказанія кнутомъ и чтобы, въ въ виду ея болѣзненнаго состоянія, ему было разрѣшено увезти ее въ Эстляндію.

По прошествіи трехъ мѣсяцевъ послѣдовала резолюція императрицы послать Софію Лиліенфельдъ въ ссылку безъ наказанія; ея мужу было даровано разрѣшеніе сопровождать ее въ Сибирь.

Примѣру Лиліенфельда не послѣдовалъ мужъ другой жертвы происковъ Лестока. Бестужевъ не только не выразилъ желанія послѣдовать за женою въ Сибирь, но, боясь быть скомпрометтированнымъ, онъ даже не просилъ о смягченіи ея участи, хотя она, несмотря на сверхчеловѣческія страданія, не произнесла во время слѣдствіи ни слова, которое могло бы погубить его.

Дальнѣйшіе факты и женитьба Бестужева на своей падчерицѣ, Анастасіи Ягужинской, показали еще нагляднѣе огромную разницу, существовавшую между нимъ и Лиліенфельдомъ, который, отказавшись отъ всѣхъ радостей жизни, отъ всѣхъ надеждъ на будущее, просилъ какъ милости позволенія сопровождать жену въ Сибирь, а для себя лично просилъ только объ одномъ: о дозволеніи ему вернуться изъ ссылки въ томъ случаѣ, если бы онъ пережилъ ее.

„Treu bis in den Tod"—вѣрный до гроба, таковъ былъ девизъ, избранный Лиліенфельдомъ передъ отъѣздомъ изъ Эстляндіи, и онъ остался ему вѣренъ до конца. Не такъ отнеслись къ осужденной ея родные, между прочимъ ея родной братъ, князь Иванъ Васильевичъ Одоевскій, который получилъ большую часть ея конфискованнаго имущества. Всѣ они отнеслись къ ея судьбѣ не только равнодушно, но даже жестоко.

Мѣстомъ ссылки Лиліенфельдъ былъ назначенъ Якутскъ. Можно

себѣ представить, какова была ихъ жизнь въ этомъ пустынномъ городѣ, почти круглый годъ погребенномъ подъ снѣжной пеленою, надъ которой простиралось свинцовое, мрачное небо.

Широкія, безлюдныя улицы, съ жалкими крытыми соломой лачугами, обнесенными покосившимися заборами, и нигдѣ ни деревца, ни кустика, ни малѣйшаго признака жизни; таковъ былъ Якутскъ въ половинѣ XVIII вѣка.

Привезенный въ мѣсто ссылки 29-го декабря 1744 г., въ суровый зимній день, когда отъ сильной стужи захватывало дыханіе, Карлъ Лиліенфельдъ содержался какъ преступникъ и, хотя за нимъ не было никакой вины, ему не было позволено выходить изъ дома, который сдѣлался для него тюрьмою, въ коей онъ провелъ 13 лѣтъ безъ воздуха и свѣта.

Софія Лиліенфельдъ пріѣхала въ Якутскъ беременная вторымъ ребенкомъ. Предвидя необходимость медицинской помощи, Лиліенфельдъ обратился въ Сенатъ съ просьбою дозволить его женѣ воспользоваться ею, но вслѣдствіе дальности разстоянія и неизбѣжныхъ проволочекъ, ожидаемое разрѣшеніе пришло слишкомъ поздно и несчастной молодой женщинѣ пришлось обойтись безъ помощи врача и акушерки. Мать и ребенокъ остались живы; но слѣдующія строки, записанныя Лиліенфельдомъ на листкѣ, вложенномъ въ Библію, свидѣтельствуютъ о нравственныхъ страданіяхъ, какія онъ испыталъ, видя мученія жены.

„13-го марта 1745 г. Сегодня въ 3 часа ночи родилась наша дочь Марія. Да благословенъ будетъ Господь, благодарю его на колѣняхъ. Софія страшно мучилась въ теченіе пятнадцати часовъ и была близка къ смерти. Когда начались послѣднія муки, наше страданіе не поддается описанію. Помощи не было ни откуда; подлѣ насъ была только старуха Мареа. Я держалъ оледѣнѣвшія руки моей бѣдной, дорогой страдалицы; она была почти безъ чувствъ, первый крикъ ребенка привелъ ее въ сознаніе“.

Это было только начало безконечныхъ страданій, которыя тянулись долгіе годы. Испытанныя Лиліенфельдомъ душевныя муки, которыя ему приходилось, вдобавокъ, скрывать, расшатали въ конецъ его здоровье, и у него обнаруживались явные признаки чахотки; еще въ Петербургѣ, во время слѣдствія, у него началось кровохарканье, его изнуряла лихорадка, поты и сухой кашель по ночамъ. Всѣ эти симптомы серьезнаго недомоганія не тревожили его, онъ не жаловался и по-прежнему только старался поддерживать бодрость духа своей жены.

Пожалѣлъ ли онъ хоть разъ о принесенной имъ жертвѣ? Это осталось его тайной, онъ никогда не жаловался на свое добровольное

заточеніе, которое свело его преждевременно въ могилу. Сильный, здоровый молодой человѣкъ, привыкшій къ воздуху и движенію, онъ былъ обреченъ жить въ Якутскѣ съ семьей и слугами въ трехъ маленькихъ, низкихъ комнатушкахъ, столь тѣсныхъ и загроможденныхъ, что въ нихъ едва можно было двигаться. Но ему ни разу не пришло на мысль бѣжать изъ этого ада, онъ не измѣнилъ обѣту, данному имъ невѣстѣ въ день ихъ свадьбы, въ Зимнемъ дворцѣ, а несчастную Софію Лиліенфельдъ едва-ли можно винить за то, что она не постаралась вернуть мужу свободу и цѣплялась за него какъ за свою единственную поддержку. Она не была рождена героиней.

Прапорщикъ Шкутинъ, надзору котораго были поручены супруги Лиліенфельдъ, обязанный „денно и нощно слѣдить за ними съ величайшей строгостью", былъ человѣкъ, повидимому, добрый и исполнялъ свою обязанность довольно гуманно. Но эта тяжкая обязанность въ концѣ концовъ до того опротивѣла ему, что онъ просилъ смѣнить его. Съ тѣмъ же курьеромъ, съ которымъ была послана его просьба, было препровождено въ Петербургъ прошеніе Лиліенфельда; заботясь о воспитаніи своихъ двухъ дѣтей, онъ не имѣлъ возможности даже выучить грамотѣ, такъ какъ ему не было дозволено имѣть не только книгъ, но даже чернилъ и бумагу, Лиліенфельдъ ходатайствовалъ о томъ, чтобы его освободили изъ подъ караула и дозволили ему гдѣ бы то ни было въ Сибири опредѣлиться на службу. Просьба эта осталась безъ отвѣта; передъ отъѣздомъ изъ Сибири, Шкутинъ, котораго смѣнилъ поручикъ Борисъ Москалевъ, довелъ до свѣдѣнія Сената о томъ, что здоровье его узника ухудшалось со дня на день.

„Лиліенфельдъ сильно страдаетъ грудью, писалъ онъ, и кашляетъ кровью. Врачъ, приглашенный изъ Камчатской экспедиціи, Илья Гинтеръ, заявилъ, что онъ гибнетъ изъ-за строгихъ предписаній и что его было бы необходимо выпускать время отъ времени на свѣжій воздухъ".

На это точно также не послѣдовало никакого отвѣта. Всѣ послѣдующія донесенія также остались безъ результата.

Призванный къ Лиліенфельду другой врачъ, Вильгельмъ Стенеръ, констатировалъ, что его здоровье быстро разрушалось. У него начали пухнуть ноги и руки. Свидѣтельство, за подписью двухъ врачей, коимъ больному предписывалось движеніе на вольномъ воздухѣ, было снова послано въ Сенатъ, который отвѣтилъ, наконецъ, повелѣніемъ держать Лиліенфельда, согласно первоначальной инструкціи, въ строгомъ заключеніи. Этимъ былъ подписанъ его смертный приговоръ.

Крѣпкій организмъ боролся съ недугомъ еще три года; временное улучшеніе, наступавшее въ его положеніи, давало женѣ Лиліенфельда

нѣкоторую надежду на его выздоровленіе, но самъ больной не заблуждался на счетъ своего состоянія.

Допивая чашу горести до дна, несчастные страдальцы жили послѣдніе годы какой-то странной жизнью, какъ бы въ тяжеломъ непробудномъ снѣ, еще болѣе дорожа другъ другомъ передъ вѣчною разлукою. Времена года смѣнялись въ стѣнахъ тюрьмы незамѣтно для узниковъ, и блѣдные лучи апрѣльскаго солнца, озарившіе убогую постель, на которой угасалъ несчастный страдалецъ послѣ тринадцати лѣтъ добровольнаго заточенія, не могли влить отраду въ его душу, надъ которой уже витала смерть; умирающаго поддерживала только надежда,—увидѣться по ту сторону гроба съ тѣми, кого онъ такъ любилъ въ этомъ мірѣ. Смерть казалась ему избавленіемъ отъ многолѣтнихъ страданій.

Лиліенфельдъ скончался 12-го апрѣля 1759 г., окруженный плачущими дѣтьми и безутѣшной женою, для которой онъ былъ единственной нравственной поддержкой. Грусть, которая охватываетъ при мысли о безвременной кончинѣ этого самоотверженнаго, любящаго семьянина, усугубляется при мысли, что менѣе чѣмъ три года спустя онъ могъ бы получить свободу, когда преемникъ Елисаветы Петровны помиловалъ всѣхъ осужденныхъ 31-го августа 1743 г.

Софія Лиліенфельдъ пережила глубоко любившаго ее мужа. Она возвратилась въ Россію, въ сопровожденіи своихъ дѣтей, рожденныхъ въ ссылкѣ. Это были блѣдныя, хилыя существа, коимъ также суждено было вскорѣ окончить свое существованіе.

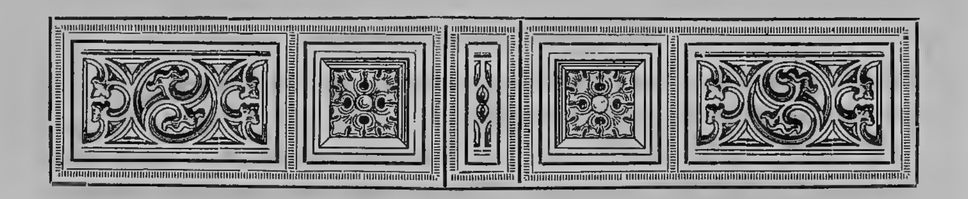
Преждевременно постарѣвшая, утратившая слѣды былой красоты, С В. Лиліенфельдъ чувствовала себя среди прежней обстановки выходцемъ съ того свѣта. Настоящее казалось ей чѣмъ-то призрачнымъ.

Милостивый пріемъ, оказанный ей императрицей Екатериной, не вызвалъ въ ней радости, точно такъ же, какъ свиданіе съ братомъ, который отвернулся отъ нея въ несчастьи и жилъ благополучно.

Единственнымъ желаніемъ истрадавшейся женщины было удалиться въ тѣ мѣста, гдѣ ея мужъ, покоившійся подъ снѣгами Сибири, жилъ такъ спокойно до ихъ злополучной встрѣчи и куда онъ хотѣлъ увезти ее изъ того водоворота интригъ и страстей, въ которомъ они оба погибли.

Ея желаніе исполнилось; разбитая, больная пріѣхала она въ Аддиналь, помѣстье Лиліенфельдовъ на берегу Балтійскаго моря. Подъ кровлей своего мужа, окруженная его родителями и болѣзненными дѣтьми, коихъ онъ ей оставилъ, она доживала свои послѣдніе дни, слѣдя изъ окна своей комнаты за прибоемъ волнъ и за морскимъ просторомъ, который такъ страстно любилъ ея мужъ до своего брака съ нею.

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій

подъ Смоленскомъ [1]).

Первая встрѣча московскаго царя съ польскимъ королемъ.

Выдача Шуйскаго съ его братьями гетману Жолкѣвскому.—Доставленіе ихъ подъ Смоленскъ, въ польскій лагерь.—Шуйскіе предъ Сигизмундомъ III.—Объясненіе Жолкѣвскаго съ Филаретомъ Никитичемъ о вывозѣ ихъ къ королю.—Бытъ Шуйскихъ подъ Смоленскомъ и отсылка ихъ въ глубь Польско-литовскаго государства.

Сверженный съ престола и постриженный въ монашество, Василій Шуйскій возбуждалъ у однихъ—надежду, у другихъ—опасеніе, что онъ можетъ снова воротиться къ власти: низверженіе его было произведено второпяхъ, группой довольно случайной, и сторонники его имѣлись въ разныхъ слояхъ населенія. Подобныя чувства возбуждали также и его братья, исключенные изъ Боярской думы и сидѣвшіе подъ стражей, князья Дмитрій Ивановичъ, женатый на честолюбивой сестрѣ жены Бориса Годунова, бывшій главный воевода московскаго войска, и Иванъ Ивановичъ, бывшій начальникъ стрѣльцовъ. При тогдашней измѣнчивости обстоятельствъ, каждый изъ нихъ могъ послужить предметомъ движенія людей ихъ стороны. Для недруговъ Василія было дѣломъ не одной простой осторожности, чтобы удалить, сдать всѣхъ Шуйскихъ въ такія крѣпкія руки, которыя никоимъ образомъ не выпустили бы ихъ на свободу.

Такимъ лицомъ представлялся тогда стоявшій (съ 24 іюля 1610 г.) подъ Москвой гетманъ Станиславъ Жолкѣвскій. Вопреки условіямъ

[1]) Изъ подготовляемаго нами къ печати обширнаго историческаго изслѣдованія: „Царь Василій Шуйскій и мѣсто погребенія его въ Польшѣ“. Тамъ будетъ приведена и литература предмета. Документы изданы уже въ приложеніи къ изслѣдованію (томъ II, въ двухъ отдѣльныхъ книгахъ. Варшава, 1901—1902 г.).

своего съ боярами договора (17 авг.) объ избраніи королевича Владислава на царство, онъ старался удалять въ Польшу лицъ, бывшихъ опасными для польскихъ интересовъ. Особенно хотѣлъ онъ этого всей семьѣ Шуйскихъ, добиваясь, чтобы они были выданы ему для Сигизмунда III, который въ свою очередь тайно понуждалъ Жолкѣвскаго поскорѣе захватить Шуйскаго съ братьями и препроводить ихъ въ Польшу.

Противъ выдачи бывшаго государя королю однако рѣшительно стояли патріархъ Гермогенъ и единомышленные съ нимъ бояре. Составъ боярскаго правительства между тѣмъ быстро измѣнялся, пополняясь прежними тушинцами, которые первые бѣжали изъ Тушина къ Сигизмунду на службу и которыхъ онъ теперь изъ-подъ осаждаемаго имъ Смоленска подсылалъ въ Москву въ качествѣ своихъ тайныхъ агентовъ. Боярское правительство дѣлалось уступчивѣе, и Шуйскіе, при порывистой помощи этихъ тушинцевъ, скоро очутились въ рукахъ гетмана, хотя и подъ условіемъ, „чтобы ихъ не вывозить изъ Московскаго царства, только имѣлось въ виду заключить ихъ подъ (польскою) стражей въ какомъ-нибудь укрѣпленіи“.

Жолкѣвскій обѣщалъ не вывозить Василія Ивановича изъ Іосифова Волоколамскаго монастыря, куда отправили его. Монастырь былъ тогда занятъ польскимъ отрядомъ подъ командой Руцкаго. Заключенный царь испытывалъ стѣсненія и получалъ отъ Руцкаго питаніе скудное, едва не умиралъ съ голоду. Князей Дмитрія и Ивана Жолкѣвскій отправилъ въ крѣпость Бѣлую (нынѣ городъ Бѣлый, Смоленской губ.). Бояре настойчиво просили о нихъ, чтобы „они не были допущены къ королю“.

Но уже самъ Жолкѣвскій въ своихъ запискахъ такъ характеризовалъ свою московскую политику: „гетманъ, какъ всегда, такъ въ это время, не переставалъ дѣйствовать съ тонкостью, разными уловками“. Подъ предлогомъ ускоренія утвержденія Сигизмундомъ договора о Владиславѣ, отъѣзжая къ Смоленску, гетманъ взялъ съ собою много царскихъ сокровищъ. По дорогѣ заѣхалъ онъ въ монастырь Іосифа Волоцкаго, гдѣ томился Василій Ивановичъ. Узникъ былъ въ простомъ черномъ монашескомъ платьѣ; Жолкѣвскій одѣлъ его въ свою одежду „литовскую“; Василій не хотѣлъ этого, но гетманъ поступилъ съ нимъ уже „нравомъ плѣнническаго обычая“ и взялъ съ собой. Къ Смоленску доставлялись изъ Бѣлой и князья Дмитрій Ивановичъ съ женой и Иванъ Ивановичъ. Гетману теперь препятствовать тутъ уже никто не могъ [1]).

---

[1]) См. нашу статью „Плѣненіе царя Василія Ивановича Шуйскаго съ братьями“, Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1905, майск. кн.; статья эта, съ нѣкоторыми измѣненіями, составитъ первую главу изслѣдованія о Шуйскомъ въ Польшѣ.

Подъ Смоленскомъ, казалось, готовился ему „трудовный вѣнецъ". У королевскаго лагеря встрѣтили (30 окт.) гетмана полки конные и пѣшіе, во главѣ съ ихъ офицерами и начальниками, сенаторы и чины двора. Отъ имени ихъ всѣхъ привѣтствовалъ его литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга. Съ громкими криками, рукоплесканіями и т. п. выраженіями радости и чествованія блестящая эта толпа проводила Жолкѣвскаго до его ставки. Торжественность и значеніе встрѣчѣ придавало болѣе всего то, что „гетманъ везъ съ собою Василія Шуйскаго, бывшаго монарха всей Московской земли, а теперь плѣннаго". „Тиранъ"—какъ называлъ Василія папскій нунцій въ Польшѣ—„сидѣлъ въ телѣгѣ, свидѣтельствуя по пути о бѣдствіи, постигшемъ его отечество".

Шуйскихъ помѣстили въ келіяхъ Троицкаго монастыря, стоявшаго на рѣчкѣ Кловкѣ, недалеко отъ впаденія ея въ Днѣпръ. Владѣя многими завѣщанными ему вотчинами, монастырь былъ хорошо обстроенъ и былъ извѣстенъ далеко и въ Смоленской землѣ, и въ Литвѣ. При немъ имѣлся Гостинный литовскій дворъ, служившій главнымъ пристанищемъ для литовскихъ купцовъ, привозившихъ сюда свои товары и грузившихъ новые для отправленія къ себѣ. Донынѣ еще видна здѣсь бывшая Кловская пристань для стоянки судовъ, приплывавшихъ по Днѣпру. Во время осады Смоленска Сигизмундомъ, монастырь служилъ для стоянки части польскаго войска. Въ немъ располагался коронный подканцлеръ Щенсный-Крыскій. Вблизи, подъ монастыремъ, находилось московское посольство.

Едва оправился отъ дороги, гетманъ былъ удостоенъ (31 окт.) почетнаго пріема королемъ, въ присутствіи двора, сенаторовъ и воеводъ. Жолкѣвскій краснорѣчиво поздравлялъ Сигизмунда съ трофеями, взятыми въ Московской землѣ, съ лаврами, полученными тамъ; восхваляя доблести войска, онъ поручалъ щедрости короля всѣхъ, кто сопутствовалъ и помогалъ ему въ побѣдахъ. При этомъ, вопреки своему условію съ боярами и вопреки ихъ просьбѣ, онъ представилъ Василія Ивановича съ братьями и передалъ ихъ королю въ качествѣ военно-плѣнныхъ, какъ самый славный трофей.

Въ теченіе своей долгой жизни, полной тревогъ, перемѣнъ и опасностей, Василію много разъ приходилось быть въ необычно трудныхъ положеніяхъ, испытать и ссылку, и заточеніе, не разъ быть и на волосъ отъ смерти. Онъ вынесъ и измѣнчивость счастья и отношеній при Грозномъ и Годуновѣ, и опасныя сцены при Лжедимитріѣ I и въ свое царствованіе. Послѣ своего перваго, неудавшагося заговора свергнуть самозванца, онъ клалъ на плаху свою голову, чтобы мужественно сложить ее передъ народомъ, а затѣмъ, по возвращеніи изъ ссылки, онъ искусно подъ видомъ дружбы провелъ дѣло сверженія и уничтоженія его. Въ свое царствованіе ему случалось уговаривать

разъяренныя группы и толпы, бросаться на силача Ляпунова, требовавшаго отказа отъ престола, или же обращаться чуть не со слезами, чтобы разжалобить бунтующихся. Тонкая хитрость, изворотливость, не всегда дальновидная, то какъ будто женское малодушіе, то порывы отчаяннаго мужества, рѣдкая отвага—все было въ его натурѣ, проявляясь по мѣрѣ различныхъ условій и обстоятельствъ.

Теперь онъ былъ предъ Сигизмундомъ, врагомъ государственнымъ и личнымъ. Въ своей борьбѣ за возстановленіе спокойствія и независимость Московскаго государства и за сохраненіе и упроченіе своего положенія, Василій не могъ держаться той внѣшней системы, какую засталъ при своемъ вступленіи на престолъ. Лжедимитрій, достигшій царства при помощи Польши и Рима, невольно казался подручнымъ сторонникомъ Польши и къ сопернику Сигизмунда, Карлу IX, герцогу зюдерманландскому, занявшему шведскій тронъ, писалъ, чтобы онъ возвратилъ корону Сигизмунду, какъ законному государю Швеціи; Сигизмундъ и во внѣшней политикѣ, и въ личныхъ домогательствахъ слѣпо разсчитывалъ на усердное содѣйствіе Самозванца. Пусть изъ того, что Лжедимитрій наобѣщалъ, многое не могъ, а иное и не хотѣлъ выполнить; но это раскрылось не вдругъ и это не измѣняло сущности положенія. Уничтоженіемъ Лжедимитрія Шуйскій наносилъ рѣзкій ударъ всѣмъ латино-польскимъ мечтамъ и планамъ и силою дальнѣйшихъ обстоятельствъ приводился къ необходимости во взаимной распрѣ дяди и племянника принять сторону перваго, Карла, здѣсь искать себѣ опоры для достиженія своихъ и общегосударственныхъ цѣлей.

Сознавая опасность внѣшнихъ осложненій и еще надѣясь собственными силами справиться съ волненіями и съ непокорными элементами и новыми самозванцами, царь Василій Ивановичъ сначала упорно воздерживался отъ явнаго разрыва съ Сигизмундомъ и отстранялся отъ предложеній Карла, повелѣвая своему воеводѣ сказать бывшимъ уже на границѣ шведскимъ посламъ, что „великому государю нашему помощи никакой ни отъ кого ненадобно, противъ всѣхъ своихъ недруговъ стоять можетъ безъ васъ, и просить помощи ни отъ кого не станетъ, кромѣ Бога“. Сигизмундъ, въ свою очередь потерпѣвъ отъ бурнаго движенія („рокоша“) противъ него шляхты, во главѣ съ сендомирскимъ воеводой Николаемъ Зебржидовскимъ, Янушемъ Радзивилломъ и др., когда было сомнѣніе, удержится ли за нимъ и польскій престолъ, тоже былъ доволенъ, что дѣло не доходитъ до войны съ Шуйскимъ. Между ними учинилось (25 іюля 1608 г.) почти четырехлѣтнее перемиріе, въ продолженіе котораго они обязались, размѣнявшись плѣнными, не помогать врагамъ одинъ другаго ни людьми, ни деньгами, король обѣщалъ отозвать отъ втораго Лже-

димитрія поляковъ и впредь никакихъ самозванцевъ не поддерживать, отпускаемые Юрій Мнишекъ съ дочерью обязывались—отецъ не называть своимъ зятемъ втораго Лжедимитрія и не выдавать за него своей дочери, Марина—не именоваться московскою царицей.

Условія эти не были выполнены со стороны польской. Выпущенная изъ плѣна, Марина Мнишекъ соединила свою судьбу со вторымъ самозванцемъ, ея отецъ хлопоталъ за нее и въ Тушинѣ, и въ Варшавѣ, польско-литовскіе отряды не только не оставляли Лжедимитрія, но еще увеличивались около него. Войска Шуйскаго, послѣ удачныхъ дѣйствій противъ Болотникова и другихъ, терпѣли уже пораженія. Убѣждаясь въ недостаточности своихъ силъ, Василій послалъ къ королямъ датскому, англійскому и шведскому и къ императору „о обидѣ своей на польскаго короля и на вся измѣнники съ ложнымъ ихъ царемъ, помощи прося". Дѣйствительная подмога не замедлила только отъ непосредственно заинтересованной Швеціи. Обѣ стороны заключили (въ февралѣ 1609 г.) оборонительный союзъ противъ Сигизмунда и его наслѣдниковъ; вспомогательное шведское войско вступало подъ вѣдѣніе Скопина-Шуйскаго. Открывшіяся военныя дѣйствія талантливаго Скопина пошли съ успѣхомъ.

Вмѣсто осуществленія какихъ-либо—религіозныхъ или политическихъ—притязаній на восточной границѣ Сигизмунду сулило это потерей надежды и на шведскую корону и проч. А „въ своей личной шведской политикѣ" и религіозно-католической пропагандѣ онъ, по признанію и польскихъ историковъ, жертвовалъ наиболѣе „жизненными интересами страны", сама „Польша въ рукахъ Сигизмунда III была только удобнымъ орудіемъ для шведско-католической политики". Онъ не замедлилъ двинуться къ Смоленску, ограничившись одобреніемъ его намѣреній частью сенаторовъ и не испросивъ согласія на войну у государственныхъ чиновъ. Чтобы лучше побудить на военныя издержки шляхту, относившуюся подозрительно къ его московскимъ замысламъ, онъ объяснялъ ей въ декларацій, что „ничто съ этого похода не пойдетъ на пользу королю и его потомству, а все—на пользу государства"; предъ императоромъ и папой выставлялъ цѣлію, помимо расширенія владѣній, умноженіе католической церкви, а осажденныхъ смольнянъ убѣждалъ сдаться, увѣряя, что онъ идетъ для спасенія Московскаго государства и для обороны православной русской вѣры... Папскій нунцій въ Польшѣ завѣрялъ письмомъ въ Римъ (15 окт. 1609 г.), какъ мнѣніе разсудительныхъ людей, что для пріобрѣтенія Московскаго княжества король пришелъ, „имѣя цѣлію славу Божію, увеличеніе значенія католической религіи и общественнаго блага всего католичества", а также, чтобы кто иной изъ стороннихъ не овладѣлъ этимъ государствомъ. Сигизмундъ надѣялся

на скорую сдачу Смоленска, но Смоленскъ, управляемый воеводой Шуйскаго Шеинымъ, съ негодованіемъ отвергъ всѣ предложенія и требованія, замкнулъ ворота и упорно отражалъ осаду (съ половины сентября 1609 г.) цѣлыхъ 20 мѣсяцевъ, удержавъ Сигизмунда отъ дальнѣйшаго движенія во внутрь Россіи.

Когда протянулось почти полгода безуспѣшной осады, изъ Тушина, распадавшагося отъ толчковъ Скопина и отъ опасеній вторженія короля, прибыли къ Сигизмунду отступившіеся отъ Лжедимитрія II бояринъ Михаилъ Салтыковъ и др. съ просьбою дать на царство королевича Владислава. Несмотря на серіозныя ограничительныя условія просьбы, Сигизмундъ довольно скоро заключаетъ (14 февраля 1610 г.) договоръ, соглашаясь, чтобы королевичъ короновался въ Москвѣ „отъ руки патріарха московскаго стародавнымъ обычаемъ“ и чтобы православная вѣра „ни въ чемъ не нарушена была“. На Жолкѣвскаго возлагалось, двигаясь далѣе съ небольшимъ войскомъ, собрать польско-литовскіе отряды и банды, разсѣвшіеся по Россіи, дать сраженіе Шуйскому, въ случаѣ надобности и Лжедимитрію. Внезапная смерть Скопина, поведшая къ передачѣ главнаго воеводства надъ русско-шведскою ратью нераспорядительному, но надменному князю Дмитрію Шуйскому, и успѣхи Жолкѣвскаго, военныя дарованія котораго прошли чрезъ хорошую школу Баторія, разрушила надежды и царя Василія Ивановича поправить свое положеніе при содѣйствіи шведовъ. Царь по преимуществу олигархической аристократіи, боярства, въ пользу котораго имъ дана была ограничительная запись, онъ, не воплощая въ себѣ царской идеи во всей ея народно-государственной цѣлости, былъ низвергнутъ почти такою же небольшою группой, какъ и возведенъ на престолъ, и постриженный въ монашество тоже особою группою лицъ выдается гетману, который теперь ставитъ его передъ королемъ. Увлеченный успѣхами Жолкѣвскаго, хотя все еще прикованный къ Смоленску, Сигизмундъ не удовлетворяется, что на освободившійся московскій престолъ избираютъ Владислава, хочетъ самъ занять его и по соединеніи подъ своею короною Польши, Литвы и Москвы мечтаетъ общими силами добывать родную ему Швецію.

Предъ Сигизмундомъ Шуйскій стоялъ молча, не давая поклона.

Рюриковичъ, прямой потомокъ Владиміра Святаго, Василій Ивановичъ Шуйскій, происходя отъ старшей линіи владиміро-суздальскихъ князей (отъ князя Андрея, старшаго брата Александра Невскаго), считалъ себя имѣвшимъ родовое преимущество даже предъ царствовавшимъ предъ тѣмъ домомъ московскихъ царей (шедшихъ отъ Даніила, младшаго сына Невскаго). Московскіе же государи, въ собственномъ сознаніи и въ сознаніи далеко не однихъ только своихъ подданныхъ законные наслѣдники всѣхъ бывшихъ владѣній Владиміра

Святаго и Константина Великаго, смотрѣли сверху внизъ на сосѣднихъ государей, шведскаго и литовско-польскаго, не разъ укоряя ихъ, что они не по праву владѣютъ царскою „отчиной и дѣдиной". Московскій царь XVI вѣка считалъ унизительнымъ для себя непосредственно сноситься съ шведскимъ королемъ и „братомъ" не называлъ его, почему договоры съ Швеціей уставлялись въ Новгородѣ новгородскими намѣстниками. Шведскіе Вазы должны были подчиняться сему условію. Даже послы Карла IX къ Шуйскому выслушали, что они напрасно на рубежѣ ждутъ къ себѣ царскихъ пословъ, „государь бы вашъ велѣлъ о посольскомъ съѣздѣ ссылаться съ новгородскими воеводами". Сигизмундъ Ваза, занявшій литовско-польскій престолъ и претендовавшій на утраченный имъ шведскій, не особенно поднялъ себя во мнѣніи московскаго государя. Возможно также, что Шуйскій, видя, что Сигизмундъ принимаетъ его не въ Смоленскѣ, а подъ твердынями города, предполагалъ торжество Сигизмунда еще не обезпеченнымъ и не все еще потеряннымъ для себя.

„Картина позорнаго униженія русскаго царя Василія Шуйскаго, приведеннаго въ Сенатъ Жолкѣвскимъ въ качествѣ плѣнника, одѣтаго въ грубыя одежды, радовала" не однихъ присутствовавшихъ, и учитель Сигизмунда, извѣстный руководитель латино-польскаго движенія іезуитъ Скарга, восторженно изобразилъ ее потомъ, видя въ ней торжество его отчизны и католичества.

Отъ Шуйскаго требуютъ поклониться Сигизмунду. Василій продолжаетъ держать себя съ достоинствомъ, „крѣпко, по выраженію лѣтописи, мужественнымъ своимъ разумомъ напослѣдокъ живота своего даде честь Московскому государству". На требованіе отъ него поклона онъ промолвилъ: „Московскому царю не надлежитъ кланяться королю. То совершилось праведными судьбами Божіими, что приведенъ я въ плѣнъ, но не вашими руками взятъ, а отданъ московскими измѣнниками, своими рабами". Такихъ словъ и отношенія его присутствовавшіе, очевидно, не ожидали. „Король и вся рада-паны удивишася его отвѣту".

Дѣло плѣненія сразу обрисовалось не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ только-что старались выставить его, и торжество должно было, конечно, прекратиться.

По уходѣ всѣхъ, Жолкѣвскій, оставшись одинъ въ частной аудіенціи короля, отдалъ ему отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ въ Московскомъ государствѣ. Щедро оказывая гетману знаки благоволенія при людяхъ, Сигизмундъ не скрылъ теперь своего неудовольствія, что тотъ заключилъ условія объ избраніи Владислава, а не о подчиненіи Москвы прямо ему. Напрасно Жолкѣвскій истощалъ свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить Сигизмунда на сдержанность пока въ требованіяхъ: положеніе и трофеи далеко не такъ блестящи, какъ излагалось въ тор-

жественной рѣчи на представленіи, все очень условно и непрочно, „необходимо завяжется продолжительная война, которой неизвѣстно когда и какой будетъ конецъ“, войско, не получая жалованья, можетъ взбунтоваться и двинуться въ Рѣчь Посполитую „съ требованіемъ отъ нея заслуженной платы“; гетманъ рисовалъ и положительныя, частныя и общія, выгоды, отъ принятія его договора. Но онъ лишь убѣждался, что „уши короля были закрыты для его увѣщаній“.

Чувствительное „огорченіе“ испыталъ онъ и съ другой стороны. Позванный на ближайшее очередное совѣщаніе или конференцію (2-го ноября) Льва Сапѣги съ московскими послами, онъ, согласно съ королевскою волею, сталъ прозрачно поддерживать польскихъ уполномоченныхъ, во многомъ отрекаясь отъ обѣщаній въ своихъ договорныхъ записяхъ. Послы указывали ему на это съ упрекомъ. Онъ не безъ уклончивости изъявлялъ готовность выступить какъ бы въ роли нѣкотораго примирителя, ходатая за нихъ. Послы не скрыли и своего негодованія за его дѣйствія съ Шуйскимъ, особенно митрополитъ Филаретъ Никитичъ, представителъ патріарха Гермогена и вообще церкви.

Желая оправдаться предъ ними, Жолкѣвскій, тотчасъ же по окончаніи конференціи, сказалъ Филарету Никитичу: слышитъ онъ его негодованіе, что бывшаго царя Василія привезъ и что одѣлъ его въ свѣтское платье; взялъ онъ его не по своей волѣ, а по просьбѣ бояръ, чтобы тѣмъ предотвратить смятеніе, которое могло произойти въ народѣ, да и въ Іосифовомъ монастырѣ Василій едва не умиралъ съ голоду; одѣлъ его по-свѣтски потому, что Василій самъ не хотѣлъ быть монахомъ, постригли его неволею, а невольное постриженіе „противно и вашимъ, и нашимъ церковнымъ уставамъ“, это и патріархъ утверждаетъ. Митрополитъ возразилъ: желаніе бояръ было, для отвращенія смятенія, послать Василія за польскою и московскою стражей въ крѣпкіе дальніе монастыри, отосланъ же въ Іосифовъ монастырь по желанію его, гетманову; отвозить въ Польшу не надлежало бы ни Василія, ни его братьевъ, ибо самъ гетманъ далъ слово не вывозить Василія изъ того монастыря и въ договорной записи съ нимъ утверждено, чтобы ни одного человѣка изъ русскихъ людей въ Польшу и Литву не вывозить и не ссылать.

„Ты — укорялъ митрополитъ гетмана — на томъ крестъ цѣловалъ, и то сдѣлалось отъ васъ мимо договора: надобно бояться Бога; разстригать Василія не пригоже, чтобы нашей православной вѣрѣ порухи не было; а если его въ Іосифовомъ монастырѣ, по твоимъ словамъ, не кормили, то въ томъ неправы ваши приставы, что его кормить не велѣли, бояре отдали его на ваши руки“.

Укоры гетману, ни переговоры съ нимъ не могли уже поправить

дѣла Шуйскихъ. Тяжелая дѣйствительность развертывалась относительно ихъ своимъ чередомъ.

Въ день этой конференціи была принята Сигизмундомъ посольская депутація отъ остававшагося въ Москвѣ „рыцарства", пріѣхавшая вмѣстѣ съ Жолкѣвскимъ, чтобы привѣтствовать короля и просить его о милостяхъ и вознагражденіи. Выражая, съ этою цѣлью, отъ имени сего рыцарства вѣрноподданническія королю чувства и желанія дальнѣйшей побѣды надъ „исконными врагами" и обрисовавъ заслуги этой рати на службѣ королю въ побѣдоносной войнѣ, глава депутаціи въ своей рѣчи восклицалъ: „какой гетманъ и какое рыцарство повергали когда-либо подъ ноги королямъ польскимъ, государямъ своимъ, столь цѣнные трофеи своей побѣды? Сдано оружіе, сданы знамена, выданъ гетманъ, выданъ губернаторъ всей земли, отданъ государь со всѣмъ своимъ государствомъ! По истинѣ, первостепенную побѣду даровалъ Господь Богъ нашему народу въ счастливое царствованіе вашего королевскаго величества, нашего милостиваго государя".

Шуйскихъ трактовали уже какъ плѣнныхъ, хотя и почетныхъ, которымъ не обѣщалось ни свободы, ни возврата.

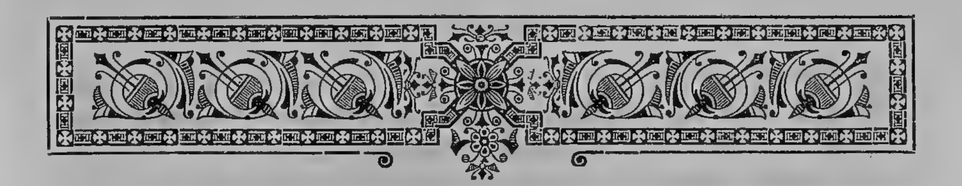
Чтобы наружно оказать бывшему царю вниманіе, ему отъ имени короля переданы были „королевскаго жалованья" небольшая серебряная братина и серебряная ложка. Главный совѣтникъ короля, литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга, сосредоточивавшій тогда въ своихъ рукахъ вѣдѣніе московскими дѣлами, „пожаловалъ далъ" Василію серебряный, внутри вызолоченный подстаканникъ и серебряную золоченую ложку; помогавшій Сапѣгѣ, подкоморій панъ Болобанъ далъ тоже ложку серебряную. Могли быть и другіе дары.

Для надсмотра надъ Шуйскими назначили пристава. Это былъ дворцовый чиновникъ Збигневъ Бобровницкій, который потомъ и сопровождалъ ихъ всюду. Своихъ людей—свиты и прислуги—при нихъ имѣлось до 13 человѣкъ. Расходами по содержанію вѣдалъ чиновникъ казны Кожуховскій. Наступило холодное время. Шуйскимъ понакупили сукна, мѣховъ и матерій и разныхъ тканей для стола (всего на 65 рублей) и, снарядивъ, отправили (20-го ноября 1610 г.) ихъ всѣхъ въ Могилевъ, затѣмъ въ Гродно, оттуда повезли въ Варшаву.

Чего-либо отраднаго для себя трудно было ожидать Василію Ивановичу съ братьями въ глуби Литвы и Польши. Сцена выдачи и пребываніе ихъ въ смоленскомъ лагерѣ, повидимому, только еще болѣе усилили непріязнь къ нимъ недалекаго короля. По отправкѣ ихъ изъ-подъ Смоленска, онъ писалъ (10-го декабря), что онъ не долженъ имѣть къ Шуйскому никакого состраданія.

Дм. Цвѣтаевъ.

Записки протоіерея Пѣвницкаго.

I.

Начало священства моего отца.—Отецъ въ качествѣ благочиннаго.—Протоіерей М—ъ и архіепископъ Арсеній. — Мое пребываніе въ семинаріи. — Ректоръ Платонъ.—Іеромонахъ Іеронимъ Гепнеръ.

Начну свою біографію ab ovo, что помню, не заботясь о системѣ и украшеніяхъ.

Родился я въ 1831 году 8-го ноября въ селѣ Темиревѣ Елатомскаго уѣзда. О предкахъ своихъ знаю, что въ селѣ Почковѣ Елатомскаго уѣзда жилъ былъ діаконъ Флоръ Семеновъ; у него былъ сынъ Герасимъ, дьячекъ въ томъ селѣ, и отецъ съ сыномъ жили вмѣстѣ. Затѣмъ Герасима поставили въ то же село Почково священникомъ. Герасимъ былъ простой — малограмотный. Будучи дьячкомъ, онъ ничѣмъ не отличался въ жизни отъ мужиковъ. Поэтому, когда повезли его въ Тамбовъ—ставить въ попы, мужики дивились и говорили: „Гараська-то—попомъ у насъ будетъ,—какъ же это мы будемъ у него благословеніе получать“!! Но Гараська пріѣхалъ изъ Тамбова настоящимъ уже отцемъ Герасимомъ и до конца жизни благословлялъ своихъ собратій, и всѣ его любили. Жилъ онъ просто, какъ и мужики, ходилъ лѣтомъ въ рубахѣ, пахалъ самъ землю и все, что нужно по мужицкому быту, исполнялъ самъ.

Случалось такъ, что нужно ему идти въ церковь отслужить вечерню, а онъ съ утра въ полѣ пашетъ и боронуетъ. Оторвется отъ поля, пріѣдетъ вечеркомъ съ сохой или бороной верхомъ на лошади къ церкви, привяжетъ лошадь въ оградѣ церковной, а самъ, въ чемъ былъ и боронилъ—въ храмъ, надѣнетъ ризу церковную и, отслуживъ вечерню, поѣдетъ тутъ же опять въ поле доканчивать свое дѣло. Мѣсто свое онъ при жизни своей уступилъ сыну Матвѣю, а самъ жилъ при сынѣ заштатнымъ священникомъ; сыну своему Матвѣю онъ дѣлалъ одно лишь безпокойство тѣмъ, что любилъ вѣнчать тай-

комъ незаконныя свадьбы. Для этого онъ приходилъ въ избу вечеркомъ, или когда сына не было дома, гдѣ ожицала его брачная пара, которую окружитъ онъ около стола, да благословитъ жить по Божію и дѣлу конецъ. И все это по тогдашней простотѣ сходило съ рукъ и не доходило до начальства. И любили же его за это мужики и бабы.

Матвѣй былъ священникомъ въ селѣ Почковѣ и имѣлъ двухъ дочерей и семь сыновей, изъ которыхъ старшій Георгій былъ мой отецъ. Сыновья всѣ получили образованіе въ Тамбовской семинаріи, учились отлично и были очень даровиты. Старшій изъ нихъ мой отецъ Георгій, кончилъ курсъ семинаріи студентомъ изъ высшихъ по списку и поступилъ въ священники въ село Темирево въ 1828 г. Второй, Адріанъ, по окончаніи семинаріи тоже студентомъ, поступилъ на службу свѣтскую и уѣхалъ съ губернаторомъ Косовичемъ въ Вятку, гдѣ скоро скончался. Много было заботъ и хлопотъ Адріану, чтобы выйти изъ духовнаго сословія. Архіерей Арсеній ни за что не хотѣлъ выпустить его. И только настойчивость Адріана, послѣ многой переписки и при помощи нѣкоторыхъ свѣтскихъ лицъ, напр. доктора Грамбаума, у котораго былъ домашнимъ учителемъ, достигла цѣли къ негодованію Арсенія. Третій, Иванъ, поступилъ въ Московскую академію, какъ первый студентъ Тамбовской семинаріи, и кончилъ тамъ магистромъ, затѣмъ въ 1840 году поступилъ профессоромъ въ Рязанскую семинарію и въ концѣ своей службы на 25-мъ году опредѣленъ инспекторомъ. Всей его службы въ семинаріи было 30 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ онъ пользовался отъ всѣхъ искреннимъ уваженіемъ и любовію, предметъ свой зналъ и преподавалъ прекрасно и въ обращеніи былъ гуманенъ и любвеобиленъ, къ тому же имѣлъ прекрасный даръ слова. Всѣ, кто учился у него или имѣлъ съ нимъ обращеніе и сношеніе, доселѣ помнятъ незабвеннаго Ивана Матвѣевича Сладкопѣвцева. Былъ онъ не карьеристъ, дѣлалъ дѣло и думалъ думу безъ шуму, а потому и прослужилъ скромнымъ труженикомъ 30 лѣтъ, холостякомъ, въ монахи не пошелъ, чтобы быть архіереемъ, изъ духовнаго званія не вышелъ. За то наградъ никакихъ не получилъ отъ начальства: умеръ безъ крестовъ наградныхъ, съ однимъ крестомъ Христовымъ. Подъ конецъ его жизни былъ ревизоръ карьеристъ Сергіевскій въ семинаріи. Не понравился ему Иванъ Матвѣевичъ, какъ человѣкъ самостоятельнаго ума и опыта жизненнаго; и устроилъ ему незаслуженное увольненіе отъ инспекторства къ общему сожалѣнію всѣхъ знавшихъ его рязанцевъ. Ревизоръ Сергіевскій былъ потомъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа, Иванъ Матвѣевичъ вскорѣ послѣ отставки умеръ въ 1871 году, не проживъ и 60 лѣтъ при умѣренной и регулярной жизни. Четвертый сынъ, Григорій, дошелъ до

богословскаго класса семинаріи, былъ во всѣхъ классахъ первымъ ученикомъ, назначался какъ лучшій въ академію, но умеръ отъ чахотки. Пятый, Василій, даровитый и атлетическаго здоровья и сложенія, въ философскомъ классѣ заболѣлъ горячкой и сверхъ чаянія умеръ въ семинарской больницѣ отъ отсутствія присмотра за больными. Ночью въ горячечномъ безпамятствѣ Василій имѣлъ полную возможность уйти изъ больницы въ одной рубашкѣ и босой и плутать въ городѣ до утра, пока въ больницѣ о томъ узнали и его разыскали; а дѣло было зимой. Шестой, Петръ, окончилъ курсъ С.-Петербургской академіи магистромъ, служилъ профессоромъ Псковской семинаріи, затѣмъ въ Западномъ краѣ въ одной изъ гимназій учителемъ и теперь въ отставкѣ съ заслуженною пенсіею. Седьмой рано умеръ — это Михаилъ. Предки мои фамиліи не имѣли. Такъ и подписывались, гдѣ подобаетъ, именемъ и отчествомъ только: Флоръ Семеновъ, Герасимъ Флоровъ, Матвѣй Герасимовъ. Когда Матвѣй привезъ сына своего старшаго Георгія въ г. Шацкъ — учиться въ училище, смотритель или, какъ тогда было, ректоръ Агишевскій далъ ему фамилію Грандовъ, съ каковою фамиліею и прошелъ Егоръ училищный курсъ; но при поступленіи въ Тамбовскую семинарію ректоръ, не любившій латинскихъ фамилій, переименовалъ фамилію Егора изъ „Грандова“ въ „Пѣвницкій“, такъ какъ Егоръ имѣлъ хорошій голосъ и былъ пѣвчій. А второму сыну, Адріану, который въ училищѣ прозывался Фортунатовъ, далъ фамилію—„Сладкопѣвцевъ“; эту послѣднюю фамилію усвоили себѣ и всѣ послѣдующіе братья.

Георгій Матвѣевичъ Пѣвницкій прожилъ въ селѣ Темиревѣ около пяти лѣтъ, построилъ порядочный домикъ и устроился во всемъ хорошо. Родилось въ это время у него три сына: старшій Михаилъ, второй я—Викторъ, третій Григорій. Жили мы тихо и благословляли Господа, какъ вдругъ совершенно неожиданно отецъ былъ переведенъ изъ Темирева въ село Трескино Кирсановскаго уѣзда, — болѣе чѣмъ за 200 верстъ. Это роковое извѣстіе, какъ громомъ, поразило насъ. Перебираться изъ родной страны, гдѣ за пять верстъ были Почково— родина отца и село Нестрово — родина матери, и ѣхать въ чужую, далекую, неизвѣстную сторону, съ маленькими дѣтьми, на голое мѣсто, оставивъ благоустроенный домъ и хозяйство,—было страшно тяжело, и тѣмъ болѣе, что ни прогоновъ, ни кормовыхъ и подъемныхъ, при перемѣщеніи, священникамъ не полагалось: переѣзжай на свои послѣдніе гроши, продавай за безцѣнокъ домъ, или такъ оставляй. Въ гнетущей тоскѣ поѣхалъ отецъ въ Тамбовъ—хлопотать объ оставленіи его Темиревѣ, на своей лошаденкѣ съ работникомъ; дорога дальняя—200—300 верстъ. На полпути заболѣла лошадь, поломалась телѣга, и отпустилъ онъ работника съ лошадью назадъ—домой; а самъ

сѣлъ на улицѣ какого-то села на сложенныя бревна, на большой Моршанской дорогѣ, ждать проѣзжихъ въ Тамбовъ и къ нимъ примоститься до Тамбова. Какъ ни хлопоталъ мой отецъ у Тамбовской консисторіи и у архіерея — ничего не выхлопоталъ; пришлось собираться въ дорогу. И какъ ни умолялъ самого владыку — не разорять его съ семействомъ, — грозный Арсеній былъ неумолимъ. Онъ не только не обратилъ никакого вниманія на горькое положеніе; не хотѣлъ помочь тяжелому положенію хоть чѣмъ-либо матеріальнымъ или моральнымъ; онъ строго и непреклонно пригрозилъ даже совершеннымъ лишеніемъ мѣста.

Возвратился отецъ Георгій Матвѣевичъ изъ Тамбова темнѣе ночи, снова всѣ поплакали и слезами облегчили свое горе. Затѣмъ стали собираться въ дальную дорогу — въ terram incognitam. Нѣкоторое утѣшеніе было хоть въ томъ, что на мѣсто Темиревское поступилъ зять, женатый на старшей сестрѣ, который взялъ за себя оставшійся домъ, обѣщаясь за него, что стоитъ, заплатить. Но заплатить ничего не имѣлъ возможности, потому что былъ бѣденъ, это священникъ Марко Васильевъ Добровъ, который впрочемъ скоро и померъ.

Въ селѣ Трескинѣ, куда ѣхалъ отецъ, было нѣсколько семействъ молоканъ; и ему было предписано заняться ихъ обращеніемъ въ православную вѣру. Этою причиною мотивировалъ свое распоряженіе о переводѣ моего отца епископъ Арсеній, который рѣшилъ во что бы то ни стало истребить молоканъ въ епархіи. Молоканъ, конечно, не истребилъ. Они все болѣе размножались и доселѣ процвѣтаютъ въ епархіи.

Пріѣхавъ въ Трескино, отецъ мой помѣщался на квартирѣ у одного крестьянина и жилъ тамъ, пока явилась возможность устроить домъ на своей усадьбѣ. Эту усадьбу долго не очищалъ переведенный въ село Бокино священникъ Егоръ Александровъ Бѣляковъ, человѣкъ пьяный и буйный, который постоянно ругалъ моего отца за то, что пріѣхалъ на его мѣсто, и не хотѣлъ пускать на усадьбу селиться. Этотъ попъ Егоръ стариннаго закала, полуграмотный, изъ дьячковъ, постоянно отравлялъ всякое наше спокойствіе. И ничего съ нимъ нельзя было подѣлать. Братъ его родной былъ священникомъ и благочиннымъ въ томъ же селѣ Трескинѣ, Василій Александровичъ, другой братъ—въ Тамбовѣ священникомъ и членомъ консисторіи, Павелъ Александровичъ Бѣляковы. И вотъ безалаберный попъ Егоръ и свободно безобразничалъ, надѣясь на защиту. Надо было терпѣть и ждать, когда дѣло уладится по доброй воли буяна. Года черезъ два, впрочемъ, такого безпокойства удалось наконецъ устроиться своимъ дешевымъ домишкомъ и вздохнуть свободно на своемъ гнѣздѣ.

Въ новомъ селѣ нужно было начинать снова. Все, что имѣлось

и нажито было въ Темиревѣ, пропало даромъ и ушло на разорительное перемѣщеніе. Семейство стало увеличиваться, и число дѣтей достигло до девяти человѣкъ, которыхъ нужно было воспитывать—кормить и учить. Но Господь былъ видимо милостивъ къ нашему семейству. Оно никогда не оскудѣвало въ средствахъ, и всѣ существенныя нужды удовлетворялись свободно. Жизнь, конечно, была самая скромная, умѣренная, воздержанная отъ всякихъ излишествъ. Мать наша была трудящаяся и экономная хозяйка, все дѣлала въ домѣ своими руками и за всѣмъ слѣдила своими глазами, отъ того все шло въ дѣло и ничто даромъ не пропадало. И прихожане, видя многосемейность отца, не оставляли безъ помощи. Село Трескино въ крѣпостное время отличалось обиліемъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, которые всѣ, при даровомъ крестьянскомъ трудѣ, жили богато и охотно великодушничали. Отецъ мой, имѣя кроткій, миролюбивый и общительный характеръ, былъ ими уважаемъ и любимъ. Они съ удовольствіемъ снабжали его всѣмъ, что нужно было ему въ житейскомъ быту: присылали мужиковъ и бабъ для обработки земли и уборки хлѣба, дровъ изъ своихъ рощъ, всякаго рода зерна изъ своихъ магазиновъ, и плодовъ изъ огородовъ и садовъ. То же дѣлали и нѣкоторые мужики зажиточные, такъ, что у отца въ домѣ было изобиліе. Самъ отецъ хозяйствомъ своимъ мало занимался—все въ домѣ было на рукахъ матери. Да ему и некогда было. Все время его поглощала служба и требы по приходу, который былъ большой и состоялъ изъ многихъ мелкихъ поселковъ и деревень, на порядочномъ другъ отъ друга разстояніи. Бывало—видишь, только-что пріѣхалъ батюшка къ обѣду изъ одной деревни, куда ѣздилъ съ причастіемъ съ утра, какъ является новое требованіе въ другую деревню. Въ 1842 году, по смерти священника сего же села Трескина Василія Александровича Бѣлякова, который былъ благочиннымъ, должность благочиннаго возложена была на моего отца, что еще болѣе отвлекало его отъ дома и хозяйства.

Умершій Бѣляковъ, Василій Александровичъ, былъ авторитетный человѣкъ, но имѣлъ, къ сожалѣнію всѣхъ, тотъ недостатокъ, что пилъ запоемъ, отъ чего и рано умеръ, въ бѣдности оставивъ сиротами жену и дочерей. Незадолго до смерти онъ возведенъ былъ епископомъ Арсеніемъ въ санъ протоіерея, когда еще не имѣлъ никакихъ наградъ, даже набедренника и скуфьи. Это особенно и придавало авторитетности Бѣлякову. Но случилось это такъ: извѣстная помѣщица всему Тамбову Анд—ская, близкая епископу Арсенію и въ него проживавшаяся, устроила новый храмъ въ селѣ Богословкѣ. Освящать храмъ, конечно, пріѣхалъ, нарочно изъ Тамбова самъ Арсеній. Она хотѣла, чтобы при ея церкви въ Богословкѣ священникъ

Іоаннъ Евдокимовичъ Рождественскій былъ непремѣнно протоіерей. Арсеній, конечно, отказать въ этомъ не нашелъ возможности, хоть Рождественскій и былъ къ протоіерейству очень молодъ и не имѣлъ никакихъ наличныхъ правъ, но смущался лишь тѣмъ, что благочинный Бѣляковъ, который и много старше и достойнѣе Рождественскаго; а потому и порѣшилъ убить заразъ двухъ бобровъ. И вотъ при первомъ архіерейскомъ служеніи въ новоосвященномъ храмѣ и посвящены были въ протоіереи юный Рождественскій и мужественный Бѣляковъ, и стали единственными протоіереями среди всего сельскаго духовенства Кирсановскаго уѣзда на диво всѣмъ.

Должность благочиннаго отецъ мой принялъ неохотно. Не разъ намѣревался отказываться. И оставилъ намѣреніе только по уговору другихъ. Опасался онъ частаго непосредственнаго сообщенія и сношенія съ начальствомъ. Онъ хорошо зналъ и чувствовалъ, что чѣмъ дальше отъ начальства, тѣмъ лучше чувствуется. Особенно противна ему была консисторія, гдѣ царило поголовное взяточничество, отъ членовъ и секретаря до послѣдняго сторожа,—взяточничество наглое и дерзкое съ крючкотворствомъ столоначальниковъ и писцовъ и повальнымъ ихъ пьянствомъ. Люди практическіе, искательные и юркіе добивались должности благочиннаго тогда, да и теперь тоже, употребляя для этого всѣ средства, подходящія къ консисторской кликѣ. Но зато, добившись благочинія, ухитрялись выбирать съ подвѣдомаго духовенства и церквей съ ихъ старостами всѣ свои протори и убытки съ такою лихвою, которая давала имъ полную возможность пріобрѣтать въ консисторіи милыхъ друзей и пріятелей, готовыхъ вытащить ихъ изъ всякаго болота, — жить открыто и хлѣбосольно для всѣхъ нужныхъ имъ людей, — разъѣжать на тройкахъ съ бубенчиками по своимъ округамъ для разнаго сбора и разбора, и получать, не въ примѣръ другимъ, частыя награды за отличія. Такъ славно гремѣли повсюду, какъ мнѣ извѣстно, изъ многихъ благочинные: Акв—новъ, Орловъ и какой-то Авксентій. Сдѣлавшись благочиннымъ, отецъ остался такимъ же скромнымъ и смиреннымъ въ средѣ подвѣдомыхъ ему духовныхъ, какъ прежде; благочиннической отваги и осанки, какую напускали на себя обыкновенно другіе, никто и никогда въ немъ не замѣчалъ. Съ послѣднимъ пономаремъ и церковнымъ сторожемъ онъ всегда по-братски обращался, не говоря уже о священникахъ, которымъ онъ всегда охотно и безкорыстно помогалъ во всѣхъ ихъ затрудненіяхъ и недоумѣніяхъ. Много неумѣлыхъ и неопытныхъ священниковъ пріѣзжало къ нему въ домъ для составленія разныхъ вѣдомостей и отчетовъ по церкви и приходу, и онъ не тяготился учить ихъ и самъ для нихъ считалъ и составлялъ, что нужно и чего они не умѣли. У него они ѣли, пили, ночевали и ничего за это не

платили. Даже положенный издавна взносъ со штата по 12 руб. ассигнаціями благочинному къ новому году для сдачи документовъ въ консисторію не всѣ платили исправно, и онъ стѣснялся имъ объ этомъ напоминать. По своему округу для обозрѣнія церквей онъ проѣзжалъ на подводѣ въ одну лошадь съ телѣгой или санями отъ духовенства по положенію, отъ одного села до другаго перемѣняя подводу, ничѣмъ не стѣсняя въ этомъ духовенство. Тихонько и скромненько пріѣдетъ въ село и, не желая никого безпокоить, остановится въ церковной караулкѣ и займется тутъ дѣломъ, для чего пріѣхалъ. Придетъ священникъ и не скоро уговоритъ его расположиться въ его домѣ. Если же ночью пріѣзжалъ, то въ караулкѣ у сторожа и ночевалъ, приказавъ, чтобы до утра никому о его пріѣздѣ не говорилъ. Самъ живя со всѣми мирно и относясь ко всѣмъ искренне-доброжелательно, онъ старался, чтобы и подвѣдомое ему духовенство жило между собою мирно и не заводило тяжебныхъ дѣлъ въ консисторіи. Самъ примирялъ ссорящихся, самъ разрѣшалъ споры полюбовнымъ соглашеніемъ, вразумляя и убѣждая не доводить дѣло до консисторіи: „тамъ, говорилъ онъ, возьмутъ и съ праваго и съ виноватаго, а дѣла, какъ слѣдуетъ, не разберутъ; вы же останетесь въ одномъ убыткѣ и только накормите сытыхъ пересытыхъ консисторскихъ". За такой миролюбивый образъ дѣйствій все духовенство его любило. Но консисторія очень недолюбливала. Онъ отбивалъ у нея хлѣбъ, добываемый ею изъ ссоръ, споровъ и кляузныхъ дѣлъ и жалобъ въ духовенствѣ. Поэтому старались держать Трескинскаго благочиннаго въ черномъ тѣлѣ: обхожденіемъ его наградами, порученіемъ ему для разслѣдованія тяжелыхъ и кляузныхъ дѣлъ и многими другими придирками. Отецъ мой не имѣлъ наперснаго креста до 25-ти лѣтъ одной благочиннической службы. Обошли его узаконенною наградою орденомъ св. Анны 3 ст. за 12-ти-лѣтнее благочинническое служеніе по статуту, и дали уже чрезъ нѣсколько лѣтъ позже, и то по особому настоянію протоіерея Москвина, члена консисторіи, академика, который поступилъ въ консисторію изъ законоучителей, и единственный въ консисторіи былъ человѣкъ, не зараженный взяточничествомъ.

Протоіерей Москвинъ былъ въ Тамбовѣ человѣкомъ авторитетнымъ и вліятельнымъ, хотя не по своимъ однимъ достоинствамъ, а болѣе всего потому, что былъ родной и любимый племянникъ епископа Арсенія. При Арсеніи онъ жилъ съ малыхъ лѣтъ, обучался въ Тамбовской семинаріи, учился хорошо и дошелъ до философскаго класса, по окончаніи котораго Арсеній захотѣлъ послать его въ Кіевскую академію, помимо послѣдняго класса семинаріи — богословскаго, для высшаго образованія, и отправилъ его туда съ однимъ изъ лучшихъ студентовъ Тамбовской семинаріи, предназначеннымъ въ академію

семинаріею изъ богословскаго класса. Этому студенту, какъ руководителю, и порученъ былъ Арсеніемъ племянникъ Иванъ Андреевичъ Москвинъ на весь академическій курсъ. Но Иванъ Андреевичъ, какъ не прошедшій въ семинаріи богословскаго класса, оказался незрѣлымъ для усвоенія высшаго академическаго образованія. Но, при помощи дядьки-студента—кажется фамилія его Лысогорскій,—а болѣе всего, конечно, по протекціи дядюшки Арсенія, онъ могъ пройти безпрепятственно академическій курсъ. И снисходительное академическое начальство выпустило его кандидатомъ академіи. Изъ академіи пріѣхалъ онъ въ Тамбовъ подъ крыло своего дядюшки, который опредѣлилъ его учителемъ въ семинарію, женилъ на воспитанницѣ г-жи Анд—ской, обожавшей Арсенія, и поставилъ его въ протоіереи къ церкви Тамбовскаго кадетскаго корпуса, съ порученіемъ ему законоучительства въ этомъ корпусѣ и съ сохраненіемъ при этомъ учительской должности въ семинаріи. Анд—ская дала за своею воспитанницею хорошее приданое; устроила имъ большой домъ въ Тамбовѣ—доходный отъ квартиръ; снабдила ихъ заводскими лошадьми, къ которымъ Иванъ Андреевичъ впослѣдствіи получилъ большое пристрастіе, и завелъ даже у себя маленькій заводъ, ухарски съ дѣтьми разъѣзжалъ по Тамбову на заводскихъ тройкахъ, катаясь для удовольствія. Несчастенъ онъ былъ лишь тѣмъ, что жена у него вскорѣ оказалась больная, не любила никуда выходить изъ дома и о чемъ-то все грустила, и лѣтъ черезъ 15 супружеской жизни умерла въ чахоткѣ, оставивъ мужу на попеченіе дочь и сына. Разсказывали тогда, что воспитанница Анд—ской, выходя замужъ за свѣтскаго Москвина, не думала, что мужъ ея будетъ лицемъ духовнымъ, и когда онъ сталъ лицо духовное, то произошло такое странное явленіе, что Ивана Андреевича вмѣстѣ съ женой никто нигдѣ и никогда не видалъ, и жена стала жить въ домѣ, какъ въ старину, круглый годъ все въ заперти, скучая и грустя. Впрочемъ, такое несчастіе, повидимому, судя по внѣшности, какъ будто не оказывало на Ивана Андреевича никакого сокрушительнаго вліянія. Тѣлесность его была всегда цвѣтущая, здоровая. Лицо было пластической красоты, корпусъ жирный, съ порядочнымъ брюшкомъ. Душою былъ благодушенъ, не вдумчивъ и не задумчивъ. Вообще, былъ человѣкъ благоутробный и ѣлъ аппетитно и спалъ безпробудно; только вина никогда не пилъ, табакъ не курилъ и въ карты не игралъ, и никакихъ компаній, какъ дома, такъ и у другихъ не любилъ. Этому благодушію и благоутробію много способствовало легкое удовлетвореніе его мелкихъ страстишекъ къ лошадямъ, къ деньгамъ и къ почестямъ. Все это доставалось ему безъ труда, безъ заботъ и хлопотъ, какъ бы по волшебному жезлу. Въ семинаріи онъ былъ изъ рукъ вонъ плохимъ учителемъ,

съ самыми жалкими познаніями своего предмета, ученики потѣшались надъ нимъ, хотя и любили его за доброту и простоту обращенія съ ними. Любовь учениковъ ему очень нравилась, и онъ съ удовольствіемъ дозволялъ имъ толпами окружать себя при выходѣ изъ класса и сопровождать себя до дома, со смѣхомъ выслушивая все, что они ему говорили и сплетничали — что знали и слышали, особенно про тогдашнее монашествующее начальство семинаріи.

Въ кадетскомъ корпусѣ онъ былъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ: тутъ онъ училъ маленькихъ дѣтей самымъ элементарнымъ познаніямъ и былъ образцовымъ законоучителемъ. Въ Тамбовскомъ корпусѣ учились кадеты только маленькихъ классовъ, приготовительныхъ къ большому корпусу, Воронежскому. Здѣсь Иванъ Андреевичъ прошелъ свою службу съ честью и достоинствомъ, пользуясь уваженіемъ корпуснаго начальства и любовію всѣхъ, и вышелъ оттуда съ полнымъ пенсіономъ, занявъ мѣсто каѳедральнаго протоіерея при соборѣ, по смерти протоіерея Никифора Телятинскаго. Будучи членомъ консисторіи и протоіереемъ собора, онъ былъ еще смотрителемъ духовнаго училища, и, по оставленіи послѣдней должности, сдѣланъ былъ инспекторомъ семинаріи. Награды за отличія онъ получалъ очень быстро; сравнительно молодымъ еще въ средѣ духовенства, онъ, какъ рѣдкое явленіе, имѣлъ орденъ св. Владиміра 3-й степени, который получилъ, прямо, помимо 4-й степени, и, наконецъ, возжелалъ архіерейскаго сана, съ золотою шапкою и панагіею. Для него безпрепятственно и безъ всякой въ томъ нужды было открыто въ Тамбовѣ викаріатство, которое и занялъ Иванъ Андреевичъ Москвинъ, преобразившись предварительно въ архимандрита Іоанникія въ Тамбовѣ, и затѣмъ по поѣздкѣ въ Петербургъ сталъ епископомъ Козловскимъ, викаріемъ Тамбовскимъ. Для жительства въ Тамбовѣ данъ ему домъ, принадлежащій Трегуляеву и Козловскому монастырямъ близъ консисторіи, а въ управленіе и въ пособіе къ содержанію отданъ Троицкій козловскій монастырь. Достигши до апогея величія, онъ мечталъ скоро быть и самостоятельнымъ епископомъ въ Тамбовѣ и даже высказывалъ это по секрету своимъ приближеннымъ. Но homo proponit, sed Deus disponit. И судьбы Божіи неисповѣдимы. Иванъ Андреевичъ былъ человѣкъ, такъ сказать, внѣшній; имѣя много должностей и исполняя тихонько и легонько ихъ требованіе, большею частью, чрезъ руки и головы другихъ, онъ постоянно — каждый день былъ въ пріятномъ развлеченіи и съ удовольствіемъ, послѣ легкихъ трудовъ, пріѣзжалъ домой, съ аппетитомъ кушалъ за обѣдомъ въ часъ или два по полудни и затѣмъ послѣ пріятнаго сна отправлялся кататься на своихъ заводскихъ лошадяхъ.

Сдѣлавшись монахомъ и викарнымъ, онъ принужденъ былъ сидѣть

уже дома, и большею частью безъ дѣла, ибо какое же дѣло можетъ быть у викарнаго епископа въ Тамбовѣ, когда и самостоятельные-то епископы скучаютъ безъ дѣла, которое всегда представляется имъ уже заранѣе обдѣланнымъ, и для развлеченія иные часто принимаются за дѣла безразличныя, а то и вовсе не нужныя. А викарному въ Тамбовѣ и умереть можно отъ скуки и бездѣлья. Быть можетъ, это именно и случилось съ нашимъ викарнымъ Іоанникіемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ принялъ онъ великое монашеское постриженіе съ клятвеннымъ отреченіемъ отъ міра и всѣхъ прелестей его, онъ какъ-то вдругъ увялъ, потерялъ цвѣтущій здоровый видъ и полубольной поѣхалъ въ Петербургъ. Тамъ немного поправился и возвратился въ Тамбовъ бодрымъ и веселымъ. Но это продолжалось недолго. Оторванный отъ прежней привычной своей дѣятельности—разнообразной, подвижной и развлекательной, и связанный монашествомъ и архіерействомъ, безъ привычки къ кабинетному дѣлу, и по отсутствію опредѣленнаго ему дѣла, не имѣя возможности покататься открыто, какъ бывало, онъ скоро на первомъ же году архіерейства сильно заскучалъ. „Вотъ оно и архіерейство", часто говаривалъ онъ изъ глубины тоскующаго сердца, „что въ немъ? сиди въ четырехъ стѣнахъ и смотри въ окошко, какъ люди идутъ и гуляютъ, куда хотятъ на просторѣ". Затѣмъ случилась серьезная болѣзнь—карбункулъ, которую такъ лѣчили наши эскулапы, что вмѣсто одного карбункула появилось ихъ на спинѣ больнаго множество. Эта страшная и мучительная болѣзнь и прекратила жизнь Ивана Андреевича Москвина въ 1869 году на 56 году не болѣе. Похоронили его по-архіерейски съ особою торжественностью, при участіи всего духовенства съ епископомъ Ѳеодосіемъ во главѣ въ храмѣ соборномъ въ нижнемъ этажѣ на правой сторонѣ. Много было народа, и много сказано бы... рѣчей.

Волшебнымъ жезломъ въ быстромъ возвышеніи и видимомъ благополучіи жизни, такъ печально впрочемъ окончившейся, былъ для Ивана Андреевича во всю его жизнь до смерти дядюшка его епископъ Арсеній. Въ Тамбовѣ онъ его поставилъ и обставилъ съ самаго начала на хорошемъ мѣстѣ весьма прочно, а Иванъ Андреевичъ и самъ имѣлъ великую способность держаться цѣпко и съ тактомъ на прочныхъ мѣстахъ. И хотя Арсеній въ 1841 году и переведенъ былъ въ Каменецъ-Подольскъ, но и оттуда постоянно награждалъ своего племянника богатою милостью, и особенно стали сыпаться эти милости, когда сдѣлался членомъ Св. Синода въ санѣ архіепископа Волынскаго и затѣмъ митрополита Кіевскаго. Ежегодно и не разъ въ годъ присылались на имя Ивана Андреевича отъ Арсенія денежные пакеты всегда въ большой суммѣ — 5 тыс., 10 тыс., 13 тыс., такъ что изъ

этихъ посылокъ однѣхъ составился большой денежный капиталъ. По милости Арсенія никогда не было отказа Ивану Андреевичу ни въ какой наградѣ, и онъ получалъ ихъ быстро и ранѣе всѣхъ. Арсеній сдѣлалъ его и ненужнымъ викаріемъ въ Тамбовѣ, и былъ бы онъ непремѣнно и самостоятельнымъ тамъ епископомъ, если бы смерть подождала хоть одинъ годъ.

По смерти Іоанникія весь огромный капиталъ достался дочери его Надеждѣ Ивановнѣ, какъ единственной наслѣдницѣ, которая, оставшись дѣвицей, жила скромно при своемъ огромномъ богатствѣ, увеличившемся еще нѣкоторою частью наслѣдства изъ оставшагося имущества по смерти дѣда, митрополита Арсенія; она фигурировала въ аристократическомъ обществѣ по части филантропіи. Сынъ, прекрасный молодой человѣкъ, блистательно окончившій семинарію, заболѣлъ чахоткою и умеръ годъ спустя послѣ смерти отца.

Въ консисторіи Иванъ Андреевичъ былъ хоть и малодѣятеленъ и малосвѣдущъ въ дѣлѣ, но и одно то было дорого и полезно, что онъ среди пошлости, грубости, невѣжества и хищничества, хитрости консисторской, свѣтился одинъ, какъ человѣкъ благородный, добрый, безхитростный и совершенно безкорыстный, и этими своими достоинствами стушевывалъ и умѣрялъ рѣзкость консисторскаго безобразія. Онъ, насколько могъ, былъ искреннимъ защитникомъ всѣхъ обиженныхъ и оскорбленныхъ и готовъ былъ сдѣлать всякому добро. Только консисторскіе, пользуясь его добротою и простотою, умѣли его провесть и часто обдѣлывали дѣлишки по-своему. Но все-таки злодѣи въ консисторіи его одного только и побаивались, а добрые на него только надѣялись.

Отецъ мой боялся консисторіи, какъ смертнаго грѣха, и избѣгалъ всячески лично бывать въ ней. Если было какое-либо дѣло до консисторіи, то онъ лучше дойдетъ бывало до дома протоколиста консисторіи, который считался человѣкомъ „сходнымъ", не жаднымъ до большой взятки, дастъ ему два-три рубля, и онъ справится, о чемъ нужно.

Въ началѣ каждаго года неизбѣжно было личное явленіе въ консисторію для сдачи вѣдомостей и отчетности благочиннической. Тутъ приходилось испытать всѣ мытарства: въ архіерейской пріемной у келейниковъ и письмоводителя,—въ канцеляріи у сторожей и писцовъ консисторскихъ. Всѣ эти лица поздравляли отца благочиннаго съ новымъ годомъ и жадно смотрѣли ему въ глаза. Непремѣнно надо всѣмъ давать и давать. Иначе не было ходу впередъ. Отдѣлавшись деньгой по рангу отъ мелкихъ троглодитовъ, нужно было подступать къ крупнымъ. Къ нѣкоторымъ изъ нихъ, напримѣръ, секретарю, экспедиціонному члену и столоначальнику, отецъ ходилъ

на домъ. Секретарю давалъ золотой, столоначальнику платилъ много болѣе лично, и на весь столъ члену по менѣе всѣхъ. Отецъ платилъ деньгами, гусями, индѣйками и утками, но его дарами довольны не были. Отецъ это видѣлъ, приходилъ домой крайне утомленный и физически и нравственно, но дать больше не могъ, потому что истрачивалъ на эти расходы много своихъ кровныхъ денегъ за недостаткомъ обычныхъ сборовъ на это съ духовенства. „Былъ я у секретаря", помню—говорилъ онъ намъ, дѣтямъ, „были у него другіе благочинные. Секретарь угощеніе — чай и закуску съ выпивкой устроилъ, всѣ весело провели время. Слышу, другіе благочинные тихо говорятъ между собою, что надо еще дать, хорошо угостилъ. Они уже при приходѣ, какъ и я, дали ему по золотому. Когда стали уходить, дали еще по золотому, но я воздержался". Секретарь этотъ— Кашкаровъ, жилъ роскошно, гостепріимно и любилъ покушать. Онъ самъ говорилъ, что когда онъ сталъ принимать благочинныхъ на дому и угощать ихъ, доходъ его съ нихъ удвоился — получалъ онъ три тысячи, а теперь шесть... Нельзя было отцу моему быть щедрымъ къ консисторскимъ троглодитамъ и давать лишній золотой секретарю Кашкарову за стаканъ чаю и рюмку вина. Щедрые на это благочинные умѣли свои золотые возвращать съ лихвою изъ своего благочинія, а отецъ мой на это не имѣлъ способности, да и большая семья тому мѣшала.

Между тѣмъ подросли сыновья и ихъ сразу четырехъ приходилось содержать въ Тамбовѣ въ семинаріи и училищѣ. Ученическое содержаніе наше было самое скромное: щи съ мясомъ и каша съ масломъ, постомъ безъ мяса и съ конопляннымъ масломъ; чаю намъ не полагалось, а вмѣсто его краюха чернаго хлѣба. Одежда была: лѣтомъ— халатъ нанковый и для дождя чекмень или чуйка изъ толстаго самодѣльнаго сукна синяго или чернаго; зимой — овчинный тулупъ, нагольный или крытый крашениной изъ холста посконнаго. Обувь — сапоги личные, смазываемые дегтемъ, и валеные сапоги или валенки безъ голенищъ. Въ этой одеждѣ ходили мы въ классы, а дома въ рубашкахъ и портахъ, опоясавшись тоненькимъ поясомъ изъ тесьмы, лѣтомъ ходили босикомъ. Въ старшихъ классахъ ходили мы уже въ сюртукахъ нанковыхъ, или суконныхъ тонкаго хорошаго сукна съ триковыми брюками навыпускъ, въ смазныхъ сапогахъ даже со скрипомъ, въ шинеляхъ и пальто. Дома же одѣвались въ халаты-шлафроки изъ ситца съ цвѣтами. Тогдашнее воспитаніе было суровое. Учили насъ мало, но много мучили, особенно сѣченіемъ розгами, въ которомъ и ставили все свое педагогическое искусство. Особенно глубокую память оставили въ своихъ ученикахъ своимъ артистическимъ сѣченіемъ Николай Надеждинъ, Александръ Ив. Колчевъ и Васи-

лій Ив. Кобяковъ. Способные и прилежные ученики хорошо учились и вели себя и безъ розгъ, но малоспособныхъ и лѣнивыхъ, особенно при отсутствіи толковаго обученія, и при одномъ только задаваніи уроковъ по книжкѣ, отъ сихъ и до сихъ на зубрежку, со стороны учителей не только не побуждали лучше учиться, но еще болѣе отупляли и ожесточали всѣ бывшія въ ходу тогда варварскія наказанія. Трепанье за виски и уши, битье по щекамъ и головѣ ладонью и кулакомъ, удары линейкой по ладонямъ и сѣченіе розгами въ классѣ на полу, — все было въ ходу.

Засѣлъ у меня на памяти одинъ изъ сѣкуторовъ Петръ Колчевъ еще въ первомъ классѣ училища. Засѣлъ потому, что его руками я былъ высѣченъ легонько, потому что Колчевъ имѣлъ ко мнѣ почему-то расположеніе,—это оставило во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе—горькое. Я счелъ его совершенно напраснымъ. И произошло оно какъ-то случайно, неожиданно. Былъ въ училищѣ учитель какой-то родственникъ дальній моего отца, Григорій Семеновичъ Смирновъ. Зашелъ онъ почему-то въ первый классъ, гдѣ я учился. Обратилъ вниманіе на меня какъ родственника, посмотрѣлъ мою тетрадь, по которой я учился писать; нашелъ, что я пишу плохо, и велѣлъ тутъ же меня высѣчь. И, отдавъ мнѣ этотъ родственный долгъ, сейчасъ же и ушелъ, оставивъ меня въ слезахъ и въ большомъ негодованіи. Послѣ никогда не приходилось мнѣ съ нимъ сталкиваться во все мое ученіе, но почему-то доселѣ живетъ во мнѣ къ этому человѣку невольная антипатія. Этотъ Смирновъ былъ священникомъ въ Тамбовскомъ женскомъ монастырѣ, а потомъ архимандритомъ (Геннадій) въ Трегуляевѣ. Все это въ училищѣ, гдѣ я учился старательно, во всѣхъ классахъ, числился въ числѣ лучшихъ учениковъ, и страшно боялся сѣченія, и прошелъ безъ сѣченія весь училищный курсъ, если бы не этотъ проклятый случай.

Ученье въ семинаріи было лучше и жизнь поблагороднѣе; перешедшіе въ нее такъ и говорили про себя тогда, что они уже въ благородномъ классѣ. Перешелъ я въ семинарію изъ училища въ 1846 году и поступилъ въ 3-е отдѣленіе класса реторики.

При поступленіи въ семинарію я очень боялся, какъ-бы не пришлось мнѣ учиться во второмъ отдѣленіи реторики, у знаменитаго въ своемъ родѣ Павла Ивановича Остроумова, бывшаго тогда профессоромъ реторики и секретаремъ семинарскаго правленія. Онъ имѣлъ въ семинаріи большую силу, не безопасную. Человѣкъ былъ умный, но льстиво-хитрый; умѣлъ извлекать особый доходецъ изъ своихъ должностей. При распредѣленіи учениковъ, изъ разныхъ училищъ поступавшихъ въ семинарію, по тремъ отдѣленіямъ реторики, онъ обыкновенно устраивалъ такъ, что большая часть дѣтей протоіерей-

скихъ, благочинническихъ и всѣхъ болѣе или менѣе зажиточныхъ родителей всегда оказывались въ его второмъ отдѣленіи. И онъ искусно эксплоатировалъ это обстоятельство такъ, что обезпечивалъ себя достаточно въ средствахъ жизни на богатую ногу. Всякій богатый шелопай, учась въ его отдѣленіи, шелъ выше другихъ, и даже тупица и бездарный свободно переходилъ въ высшіе классы, а другіе при другомъ условіи или оставлялись или увольнялись. Многихъ онъ проводилъ цѣлый курсъ семинарскій до благополучнаго окончанія изъ такого сорта учениковъ, которые давно были бы исключены изъ перваго класса семинаріи по своей закоренѣлой лѣности, тупости и безуспѣшности, за это онъ пользовался отъ благодарныхъ отцовъ подобающимъ возмездіемъ и деньгами и натурой. Онъ напр. всегда имѣлъ лошадей, и все даровыхъ. Былъ даже такой случай, что Павелъ Ивановичъ протащилъ весь курсъ одного ученика-бѣдняка, обладавшаго большимъ ростомъ и физическою крѣпкою силою, помѣстивъ его въ своей кухнѣ въ качествѣ дворника, который у него рубилъ дрова, таскалъ воду, топилъ печи и носилъ съ базара на своихъ атлетическихъ плечахъ тяжелые мѣшки съ покупками. Учиться онъ не имѣлъ возможности и даже рѣдко посѣщалъ классы. Окончивъ такими путями курсъ семинарскаго ученія, онъ поступилъ діакономъ въ г. Козловъ, запасшись въ семинаріи только однимъ голосищемъ.

Всѣ профессоры были люди умные и добрые, съ подобающею солидностію внѣшнею и съ великодушіемъ внутреннимъ. Правда, нѣкоторые дозволяли себѣ кутнуть порядочно; но пить-то они пили, да дѣло разумѣли. Всѣ ученики ихъ любили и уважали, за то именно, что они искренно желали и добивались, чтобы ихъ преподаваніе принесло дѣйствительную пользу. Да будетъ вѣчная память этимъ умнымъ и добрымъ наставникамъ! Имъ мы обязаны своимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ и надлежащимъ знаніемъ, тѣмъ болѣе, что тогдашнее монашествующее начальство семинаріи было не на высотѣ своего положенія. Ректоръ хромоногій архимандритъ Адріанъ и инспекторъ архимандритъ Лаврентій до того были скудны и по внутреннему содержанію, и по внѣшнему складу, и образу дѣйствій, что дивиться нужно, какъ попали они на должности, которыя для нихъ совершенно были не по плечу. Надъ малоуміемъ ихъ и странными дѣйствіями ходило много забавныхъ анекдотовъ. Ученики надъ ними смѣялись, а наставники сокрушались. Однакожъ они не мало лѣтъ управляли семинаріею, покуда не надумались убрать ихъ въ свои мѣста—монастыри. Съ уходомъ ихъ управленіе попало въ руки двухъ молодыхъ іеромонаховъ — однокашниковъ по Московской академіи—Макарія и Авраамія. Они были люди добрые и не глупые, особенно первый, который могъ бы быть хорошимъ ректоромъ и пойти

далѣе, но въ монашество они вступили какъ-то безсознательно, будучи еще студентами—учениками академіи, увлекшись одною туманною мыслію о блестящей будущности, не на небѣ конечно, а на землѣ. Изъ академіи тотчасъ же по окончаніи прислали этихъ юношей-монаховъ въ нашу семинарію—Макарія прямо инспекторомъ, а Авраамія профессоромъ. Жили они между собою по-пріятельски и были всегда неразлучны. Какъ люди молодые, съ избыткомъ силъ и здоровья, съ кипучими страстями, которымъ монашество вовсе было не къ лицу, они съ самаго начала зажили не по-монашески, стали покучивать и свое дѣло изъ рукъ упустили. На бѣду семинаріи Макарію, за долгимъ неприбытіемъ новаго ректора, поручена была для исправленія его должность, а Авраамію—должность инспектора. Много было въ это время неладнаго въ семинаріи. Но благодаря хорошимъ профессорамъ учебная часть стояла прочно; управленіе же экономію поддерживали: секретарь Павелъ Ивановичъ Остроумовъ, о которомъ была уже рѣчь впереди, и тоже знаменитый въ своемъ родѣ эксплоататоръ семинарской бурсы, давнишній и много лѣтъ служившій въ семинаріи, экономъ Степанъ Абрамовичъ Березнеговскій. Онъ былъ еще священникомъ при церкви общественной больницы; былъ у него зять въ Тамбовѣ—докторъ Николаевъ. Разсказывали, что какъ только начиналась какая постройка въ семинаріи или ремонтъ, непремѣнно то же происходило и у доктора Николаева, который оставилъ въ Тамбовѣ своему семейству огромные дома на Большой улицѣ... Макарій и Авраамій, какъ вмѣстѣ въ одно время и взяты были изъ семинаріи, и для обновленія и поправленія своего расшатаннаго состоянія, размѣщены врозь и съ повышеніемъ: Макарій въ инспектора Казанской академіи, а Авраамій въ инспектора семинаріи Симбирской. И оба до архіерейства не дошли.

Былъ я въ реторикѣ уже на второмъ годѣ, когда въ нашу семинарію поступилъ ректоромъ архимандритъ Платонъ. На первый разъ, осматривая учениковъ по классамъ, онъ показался намъ величественнымъ и грознымъ. Всѣ ждали, что изъ него выйдетъ. Время показало, что онъ принесъ и оставилъ много добраго и полезнаго въ семинаріи. Человѣкъ онъ былъ умный, ученый и добрый—мягкосердечный, но вспыльчивый. Ученики его боялись, но при этомъ всѣ были къ нему расположены за его серьезное, строгое, но сердечное отношеніе къ нимъ. Управленіе семинаріею онъ крѣпко держалъ въ своихъ рукахъ, и самъ зорко слѣдилъ за всѣмъ. Это былъ полновластный господинъ и хозяинъ въ семинаріи. Боялись его не одни ученики; побаивались и инспекторъ и всѣ наставники, и держали себя передъ нимъ въ струнку. Ректоръ Платонъ благополучно и съ честію прослужилъ въ Тамбовской семинаріи около семи лѣтъ, достигъ архіерейства и умеръ въ Костромѣ въ санѣ архіепископа костромскаго.

*

Во время Платонова управленія Тамбовской семинаріею поступилъ въ нашу семинарію наставникомъ по церковной исторіи удивительный іеромонахъ Іеронимъ, по фамиліи Гепнеръ, человѣкъ темнаго происхожденія и самъ очень темный въ своей жизни. Учился онъ въ Дерптскомъ университетѣ, зналъ нѣмецкій и французскій языки и хорошо говорилъ на нихъ; похожъ былъ на поляка и выглядѣлъ чистокровнымъ іезуитомъ. По неудачамъ въ жизни свѣтской, онъ задумалъ составить себѣ карьеру въ монашествѣ, благо это тогда и нынѣ было и есть самое удобное. Для этого подбился онъ къ знаменитому Иннокентію архіепископу и при его содѣйствіи окончилъ курсъ богословскій въ Кіевской академіи, принявъ монашеское постриженіе. И вотъ въ такихъ аттрибутахъ и оказался въ нашей семинаріи феноменъ замѣчательной безнравственности. Въ іеромонахѣ Іеронимѣ не только не было ничего священномонашескаго, но не было почти ничего и просто человѣческаго. Онъ былъ: и атеистъ, и матеріалистъ, и индеффирентистъ, и грязный циникъ, умѣвшій скрыть эту черноту, гдѣ нужно, іезуитскою маскою, и пустить, гдѣ нужно въ ходъ, съ іезуитскою ловкостію. Начальство не могло скоро его распознать. Онъ лицемѣрилъ и хитрилъ передъ нимъ увлекательно и низкопоклонничалъ ему и лобызалъ руки его обаятельно. Ученики скорѣе всѣхъ его поняли и узнали въ немъ волка въ овечьей шкурѣ. Науку свою—исторію церкви, онъ не преподавалъ, а болталъ разныя побасенки, развращающія понятія учениковъ, и открыто въ классѣ глумился надъ всѣмъ священнымъ, церковнымъ и нравственнымъ, а въ частныхъ сношеніяхъ съ учениками его балагурству и болтовнѣ, всегда антирелигіозной, безнравственной, циничной, не было предѣла и никакого удержу. Службу въ храмѣ совершалъ онъ съ возмутительною театральною позировкою, гнусливымъ голосомъ растягивалъ неестественно возгласы, декламировалъ въ слухъ тайныя молитвы священника, картинно воздѣвалъ руки и распростирался при земныхъ поклонахъ и тѣмъ, особенно сначала, производилъ на всѣхъ учениковъ забавное изумленіе... Въ городѣ въ Тезиковой улицѣ онъ посѣщалъ женщину, которой выстроилъ домикъ, и всѣ въ городѣ и семинаристы такъ и звали ее Іеронимша; и это названіе осталось за ней навсегда... Какъ ни низокъ былъ Іеронимъ, но—удивительное дѣло, ни ректоръ Платонъ, ни вновь поступившій инспекторъ іеромонахъ Димитрій какъ-бы и не замѣчали этой его низости. Думается, что кромѣ іезуитскаго искусства, которымъ Іеронимъ ихъ обвораживалъ, тутъ много значило еще обаяніе Иннокентіевой протекціи къ Іерониму. Платонъ поручилъ даже должность помощника инспектора Іерониму, а Димитрій со временемъ все тѣснѣе и тѣснѣе сближался съ нимъ и сталъ его другомъ и единомышленникомъ. Это сближеніе для

молодаго инспектора Димитрія, прямо изъ-за академической скамейки поступившаго въ блюстители нравственности нашей въ семинаріи, и малозрѣлаго и неопытнаго юноши - монаха, такъ было губительно, что этотъ Димитрій, подъ вліяніемъ злодѣйскаго духа Іеронима, скоро сдѣлался пренегоднымъ инспекторомъ, котораго ненавидѣли всѣ ученики, развратникомъ и пьяницей, отъ чего впослѣдствіи впалъ въ сумасшествіе и умеръ преждевременно еще въ ранней молодости, въ Томскѣ или Тобольскѣ, кажется... Да, достойно особаго замѣчанія то, что злохитрый Іеронимъ сумѣлъ обворожить ректора Платона и развратить молодаго монаха, инспектора Димитрія, но у учениковъ семинаріи, какъ ни добивался ихъ расположенія и нужной ему популярности и близости къ нимъ, ничего не заслужилъ, кромѣ ненависти, презрѣнія и отвращенія. Они скоро своимъ юношески свѣжимъ и чуткимъ сердцемъ проникли въ его злохудожную душу и оцѣнили по достоинству всѣ его откровенныя съ ними слова и бесѣды, проникнутыя грубымъ цинизмомъ и безнравственностію, и поняли весь его іезуитскій образъ дѣйствій. Поэтому Іеронимъ не оказалъ на нихъ никакого развращающаго вліянія. Напротивъ, сталъ даже потѣшнымъ и забавнымъ человѣкомъ, о причудахъ котораго они всѣмъ разсказывали на разные лады, вездѣ протрубили его какъ „притчу во языцехъ", какъ язву семинаріи. Когда Іеронимъ убѣдился въ такомъ отношеніи къ нему семинаристовъ, онъ вдругъ, какъ хамелеонъ, изъ лицемѣрнаго ихъ друга превратился въ злобнаго врага и съ яростію сталъ всячески ихъ преслѣдовать и тѣснить. Особенно разыгралась его злоба, когда онъ сдѣланъ былъ помощникомъ инспектора и забралъ въ свои лапы неопытнаго инспектора, Димитрія. Тутъ онъ пустилъ въ ходъ всѣ свои іезуитскія средства и вмѣстѣ съ переработаннымъ имъ Димитріемъ съ рвеніемъ бросились на ловлю учениковъ, какъ завзятые охотники на охоту, ловили и правыхъ и виноватыхъ и съ наслажденіемъ забирали ихъ въ карцеры, затѣмъ производили надъ ними инквизиціонный, съ подобающими пытками, судъ, на которомъ выпытывали все, что имъ хотѣлось, и что давало имъ поводъ притянуть къ инквизиціи другихъ ими нелюбимыхъ, или въ чемъ-либо подозрѣваемыхъ.

Въ это злосчастное время много пришлось потерпѣть ученикамъ даровитымъ и честнымъ за то только, что они хорошо понимали низкія душенки Іеронима и Дмитрія и никакъ не могли имъ идолопоклонничать. Только въ ректорѣ Платонѣ и находили они свою защиту. Онъ всѣхъ хорошихъ учениковъ бралъ подъ свою защиту отъ этихъ двухъ борзыхъ собакъ и своею властію усмирялъ ихъ ярость звѣрскую. Въ этой надеждѣ на Платона и не боялись много, а иные даже смѣло имъ и противодѣйствовали по возможности. Я и братъ Михаилъ

благополучно дошли до богословскаго класса и въ этомъ классѣ учились богословію у самого Платона. Какъ ученики перваго разряда мы, какъ и другіе, Платоновы ученики, считали себя обезпеченными отъ козней Іеронима, и при встрѣчахъ и обращеніяхъ съ нимъ держали себя свободно, безъ страха, безъ подобрастія. Этого уже было довольно для Ерошки, какъ всѣ начали его тогда звать, чтобы возненавидѣть насъ. На бѣду нашу я и братъ были старшими поуличными, которые, по тогдашнимъ семинарскимъ правиламъ, были ближайшими надзирателями надъ квартирными учениками, обязанными рапортовать ежедневно инспектору, все ли благополучно. Вотъ тутъ-то іезуитскій нюхъ Ерошки и уловилъ насъ, чрезъ своихъ шпіоновъ, въ какихъ-то неисправностяхъ, раздулъ ихъ предъ инспекторомъ и ректоромъ, и насъ лишили старшинства и посадили на ночь въ разные карцеры, куда товарищи, несмотря на запоры, приходили насъ утѣшать и приносили кренделей. Ерошка торжествовалъ и грозилъ, особенно мнѣ, еще бо̀льшимъ. Что было дѣлать? Опасно было то, что іезуитъ ухитрится обозлить противъ меня Платона. Вотъ съ помощію Божіею я надумался написать Платону апологію и въ ней изложить чистую правду. Помню—писалъ съ особеннымъ напряженіемъ ума и чувства. Эта-то апологія такъ подѣйствовала на умную и добрую душу Платона, что онъ съ радушіемъ принялъ меня, успокоилъ отъ напраснаго страха и объявилъ мнѣ, что назначаетъ меня въ академію, и для свободной подготовки освободилъ меня отъ хожденія въ классъ на уроки. Это было въ маѣ 1852 года.

II.

Епископъ Николай. — Его поѣздки по епархіи. — Протодіаконъ Савушка.— Ключарь Телятинскій.—Отправленіе въ Казанскую духовную академію.

15-го іюля 1852 года я и братъ окончили семинарскій курсъ; братъ поступилъ священникомъ въ Грачевку, а я прибылъ въ Казанскую духовную академію.

Съ выбытіемъ изъ семинаріи на свои хлѣба трехъ сыновей, отецъ вздохнулъ свободнѣе. Надежда на трехъ сыновей ободряла его. Консисторія за долгое терпѣніе наградила его наконецъ скуфьею, хотя при полученіи ея онъ очень много потратился на консисторію, въ которую нужно было являться лично и одарять деньгами щедрѣе, въ надеждѣ на скорую награду за это въ будущемъ камилавкою. Но щедрая оплата скуфьи не послужила къ скорой наградѣ камилавкою.

Консисторія не давала ему долго, пропустивъ въ многіе сроки, потому что для этого нужно было дѣлать предварительные подходы къ нужнымъ людямъ и дать задатки знаменитому въ то время промышленнику по части наградной Андрею Ивановичу Лебедеву, помощнику секретаря, который, въ случаѣ полученій, держалъ присланныя награды у себя въ столѣ до тѣхъ поръ, пока не явится самъ награжденный за полученіемъ.

Во все время, пока я учился въ Тамбовѣ—въ училищѣ и въ семинаріи, и затѣмъ въ Казани—въ академіи, тамбовскимъ епископомъ былъ Николай. Поступилъ онъ въ Тамбовъ изъ С.-Петербургской академіи, въ которой былъ ректоромъ. Человѣкъ большаго ума и добраго сердца, хотя по виду и былъ невзраченъ, дуренъ лицемъ и малъ ростомъ. Въ первые годы своего служенія онъ былъ дѣятельнымъ по управленію. Хорошо составлялъ и говорилъ часто проповѣди, которыя поражали глубиною содержанія и простотою изложенія. Въ бесѣдахъ и разговорахъ не былъ многорѣчивъ; но говорилъ кратко, отрывочно и всегда мѣтко, логично и остро. Богословскую науку, которую онъ преподавалъ въ академіи, зналъ основательно и былъ по этой части многосвѣдущъ. Когда онъ бывалъ на экзаменахъ въ семинаріи, то своими вопросами и возраженіями часто ставилъ въ тупикъ, не говоря объ ученикахъ, и профессоровъ, и ректора. Задавая вопросъ ученику, онъ непремѣнно для разрѣшенія его втянетъ въ него профессора и ректора, и начнетъ отрывистыми словами, мѣтко и логично обрывать ихъ отвѣты, пока не доведетъ всѣхъ до молчанія. Мы, ученики, смотрѣли на него, какъ на мудреца, и дивились его уму. За умъ прославляло его и все духовенство въ епархіи... Но умъ-то, положимъ, и былъ великъ у епископа Николая, только управленіе его епархіею было неумѣлое, слабое и распущенное; особенно это стало замѣтно и росло далѣе до конца его служенія, года черезъ три-четыре, когда онъ вызванъ былъ на годъ въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ, куда не хотѣлось ѣхать, и оттуда черезъ годъ возвратился. Провожая въ Петербургъ, его видѣли плачущимъ, и прощальную проповѣдь онъ говорилъ въ храмѣ съ неудержимымъ плачемъ, и по возвращеніи оттуда не видѣли его никогда веселымъ; онъ чѣмъ-то былъ удрученъ и оскорбленъ, и становился далѣе и болѣе въ своей жизни въ Тамбовѣ апатичнымъ. Говорили, что въ Синодѣ онъ имѣлъ столкновеніе со всесильнымъ тогдашнимъ оберъ-прокуроромъ графомъ Протасовымъ, генераломъ николаевскимъ, который поступалъ со всѣми въ Синодѣ по военной командѣ, и Николай, какъ присутствующій въ Синодѣ, по своей логической прямотѣ, дозволялъ себѣ иногда и обрывать. Ну вотъ и отпустили его изъ Синода ни съ чѣмъ, безъ повышенія и награды, вопреки обычаю, и такъ ничѣмъ и не

награждали его до конца жизни, оставивъ въ невниманіи... Духовенство любило Николая за его великодушіе и непридирчивость къ нему, а особенно за то, что онъ былъ сердоболенъ къ сиротамъ. За сиротами онъ всегда охотно зачислялъ отцовскія и родственниковъ мѣста, и обязывалъ семинаристовъ на сиротахъ-невѣстахъ жениться. Безъ взятія сироты-невѣсты никто почти не получалъ у него мѣста. Особенно сердоболенъ былъ къ своей роднѣ, которая привалила къ нему изъ другихъ губерній въ большомъ количествѣ и надѣлала ему много безпокойства. Персоналъ дѣвичій — разныхъ племянницъ онъ размѣстилъ по священническимъ мѣстамъ, на нѣкоторыя поступали семинаристы и даже академисты, женившись на нихъ обязательно; мѣста эти были всѣ изъ лучшихъ, большею частію въ Тамбовѣ. Прибылъ къ нему и родной отецъ-дьячекъ, котораго онъ помѣстилъ на жительство у себя, въ Казанскомъ монастырѣ при архіерейскомъ домѣ, и чтобы ему не было скучно, сдѣлалъ его протоіереемъ, въ каковомъ санѣ онъ и служилъ съ монахами, торжественно и во главѣ, всенощныя и обѣдни... Отецъ архіерейскій былъ у духовенства persona grata. Къ нему обращались съ разными ходатайствами просители и непремѣнно получали нужныя милости отъ владыки-сына, если только отецъ располагался за нихъ ходатайствовать. Расположеніе же это духовенство умѣло всегда пріобрѣтать хорошимъ предварительнымъ угощеніемъ, такъ какъ отецъ архіерейскій очень неравнодушенъ къ угощеніямъ и мастеръ былъ выпить по-старинному. Было тутъ немало злоупотребленій. Но Николай смотрѣлъ на это сквозь пальцы. Да скоро онъ сталъ смотрѣть такъ и на все, его окружающее, и на всѣхъ, около его дѣйствовавшихъ.

Весь штатный и нештатный персоналъ его обстановки, свиты и управленія, почувствовавъ свободу, пришелъ въ броженіе и пустилъ въ ходъ всѣ свои грубые инстинкты, особенно хищническіе. Консисторія ликовала, деньги валились къ ней со всѣхъ сторонъ въ изобиліи; въ канцеляріи ея съ кругу спились много писцевъ и столоначальниковъ; нѣкоторые только болѣе умѣренные успѣли нажить капитальцы, обстроиться хорошими домами и завесть лошадокъ, на которыхъ и пріѣзжали въ консисторію по-барски. Николай пересталъ заниматься дѣлами самъ и все отдавалъ на волю консисторіи. Резолюціи его на всѣхъ бумагахъ были всегда однѣ и тѣ же самыя лаконическія и механическія: „въ консисторію", „пусть разсмотритъ консисторія", „исполнить", „утверждается". И полагалъ онъ ихъ на бумагахъ и дѣлахъ, не читая ни бумагъ, ни дѣлъ... Члены консисторіи всѣ были толстые, жирные, съ порядочнымъ брюшкомъ, съ трудомъ и тяжело доходили или доѣзжали до консисторіи, долго отдыхали въ ней отъ одышки, сидя за столомъ, часто и неторопливо по-

нюхивали табачекъ и имъ друга друга угощали; но дѣла не любили и имъ не занимались. Все, и безъ всякаго ихъ участія, обработывалось въ канцеляріи, подъ руководствомъ секретаря, и давалось имъ только подписывать. И подписывали все, почти не читая, развѣ что коротенькое, озабочиваясь только тѣмъ, чтобы подписаться аккуратнѣе, на своемъ мѣстечкѣ и по рангу.

Въ это злосчастное для духовенства время, появился на сценѣ и заигралъ большую роль при архіереѣ его письмоводитель Василій Ивановичъ Челнавскій, самъ по себѣ ничтожный, недоучка, едва прошедшій нѣсколько классовъ училища, и только необыкновенно юркій и способный на всякое шутовство. Примостился онъ къ своему теплому мѣстечку еще въ началѣ службы Николая и цѣпко держался его до самаго увольненія Николая на покой, наживъ на немъ порядочный капиталъ. Онъ изловчился своею юркостію такъ угодить архіерею, что сталъ къ нему ближе всѣхъ и человѣкомъ самымъ нужнымъ. Всякая бумага и всякое консисторское дѣло проходило чрезъ его руки и могло дойти до архіерея только чрезъ него и обратно. На этомъ перепутьи онъ, какъ паукъ, раскинулъ свои сѣти, и такъ устроился въ архіерейской канцеляріи, что всѣ просители и всѣ имѣющіе дѣло до архіерея и въ консисторіи никакъ не могли обойтись безъ Василія Ивановича. Въ дѣлѣ, по существу, онъ никому и ничѣмъ не могъ помочь, потому что ничего не смыслилъ въ немъ. Но мастеръ былъ попрепятствовать всякому дѣлу въ его движеніи на пути къ архіерею, у архіерея и обратно отъ архіерея. Могъ равнымъ образомъ посодѣйствовать и скорости этого движенія. Поэтому всѣ приходящія лица волей-неволей должны были ему платить, иначе бумага или дѣло залеживались и застревали гдѣ-то подолгу, или докладывались не во-время и такъ, что должны быть оставлены безъ дѣйствія. Особенно много значилъ онъ при зачисленіи за просителями мѣстъ и при опредѣленіи ихъ на эти мѣста. Онъ имѣлъ полную возможность безпрепятственно предоставлять лучшія мѣста тѣмъ, съ кого возьметъ побольше. Для лучшаго обдѣлыванія своихъ дѣлишекъ онъ постарался войти въ дружество съ архіерейскимъ отцомъ и съ казначеемъ Казанскаго монастыря Геннадіемъ, любимцемъ епископа Николая, и гдѣ нужно, при посредствѣ ихъ, легко обработывать всякое выгодное ему дѣло у архіерея. Особенно разыгрался Василій Ивановичъ Челнавскій въ то время, когда Николай, по своей апатіи, а говорятъ, и по запою, сталъ вести уединенную жизнь, рѣдко показывался и просителямъ, и доступъ къ нему для всѣхъ былъ крайне затруднителенъ. Тутъ Челнавскій по всей своей волѣ и безъ всякаго стѣсненія орудовалъ именемъ архіерея по всѣмъ частямъ, какъ только было ему выгодно. Купля и продажа

всего, что должно было доходить до архіерея и исходить отъ него, давали ему огромные барыши. Ректоръ Платонъ самъ разсказывалъ въ семинаріи, что онъ даже вынужденъ былъ дать взятку Челнавскому. Никакъ не могъ онъ дождаться исхода какого-то представленія по семинаріи у владыки. Доступа къ нему не было; никого не принималъ. Но какъ-то послалъ Челнавскому золотой, и дѣло вышло на другой же день. Вотъ какую силу составлялъ малограмотный Васька Челнавскій, какъ его стали звать либералы въ духовенствѣ!..

Весьма привольно и хлѣбно жилось при еп. Николаѣ и всей его свитѣ архіерейской, особенно ключарю Никифору Телятинскому и протодіакону Савушкѣ. Хлѣбно было этой свитѣ и всегда, въ обыденное время, отъ службъ архіерейскихъ, съ посвященіемъ разныхъ ставленниковъ, съ которыхъ, какъ съ жертвенныхъ овецъ, всѣ пѣвчіе, иподіаконы и протодіаконъ, безпощадно и съ назойливостію, и дерзостію, набирали много денегъ, не стѣсняясь у иныхъ бѣдняковъ, забитыхъ и запуганныхъ, отбивать и послѣдніе гроши. Но особенно разливанное море наступало для ней тогда, когда наступало время поѣздокъ архіерейскихъ по епархіи. Николай имѣлъ обыкновеніе и любилъ разъѣзжать по епархіи грузно и заживаться тамъ подолгу, со всею своею многочисленною свитою, которую составляли: ключарь, протодіаконъ, три иподіакона, весь въ полномъ составѣ архіерейскій хоръ пѣвчихъ въ 25—30 человѣкъ, два или три келейника, кучеръ и форейторъ, иногда приспособлялся и письмоводитель. Ѣхалъ онъ обыкновенно съ ключаремъ въ своемъ дорожномъ фургонѣ, въ которомъ помѣщались большіе запасы провизіи, закусокъ и винъ; фургонъ везли двѣнадцать обывательскихъ лошадей. Впереди мчались на тройкѣ становой съ благочиннымъ, какъ глашатаи, и заставляли бить въ набатъ на тощихъ колоколахъ убогихъ сельскихъ колоколенъ, вездѣ, гдѣ подобало проѣзжать владыкѣ. Позади, отставъ на большое разстояніе отъ своего владыки, тянулись огромная свита и множество повозокъ, биткомъ набитыхъ живою и неживою поклажей, ядущею и съѣдомою,—разною архіерейскою челядью и разною ея принадлежностію. Кладь давала о себѣ знать своимъ гоготаніемъ, шумомъ, гамомъ, ораніемъ и пѣніемъ на разные лады всякихъ нецензурныхъ пѣсенъ. Всѣмъ было весело до опьяненія. Всю эту жадную орду бѣдное духовенство вездѣ должно было принимать, кормить и поить до пьяна и одарять деньгами, разными вещами, по требованію, терпя при этомъ тьму безпокойствъ, заботъ и хлопотъ, неблагодарностей и даже обидъ, особенно, отъ пьяницъ...

Изъ всей этой орды, болѣе всѣхъ, тревожилъ духовенство протодіаконъ Савушка. Это былъ человѣкъ огромнаго роста и тѣлесной силы,—истый библейскій Голіафъ; имѣлъ сильный громовой голосъ,

выпивалъ по четверти водки въ день и не пьянѣлъ; во хмѣлю былъ безпокойный и надоѣдливый до крайности. Пугались малые ребята и при видѣ его отъ страха плакали, ребята же побольше убѣгали отъ него, какъ отъ страшилища. Въ службѣ съ архіереемъ онъ всѣхъ поражалъ и удивлялъ своимъ голосомъ,—въ этомъ одномъ и состояло все его достоинство, и за это одно еп. Николай все ему прощалъ и былъ къ нему всегда милостивъ. Попалъ онъ въ протодіаконы изъ сельскихъ пономарей, неученый и малограмотный, какъ разсказывали, случайно. Какой-то изъ прежнихъ архіереевъ—Аѳанасій или Евгеній, проѣзжая по своимъ надобностямъ по Елатомскому уѣзду, замѣтилъ большаго роста мужика, пашущаго на тощей лошаденкѣ, которую онъ понукалъ необыкновенно сильнымъ голосомъ, архіерей обратилъ вниманіе и узналъ въ этомъ мужикѣ пономаря Савелія и впослѣдствіи вызвалъ его въ Тамбовъ, гдѣ долго обработывали его неотесанность, чтобы быть ему приличнымъ протодіакономъ. Если бы этому Савушкѣ дано было во-время хоть маленькое образованіе и воспитаніе и открытъ ходъ подальше, то онъ однимъ голосомъ своимъ, при богатырскихъ силахъ и атлетическомъ сложеніи и ростѣ Голіафа, составилъ бы себѣ славную карьеру, какъ рѣдкій феноменъ природы. А между тѣмъ судьба-мачиха сурово втиснула эту широкую натуру въ тѣсную рамку сельскаго пономаря, и только случайность выдвинула его на постъ тамбовскаго протодіакона, чтобы потрясать своимъ громовымъ голосомъ своды храмовъ при архіерейскомъ служеніи и оглушать всѣхъ, приходившихъ въ храмъ. Мать моя разсказывала намъ, что она перенесла отъ Савушки, когда онъ, въ одну изъ поѣздокъ архіерейскихъ, остановился въ нашемъ домѣ ночевать. Чтобы задобрить его, она его угостила изобильно и чаемъ, водкой и всякимъ кушаньемъ. Повидимому, онъ былъ доволенъ и легъ спать. Но среди ночи всталъ, поднялъ всѣхъ на ноги и сталъ требовать водки. Мать ему не давала водки, онъ шумѣлъ, грозилъ, молилъ Христа ради, дѣтей перепугалъ такъ, что они разбѣжались по разнымъ закоулкамъ, и только крутыя мѣры и угрозы жаловаться архіерею, котораго онъ страшно боялся, могли усмирить его. Денегъ по епархіи Савушка собиралъ много; онъ назойливо требовалъ ихъ у всѣхъ, съ кого можно было взять. Хотя я и лично хорошо зналъ его, но отчество и фамиліи доселѣ не знаю. Его всѣ звали въ глаза отецъ-протодіаконъ, за глаза—Савушка. И нигдѣ не слышалось полнаго его имени-отчества съ фамиліей, и никто этого не считалъ нужнымъ и знать. Всѣ знали только Савушку, и ходили смотрѣть на Савушку, какъ на диво-дивное. Савушка возбуждалъ вниманіе къ себѣ и въ Петербургѣ, куда бралъ его съ собой Николай, въ годовое присутствованіе въ Синодѣ, и много привлекалъ народа на архіерейскую службу Николая.

Въ поѣздкахъ своихъ по епархіи епископъ Николай останавливался большею частію у помѣщиковъ и проживалъ иногда, для отдыха, у нихъ по многу дней, особенно у гостепріимныхъ и ласковыхъ помѣщицъ, свита же, во время его продолжительныхъ отдыховъ, проживала на свободѣ, безъ дѣла, по селамъ или монастырямъ, объѣдала и опивала духовенство безпощадно. Самъ Николай былъ безсребренникъ. Но кругомъ его всѣ были поголовно взяточники, особенно зараженъ былъ сребролюбіемъ ключарь Никифоръ Ивановичъ Телятинскій. Онъ былъ у архіерея въ поѣздкахъ самый близкій его сподручникъ; всѣмъ завѣдывалъ и распоряжался, все свидѣтельствовалъ, осматривалъ и высматривалъ,—былъ однимъ словомъ о к о архіерейское. Но око это было хищническое, высматривавшее, гдѣ что плохо лежитъ. Бывало такъ: войдетъ архіерей и за нимъ ключарь въ какую-либо церковь для осмотра. Архіерей идетъ въ алтарь, ему поютъ, онъ молится, прикладывается къ престолу, посмотритъ антиминсъ и идетъ назадъ благословлять, подъ Εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα народъ. А тѣмъ временемъ, подъ шумокъ и подъ громкимъ пѣніемъ ключарь уже орудуетъ около церковнаго старосты, у денежнаго ящика, повѣряя приходо-расходныя книги и считая наличную церковную сумму. Повѣрка и счетъ, конечно, были только для б л и з и р у, фиктивные; да и повѣрять и счетъ соображать ключарь способенъ не былъ и не умѣлъ, какъ человѣкъ малограмотный, стариннаго образованія. Онъ поступалъ тутъ очень просто—б е з ъ з а т ѣ й. Перелистывалъ только книги и, доходя до мѣста, гдѣ для него вложены были деньги, охотно бралъ ихъ въ карманъ и съ словомъ „вѣрно все“ складывалъ книги, отдавая старостѣ. Счетъ же наличной суммы производилъ такъ: кучу высыпанныхъ изъ ящиковъ денегъ онъ начиналъ своею жирною рукою, съ видимою нѣжностію и мягкостію, поглаживать и расширять, отдвигая къ сторонкѣ монеты цѣнныя—золотые и цѣлковые, и достаточное количество ихъ преспокойно забиралъ рукой и клалъ въ карманъ, за то ужъ и расхвалитъ за исправность и образцовый порядокъ и старосту, и настоятеля. Такъ обиралъ каждую церковь: бралъ и добровольную дачу, бралъ и своевольно. Отецъ мой Егоръ Матвѣевичъ разсказывалъ такой случай: былъ въ одной изъ церквей его благочинія старостою одинъ честный и богобоязненный крестьянинъ. На должности своей былъ онъ человѣкомъ новымъ—по первому еще выбору; слѣдовательно, былъ еще неопытенъ, н е о г о л т ѣ л ы й. Ему и пришлось, въ одну изъ заѣздокъ архіерея въ церковь, увидѣть въ первый разъ оригинальный счетъ церковныхъ денегъ, производимый ключаремъ Телятинскимъ. Староста при этомъ до того растерялся и перепугался, что совершенно безучастно, какъ автоматъ, смотрѣлъ на ключарскія продѣлки. А ключарь, пользуясь перепугомъ и автомат-

ствомъ, преспокойно повыбралъ изъ его кучи всѣ цѣнныя монеты. Когда дѣло кончилось, староста въ „попыхахъ“ прибѣгаетъ къ моему отцу, какъ благочинному, и съ ужасомъ разсказывалъ ему, какъ Телятинскій всѣ золотые и цѣлковые поклалъ себѣ въ карманъ. „Молчи, молчи“, говорилъ ему отецъ, „иначе накличешь бѣду и себѣ и намъ“. И не скоро его уговорилъ успокоиться и молчать пока. Изъ этихъ церковныхъ поборовъ Телятинскій съ теченіемъ времени составилъ себѣ большой капиталъ, накупилъ много земли и слылъ большимъ богачемъ, но жилъ всегда грязно и скаредно. Хотя онъ и стоялъ во главѣ духовенства тамбовскаго, будучи въ послѣднее время каѳедральнымъ протоіереемъ, но честь свою навсегда потерялъ. Въ мнѣніи общественномъ онъ былъ посмѣшищемъ, и называли его не иначе, какъ „Телокъ“. Эта кличка осталась и за его сыновьями, которые всѣ были смѣшные, грязные и бездарные.

Для всѣхъ было непонятно и удивительно, какъ это епископъ Николай, съ большими достоинствами, умный, ученый, стоявшій во главѣ академіи, какъ достойный ея профессоръ и ректоръ, голова свѣтлая, съ сердцемъ добрымъ, въ управленіи Тамб. епархіею могъ окружить себя личностями бездарными, съ низкою нравственностію, безъ образованія, жадными и до денегъ и до водки! и быть, повидимому, ими доволенъ, а къ инымъ и чувствовать и оказывать особое расположеніе. Не менѣе было странно и то, что къ умнымъ и ученымъ личностямъ онъ былъ холоденъ и невнимателенъ. Не любилъ онъ ни ректора, ни профессоровъ семинаріи, ни священниковъ академистовъ, и всегда держалъ ихъ отъ себя далеко, въ полномъ невниманіи. Мнѣ думается, и въ этомъ я даже убѣжденъ,—что въ епископѣ Николаѣ глубоко гнѣздился духъ внутренней гордыни, тотъ традиціонный недугъ нашего епископства, о которомъ ап. Павелъ говорилъ ученику своему епископу Тимоѳею въ посланіи. Этотъ недугъ издавна поражаетъ многихъ нашихъ епископовъ, не безъ вліянія, конечно, на это самаго источника этой гордыни—злаго духа, діавола, которому выгодно уязвить перваго пастыря церкви, чтобы удобнѣе затѣмъ вредить пасомымъ. Зараженные этою язвою, иные епископы становятся въ холодное, неприступное, положеніе идоловъ, предъ которыми нужно только благоговѣть, преклоняться и пресмыкаться. Этому идолопоклонническому положенію все благопріятствовало еще отъ глубокой старины. Было крѣпостное рабство, были полновластные господа и безправные рабы. Господа стояли на высотѣ недосягаемой для раба, который со страхомъ поднималъ взоры на высокаго господина. Это крѣпостничество, какъ язвою, заразило все и всѣхъ; съ древнихъ временъ проникло оно и въ духовное званіе и доселѣ дѣйствуетъ въ немъ съ силою, съ одной стороны въ „господинѣ нашемъ“ и владыкѣ епископѣ,

съ другой—во всѣхъ священно-церковнослужителяхъ,—рабахъ и нижайшихъ послушникахъ. Епископъ поставленъ на недосягаемой высотѣ для священника, будь онъ и протоіерей,—и всѣмъ обставленъ, какъ полновластный господинъ, а священникъ бьется изъ-за своихъ правъ, какъ рыба объ ледъ, и съ усиліемъ выбиваетъ себѣ даже кусокъ насущнаго хлѣба. При такомъ неравновѣсіи, при такихъ противоположныхъ крайностяхъ, между которыми отсутствуетъ истинное Христово братство, вслѣдствіе того засѣдаетъ на одной сторонѣ властолюбивая гордыня, а на другой осѣдаетъ приниженное рабство, вопреки церковному строю по духу Христа и апостоловъ,—и происходили прежде,—да и теперь ихъ не мало,—такія явленія, что и лучшіе изъ епископовъ болѣе склоняются къ раболѣпной посредственности и бездарности, даже низменной нравственности, своею благосклонностію, чѣмъ къ уму, учености, убѣжденности и стойкой нравственности, не допускающей низкаго раболѣпія, во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ подчиненному имъ духовенству, потому что первые аттрибуты пріятно удовлетворяли жажду угнетающаго ихъ недуга, а послѣдніе аттрибуты этой жаждѣ не только нимало не удовлетворяли, а еще злѣе ее растравляли и разжигали. Отъ того и епископъ тамбовскій Николай, страдая традиціоннымъ епископскимъ недугомъ, чувствовалъ себя лучше въ средѣ тѣхъ своихъ подчиненныхъ, которые, по складу и ладу своему, и способны были только на то, чтобы въ глаза ему подобострастно льстить, предъ нимъ раболѣпно преклоняться, и пресмыкаться, и трепетать, и все, что ни прикажетъ, безпрекословно и безъ разсужденій исполнять, а за глаза ухитряться вознаградить себя зато всяческими полученіями и хищеніями, пуская въ ходъ всѣ свои грубые инстинкты. Отъ того не лежала душа его къ людямъ ученымъ, умнымъ, академическаго образованія, имъ не было хода къ виднымъ мѣстамъ и священническимъ въ Тамбовѣ, ихъ не пускали и въ консисторію на дѣятельность, они не имѣли близкаго доступа къ владыкѣ. И все это потому, что они умѣли владыку, какъ слѣдуетъ, понять и оцѣнить, желали бы съ нимъ обо всемъ поразсудить и по-братски-христіански поговорить, но не умѣли раболѣпствовать, пресмыкаться и трепетать. Отъ того все епископское Николаевское управленіе было какое-то ужасно хаотическое. Окружающая его излюбленная среда опутала его сѣтями и образовала кругомъ и около нестерпимо смрадное болото, которое постепенно затягивало его все болѣе, пока не задохнулся. Объ этихъ безобразіяхъ долго не доходило до Синода въ Петербургъ. Не было тогда ни дорогъ желѣзныхъ, ни телеграфовъ. Да и Синодъ, не стоя на высотѣ своего положенія, въ болотахъ провинціальныхъ усматривалъ только тишь и гладь и совершенно былъ покоенъ, находя въ кудрявыхъ отчетахъ епархіальныхъ, что

„все обстоитъ благополучно". Но время свое брало. Николай уединился, заключившись въ кабинетъ, чѣмъ-то заболѣлъ, говорили, что запоемъ. Въ Синодъ отъ обижаемыхъ и притѣсняемыхъ поступило много жалобъ; стали доходить до Петербурга дурныя вѣсти и отъ стороннихъ лицъ, отъ лицъ вліятельныхъ къ вліятельнымъ. На жалобы отъ духовенства на епископа тогда очень мало обращали вниманія и большею частію оставляли подъ сукномъ,—это и теперь дѣлается; если какая жалоба вопіяла уже о правдѣ, то её на разборъ присылали епископу же, по фиктивнымъ требованіямъ свѣдѣній и заключеній, и становился самъ епископъ судьею во своемъ дѣлѣ, и рѣшеніемъ его удовольствовался и Синодъ. Поэтому однѣ жалобы не побудили бы Синодъ обратить побольше вниманія на то, что дѣлается въ епархіи Николая, если бы не было другихъ сильныхъ вліяній. Какъ бы то ни было, впрочемъ просіялъ лучъ наконецъ и въ нашемъ темномъ царствѣ. Духовенство услышало съ радостію, что епископъ Николай увольняется на покой въ Трегуляевъ монастырь, а на его мѣсто назначается ректоръ С.-Петербургской академіи, епископъ винницкій Макарій. Это было въ 1856 или—57-омъ году.

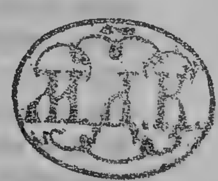
По увольненіи Николай еще года три-четыре проживалъ въ монастырѣ въ болѣзненномъ состояніи, постоянно сидѣлъ или лежалъ въ своей комнатѣ и рѣдко-рѣдко когда выѣдетъ прокатиться по лѣсу трегуляевскому. Постоянно все пухнулъ, сталъ и въ лицѣ и во всемъ корпусѣ одутливымъ и безобразно толстымъ, ноги едва передвигалъ,—было что-то въ родѣ водянки, всецѣло его объявшей. У него проживала постоянно одна женщина подъ именемъ Домны, юркая и бойкая, ходила за нимъ и помогала ему своими услугами въ слабости и болѣзни; и при этомъ много его обирала. По смерти своей онъ ничего почти не оставилъ въ наслѣдство своимъ родственникамъ и въ предсмертной своей запискѣ, завѣщая кое-что оставшееся кому-то изъ родственниковъ или монастырю, написалъ лаконически: „Домну не обижать".

Отецъ мой Егоръ Матвѣичъ продолжалъ быть благочиннымъ, будучи имъ безпрерывно во все 14-ти лѣтнее управленіе Николая. Въ это безурядное время много ему приходилось испытать треволненій и страховъ и отъ консисторіи, и отъ архіерейской челяди. Чтобы не нажить отъ нихъ напрасной бѣды, много нужно было имъ поплачиваться, а производить напрасные расходы было не изъ чего. Случился еще съ нимъ пожаръ, истребившій все имущество въ домѣ и домъ. Нужны были расходы на стройку и устройство. Вотъ и надо было много думать и ухищряться, какъ бы подешевле застраховать себя отъ возможныхъ бѣдъ и напастей со стороны владычней канцеляріи и консисторіи, и обезпечить себѣ хоть маленькую свободу

жить и дышать. Сначала онъ думалъ помочь горю тѣмъ, чтобы какъ можно рѣже бывать въ консисторіи и давать взятку самымъ нужнымъ экземплярамъ. Но это мало помогало. Онъ жилъ все подъ какимъ-то страхомъ, особенно когда доходили до него слухи изъ Тамбова, что консисторія имъ недовольна за то, что онъ ее знать не хочетъ. Эти слухи привозили ему пьяные писцы консисторскіе, которыхъ временемъ и по очереди консисторія имѣла обыкновеніе распускать по епархіи „кормиться". Эти убогіе писцы, какъ Некрасовскіе „калики - перехожіе", всегда пьяные, оборванные и грязные, разъѣзжали на подводахъ отъ духовенства отъ села до села по священникамъ, которые должны были ихъ кормить, поить и деньжонки давать на семейство и бѣдность: у благочиннаго конечно они всего этого получали побольше и заживались подольше. Тяжело было отцу принимать, и терпѣть долго, и угощать этихъ словоохотливыхъ за графиномъ водки компаньоновъ. Но зато услышитъ, бывало, отъ нихъ, и вѣрно, всю подноготную консисторіи и владычнаго двора. Мать, бывало, скажетъ ему: Зачѣмъ ты возишься такъ съ этими стрекулистами? Не принималъ бы, или хоть поскорѣе спровадилъ ихъ, безъ хлопотъ? „Ничего ты не знаешь", скажетъ на это отецъ; „добра-то во всей консисторіи никто тебѣ не сдѣлаетъ, а пакости много сможетъ надѣлать тебѣ и послѣдняя консисторская гнида". Чтобы избавиться отъ консисторскаго страха, отецъ волей-неволей долженъ былъ быть къ консисторіи пощедрѣе. И когда въ нужныхъ случаяхъ приходилось ему пріѣзжать въ Тамбовъ, то онъ уже, съ щедрыми, по его состоянію, подарками обходилъ нужныхъ людей по домамъ и всѣмъ въ консисторіи, до сторожей включительно, непремѣнно уже считалъ нужнымъ дать. Ну, и сталъ жить поспокойнѣе, и даже камилавку отъ консисторіи получилъ, безъ предварительнаго подхода и расхода, поплатившись не мало только при полученіи. Я учился въ это время въ Казанской духовной академіи,—и ученіе мое продолжалось въ ней съ 1852 по 1856 годы.

Казанская академія вызывала изъ Тамбовской семинаріи трехъ лучшихъ студентовъ на VI курсъ. По окончаніи богословскаго класса въ академію избраны были ректоромъ Платономъ трое—Красивскій, Дубровскій и я, Пѣвницкій. При отправленіи семинарія, на казенный счетъ, снабдила насъ деньгами прогонными на двѣ тройки и кормовыми посуточно до Казани, по положенію. Экономъ Степанъ Абрамовъ Березневскій на казенный счетъ построилъ намъ по нѣскольку рубашекъ толстаго полотна. Мы его усердно упрашивали предварительно не давать намъ натурой ни рубахъ, ни картузовъ, потому что все это у насъ свое было въ достаткѣ и въ лучшемъ видѣ; а далъ бы лучше деньгами, чего вещи стоятъ. Но онъ денегъ не далъ, а

навязалъ рубахи и картузы, которые, какъ не подходящіе намъ и ненужные, такъ и пропали даромъ. Это тотъ Степанъ Абрамовичъ, о которомъ сказано назади; недаромъ его семинаристы и другіе ученики не семинаристы называли „стаканъ барабанычъ", что къ нему очень шло. Въ ущербъ намъ еще и Платонъ ректоръ навязалъ намъ на нашъ счетъ изъ прогонныхъ и кормовыхъ денегъ довезти до Казани одного уже проучившагося въ академіи два года пятаго курса и пріѣхавшаго въ Тамбовъ провести каникулы на родинѣ. Этотъ студентъ былъ Яковъ Петровичъ Охотинъ, теперешній епископъ симбирскій Варсонофій. Такъ мы, вопреки своихъ разсчетовъ, и лишились денегъ, сбереженныхъ бы отъ прогоновъ на цѣлую тройку до Казани, разсчитывая было ѣхать безъ Охотина троимъ на одной тройкѣ. Въ первый разъ мы испытали муку ѣзды на тряскихъ почтовыхъ телѣжкахъ въ тройку мчащихся лошадей по скверной дорогѣ цѣлыхъ восемьсотъ верстъ. Но молодость вынослива. И мы пріѣхали въ академію, хоть въ грязи, пыли и порванные, но здоровые къ 15-му августа на пятыя сутки ѣзды. Вскорѣ начались пріемные экзамены по всѣмъ предметамъ семинарскаго курса, продолжавшіеся цѣлую недѣлю съ лишнимъ. Экзаменовали строго, и спрашивали много. Для оцѣнки сочиненій давали писать два разсужденія по-русски и по-латыни. Но мы, три брата, выдержали экзаменъ безъ препятствій.

III.

Составъ свѣтскихъ профессоровъ въ Казанской академіи.—Профессоры-монахи.—Архимандритъ Ѳеодоръ.—Его плачевная судьба.—Вербовка въ монахи.

Составъ академическихъ профессоровъ въ Казани съ ректоромъ во главѣ былъ въ это время образцовый. Всѣ были люди даровитые, талантливые, преподавали свои предметы и читали лекціи блистательно. Ректоръ, архимандритъ Парѳеній, впослѣдствіи епископъ томскій и архіепископъ иркутскій, особенно заботился объ умственномъ развитіи студентовъ и пріученіи ихъ къ сочинительству. Кромѣ задаваемыхъ профессорами ежемѣсячныхъ сочиненій на темы по своему предмету, за чѣмъ особенно самъ слѣдилъ и побуждалъ непремѣнно написать въ мѣсяцъ и подать въ срокъ, онъ сверхъ того давалъ отъ себя темы для обыденныхъ—скорыхъ и малыхъ сочиненій, желая пріучить студентовъ къ писательству глубокому, основательному и скорому. Кромѣ того въ старшемъ курсѣ студентовъ обязывалъ непремѣнно составить, по всѣмъ правиламъ гомилетическаго искусства,

по нѣсколько проповѣдей въ годъ. Самъ былъ хорошій проповѣдникъ и искусный собесѣдникъ и говорунъ. Онъ любилъ иногда дѣлать въ академіи ученыя собранія профессоровъ со студентами, на которыхъ лучшіе студенты читали свои сочиненія, и по поводу ихъ заводилъ споры и бесѣды со студентами, втягивая въ нихъ и всѣхъ профессоровъ; самъ говорилъ и спорилъ съ воодушевленіемъ, вызывая на то же и другихъ, и искусно все направляя къ выясненію дѣла. Студенты съ интересомъ слѣдили и слушали эти увлекательные споры и бесѣды, а нѣкоторые особенно даровитые принимали въ нихъ активное участіе, какъ Щаповъ, впослѣдствіи извѣстный писатель. Ректора Парѳенія всѣ студенты любили и уважали особенно за то, что онъ человѣкъ открытый, гуманный, искренній, серьезный и благонамѣренный. Не было въ немъ и тѣни чего-либо напускнаго, монашески-фарисейскаго. Съ профессорами онъ жилъ дружески и обращался, какъ равный имъ, для студентовъ былъ добрымъ отцемъ-руководителемъ. Въ академіи онъ прослужилъ не болѣе четырехъ лѣтъ. Вытребовали его въ Петербургъ на чреду. Объ этой чредѣ онъ разсказывалъ, что она для кандидатовъ архіерейства порядочная пытка въ томъ особенно, что много натерпишься отъ лаврскихъ жирныхъ монаховъ, среди которыхъ приходится жить на испытаніи. „Э! новенькаго привезли, говорилъ другимъ нахально одинъ монахъ, указывая пальцемъ на меня, когда я изъ своей лаврской кельи вышелъ въ коридоръ, и высокомѣрно, проходя, озирали меня“, разсказывалъ о себѣ Парѳеній на возвратномъ пути изъ Петербурга уже архіереемъ томскимъ, и на пути остановившись въ Казани—въ академіи. Съ грустію простились съ нимъ всѣ и проводили.

На мѣсто его скоро присланъ былъ изъ Костромы Агафангелъ архимандритъ, состоявшій ректоромъ Костромской семинаріи. Это уже не то, что Парѳеній. Это чистая монашеская мумія. Все въ немъ было напускное, искусственное, начиная съ холодной, постной физіономіи до походки, въ которой онъ былъ какъ бы между небомъ и землею, и ходя, гуляя, не обращалъ повидимому никакого вниманія на встрѣчныхъ, кругомъ и около,—эта встрѣчная мелочь какъ бы не существовала для него. Намъ—студентамъ эта отвлеченность ректора была выгодна. Мы въ своевольныхъ своихъ отлучкахъ изъ академіи не боялись встрѣчи съ нимъ и смѣло уходили и приходили, зная, что ему не до насъ, и онъ никогда не остановитъ встрѣчнаго студента съ вопросами: „куда, откуда и зачѣмъ.“... Съ профессорами онъ обращался свысока и держалъ ихъ отъ себя на дистанціи. За то предъ архіепископомъ Григоріемъ самъ держался до крайности подобострастно. На экзаменахъ и частныхъ и даже публичныхъ, когда архіеп. Григорій спрашивалъ студентовъ по предмету ректора, сей вознося-

щійся въ средѣ академической Агафангелъ стушевывался въ позѣ униженно-смиренной и стоялъ на ногахъ предъ Григоріемъ все время, пока продолжался экзаменъ, держа себя въ струнку.

Изъ профессоровъ особымъ уваженіемъ пользовались: Димитрій Ѳедотычъ Гусевъ, Нафанаилъ Петровичъ Соколовъ, Григорій Захарычъ Елисеевъ и Иванъ Яковлевичъ Порфирьевъ.

Гусевъ былъ уже старѣйшій заслуженный профессоръ; преподавалъ математику и физику; имѣлъ умъ острый, свободомыслящій и характеръ веселый. Въ преподаваніи своего предмета онъ употреблялъ особые пріемы, только къ нему одному идущіе. Преподаваніе онъ велъ живымъ языкомъ, безъ лекцій, по тетрадкамъ, ходя по аудиторіи съ заложенными назадъ руками, съ улыбающимся всегда лицемъ и изящными гримасами на немъ, онъ искусно и разумно уяснялъ намъ, что нужно, увлекательнымъ и блестящимъ языкомъ. Въ объясненіяхъ своихъ онъ имѣлъ обыкновеніе, часто обращаясь къ студентамъ и упорно смотря имъ въ глаза, говорить: „Такъ-съ, милостивые государи“? И въ рѣчи его постоянно слышались слова къ студентамъ: „ваши блестящія головы“, „вы джентльмены великіе“, а то и „гуси великіе“, смотря по обстоятельствамъ. И все это выходило у него преискусно, и какъ нельзя кстати, и чрезвычайно забавляло студентовъ. Несмотря на то, что математика и физика тогда и въ семинаріи и въ академіи были въ пренебреженіи, и начальство смотрѣло на нихъ, какъ на какія-то низшія науки, которыми можно и не заниматься, и проходить курсъ ученія безъ вреда, но у Дмитрія Ѳедотыча аудиторія была всегда полна, его всѣ съ интересомъ слушали, и всѣ студенты болѣе или менѣе учились, а многіе изучали основательно и съ особымъ прилежаніемъ. Проницательный Гусевъ, какъ надо навѣрное думать, для этого именно и употреблялъ въ преподаваніи свой оригинальный и замѣчательный пріемъ, приводившій дѣло къ успѣху... Гусевъ былъ большой руки острякъ и даже скалозубъ въ частныхъ бесѣдахъ, въ своемъ кружкѣ. Особенно любилъ онъ острить надъ тогдашнимъ ученымъ монашествомъ. Онъ возмущался тѣмъ обстоятельствомъ, что молодые студенты иногда рѣшались поступать въ монашество изъ-за парты,—что монашествующее начальство не только ихъ не удерживало отъ незрѣло-ранняго рѣшенія, но всѣми мѣрами къ тому поощряло и уговаривало,—что студента, сдѣлавшагося монахомъ, даже посредственнаго, несправедливо возвышали въ число лучшихъ, давали оканчивать курсъ магистромъ, и назначали прямо на инспекторское мѣсто въ семинаріи, съ легкимъ ходомъ впередъ къ архіерейству;—что такое монашество плодитъ только карьеристовъ, которые, вѣроломно и клятвопреступно принимая великое постриженіе, имѣютъ въ виду только удобное возвышеніе впередъ—

къ власти, почестямъ и богатству;—что принципъ истиннаго монашества чрезъ это антихристіански извращается, плодя въ ученыхъ, такого карьеристскаго склада и лада, монахахъ только евангельскихъ книжниковъ и фарисеевъ, возсѣдавшихъ на Моисеевомъ сѣдалищѣ, на горе себѣ и другимъ не на радость. Онъ высказывалъ всегда съ сожалѣніемъ, что начальство академіи—ректоры непрестанно и слишкомъ часто мѣняются, чѣмъ много колеблютъ строй академіи и стихійно расшатываютъ въ ней то, что исторически складывалось въ прочное основаніе, дѣйствуя по своему, личному вкусу и тенденціямъ, какъ на перепутьи къ другой высшей карьерѣ. „Охъ, эти наши,—каламбурилъ онъ, монахи,—имена, кончающаяся на ахи. Они въ математикѣ съ физикой находятъ ереси, отвлекающія отъ царства небеснаго". За это очень не любили его начальники—монахи и обходили его наградами. Но наградами онъ и не интересовался, и онѣ для него ничего не значили, передъ ромомъ ямайскимъ, который онъ до страсти любилъ попивать съ чайкомъ, находя въ этомъ утѣшеніе и развлеченіе во всѣхъ напастяхъ.—Дослуживая до пенсіи, онъ часто говаривалъ: „поскорѣе бы дослужить и выйти въ отставку на пенсію, а то, чего добраго, дождешься и того, что и Митька поступитъ въ ректоры академіи". Митька этотъ былъ одинъ студентъ въ академіи, пошлый и тупой, но, поступивъ въ монахи, кончилъ курсъ академіи магистромъ и поступилъ въ инспекторы Тамбовской семинаріи, а затѣмъ былъ ректоромъ семинаріи какой-то Сибирской, спился тамъ съ кругу и умеръ въ сумасшествіи. О немъ сказано выше. Поэтому Димитрію Ѳедотовичу не пришлось дождаться въ академіи ректора—Митьки. Онъ уже безъ опасенія этого и съ спокойною душею вышелъ изъ академіи въ отставку—на пенсію, и умеръ на полной свободѣ, будучи во все время своей жизни холостякомъ.

Нафанаилъ Петровичъ Соколовъ былъ профессоромъ философіи и читалъ намъ свои лекціи съ потрясающимъ паѳосомъ и одушевленіемъ. Онъ былъ не высокаго ума, а средняго, но весьма здраваго и крѣпкаго, зато физически былъ удивителенъ: громаднаго роста и громадныхъ размѣровъ всѣхъ частей тѣла отъ головы до ногъ, и съ громаднымъ голосомъ, которымъ поспорилъ бы съ любымъ протодіакономъ. Смотря на него, я всегда вспоминалъ тамбовскаго протодіакона Савушку, о которомъ я говорилъ выше... Нафанаилъ Петровичъ входилъ медленно, еще медленнѣе раскланивался и усаживался на каѳедрѣ, приготовляясь къ чтенію. Начиналъ чтеніе самою низкою октавой и, постепенно гармонически возвышая голосъ, незамѣтно переходилъ на высокую ноту басовика и держался на этой высотѣ до конца лекціи, или лучше до звонка. Во время этого чтенія и самъ, соотвѣтственно голосу, постепенно входилъ, какъ отъ музыки голоса,

такъ и отъ содержимаго своей лекціи, въ большій и большій паѳосъ, понуждавшій его раскачиваться на каѳедрѣ всѣмъ своимъ громаднымъ корпусомъ, приводить въ движеніе и ноги, и руки, которыми онъ часто хватался за свою голову и поправлялъ на ней свои густые и длинные волосы, и опирался тяжело на каѳедру. И стулъ, на которомъ, онъ сидѣлъ, и столъ, и полъ каѳедры—все подъ нимъ приходило въ движеніе—скрипѣло и трещало. Этотъ паѳосъ отражался и на насъ—студентахъ. Мы весело слушали его и съ особымъ интересомъ всматривались въ его вдохновенное лицо и услаждались эффектною декламаціею его рѣчи съ музыкальнымъ голосомъ. Но при этомъ всегда думали, съ опасеніемъ, какъ бы нашъ Нафанаилъ Петровичъ своею громадою и въ паѳосѣ не разрушилъ всей каѳедры... Въ обыденной своей жизни онъ казался всегда равнодушнымъ, а порой и великодушнымъ; смотрѣлъ на всѣхъ упорно во всѣ свои большущіе глаза, смѣло и насмѣшливо; говорилъ рѣдко и крѣпко. Жилъ кредитно, любилъ денежку и крѣпко ее приберегалъ. „Денежка, говаривалъ онъ, крылышко, куда захотѣлъ, туда и полетѣлъ“. Ведя философскую, строго воздержанную жизнь,—отнюдь впрочемъ не скаредную, онъ не отказывалъ себѣ ни въ чемъ необходимомъ и ѣздилъ всегда на своей лошади—буцефалѣ,—онъ съумѣлъ скопить себѣ капиталецъ чистыми деньгами въ 40 тысячъ, который по смерти его и по его завѣщанію поступилъ всецѣло во всѣ четыре академіи по равной части. Всю службу свою онъ провелъ на профессорской должности въ Казани. Былъ всегда и всѣми уважаемъ, какъ достойнѣйшій профессоръ и человѣкъ. Одинъ лишь изъ ректоровъ академіи, уже подъ конецъ его службы, архимандритъ Іоаннъ, впослѣдствіи епископъ смоленскій, человѣкъ прегордый и очень злобный, отнесся къ Нафанаилу Петровичу съ крайнимъ неуваженіемъ и грубостію, и всячески старался вытѣснить его изъ академіи, въ видахъ чего и устроилъ такъ, что Нафанаилу Петровичу неизбѣжно стало перейдти съ каѳедры философіи, на которой провелъ всю свою долгую службу, на новую для него каѳедру церковной исторіи, или выйти совсѣмъ изъ академіи,—одно изъ двухъ. По силѣ своего философскаго характера онъ великодушно принялъ каѳедру церковной исторіи, а изъ академіи въ угоду Іоанна не вышелъ, и, вооружившись нѣмецкими книгами, преспокойно сталъ преподавать, вмѣсто философіи, исторію, и долго еще, по выбытіи Іоанна, преподавалъ на славу. Перевелъ даже съ нѣмецкаго языка на русскій полную церковную исторію Гасса и издалъ ее отъ себя въ печати, сдѣлавъ тѣмъ неоцѣненную услугу всѣмъ преподавателямъ исторіи въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Умеръ онъ въ отставкѣ съ пенсіей послѣ сорокалѣтней службы профессорской и похороненъ на своей родинѣ въ Самарѣ, епископомъ Серафимомъ, который былъ

при немъ въ Казанской академіи монахомъ—баккалавромъ и затѣмъ инспекторомъ академіи.

Григорій Захаровичъ Елисеевъ былъ профессоръ по каѳедрѣ исторіи русской церкви. Это человѣкъ высокаго ума и прямаго, честнаго характера, и отличался особенною способностію составлять увлекательныя лекціи, съ дарованіемъ талантливаго писателя, только дикція его была плоха,—читалъ не совсѣмъ ясно. Въ классѣ читалъ онъ свои лекціи съ какою-то осторожностію, держа ихъ въ рукахъ, облокотившись на каѳедру, на которой всегда клалъ печатную книгу, Исторію Филарета Черниговскаго. Въ нихъ онъ излагалъ не внѣшнюю оффиціальную исторію, которая въ книгѣ Филарета, а внутреннюю, которую не найдешь въ книгѣ, несмотря на то, что ее-то больше всего нужно знать, и излагалъ весьма свободно, на чистоту, самымъ честнымъ откровеннымъ порядкомъ. Студенты съ затаеннымъ дыханіемъ вслушивались въ его откровенныя рѣчи и нерѣдко съ оваціями провожали его, по окончаніи, изъ класса. Только не всегда онъ могъ питать насъ такими лекціями, такъ какъ въ тогдашнее время крайне было опасно либеральничать, въ правдѣ,—сейчасъ найдутъ въ умныхъ рѣчахъ всевозможныя ереси,—и васъ осудятъ, проклянутъ, ради собственной выгоды. Да и косо на него смотрѣли монахи академическіе. Онъ имъ сталъ уже казаться опаснымъ и подозрительнымъ,—какимъ-то Мефистофилемъ. По наружности своей онъ держалъ себя скромно, говорилъ мало, и въ разговорахъ его замѣчалась всегда саркастическая улыбка. Такой глубокой и широкой внутренней натурѣ тѣсная рамка профессора духовной академіи была невыносима. Онъ давно уже подумывалъ о выходѣ изъ академіи, и при первомъ открывшемся случаѣ вышелъ съ успѣшностію, поступивъ въ Сибирскій край въ какіе-то окружные начальники. Но и тамъ немного послужилъ. Пріѣхалъ въ Петербургъ и всею душою отдался свободной журнальной литературѣ, и въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ былъ постояннымъ сотрудникомъ разныхъ журналовъ, особенно „Современника“ и „Отечественныхъ записокъ“, гдѣ его статьи, и особенно по внутреннимъ обозрѣніямъ, составляли украшеніе журналовъ. Одно время онъ издавалъ и газету—„Русскіе очерки“, и былъ редакторомъ „Отечественныхъ записокъ“. Статьи свои онъ печаталъ безъ подписи своей, или подъ псевдонимомъ „Грыцко“. И только послѣднюю предсмертную статью „Прошлое двухъ академій, по поводу смерти Ивана Яковлевича Порфирьева, профессора Казанской академіи“ подписалъ полнымъ именемъ „Григорій Елисеевъ“. Замѣчательная статья эта напечатана въ январской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за 1891 годъ; а самъ онъ умеръ въ февралѣ того же года. Газеты и журналы объявили печальную вѣсть о его смерти всему читающему міру и своими статьями

сдѣлали извѣстнымъ всѣмъ имя такого даровитаго и плодовитаго писателя, статьями котораго зачитывались, не менѣе Салтыкова-Щедрина, всѣ умные люди.

Въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Елисеевымъ состоялъ въ академіи профессоръ словесности Иванъ Яковлевичъ Порфирьевъ, памяти котораго посвящена была послѣдняя и задушевная статья Григорія Захаровича, не забывавшаго своего друга до гроба. Иванъ Яковлевичъ Порфирьевъ былъ человѣкъ необыкновенно мягкаго сердца, съ эстетическимъ вкусомъ; талантливый и до крайности трудолюбивый. Лекціи свои онъ обработывалъ самымъ тщательнымъ образомъ, придавая имъ во всѣхъ отношеніяхъ особое изящество. Читалъ ихъ студентамъ, хоть и тихимъ голосомъ,—онъ былъ слабъ здоровьемъ,—но до того сердечно, что невольно увлекалъ и самаго невнимательнаго студента къ особому вниманію. Особенно увлекательны были его лекціи по предмету эстетики и по критическому разбору поэтовъ и писателей,—особенно Гоголя и Лермонтова, на которыхъ онъ останавливался съ особою любовію. Многіе студенты, благодаря Ивану Яковлевичу, читали усердно всѣ сочиненія Гоголя и Лермонтова, и изучали сами, заучивали наизусть много стихотвореній и постоянно декламировали ихъ по своимъ комнатамъ въ свободное время; Лермонтовское: „Печально я гляжу на наше поколѣнье...“; или „Въ минуту жизни трудную...“ или: „И скучно и грустно и некому руку подать“... или: „Восходитъ чудное свѣтило въ душѣ проснувшейся едва“... вездѣ, въ незанятное время, слышится у того или другаго студента, пробующаго освѣжать и вдохновлять свое юношеское сердце. А Гоголевскія сочиненія читали почасту, вмѣстѣ, собираясь кружками. Ухитрялись добывать и тѣ сочиненія Гоголя, которыя еще не были напечатаны и ходили по рукамъ въ рукописяхъ, слывя запрещенными, и спѣшили читать и въ одиночку по секрету и собираясь въ кагалы. Благодаря Ивану Яковлевичу студенты сами побуждались и располагались добывать и читать иностранныхъ поэтовъ и романы Диккенса, Теккерея, Купера и другихъ... Будучи отъ природы человѣкомъ смирнымъ, кроткимъ и робкимъ, онъ мирился со всѣми невзгодами, которыя вносили въ мирную и тихую академическую жизнь, какъ стихійная сила, иные изъ постоянно мѣнявшихся ректоровъ академіи—монашествующихъ, какъ Іоаннъ, негодовавшій на то, что въ академіи почти нѣтъ монаховъ, а все „попы одни, да женатые“,—и притаившись и живя осторожно, какъ Щедринскій пискарь, тихонько продолжалъ дѣлать дѣло и думать думу безъ шуму. Онъ былъ женатый, и женился по любви на дочери профессора же академіи Саблукова, лингвиста по восточнымъ языкамъ, безъ приданаго, такъ какъ тесть былъ бѣденъ и имѣлъ другую дочь, которую тоже по любви, взялъ

за себя другой профессоръ Гвоздевъ, и тоже безъ приданаго, чѣмъ и выведенъ былъ изъ нужды многосемейный Саблуковъ. Жена наградила Ивана Яковлевича супружескимъ счастіемъ и многочадіемъ. Въ семействѣ только онъ находилъ и утѣшеніе и отраду, и живительный отдыхъ отъ своихъ постоянныхъ оффиціальныхъ и частныхъ занятій, надъ которыми трудился, не покладая рукъ и не жалѣя силъ. И какъ чадолюбивѣйшій отецъ семьи, непрестанно боялся, какъ бы чего худаго не случилось съ нимъ, и не осталась въ горѣ и бѣдности семья. Поспокойнѣе душою онъ сталъ только тогда, когда на должности ректора академіи оказался человѣкъ не кочующій, а устойчивый и осѣдлый, изъ профессоровъ богословія Казанскаго университета, протоіерей Николай Поликарповичъ Владимірскій, солидный, опытный и великодушный, и къ тому же по курсу ученія въ Казанской академіи однокашникъ товарищъ. Съ поступленіемъ въ ректоры этого устойчиваго человѣка, жизнь академіи упрочилась и потекла по своему руслу ровно и солидно, стихійныя невзгоды перестали ее тревожить. Иванъ Яковлевичъ свободно и съ радостію трудился, и работалъ, и много наработалъ и письменной, и печатной работы въ продолженіе сорока лѣтъ служенія академіи. Одна его Исторія Русской литературы отъ древнѣйшихъ временъ, сочиненіе обширное и капитальное, прославила его въ мірѣ ученомъ и приноситъ пользу огромную всѣмъ преподавателямъ словесности и учащимся въ учебныхъ заведеніяхъ, духовныхъ и свѣтскихъ,—не говоря о другихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ и статьяхъ по разнымъ журналамъ. Умеръ онъ на должности, и за работой съ перомъ въ рукѣ; а семейство всетаки оставилъ безъ достаточнаго обезпеченія. Иванъ Яковлевичъ, служа въ академіи, долго не получалъ никакихъ служебныхъ наградъ и отличій, кажется, до своего юбилея. Монашествующее начальство тогда и не считало нужнымъ представлять къ наградамъ людей свѣтскихъ. По скромности своей онъ впрочемъ объ нихъ и никогда не думалъ, и бѣгалъ отъ всякаго его чествованія, какъ отъ язвы. Когда академическая корпорація задумала почесть его двадцатипятилѣтній юбилей, онъ усиленно уговаривалъ всѣхъ не затѣвать для него пустаго дѣла. И когда его чествованіе состоялось, онъ въ скромномъ смущеніи, въ своихъ отвѣтахъ на привѣтственныя рѣчи, почасту употреблялъ такія слова: „не заслужилъ я такого чествованія, и зачѣмъ это? Вѣдь я вовсе не о с о б а“. Но профессоръ Знаменскій, извѣстный по изданію въ печати Исторіи Русской церкви, бывшій его ученикъ, говорилъ ему на это, что „чествуютъ его не какъ о с о б у, но чествуютъ, какъ достойнаго учителя, его благодарные ученики,—а судъ учениковъ самый строгій судъ“... Но, служа долго въ академіи, въ другую половину службы Иванъ Яковлевичъ

дослужился до большихъ чиновъ и наградъ. Къ концу своей жизни онъ имѣлъ уже и чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и какую-то звѣзду. Елисеевъ, въ своей послѣдней статьѣ „Вѣстника Европы“ говоритъ, что „въ перепискѣ со мной онъ никогда не упоминалъ объ этомъ и намеками, и когда я самъ узналъ объ этомъ, то Иванъ Яковлевичъ въ письмахъ своихъ всегда требовалъ отъ меня—не величать его превосходительствомъ, а писать просто, какъ всегда было, безъ титуловъ“.

Другіе профессоры были тоже не менѣе достойные люди, болѣе или менѣе уважаемые всѣми, именно: Андрей Игнатьевичъ Беневоленскій, уже дослужившій пенсію, преподавалъ Библейскую исторію. Замѣчательный простотою своей жизни, какъ древній философъ: одѣвался въ такую невзрачную одежду, что нельзя было его—статскаго совѣтника, отличить отъ простаго мѣщанина или портнаго, вставалъ съ ранняго утра—часа въ 4—5; дѣлалъ продолжительныя прогулки по полямъ лѣтомъ для моціона, ѣлъ самую простую пищу, не пилъ ни вина, ни ликера, за то страстный охотникъ до чая, котораго онъ выпивалъ цѣлый большой самоваръ одинъ заразъ, наливая вдругъ цѣлый рядъ чашекъ и выпивая ихъ одну за другой безъ перемежки. Роста былъ удивительно длиннаго и до крайности сухощавъ. Онъ былъ семейный...

Николай Александровичъ Бобровниковъ—предаровитая личность, но лѣнивый и до крайности небрежный. Родомъ сибирякъ, крѣпышъ по сложенію. Отлично зналъ и изучилъ монгольско-калмыцкій языкъ и литературу этого языка. Составилъ монгольско-калмыцкую грамматику—такую, что учеными изслѣдованіями и выводами филологическими по монгольско-калмыцкому языку привелъ въ удивленіе ученыхъ по восточнымъ языкамъ и получилъ за нее большую денежную премію отъ Императорской Академіи Наукъ. Въ академіи онъ служилъ недолго и вышелъ въ какіе-то попечители надъ киргизами.

Семенъ Ивановичъ Гремяченскій преподавалъ естественную исторію. Былъ большой спеціалистъ своего предмета, работая по своему предмету не для академіи, въ которой студенты его не интересовались и не занимались тогда, а для своей ученой цѣли. Онъ готовился занять каѳедру по этой наукѣ въ Казанскомъ университетѣ, который отправлялъ его для ученаго изслѣдованія за Каспійское море,—для изслѣдованія прикаспійской флоры. На эту тему онъ написалъ ученую диссертацію, которую защищалъ въ Казанскомъ университетѣ на докторскомъ диспутѣ блистательно, и за это удостоенъ былъ ученой степени доктора естественной исторіи. Защиту диссертаціи я слышалъ и видѣлъ лично въ университетѣ, куда допускали и насъ, студентовъ академіи, и мы были отъ нея въ студенческомъ восторгѣ. Въ университетъ профессоромъ скоро и поступилъ, только не въ Казанскій,

а какой-то другой, и къ сожалѣнію скоро стало извѣстнымъ, что онъ умеръ отъ чахотки гдѣ-то за границей.

Иванъ Петровичъ Гвоздевъ преподавалъ гражданскую исторію и состоялъ секретаремъ Правленія. Умный, предобрый; но замѣчательно скромный, конфузливый и стыдливый, какъ красная дѣвица. При всемъ томъ лекціи его по исторіи, надъ составленіемъ которыхъ онъ трудился тщательно, были образецъ совершенства и слушались съ большимъ интересомъ. Онъ изъ иностранныхъ источниковъ выкапывалъ самое интересное для студентовъ и излагалъ это блестящимъ остроумнымъ языкомъ. Но много мѣшала дѣлу при этомъ его внѣшность: вялая и унылая по тону дикція, наклоненная голова съ опущенными внизъ глазами, которыми онъ боялся прямо и открыто смотрѣть на студентовъ. Онъ долго служилъ въ академіи—тихо, смирно, молчаливо, и умеръ въ ней, доживъ до средней старости. Съ Иваномъ Яковлевичемъ Порфирьевымъ были друзья и родственники, какъ женатые на родныхъ сестрахъ.

Михаилъ Михайловичъ Зефировъ преподавалъ Патристику. Онъ былъ еще и священникомъ при Богоявленской приходской церкви въ Казани, и женатъ былъ на дочери своего предмѣстника священника, уже умершаго, съ поступленіемъ на мѣсто священническое. Человѣкъ былъ умный, но съ капризами, или, какъ говорится, съ „душкомъ". Въ наше время, пока мы проходили курсъ академическій, онъ жилъ и дѣйствовалъ успѣшно и благополучно. Но при ректорѣ Іоаннѣ онъ оказался много потерпѣвшимъ и долженъ былъ въ свою защиту отъ гоненій и оскорбленій какъ ректора, такъ и епископа Антонія, обращаться съ протестами въ Синодъ. Затѣмъ былъ онъ ректоромъ семинаріи въ Тамбовѣ и, по оставленіи сей должности, поступилъ въ Казанскій университетъ профессоромъ богословія, и по выходѣ въ отставку на пенсіи умеръ въ 1889 году въ средней старости. О немъ есть особая брошюра-некрологъ, составленный и напечатанный проф. Знаменскимъ въ 1889 году въ Казани.

Всѣ поименованные наставники составляли кадръ академіи, въ составѣ своемъ устойчивый и болѣе или менѣе постоянный. Большинство изъ нихъ долго служило въ академіи, дослуживаясь до пенсіи. Всѣ они почти были во цвѣтѣ лѣтъ—молодые, съ энергическими силами, рвущимися на полезную дѣятельность. Одинъ только Беневоленскій, какъ старѣйшій, дослужившійся до пенсіи, казался уже утомленнымъ, но видимо бодрился, дѣлая для поддержанія бодрости большія дистанціи, въ видахъ моціона. Но Гусевъ, несмотря на свои лѣта, немного меньшія лѣтъ Беневоленскаго, по энергіи и веселости, не уступалъ ни въ чемъ молодымъ. Въ этомъ устойчивомъ кадрѣ и находило все академическое студенчество источникъ для

своего знанія и образованія. Его оно цѣпко держалось, къ нему внимательно прислушивалось, и его образомъ воззрѣній руководилось въ образованіи своихъ настроеній и направленій, понимая и чуя въ томъ живую плодотворную силу.

Кромѣ устойчиваго кадра преподавателей, былъ въ академіи еще элементъ наставническій, — подвижной, кочующій. Это профессоры-монахи, которыхъ, въ нашъ курсъ ученія, было много. Инспекторовъ въ нашъ курсъ было три смѣны. Застали мы при поступленіи въ академію, архимандрита Макарія, бывшаго инспектора Тамбовской семинаріи, о которомъ я упоминалъ выше. Онъ черезъ годъ безслѣдно оставилъ академію и посланъ въ какую-то семинарію. На мѣстѣ его оказался уже служившій въ академіи преподавателемъ Священнаго Писанія, молодой монахъ, и уже архимандритъ, Серафимъ. Въ академію онъ поступилъ баккалавромъ, будучи еще свѣтскимъ, Семеномъ Ивановичемъ Протопоповымъ, элегантнымъ джентльменомъ, умѣвшимъ танцовать и по-французски болтать, и знавшимъ музыку. Онъ былъ сынъ городскаго московскаго священника, умѣвшаго дать сыну хорошее домашнее воспитаніе. Ему поручили преподавать словесность, которую онъ хорошо преподавалъ, особенно эстетику. Зналъ хорошо философію и эстетику Гегеля, и увлекался воззрѣніями этого философа. И этотъ молодой человѣкъ года черезъ два оказался уже монахомъ, съ строгою и постною физіономіею, которую онъ такъ скоро себѣ усвоилъ и умѣлъ всегда носить неизмѣнно. Говорили, что повліялъ на него въ этомъ случаѣ іеромонахъ Антоній—баккалавръ той же академіи, нѣсколько прежде поступившій и въ монашество и въ академію. Съ нимъ Семенъ Ивановичъ прежде всего сошелся и сердечно сблизился. Антоній тоже былъ молодой монахъ, но увлекающійся сердцемъ, и впослѣдствіи не выдержалъ своего поста. Онъ былъ и архіереемъ въ Перми, но, по страсти къ напиткамъ охмѣляющимъ, былъ уволенъ. Но другъ его Серафимъ выдержалъ всѣ монашескіе посты: инспектора въ академіи, ректора въ Тверской семинаріи, епископа викарнаго въ Петербургѣ, самостоятельно—полнаго епископа въ Ригѣ, и еще гдѣ-то, и наконецъ, въ Самарѣ, гдѣ въ 1889 году и умеръ. Инспекторомъ въ академіи онъ былъ съ годъ, и своею безсердечностью, сухостью и тихимъ кошачьимъ обращеніемъ производилъ на всѣхъ студентовъ тяжелое впечатлѣніе, и потому всѣ очень были рады, когда скоро убрали его въ Тверь. На мѣстѣ инспекторскомъ, вмѣсто Серафима, поставили архимандрита Ѳеодора. Онъ былъ сначала баккалавромъ въ Московской академіи, гдѣ поступилъ въ монашество при окончаніи курса. Въ Казанской академіи онъ съ годъ служилъ только однимъ профессоромъ Священнаго Писанія, и съ переводомъ Серефима дали ему и

инспекторскую должность. Инспекторомъ онъ былъ плохимъ — бездѣятельнымъ; для студентовъ это было льготное время; они были весьма довольны безпритязательностію, равнодушіемъ и невмѣшательствомъ въ ихъ жизнь и порядки отца Θеодора. Но какъ профессоръ своей науки отецъ Θеодоръ былъ образцовый и рѣдкій оригиналъ; по складу своего умственнаго настроенія, это былъ глубокій внутренній созерцатель—аскетъ, искренне-религіознаго духа, во свѣтѣ слова Божія—Христа Богочеловѣка. Его высокое, широкое и глубокое міросозерцаніе основывалось на выработанномъ имъ по слову Божію принципѣ: Богъ вообще по существу своему есть любовь, почивающая въ Сынѣ, въ силѣ Св. Духа; проявляется эта любовь въ отношеніяхъ къ міру черезъ Сына, въ безмѣрномъ обиліи даровъ Св. Духа; это доказано ясно великими дѣлами Божіими: твореніемъ, промышленіемъ и искупленіемъ; Богочеловѣкъ Сынъ Божій, какъ полнота, есть единственный путь, чрезъ который доступна всѣмъ людямъ любовь Отчая и проявляется имъ только этимъ путемъ; — такъ какъ Единородный возлюбленный — сынъ есть полнота отчей любви, „въ немъ все его благоволеніе". Изъ этого принципа выходили всѣ его размышленія, бесѣды и ученыя изслѣдованія въ сочиненіяхъ и лекціяхъ; имъ они одушевлялись и къ нему возвращались. Непрерывнымъ занятіемъ его всегда было чтеніе и размышленіе съ изслѣдованіемъ слова Божія по книгамъ Священнаго Писанія. Свои размышленія и изслѣдованія онъ старался излагать письменно и давать имъ форму того или другаго сочиненія. Писатель онъ былъ плодовитый и глубокій съ сильною логикою. Празднымъ онъ не любилъ быть ни на минуту. Если и одинъ былъ повидимому безъ дѣла, но мысль его непремѣнно работала серьезно надъ обдумываніемъ чего-либо нужнаго для задуманнаго имъ сочиненія, или для бесѣды въ классѣ. Умственная внутренняя работа и писательство придуманнаго и обдуманнаго, или бесѣда объ этомъ въ классѣ со студентами,—вотъ единственное, возлюбленное его дѣло, въ которомъ онъ чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ, какъ птица въ воздухѣ... Онъ написалъ и издалъ въ печати много сочиненій, много осталось въ рукописяхъ ненапечатаннаго. Когда онъ прибылъ въ нашу Казанскую академію изъ Москвы, у него видѣли и читали нѣсколько обширное рукописное толкованіе Апокалипсиса. Сѣтовалъ онъ на митрополита Филарета, что не согласился онъ на отпечатаніе этого сочиненія. Видѣли и читали и другое рукописное сочиненіе, тоже большое—разборъ всѣхъ сочиненій Гоголя съ христіанской точки зрѣнія. Гоголя онъ глубоко уважалъ и имѣлъ съ нимъ, какъ говорили, и переписку... Студентамъ преподавалъ богословіе догматическое по учебнику Макарія. Но методъ изученія Макарьевскій не одобрялъ. „Доказывать и выяснять

догматическія истины не такъ нужно, говорилъ и училъ онъ, какъ у Макарія: приведеніемъ текста Священнаго Писанія и преданія — свидѣтельство отцевъ церкви, и далѣе разумомъ отдѣльно. Разумомъ догматъ не докажешь. Разумъ долженъ соображать по слову Божію и въ его свѣтѣ такъ, чтобы изъ этихъ соображеній ясно становилось и то, почему такъ говоритъ и слово Божіе и преданіе о той истинѣ, какая изложена въ формѣ догмата". Держась слова Божія, онъ въ изслѣдованіяхъ и объясненіяхъ истинъ христіанскихъ давалъ свободный ходъ своимъ соображеніямъ, и своимъ острымъ и логическимъ умомъ любилъ углубляться въ самую сущность предмета. Въ Московской академіи онъ преподавалъ Священное Писаніе, и по свойственной ему привычкѣ трудиться надъ дѣломъ своимъ всѣми силами непрестанно и усердно, онъ изучилъ его еще тамъ основательно, и отдался ему всею душою, не оставляя заниматься имъ никогда. Въ этихъ занятіяхъ онъ находилъ неизсякаемый источникъ для своихъ профессорскихъ познаній и обильный матеріалъ для профессіальныхъ лекцій и бесѣдъ со студентами, и для писательства литературнаго въ печати, къ которому чувствовалъ большое призваніе, и которымъ охотно и съ любовью занимался въ свое свободное отъ оффиціальныхъ занятій время, какъ художникъ - писатель. Въ этихъ только занятіяхъ онъ ставилъ все дѣло своей жизни и находилъ утѣшеніе и отраду во всю свою труженическую и многострадальную жизнь. Дома его всегда найдешь съ книжкою въ рукѣ—если онъ свободенъ отъ дѣлъ, и сидѣлъ или ходилъ по комнатѣ,—и книжка непремѣнно Новый Завѣтъ, въ который онъ постоянно заглядывалъ. Это былъ великій и оригинальный философъ слова Божія, и при этомъ чистокровный монахъ, самаго возвышеннаго достоинства. Онъ жилъ среди людей и вмѣстѣ съ ними работалъ надъ общимъ дѣломъ. Но люди эти, его окружающіе и дѣлающіе съ нимъ общее дѣло, больше дѣла „любили міръ и я же въ мірѣ", и были поэтому людьми мірскими. А отецъ Ѳеодоръ былъ человѣкъ не отъ міра сего, онъ жилъ и дѣйствовалъ въ мірѣ, какъ отрекшійся отъ міра и всего, „еже въ немъ: похоти плоти, похоти очесъ и гордости житейской", и былъ въ полномъ смыслѣ монахъ, занятый только дѣломъ спасенія отъ зла мірскаго, первѣе всего себя, и другихъ—непрестаннымъ и глубокимъ изученіемъ слова Божія, источника „премудрости и разума", и обученіемъ Божіей премудрости и Божіей силы, по этому единственно источнику, и другихъ, просвѣщая всѣхъ и словомъ и дѣломъ, какъ „велій въ царствіи небесномъ". Удаляясь отъ всякой житейской суеты и не интересуясь никакими земными благами, онъ и жилъ идеально - монашески уединенно, келейно-одиноко, и внутренно и внѣшно, какъ истинный μόνος—монахъ, непрестанно помня великую

клятву монашескаго постриженія—свято держать обѣтъ отреченія отъ мірскихъ пристрастій.

При такомъ образѣ жизни и настроеніи онъ не могъ быть въ близкихъ общеніяхъ ни съ кѣмъ изъ своихъ товарищей-профессоровъ. Даже въ средѣ своихъ ближайшихъ собратій по иноческому обѣту, ректора и профессоровъ-монаховъ, чувствовалъ себя одиноко, не находя нужной общности въ интересахъ. И это понятно,—тѣ монахи, среди которыхъ онъ жилъ въ академіи, были люди вполнѣ отъ міра сего. Они и поступили въ монашество для карьеры, для власти, богатства и почестей. И всѣ ихъ интересы большею частію вращались около однихъ этихъ мірскихъ благополучій, къ которымъ стремилась ихъ жаждущая и алчущая душа. И разговоры у нихъ въ частныхъ компаніяхъ были любимые больше о томъ, кого на какое мѣсто переведенъ, кто какую награду получилъ, а кого—этой наградой обошли, кого повысили, кому ходу не даютъ, какой архіерей имѣетъ доходную епархію, гдѣ онъ большіе доходы получаетъ отъ Почаевской лавры или Саровской пустыни и т. п. Всѣмъ этимъ отецъ Ѳеодоръ интересовался, какъ прошлогоднимъ снѣгомъ. Душа его занята была учеными интересами и жаждала одной правды Христовой, о которой онъ желалъ бы съ своими собратіями по душѣ поговорить и съ назидательностію поразсудить, но этой жаждѣ своей не могъ находить удовлетворенія. А потому и былъ большею частію и скученъ, и грустенъ въ кружкѣ и въ компаніи и своихъ собратій ближайшихъ... Грусть, впрочемъ, никогда не оставляла его и всегда свѣтилась въ его глубокихъ умныхъ глазахъ, придавая всей его физіономіи грустно-задумчивое выраженіе, и всей его структурѣ страдальческое положеніе. Онъ былъ невзраченъ собой, малаго роста, худощавый, нервный и вообще слабаго здоровья. Смотря на него, всѣ видѣли, что какая-то глубокая скорбь постоянно давила его сердце, но этой скорби окружающая его товарищеская среда, за небольшими исключеніями, понять не могла и не хотѣла, легкомысленно называя его страннымъ человѣкомъ. И такого-то человѣка, истиннаго монаха, который и монашество принялъ для ученаго подвига,—погруженнаго всѣмъ сердцемъ и всею душою въ свою великую науку, въ которой онъ находилъ все свое утѣшеніе, изучая Божію силу и Божію премудрость Христа—Богочеловѣка, въ Его словѣ и дѣлѣ, захотѣли оторвать отъ профессорской, ученой и учебной службы, на которой онъ, какъ сѣмя на доброй землѣ, и способенъ былъ приносить обильный плодъ и „во сто кратъ", и уже работалъ съ большимъ успѣхомъ и привычною рукой. И оторвали, чтобы повесть по тѣмъ ступенямъ карьеры, по которымъ, съ легкостію не монашескою, удобно идетъ наше ученое монашество и къ власти и къ почестямъ,

съ прибавкою и богатства. И уже повели, но ведомый, по своей внутренней тяжеловѣсности, на этихъ легкихъ ступеняхъ не могъ держаться съ удобствомъ, скоро споткнулся и наконецъ упалъ роковымъ паденіемъ. Если бы дали этому человѣку всѣ удобства работать въ академіи, тихо, мирно, безъ шума и тревогъ, и съ обезпеченіемъ со стороны матеріальной, житейской, то изъ отца Ѳеодора вышелъ бы великій философъ-богословъ, великій ученый и писатель, знаменитый профессоръ и высокій подвижникъ-монахъ. На все это очевидны были въ немъ большіе задатки и начатки. Но... какая-то стихійная сила повернула дѣло по-своему...

Въ академіи отцу Ѳеодору дали еще должность инспектора, которой онъ и не желалъ, и къ которой былъ и неспособенъ и неудобенъ. Затѣмъ скоро переведенъ былъ въ какую-то семинарію въ ректора, и наконецъ оказался въ Петербургѣ, въ цензурномъ комитетѣ, и проживалъ въ домѣ Невской лавры, на Невскомъ кладбищѣ, гдѣ помѣщался этотъ духовный цензурный стражъ, въ составѣ нѣсколькихъ архимандритовъ ученыхъ, и оказавшихся по чему-либо неудобными идти по лѣстницѣ далѣе къ архіерейству. На этой-то почвѣ сухой, каменистой и тернистой, и засѣлъ отецъ Ѳеодоръ, со всѣми учеными стремленіями и съ молодыми неустанными силами, силами могучими, рвавшимися къ ученой дѣятельности, къ разработкѣ науки, и долженъ былъ, скрѣпя сердце, заняться узенькою и мелочною, кропотливою и суетливою духовною цензурою разныхъ книгъ и книженокъ, процѣживать мутную воду и „оцѣживать комарей". Но и на такой почвѣ находилъ возможность отдаваться ученымъ трудамъ, и издавалъ ихъ или въ особыхъ изданіяхъ въ печати, или въ статьяхъ по журналамъ. Эти статьи всегда были оригинальны и выдавались изъ ряда другихъ своими, тогда еще новыми и необычайными, воззрѣніями, и ученіемъ о современныхъ духовныхъ потребностяхъ русской мысли и жизни. Онѣ обращали особое вниманіе къ нему и начальства и печати, съ разныхъ точекъ зрѣнія. Но при этомъ, не знаю, какъ и отчего, становилось жить отцу Ѳеодору очень тяжело.

Въ это время свирѣпствовала одна мизерная газетка—не газетка, и журналъ—не журналъ, пресловутая „Домашняя Бесѣда". Аскоченскаго поддерживали матеріальною помощію и выпискою его изданія всѣ монашествующіе ученые и епископы. Вотъ этотъ-то Аскоченскій въ своей „Домашней Бесѣдѣ" и принялся обличать Ѳеодора за его сочиненія, взводя на него разныя хулы и клеветы въ неправославіи и ереси. Въ сочиненіяхъ Ѳеодора ничего такого и тѣни нѣтъ, но не прочитавшіе этихъ сочиненій и непонявшіе ихъ какъ слѣдуетъ, и читавшіе кое-какъ,—потому что чтеніе сочиненій Ѳеодора требуетъ особаго вниманія и углубленія по своей тяжеловѣсности внутренней,—

вѣрили Аскоченскому и составляли о немъ неправильное понятіе, и называли его, если не еретикомъ, то мистикомъ. Отецъ Ѳеодоръ съ горечью все это долго переносилъ, и наконецъ волей-неволей вынужденъ былъ войти въ журнальную полемику съ „Домашней Бесѣдой", и мастерски опровергъ всѣ лживыя инсинуаціи Аскоченскаго, доказательно уличивъ его самого въ непониманіи ни православія, ни благочестія, и въ распространеніи своею Бесѣдою въ публикѣ только религіознаго невѣжества и мракобѣсія. Но это не послужило на пользу. На сторонѣ Аскоченскаго была вся внѣшняя сила, и онъ не переставалъ свирѣпствовать, пока не пришелъ смертный часъ его Бесѣдѣ и ему самому. А между тѣмъ отцу Ѳеодору, по какимъ-то еще темнымъ обстоятельствамъ, скоро пришлось оставить мѣсто и въ цензурномъ комитетѣ, и оказаться въ одномъ изъ монастырей, кажется, Тверской епархіи, въ числѣ братства. Говорили, что онъ имѣлъ какія-то неблагопріятныя объясненія съ митрополитомъ Исидоромъ, который Аскоченскаго любилъ и денегъ много давалъ ему на бѣдность, а къ отцу Ѳеодору всегда былъ крайне нерасположенъ. Но что такое было сдѣлано Ѳеодоромъ преступнаго и что такое побудило начальство сослать Ѳеодора, какъ виновника въ чемъ-то важномъ, въ монастырь въ число братства, покрыто мракомъ неизвѣстности. Но чего-либо преступнаго, заслуживающаго такого строгаго наказанія, сдѣлать не могъ Ѳеодоръ—это противно было всей его глубоко-правдивой и честной натурѣ. Скорѣе всего онъ пострадалъ за любимую имъ правду Христову, которую онъ могъ безбоязненно и даже рѣзко высказать митрополиту, особенно когда его нервную натуру уже давно и много раздражали разные наговоры и клеветы, которые митрополитъ могъ довѣрчиво выслушивать отъ разныхъ современныхъ фарисеевъ и Пилатовъ, обыкновенно не терпящихъ всѣхъ искренно-правдивыхъ людей, убѣжденно и безбоязненно говорящихъ правду и поступающихъ по ней. И вотъ архимандритъ Ѳеодоръ, ученый, писатель, въ какомъ-то убогомъ, глухомъ монастырѣ, какъ заурядный монахъ!!

Жизнь архимандрита Ѳеодора, въ числѣ монастырскаго братства, при его безпристрастіи къ житейскимъ благамъ и по привычкѣ своей къ аскетической жизни, къ уединенію отъ шума мірскаго, была бы для него сносною и не тяжелою, если бы онъ нашелъ въ монастырѣ дѣйствительное братство Христово, къ которому всегда стремилась его христіанская душа, и если бы онъ имѣлъ возможность и удобство въ тишинѣ свой кельи отдаться привычнымъ ученымъ трудамъ, писать сочиненія и издавать ихъ въ печати. Но, на бѣду свою, ничего этого въ монастырѣ онъ не нашелъ. Братія монашествующая, съ настоятелемъ во главѣ, приняли его и обращались съ нимъ совсѣмъ не по-братски. Они смотрѣли на него какъ на опальнаго, какъ на опаснаго еретика, и

своими подозрительными взглядами и оскорбительными обращеніями причиняли его чувствительному сердцу глубокое горе. Къ этому горю присоединялся полнѣйшій недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ и горькая бѣдность, при которой нельзя было ему и думать объ ученыхъ занятіяхъ и печати. Не за что было взяться. Да братія монашеская постоянно мѣшала ему и чисто антихристіански не давала ему никакого покоя. Въ этомъ тяжеломъ положеніи кое-чѣмъ помогали ему нѣкоторые изъ знавшихъ его почитателей. Разъ даже митрополитъ московскій Филаретъ прислалъ ему сто рублей. Забылъ я монастырь, гдѣ онъ находился; помнится только, что было это въ Тверской епархіи.

Разсказывали, что горячее участіе въ бѣдственной судьбѣ Ѳеодора въ монастырѣ приняло одно семейство уѣзднаго предводителя дворянства, и особенно сердобольная его дочь, не молодыхъ лѣтъ, которая особенно симпатизировала всему душевному настроенію отца Ѳеодора, и, узнавъ его поближе, горько соболѣзновала о томъ, что не поняли богато одаренную всѣми достойными дарами душу Ѳеодора и совершенно напрасно и несправедливо подвергли его жестокимъ страданіямъ; и готова была всѣмъ жертвовать для облегченія его горя и поддержанія силъ для дѣятельности, и если бы возможно было, въ этихъ видахъ заявляла желаніе выйти за него замужъ, чтобы быть ему вовсемъ помощницею, по праву и закону. Великодушіе и искреннее сердечное участіе этой, какъ всѣ говорили, достойной особы до глубины души тронуло отца Ѳеодора, который во всю свою многострадальную жизнь ни въ комъ почти не находилъ родной души, ему сочувствующей, и вездѣ въ окружающихъ его людяхъ встрѣчалъ почти всегда холодность и безучастіе. Эта отрада давала ему съ терпѣніемъ выносить тяжесть своего положенія. Но когда, несмотря на его просьбы и ходатайства другихъ, о томъ, чтобы освободили его изъ заточенія и дали ему возможность добрымъ по апостолу подвигомъ подвизаться, теченіе скончать, вѣру соблюсти, тамъ, — въ тѣхъ ученыхъ трудахъ, гдѣ и къ чему онъ готовился, привыкъ и способенъ и можетъ и вѣру соблюсти и подвиги совершить на пользу и спасеніе себя и другихъ,—всѣ эти его усилія и домогательства остались тщетными, при полномъ холодномъ невниманіи къ нимъ, и участь его въ монастырѣ все болѣе и болѣе ухудшалась и отягощалась; онъ наконецъ не нашелъ возможности болѣе терпѣть, такъ какъ, по его пониманію и религіозному чувству, такое терпѣніе не ведетъ къ спасенію, а ведетъ прямо къ озлобленію и гибели. Чтобы не согрѣшить предъ Господомъ и не оказаться предъ Нимъ вѣроломнымъ нарушителемъ обѣта безусловнаго послушанія, требуемаго монашествомъ, и не погубить себя озлобляющимъ терпѣніемъ, къ которому, по независя-

щимъ отъ него обстоятельствамъ, привело его монашество, онъ, по долгомъ размышленіи, безповоротно рѣшилъ сложить съ себя монашество и высвободить отъ узъ его душу на свободу спасительнаго терпѣнія. И сложилъ съ великимъ терпѣніемъ, и отдался добровольно еще большему терпѣнію, продолжавшемуся до конца его жизни, и отъ эпитимійнаго наказанія за сложеніе, и особенно отъ поношеній и злословій всѣхъ современныхъ фарисеевъ, которые пронесли имя его „яко зло“, и усиливались сдѣлать его „притчею во языцѣхъ“. Но Александръ Ивановичъ Бухаревъ (по сложеніи монашескаго имени Ѳеодора) все переносилъ терпѣливо, наконецъ и женился благочестиво. Съ христіанскою любовью вступила съ нимъ въ законный бракъ та сердобольная героиня дѣвица, которая такъ симпатично отнеслась къ невинно страдавшему въ монастырѣ Ѳеодору, и стала его женою со всѣми достоинствами истинной помощницы мужа, какъ добрая жена библейская, жена христіанка. Съ нею онъ жилъ мирно и скромно много лѣтъ, ни въ чемъ не нуждаясь и имѣя полное удобство въ ученыхъ занятіяхъ. Въ это время онъ успѣлъ написать и издать въ печати много книгъ глубокоумнаго содержанія, напримѣръ, нѣсколько отдѣльныхъ толкованій на двѣнадцать книгъ малыхъ пророковъ ветхозавѣтныхъ, на книгу Іова. Изъ всѣхъ напечатанныхъ книгъ, кромѣ означенныхъ, я знаю нѣсколько: 1) Новый Завѣтъ; 2) О духовныхъ потребностяхъ русской мысли и жизни; 3) О современности въ отношеніи къ православію; 4) Апостолъ Павелъ въ своихъ посланіяхъ; 5) О миротвореніи.— Эти книги я читалъ самъ и имѣю ихъ у себя, и уважаю ихъ и цѣню, какъ книги глубокомысленныя и весьма поучительныя. Не всѣ ихъ съ охотою читаютъ, потому что требуютъ особаго вниманія и углубленія. Но есть и еще книги и въ печати, и въ рукописяхъ, которыя почему-то не выходятъ въ печати. Знаю, что незадолго до смерти своей А. И. Бухаревъ готовился напечатать капитальное и обширное сочиненіе, вполнѣ имъ оконченное, подъ заглавіемъ: „Іисусъ Христосъ въ своемъ словѣ“. Покойный, извѣстный Михаилъ Петровичъ Погодинъ, уважавшій архимандрита Ѳеодора, и А. И. Бухарева, по его смерти заявилъ желаніе издать всѣ ненапечатанныя сочиненія его, но самъ скоро умеръ.

По сложеніи монашескаго сана и женатый, Александръ Ивановичъ Бухаревъ нѣсколько лѣтъ жилъ съ своею женою на собственныя средства весьма скромно, и только не бѣдно. Всѣ знавшіе его люди, его окружающіе, уважали его и посѣщали его почасту для его умныхъ бесѣдъ. Многіе изъ почитателей его присылали ему и денегъ, зная его недостаточныя средства. Однажды одинъ знакомый, зайдя къ нему побесѣдовать, между прочимъ, спросилъ его, отчего это нынѣ чудесъ нѣтъ, какъ въ древнее время. „Какъ нѣтъ?—отвѣтилъ А. И.

Бухаревъ,—есть, и много, близъ и около насъ. Вотъ вамъ мое положеніе, средствъ у меня вовсе нѣтъ, — чтобы жить, какъ я теперь живу — достаточно, а между тѣмъ я уже нѣсколько лѣтъ живу, и средства текутъ ко мнѣ невидимо и даются таинственно рукою Промыслителя. Случалось такъ, что все изсякло — нечѣмъ жить, а тутъ внезапно получаю пакетъ или письмо съ почты — денежныя, и такъ вотъ постоянно и въ нужное время. Не чудо ли?“ Но жить для него было работать, а онъ работалъ надъ сочиненіями своими непрерывно до самой смерти, которая уже стучалась къ нему почасту и давно. Многострадальная его жизнь, при непрерывныхъ трудахъ, поселила въ немъ злую болѣзнь—чахотку, въ которой онъ долго страдалъ и постепенно угасалъ. Во все время его болѣзни жена его ухаживала за нимъ съ удивительнымъ самоотверженіемъ, какъ истинная сестра милосердія; читала ему по его указанію разныя мѣста изъ книгъ и особенно изъ свящ. писанія; когда близка была смерть, онъ непрестанно требовалъ читать псалмы Давида,—тѣ, гдѣ Давидъ сѣтовалъ среди враговъ своихъ и взывалъ къ Богу о помощи, и послѣднія рѣчи Спасителя. И умеръ на рукахъ жены истинно христіанскою кончиною, проживъ не болѣе 50 лѣтъ, если не менѣе...

Тотъ фактъ, что архимандритъ Ѳеодоръ, ученый профессоръ, и уже заслуженный человѣкъ, получившій немало служебныхъ отличій, до ордена св. Анны 2 ст.,—снялъ съ себя монашескій санъ и затѣмъ женился, въ свое время надѣлалъ много шуму, особенно въ средѣ духовной. И писали и говорили о немъ, какъ о скандалѣ въ монашескомъ мірѣ, и позоръ этого скандала, кто по невѣжеству, кто по фарисейской злонамѣренности, возлагали на одну бѣдную голову Бухарева. Фактъ этотъ—одинъ, въ голомъ своемъ видѣ, дѣйствительно и не могъ произвести инаго впечатлѣнія въ поверхностномъ общественномъ мнѣніи; но, взятый въ историческомъ и органическомъ его смыслѣ, фактъ этотъ получалъ иное значеніе и производилъ иное впечатлѣніе. Такъ и приняли его всѣ благонамѣренные люди, болѣе или менѣе знавшіе дѣло въ его сути, и никакъ не могли бросить камня въ достойную личность Бухарева, и придали факту истинное его значеніе, назидательное и вразумительное для всего монашества, а особенно для монашества ученаго, въ отношеніи практическомъ и принципіальномъ.—Для нихъ ясенъ былъ тотъ смыслъ этого факта, что въ средѣ современнаго монашества, и особенно ученаго, такому монаху, какъ Ѳеодору, не могло быть удобнаго мѣста. Онъ смотрѣлъ на монашество идеально и хотѣлъ идти къ его идеалу чистымъ путемъ, и осуществлять въ себѣ по мѣрѣ силъ въ трудѣ аскетическаго ученаго. Практической сноровки въ видахъ дипломатическихъ и карьеристическихъ у него никакой не было, какъ у раба Христова.

Все его внутреннее отражалось и вовнѣ, всегда просто и естественно, безъ всякой двойственности и искусственности. Все въ немъ было убѣжденное, выработанное своимъ глубокимъ размышленіемъ по совѣсти и руководству ученія Христа, о которомъ онъ постоянно размышлялъ, и который у него всегда былъ главнымъ и неистощимымъ предметомъ изученія по всему обширному слову Божію и Ветхаго и Новаго завѣта, особенно Евангелія. И за свои убѣжденія, такъ дорого ему достававшіяся, онъ крѣпко стоялъ и никогда не соглашался на уступки, которыхъ требовали отъ него какія-либо фальсификаціи стороннія изъ видовъ своекорыстныхъ и подъ видомъ мнимаго блага попирающихъ любимую имъ Христову истину. Въ этихъ случаяхъ онъ смѣло готовъ былъ идти на всѣ непріятности отъ всякой сильной лжи, твердо держась и исповѣдуя истину. Во внѣшней жизни онъ тоже аскетъ; для утоленія голода и поддержанія силъ, и въ какомъ-либо кулинарномъ искусствѣ былъ полный профанъ; объ одеждѣ не заботился, довольствуясь самою простою и дешевою, лишь бы не была грязна и худа. Легкую праздную жизнь терпѣть не могъ, и болтать въ компаніяхъ и гостиныхъ „о томъ, о семъ" не любилъ, но въ бесѣдахъ дѣльныхъ былъ неистощимъ и энергиченъ. Вся цѣль его земной жизни клонилась въ своей дѣятельности къ тому, чтобы изучить Христа и воплощать Его въ себѣ, пропагандируя Его слово и дѣло въ другихъ людяхъ. Монашескіе подвиги онъ сосредоточилъ въ этомъ ученомъ и учебномъ трудѣ, къ которому присоединялъ непрестанно и подвигъ молитвы, особенно умной—созерцательной. Вотъ какой истинный монахъ обиталъ въ великой душѣ Θеодора! Скажите по совѣсти и откровенно—могъ ли онъ уложиться въ современной монашеской формѣ, и могла ли выйти для него польза, если бы уломали его въ эти узкія рамки!?...

Еще монашествующими наставниками въ академіи, въ продолженіе моего ученія въ ней, были: архимандритъ Паисій, іеромонахъ Веніаминъ, іеромонахъ Григорій и іеромонахъ Діодоръ. Паисій оставилъ память во мнѣ о томъ только, что всегда производилъ забавное впечатлѣніе въ насъ, студентахъ, всѣмъ складомъ своихъ рѣчей и дѣйствій. При видѣ его нельзя не разсмѣяться. Былъ-какой то всклоченный, какъ будто только всталъ со сна—не успѣлъ хорошенько умыться, причесаться, и наскоро, кое-какъ одѣлся въ первую попавшую подъ руку одежду, съ клобукомъ широкимъ и низкимъ, изъ-подъ котораго въ безпорядкѣ торчали растрепанные волосы, и говорилъ глухимъ басомъ, языкомъ аляповатымъ.

Взглядъ имѣлъ какой-то диковатый и казался какъ бы чѣмъ ошеломленнымъ. Походка развалистая, мужицкая. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ неуменъ. Иногда онъ высказывалъ и высокія мысли. Но

въ мышленіи его не было строя, и много было хаотическаго. И лекціи его были крайне безпорядочны; онъ составлялъ ихъ изъ переводовъ иностранныхъ книгъ, и такъ писалъ, что самъ терялся во множествѣ исписанныхъ имъ листовъ бумаги, которые собирались имъ въ одну безпорядочную кучу, изъ которой онъ, идя въ классъ на лекцію, захватывалъ горстью, что подъ руку попадалось, и читалъ преспокойно по этимъ листамъ, не обращая никакого вниманія и нисколько не интересуясь, слушаютъ его студенты или нѣтъ. Дома въ квартирѣ онъ большею частью сидѣлъ или ходилъ, все о чемъ-то мечтая, и если кто приходилъ къ нему, не скоро могъ обратить на себя его вниманіе и разговориться. Да разговаривать онъ ни о чемъ и не умѣлъ и не хотѣлъ, и если заговаривалъ о чемъ, то это было что-то заоблачное, чего въ толкъ никакъ не возьмешь. Всѣмъ казался чѣмъ-то тронутымъ, въ чемъ-то помѣшаннымъ. И такого человѣка долго терпѣли въ академіи, и послали потомъ въ ректора, кажется Тобольской семинаріи, гдѣ онъ и сталъ неизвѣстенъ въ дальнѣйшей судьбѣ.

Іеромонахъ Веніаминъ долго служилъ въ академіи и поступилъ въ монашество, будучи еще студентомъ той же академіи Казанской. Съ начала былъ баккалавромъ, а къ концу службы профессоромъ въ санѣ архимандрита. Эта личность очень умная и трудолюбивая. Всѣ свои труды и занятія съ усердіемъ отдавалъ на пользу академіи—студентамъ. Онъ постоянно исполнялъ еще обязанности помощника инспектора и имѣлъ ближайшій хлопотливый надзоръ за поведеніемъ студентовъ, такъ что инспекторамъ за нимъ было легко, и нечего было дѣлать. По характеру своему тихій, скромный и аккуратный—онъ тихонько и легонько, вездѣ бывая и все усматривая своими, хоть подслѣповатыми и въ очкахъ, глазами, умѣлъ заставлять всѣхъ студентовъ—и самыхъ рьяныхъ и задорныхъ—вести себя смирно, хотя студенты вообще и недолюбливали его за сованія своего носа всюду, а особенно за преслѣдованіе табакокуренія. Читалъ церковную исторію по Неандеру и лекціи составлялъ тщательно, перерабатывая въ нихъ взгляды нѣмецкаго ученаго на православный тонъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ—около восьми своей службы въ академіи—его перевели въ ректора семинаріи въ Томскъ, затѣмъ былъ викарнымъ селенгинскимъ въ Иркутскѣ, гдѣ оказался дѣятельнымъ на миссіонерскомъ поприщѣ. Потомъ состоялъ архіепископомъ иркутскимъ.

Іеромонахъ Григорій, когда я еще учился въ академіи на старшемъ курсѣ, поступилъ баккалавромъ, принявъ монашество вслѣдъ за окончаніемъ курса. Я его зналъ еще студентомъ, учившимся на старшемъ курсѣ. Учился онъ въ академіи успѣшно, былъ по списку первымъ; считался даровитымъ, но выглядѣлъ какимъ-то бурсакомъ, злаго и задорнаго характера. Звали его: Левъ Петровичъ Полетаевъ.

Соперникомъ ему по ученію былъ Сергѣй Васильевичъ Керскій, имѣвшій виды на первенство и преимущество предъ Полетаевымъ, не менѣе его даровитый и при томъ благовоспитанный и политичный, и за это всегда нравившійся начальству. Керскій могъ бы скорѣе быть оставленъ при академіи баккалавромъ, если бы Полетаевъ, предвидя это, не предупредилъ его принятіемъ монашества. Ну, монаху и сдѣлали предпочтеніе. А Керскій поступилъ въ Лысково смотрителемъ, не желая быть монахомъ, и пошелъ по части чиновнической въ С.-Петербургѣ, состоя теперь помощникомъ директора канцеляріи Синода. Полетаевъ же, въ должности баккалавра, подъ именемъ Григорія, опредѣленъ преподавать Священное Писаніе въ академіи. Преподаваніе его было безцвѣтное и безплодное, по крайней мѣрѣ, въ наше время въ продолженіе двухъ или около того лѣтъ. А послѣ онъ, за переводомъ изъ академіи Веніамина, сдѣланъ былъ еще и помощникомъ инспектора, и на этой должности постоянно былъ въ злобной ссорѣ со студентами и до того имъ насолилъ, что терпѣть его не могли, называя его не иначе, какъ „Гришкой", и нерѣдко возмущались, вызывая вмѣшательство ректора для усмиренія обѣихъ сторонъ. Изъ академіи его скоро постарались сбыть на высшую должность куда-то ректоромъ семинаріи, откуда угодилъ въ монастырь въ число братства, затѣмъ былъ опять въ семинаріи рядовымъ наставникомъ, — и уже въ послѣднее время оказался въ Иркутскѣ въ семинаріи ректоромъ. Ректуру эту выхлопоталъ ему уже протежоръ его Веніаминъ, съ которымъ близокъ былъ еще въ Казанской академіи, когда Веніаминъ сдѣлался архіепископомъ иркутскимъ. Изъ Иркутска онъ оказался въ С.-Петербургѣ членомъ духовно-цензурнаго комитета. И вотъ только нынѣ, въ 1891 году, послѣ тридцатилѣтняго своего мытарства по Россіи и Сибири россійской, въ продолженіе котораго испарились было и всѣ мечты его объ архіерействѣ, удалось ему наконецъ быть епископомъ викарнымъ въ Литвѣ, куда онъ назначенъ отъ 26-го января.

Объ іеромонахѣ Діодорѣ можно сказать только, что онъ „не расцвѣлъ и отцвѣлъ въ утрѣ пасмурныхъ дней". Годъ одинъ пробылъ баккалавромъ въ нашей Казанской академіи и постоянно запивалъ. Присланъ былъ изъ академіи С.-Петербургской прямо со скамейки и уже монахомъ. Человѣкъ—юноша, кровь съ молокомъ, красивый. Запилъ отъ тоски по жизни—живой, взятъ былъ для обновленія опять въ С.-Петербургъ, гдѣ не переставалъ пить, отъ чего и умеръ 25 — 26 лѣтъ.

Грустное впечатлѣніе производитъ судьба этихъ двухъ молодыхъ монаховъ, которые оказались въ монашествѣ, совершенно къ тому непризванные и увлеченные лишь приманками карьеры. Они не со-

владѣли съ своими натурами и не могли уломать ихъ въ узкія формы ученаго монашества тогдашняго склада. Одинъ Полетаевъ по отсутствію безусловнаго послушанія въ угоду своего начальства, — другой Діодоръ Ильдомскій — по кипучей крови и порывамъ молодости. Тогда существовала и господствовала жалкая система вербовки въ монашество студентовъ по всѣмъ академіямъ. Начальствующее монашество считало, какъ бы, своею непремѣнною обязанностію тѣми или другими способами располагать студентовъ къ монашеству, и успѣхъ въ этомъ ставился ему въ заслугу. И студенчество улавливалось часто легко на пускаемыя для этого разныя приманки, и иныя личности даже въ продолженіе ученія становились монахами-студентами за долго до окончанія курса. Такимъ монахамъ и жилось вольготнѣе, подъ особымъ къ нимъ благоволеніемъ начальства, которое давало имъ удобныя помѣщенія каждому, гдѣ они жили отдѣльнымъ хозяйствомъ, уже не какъ студенты-школьники, а какъ какія должностныя особы, и кушали отдѣльно каждый у себя, и кушанья готовили имъ академическіе повара, принося въ ихъ комнаты. И въ ученьи имъ снисходили и всегда повышали предъ другими лучшими ихъ, и уже непремѣнно, будь они изъ самыхъ посредственныхъ, окончатъ академическій курсъ успѣшнѣе другихъ, и выдутъ всѣ съ высшею ученою степенью магистра, а затѣмъ непремѣнно иные—получше, предпочтительно предъ другими, останутся при академіи баккалаврами, а другіе, не въ примѣръ прочимъ, прямо посылаются инспекторами въ семинаріи, затѣмъ скоро и въ ректоры, а далѣе при небольшой сноровкѣ и искусствѣ терпѣнья не далеко и до вожделѣннаго архіерейства, этого апогея мечтаній и упованій во всю жизнь свою каждаго такого монаха до гробовой доски. Счастливы были, по-своему конечно, тѣ изъ нихъ, которые сильно охватывались мечтою объ отдаленномъ въ перспективѣ архіерействѣ, и тѣмъ могли уламывать всѣ неподобающія имъ стремленія молодаго и развитаго человѣчества къ живой дѣятельности ума и сердца. Они смирно, подобострастно и раболѣпно подвигались ладно и чинно все дальше и добирались благополучно и скоро до предмета своихъ вожделѣній, къ которымъ и направляли всѣ свои тихенькіе подходы. Но что было дѣлать монахамъ — Григорію Полетаеву и Діодору Ильдомскому, и многимъ имъ подобнымъ, въ которыхъ свои натурные идеалы засѣли крѣпко и до того ими овладѣвали, и предъ ними становилась безсильною и умолкала и вожделѣнная мечта объ обаятельной перспективѣ къ архіерейству? Въ разочарованіи, тоскѣ и раздраженіи оставалось влачить свою жизнь. И вотъ одинъ долженъ былъ пройти по всѣмъ мытарствамъ—встрѣчая въ своей жизни до старости всюду одни „тернія и волчцы“, и только благодаря своей дубовой натурѣ

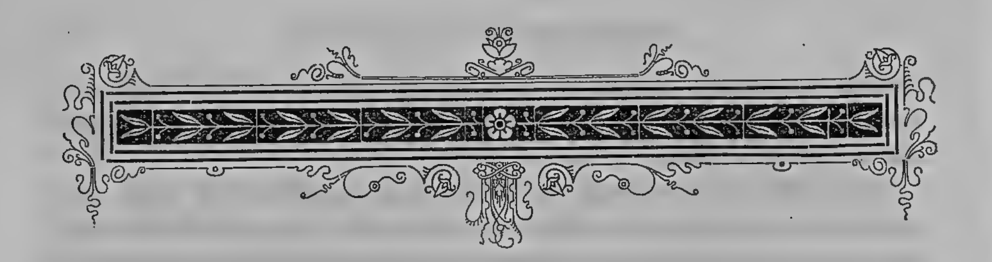
и силѣ твердаго бурсацкаго закала не сломился, и хоть на склонѣ старости, и то при помощи своихъ высокихъ товарищей и однокашниковъ по академіи экзарха Грузіи Палладія и архіепископа иркутскаго Веніамина, добился архіерейства,—маленькаго—викарнаго. Но такимъ натурамъ, какъ Діодоръ — мягкаго сердца, воспитаннаго въ прекрасномъ семействѣ своего отца, извѣстнаго въ Рязани протоіерея и инспектора семинаріи Ильдомскаго, приходилось ломаться и преждевременно умирать отъ тоски запойной.

Участь Діодора напомнила мнѣ и его товарища въ Петербургской академіи—такой же жертвѣ монашескаго увлеченія,—баккалаврѣ этой академіи іеромонахѣ Валеріанѣ, даровитомъ, увлекательнаго дара слова, молодомъ, цвѣтущемъ и красивомъ джентльменѣ. О немъ я слышалъ уже на должности въ семинаріи отъ товарищей по службѣ, воспитанниковъ Петербургской академіи, у него, Валеріана, учившихся. Они разсказывали о немъ съ увлеченіемъ, въ восхищеніи отъ его преподаванія, какъ о рѣдкомъ явленіи со всѣми увлекательными достоинствами. Онъ недолго держался въ узкой по его натурѣ монашеской академической рамѣ—запилъ горькую, будучи уже архимандритомъ, ушелъ изъ академіи, снялъ монашество и погибъ въ бѣдственномъ положеніи. И много такихъ неудачниковъ сгубила эта несчастная вербовка въ монашество, — раннее, незрѣлое. Не приносила она пользы и разнымъ удачникамъ, хоть и доводила ихъ до высшихъ степеней въ видимомъ почетѣ и власти. Она портила ихъ нравственно до того глубоко, что отъ этой порчи и сами они страдали не Христовымъ страданіемъ—не во спасеніе и другимъ причиняли много зла, особенно около стоящимъ и подчиненнымъ. Да и не могло быть иначе. Эти удачники насквозь пропитывались карьеризмомъ. Въ самомъ началѣ карьеры они должны были сдѣлать рискованный скачекъ—своего рода salto mortale, — такое трудное дѣло подвижничества, на которое рѣшаются съ великимъ страхомъ и люди умудренные опытами жизни въ старости,—это принятіе великаго иноческаго постриженія съ клятвеннымъ отреченіемъ отъ мірскихъ благъ и конечно отъ карьеризма. Пройти эту процедуру едва-ли легко и легкомысленному юношеству, какъ бы ни поднимало его разное мечтательное увлеченіе; — и ему при этомъ неизбѣжно приходится много передумать тяжелыхъ думъ и много потрудиться надъ обработкою своей еще свѣжей юношеской совѣсти, чтобы сдѣлать ее покладистою и податливою, способною на всѣ компромиссы выгодные въ удобномъ достиженіи себѣ того, отъ чего отрекался клятвенно при постриженіи. И удачники, повидимому, благополучно все это проходятъ. Но здѣсь уже въ нихъ закладывается прочное и глубокое начало той нравственной язвы, которая, изсушая благотворныя начала христіанской

любви, развивала самолюбіе—эгоизмъ, и благую совѣсть обработывала въ лукавую, доводя часто и до совѣсти сожженной, по выраженіямъ апостольскимъ.

Эта язва, какъ болѣзнь, не могла не производить въ нихъ внутреннихъ страданій, по свойству язвы, каковыя страданія нужно было не во спасеніе терпѣть, а въ карьеристскомъ мечтаніи о благопріятномъ исходѣ къ вожделѣнному. А въ виду благопріятнаго исхода неизбѣжно было проходить тяжелую процедуру всѣхъ видовъ грѣшнаго человѣкоугодія—ухаживанія, низкопоклонства, пресмыкательства, раболѣпства и всяческаго лакейства; и на этомъ грязномъ пути привыкать къ его грязи въ постыдномъ равнодушіи къ добру и злу, но неравнодушіи къ одной своей карьерѣ. Послѣднее злокачество до того бываетъ напряженно, что всякій удачникъ чутко слѣдитъ и зорко сторожитъ за всѣми моментами, гдѣ чуется повышеніе, отличіе, награды, чтобы не прозѣвать, и почасту въ тайнѣ проливаетъ горькія слезы, если обошли, а почти постоянно въ страхѣ, какъ бы чѣмъ не обошли. Находясь въ такой удушливой атмосферѣ и продѣлывая постоянно разную опасную эквилибристику, можно ли не искалѣчиться нравственно, когда удается подняться на высоту и очутиться среди своихъ безотвѣтственныхъ подчиненныхъ, отъ которыхъ пріятно имъ встрѣчать низкопоклонство, раболѣпство. А извѣстно, что нѣтъ хуже господина, ставшаго имъ изъ вчерашняго раба. И если возмутительно рабство передъ властями мірскими, то неизмѣримо возмутительнѣе видѣть рабство передъ владыками духовными.

Сибирскіе скопцы.

(Историко-бытовой очеркъ).

I.

Секта скопцовъ образовалась изъ секты хлыстовъ или богомиловъ (признающихъ до сихъ поръ духовное оскопленіе, т. е. половое воздержаніе) въ позапрошломъ столѣтіи, въ началѣ царствованія Екатерины II. Что дѣйствительно скопчество происходитъ отъ хлыстовщины, видно изъ того, что у обѣихъ этихъ сектъ умерщвленіе плоти и вообще ригоризмъ жизни считается главнымъ принципомъ религіи, съ тою лишь разницей, что скопцы довели этотъ принципъ до крайности. Многіе обряды у скопцовъ тѣ же, что и у хлыстовъ. И что скопцы дѣйствительно позаимствовались у хлыстовъ, а не наоборотъ, указываетъ историческое сопоставленіе тѣхъ и другихъ. Остатки хлыстовской ереси, говоритъ Костомаровъ („Вѣстникъ Европы" 1887 г. № 3), были открыты въ царствованіе Анны Ивановны въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Въ 60-ти верстахъ отъ древней столицы, у строителя Богословской пустыни, въ пустой избѣ, выстроенной въ саду, происходило сборище мужчинъ и женщинъ. На лавкахъ съ одной стороны сидѣли мужчины, съ другой женщины и между ними находилась княжна Дарья Хованская. Всѣ пѣли, призывая имя Іисуса Христа. Потомъ купецъ Иванъ Дмитріевъ затрясся всѣмъ тѣломъ, сталъ вертѣться и кричать: „вѣрьте, что во мнѣ Духъ Святой, и что я говорю, то говорю не отъ своего ума, а отъ Духа Святого". Онъ подходилъ то къ тому, то къ другому и произносилъ такія слова: „Братецъ (или сестрица)! Богъ тебѣ помощь! Какъ ты живешь? Молись Богу, по ночамъ блуда не твори, на свадьбы и крестины не ходи, вина и пива не пей, гдѣ пѣсни поютъ, не слушай, а гдѣ драки

случатся, тутъ не стой". Наконецъ, всѣ взявшись за руки, вертѣлись кругомъ по солонь, подпрыгивая, и при этомъ били другъ друга обухами и ядрами, объясняя, что это значитъ сокрушеніе плоти. Княжна Хованская испугалась и уѣхала, а прочіе продолжали вертѣться, бить другъ друга, и уже на разсвѣтѣ разошлись. Когда началось дѣло объ этихъ сектантахъ, то строитель Богословской пустыни Димитрій сознался, что во время дѣйствій они бились между собою не только обухами, но даже ножами, вставленными въ палки. Еретики учили, что бракъ дѣло противное спасенію души, грѣхъ начавшійся отъ грѣхопаденія Адамова; однако учитель Сапожниковъ жилъ въ связи съ согласницею сборища Ѳедосьею Яковлевою. Эта Ѳедосья Яковлева говорила: „слыхала я отъ согласниковъ, что есть у насъ въ Ярославлѣ государь батюшка, крестьянинъ Степанъ Васильевъ, который содержитъ небо и землю и мы его называемъ Христомъ (отсюда и названіе христовщина или хлыстовщина), а жену его Ефросиньею госпожею богородицею, учителемъ же того Степана и жены его былъ крестьянинъ Астафій Онуфріевъ".

Ниже мы увидимъ, что корабельное и другія радѣнія у скопцовъ есть то же самое хлыстовское дѣйствіе, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями. Сами скопцы не отрицаютъ того, что они позаимствовали коечто отъ хлыстовъ, напр. взглядъ на мірянъ, какъ на нѣчто поганое, взглядъ на женщину, какъ на грѣховное существо, источникъ грѣха, и что замужняя женщина сектантка не считается женой, а совершенно чуждой прежнему мужу, скаканіе на одной ногѣ и надѣваніе бѣлой рубахи во время радѣнія. Несмотря однако на эти заимствованія и на несомнѣнное свое происхожденіе отъ хлыстовъ, скопцы называютъ послѣднихъ меньшими своими братьями, т. е. въ нѣкоторомъ родѣ заблуждающимися, тогда какъ слѣдовало бы наоборотъ имъ самимъ называться младшими братьями.

На образованіе скопцовъ могла имѣть вліяніе и квакерская ересь, о которой, по словамъ Костомарова (въ той же статьѣ), упоминается въ царствованіе Елизаветы Петровны. Ересь эта, говоритъ Костомаровъ, возникла въ 1734 году. Нѣкоторые изъ упорныхъ послѣдователей ея казнены были смертью, другіе же притворно воспользовались позволеніемъ покаяться. Такихъ было 112 человѣкъ; но въ 1745 году въ Москвѣ открылось существованіе этой секты снова; захватили 416 человѣкъ; они почти всѣ были наказаны кнутомъ и сосланы на работы; 216 человѣкъ оставили до времени на прежнихъ мѣстахъ жительства, а 167 человѣкъ, извѣстныхъ по именамъ, какъ участниковъ, не отысканы. Всякій, поступившій въ эту секту, давалъ клятву не открывать о ней, подъ страхомъ наказанія въ будущей жизни, ни родителямъ, ни роднымъ, ни духовному отцу, ни передъ

судомъ (какъ увидимъ ниже, почти такая же клятва дается и скопцами при пріемѣ въ секту). Сектанты крестились двумя перстами, называли тройственное крестное знаменіе антихристовой печатью, перемѣняли себѣ имена, не возбраняли для вида исповѣдываться и причащаться, но брачное сожительство называли блудомъ, толкуя, что по Апокалипсису только дѣвственники войдутъ въ „царствіе небеснаго агнца".

Что эта секта была видоизмѣненная хлыстовщина, замѣчаетъ Костомаровъ, доказываетъ уже то, что главный учитель ея былъ вышеупомянутый Григорій Сапожниковъ, состоявшій въ сожительствѣ съ Ѳеодосьей Яковлевой, которая и донесла на него и его соучастниковъ. Сенатъ опубликовалъ, чтобы скрывшіеся послѣдователи этой ереси въ теченіе полугода явились съ повинною, иначе съ ними поступятъ какъ съ волшебниками.

Среди сибирскихъ скопцовъ устно циркулируетъ слѣдующая исторія скопчества.

Основателемъ скопчества былъ крестьянинъ Кондратій Селивановъ, извѣстный у скопцовъ подъ именемъ императора Петра III, называемаго искупителемъ, вторымъ сыномъ Божіимъ, рожденнымъ императрицей Елизаветой Петровной отъ Духа Святаго. Родивъ Петра III и удалившись въ монастырь, подъ именемъ Акулины Ивановны, она оставила послѣ себя на престолѣ женщину, похожую на нее, а сама проповѣдывала слово Божіе, подготовляя такимъ образомъ почву для втораго мессіи—сына своего Петра. Послѣдній во время переворота, совершеннаго Екатериною II, не умеръ, какъ утверждаютъ антихристовы историки, въ Ропшинскомъ дворцѣ, но оставилъ на постели своей похожаго на себя гвардейскаго солдата, самъ же выѣхалъ въ телѣгѣ изъ дворца вмѣстѣ съ мусоромъ въ тотъ моментъ, когда дѣятели переворота пришли во дворецъ затѣмъ, чтобы лишить жизни императора и арестовать стражу его. Крестьянинъ, вывозившій мусоръ, чтобы не подать никакого подозрѣнія участникамъ переворота, окружившимъ уже дворецъ и арестовавшимъ часовыхъ Петра, засыпалъ его мусоромъ и благополучно вывезъ изъ дворца. Такимъ образомъ участниками переворота былъ убитъ не Петръ III, а похожій на него солдатъ, Петръ же III—скопецъ отъ природы, за что и не возлюбила его Екатерина II, явился съ проповѣдью сначала въ Орловской губерніи, а потомъ въ Тульской и Тамбовской. Въ Тулѣ онъ привлекъ на свою сторону учителя перекрещенскаго толка (хлыстовщины) Александра Ивановича Шилова, съ которымъ и былъ арестованъ въ городѣ Моршанскѣ, Тамбовской губерніи, въ началѣ 1700-хъ годовъ.

Петръ III, оффиціально извѣстный подъ именемъ крестьянина Орловской губерніи Кондратія Селиванова, какъ очень важный пре-

ступникъ, содержался въ Моршанскомъ острогѣ очень строго. Онъ былъ закованъ въ ручные и ножные кандалы и прикованъ къ стѣнѣ. Въ одно время, когда всѣ спали, за исключеніемъ часовыхъ уланъ, стерегшихъ Селиванова, въ корридоръ тюрьмы явился мужъ въ свѣтлой одеждѣ, ослѣпилъ часовыхъ своимъ свѣтомъ; замки дверей съ камеръ, въ которыхъ спали скопцы, моментально спали, а также и оковы съ рукъ и ногъ Селиванова. Онъ вышелъ въ корридоръ и вошелъ къ перепуганнымъ товарищамъ, ободрилъ ихъ, заказалъ быть твердыми въ своей вѣрѣ и вышелъ на тюремный дворъ, гдѣ у него вступилъ въ единоборство духъ съ тѣломъ. Тѣло говорило духу, что надо воспользоваться свободой, данной Богомъ, т. е. выйти изъ острога и опять проповѣдывать слово Божіе. Духъ возражалъ, что это чудо явлено для испытанія тѣла, которое непремѣнно должно принять предстоящую чашу страданій. Во время этихъ споровъ души съ тѣломъ, стража, замѣтивъ отсутствіе Селиванова изъ камеры, подняла тревогу. Начали искать его по всей тюрьмѣ. Селиванову, слыхавшему поиски, тѣло, пересиливъ духъ, предложило спрятаться подъ корыто, лежавшее на дворѣ. Долго ходили стражники по двору и не могли найти. Наконецъ, поиски увѣнчались успѣхомъ, и тѣло Селиванова было жестоко избито шашкой караульнаго офицера. Вскорѣ послѣ этого онъ былъ осужденъ моршанскимъ судомъ и привезенъ въ ссылку въ Сибирь, принявъ предварительно 40 плетей. Это относится, какъ говорятъ скопцы, къ 1774 году.

На пути въ Сибирь между Нижнимъ и Казанью Селивановъ встрѣтился съ Пугачевымъ и одно время съ нимъ содержался. Весь путь до Тобольска Селиванова, спеціально прикованнаго къ телѣжкѣ, сопровождали солдаты и крестьяне. Въ Тобольскѣ его приковали одной рукой и ногой къ разбойнику Ивану, который во время пути билъ его, волочилъ по грязи и самымъ грубымъ образомъ издѣвался надъ нимъ. Селивановъ всѣ подобныя издѣвательства и обиды переносилъ терпѣливо, чѣмъ нерѣдко приводилъ Ивана въ изступленіе, и удары сыпались ему еще сильнѣе. Но Селивановъ своею кротостію и увѣщаніями успѣлъ обратить Ивана въ своего послѣдователя. Послѣдователь этотъ былъ никто иной, какъ святитель иркутскій Иннокентій, память котораго чтится скопцами. Поселенный въ Иркутскѣ Селивановъ около 1790-хъ годовъ, въ качествѣ звонаря при одной церкви, попалъ вновь подъ судъ за оскорбленіе кого-то изъ мѣстныхъ жителей, за что Иркутскимъ судомъ приговоренъ на заводы и наказанъ ста ударами плетей.

Императоръ Павелъ I, при восшествіи на престолъ, вспомнилъ томящагося въ ссылкѣ своего родителя и чтобы вернуть его въ Петербургъ, послалъ въ Иркутскъ нарочитаго фельдъегера, который

Селиванова здѣсь уже не засталъ, а нашелъ его на баркасѣ, готовомъ къ отплытію на восточную сторону Байкала. Подъѣхавъ къ партіи арестантовъ, фельдъегеръ спросилъ у нихъ: „кто изъ васъ Селивановъ“? „Я“, отвѣчалъ тотъ. „Пожалуйте, ваше величество, со мной въ Петербургъ, я пріѣхалъ за вами“. Привезенный въ Петербургъ, Селивановъ былъ лично представленъ Павлу I, который при взглядѣ на него спросилъ: „Неужели ты, старикъ, мнѣ отецъ?“ „Я грѣху не отецъ, а пришелъ разорить его въ конецъ“, отвѣчалъ Селивановъ. „За такія рѣчи я прикажу посадить тебя въ каменный мѣшокъ“, сказалъ Павелъ, уходя вонъ изъ комнаты. „Павелъ, Павелъ! воротись, я бы твою жизнь исправилъ“, закричалъ онъ удалявшемуся Павлу. Павелъ велѣлъ его посадить въ сумасшедшій домъ, при Смольномъ монастырѣ.

Въ 1812 году онъ за что-то былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, и, когда Наполеонъ взялъ Москву, то въ это время Александръ I былъ у Селиванова въ крѣпости и, разговаривая съ нимъ, сообщилъ ему объ этомъ. Селивановъ отвѣчалъ, что если Наполеонъ взялъ Москву, то ты возьмешь Парижъ.

Въ 1818 г. Селивановъ, давно уже освобожденный изъ крѣпости и проживая въ Петербургѣ, въ качествѣ петербургскаго мѣщанина, былъ высланъ въ г. Суздаль, гдѣ и умеръ. Но скопцы утверждаютъ, что онъ не умеръ, а вознесся живой на небо, въ царствованіе Николая I, и что онъ скоро придетъ на землю, сядетъ въ Москвѣ на 12 престолахъ и будетъ судить всѣхъ царей земныхъ, которые придутъ, поклонятся ему и увѣруютъ, т. е. оскопятся. Всѣ неувѣровавшіе примутъ наказаніе. Скопцы всѣ будутъ имъ собраны около себя, а особенно онъ приблизитъ къ себѣ пострадавшихъ за вѣру, которые изъ Сибири пріѣдутъ въ Москву на бѣлыхъ коняхъ.

Вторымъ основателемъ скопчества былъ Александръ Ивановичъ Шиловъ, учитель перекрещенскаго толка, который внесъ въ скопчество, что креститься слѣдуетъ двумя руками, а не одной. Поэтому, при входѣ въ соборъ (молельню), или обыкновенный домъ, пришедшій скопецъ, если въ домѣ нѣтъ мірянина, крестится обѣими руками трижды, и дѣлаетъ девять глубокихъ поклоновъ, едва не касаясь земли; потомъ дѣлаетъ оборотъ вокругъ себя по солнцу, стоя въ этотъ моментъ на одной ногѣ, крестится, кланяется, оборачиваясь къ присутствующимъ, въ землю, и говоритъ:

„Здравствуйте, братцы родимые! Съ Отцомъ и Сыномъ и Святымъ Духомъ, батюшкой Искупителемъ, матушкой Акулиной Ивановной, Мартыномъ Родіоновичемъ (графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ, любимцемъ Петра III), Александромъ Ивановичемъ (Шиловымъ) и со всѣми вѣрными праведными“. Всѣ присутствующіе въ домѣ или соборѣ отвѣ-

чаютъ на такое привѣтствіе земнымъ поклономъ молча. Если вошелъ мужчина, то онъ послѣ этой церемоніи подаетъ всѣмъ руку, кромѣ женщины, которая считается нечистой, грѣхомъ, матерью грѣха, даже оскопленная. Въ силу такого взгляда женщина ѣстъ отдѣльно отъ мужчинъ; при мужчинахъ же она не имѣетъ права даже садиться въ той комнатѣ, гдѣ находятся мужчины.

Шиловъ, арестованный одновременно съ Селивановымъ, былъ сосланъ въ Ригу. Во время первыхъ допросовъ Шилову выкололи глазъ, какъ увѣряютъ скопцы. Живя въ Ригѣ, онъ былъ арестованъ и посаженъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ и умеръ и похороненъ на Преображенскомъ кладбищѣ, противъ собора, куда скопцы ходятъ, разумѣется тайно, кладутъ на могилу баранки и прочее для освященія, и это святое отсылается вѣрующимъ.

Мартынъ Родіоновичъ (Воронцовъ-Дашковъ) былъ убитъ скопцами за то, что во время моленія отдѣлилъ мужчинъ отъ женщинъ, но нововведеніе это, хотя и послѣ смерти его, привилось.

Акулина Ивановна (Елизавета Петровна) жила и умерла, не открытая правительствомъ.

Александръ I, умершій въ 1874 г., подъ именемъ поселенца Кузьмы, въ г. Томскѣ, удостоился тоже пріобщиться къ лику избранныхъ, но ему отводится мѣсто во второстепенныхъ святыхъ.

Таковы у скопцовъ главные святые, изъ коихъ императоръ Петръ III, онъ же крестьянинъ Селивановъ, признается еще Искупителемъ, вторымъ сыномъ божіимъ, а слѣдовательно и богомъ, императрица Елизавета Петровна богородицей, а императоръ Александръ I прямо святымъ. Вотъ почему у нѣкоторыхъ скопцовъ Восточной Сибири имѣются портреты этихъ государей во весь ростъ. Воронцовъ-Дашковъ или Мартынъ Родіоновичъ почитался какъ приближенный и любимецъ Петра III, а Шиловъ высоко чтится, какъ основатель и пропагаторъ скопчества. У Олекминскихъ скопцовъ, по признанію нѣкоторыхъ изъ нихъ, сверхъ того, имѣются посланіе Селиванова и фотографическія карточки какъ его, такъ и нѣкоторыхъ другихъ святыхъ, но до нихъ физически не возможно имѣть доступа. Второму Искупителю въ лицѣ Петра III и богородицѣ Акулинѣ Ивановнѣ, въ лицѣ императрицы Елизаветы Петровны, у скопцовъ, насколько это можно судить по Олекминскимъ скопцамъ, посвященъ цѣлый культъ моленій и обрядовъ.

Почему скопцы обоготворили этихъ двухъ государей, равно возвели въ святые императора Александра I, трудно на это отвѣтить. Ибо изъ исторіи извѣстно, что хотя о Петрѣ III, еще въ то время, когда онъ былъ наслѣдникомъ престола, между раскольниками составились толки, будто великій князь—сторонникъ древняго благочестія, но со вступленіемъ на престолъ, онъ никакого покровительства этому

благочестію, да и вообще раскольникамъ, не оказалъ. Елизавета Петровна, не говоря о томъ, что она вообще сильно покровительствовала развитію у насъ крѣпостнаго права, щедро награждая крѣпостными лейбкампанцевъ, дворянъ и всѣхъ, кто домогался имѣть крѣпостныхъ; раскольники во все ея царствованіе, по словамъ Костомарова (тамъ же) терпѣли жесточайшее гоненіе. Въ XVIII вѣкѣ, говоритъ Костомаровъ, ни одно царствованіе не ознаменовалось такою нетерпимостью къ раскольникамъ, какъ царствованіе Елизаветы Петровны. Религіозное настроеніе императрицы побуждало ее поддаваться извѣстнымъ вліяніямъ, и она дошла въ своей ненависти къ раскольникамъ до полной нетерпимости. Съ своей стороны, гонимые раскольники впали въ такое безумное отчаяніе, что начали возводить самоубійство въ религіозный догматъ. Посылки военныхъ командъ для разоренія раскольничьихъ скитовъ, всевозможныя преслѣдованія довели раскольниковъ до ужаснаго и дикаго явленія—самосожиганія, которое происходило и прежде, но теперь получило, такъ сказать, эпидемическій характеръ... Затѣмъ почтенный историкъ приводитъ факты наиболѣе извѣстныхъ случаевъ замосожженія раскольниковъ, при чемъ фигурируютъ такія даже цифры, какъ 6.000 однажды сжегшихся. И не смотря на все это, нынѣшніе скопцы этой же императрицѣ — Елизаветѣ Петровнѣ, своей гонительницѣ, воздаютъ божескія почести. Наконецъ, императоръ Александръ I, какъ извѣстно, тоже не жаловалъ раскольниковъ, а тѣмъ болѣе скопцовъ, да и Шиловъ, какъ сами они говорятъ, сидѣлъ въ его царствованіе въ Петропавловской крѣпости. Слѣдовательно, понять обоготвореніе скопцами этихъ государей никакой нѣтъ возможности; это тайна скопческой, а пожалуй и вообще русской народной души. Психологія русскаго народа съ этой стороны можетъ представить величайшій интересъ для науки. Народъ нашъ могучій, сильный тѣломъ и духомъ, съ великими умственными задатками, въ то же время отставшій культурно на цѣлые вѣка отъ народовъ западной Европы и выковавшій себѣ тяжелыя цѣпи рабства, которыя не пытается сбросить, не есть ли загадочный сфинксъ? Изувѣрское ученіе скопчества, которое учителями его выводится изъ такой прекрасной книги, какъ Евангеліе, не свидѣтельствуетъ ли также о своеобразной логикѣ этого народа, который въ общемъ, можно сказать, страдаетъ недостаткомъ здоровой логики.

Скопчество, главнымъ образомъ, основано на евангельскихъ текстахъ, именно: На 12 стихѣ 19 главы отъ Матвѣя. „Ибо есть скопцы, которые изъ чрева матерняго родились, такъ и есть скопцы, которые оскопились отъ людей; и есть скопцы, которые сдѣлали сами себя скопцами для царствія небеснаго. Кто можетъ вмѣстить, да вмѣститъ“;

На 32 стихѣ 7 главы 1-го посланія апостола Павла къ коринѳя-

намъ: „Не оженивыйся печется о господнемъ, како угодити Господу, а женивыйся печется о мірскомъ, какъ угодити женѣ“;

На пророчествѣ Іереміи: „Не думай, скопецъ, что древо твое есть сухо; ты еси великъ на небеси“;

На текстѣ: „Аще око твое соблазняетъ, то возьми и изверзи его“.

Берется еще одно мѣсто изъ книги, озаглавленной такъ: „Указаніе пути въ царствіе небесное“ преосвященнаго Иннокентія, митрополита московскаго, гдѣ сказано, что есть въ человѣкѣ такая кора грѣха, онъ такъ грубо вросъ, что излѣчивается только выжиганіемъ или вырѣзываніемъ. Подъ словомъ „кора грѣха“ скопцы разумѣютъ половые органы, отъ которыхъ люди много грѣшатъ и, чтобы избавиться отъ этой коры грѣха, надо вырѣзать ихъ или выжечь. Здѣсь вся суть основы скопческаго ученія.

Признается еще, на словахъ только, нѣкоторыми изъ скопцовъ, но не массой, упоминаемая въ стихахъ 32 и 34 главы IV Дѣяній апостольскихъ евангельская община; но на дѣлѣ она никогда не осуществлялась даже признающими ее, и здѣшніе (въ районѣ г. Олекмы) скопцы ее отрицаютъ, говоря, что такой общины устроить нельзя, и что теперь она была бы противна духу религіи, что она возможна только тогда, когда у людей не будетъ тѣла, а останется только одна душа. Но есть отдѣльныя единицы, которыя пытались на практикѣ осуществить такую общину, и понятно потерпѣли полнѣйшее фіаско, повлекшее за собой даже принятіе православія. Вотъ что разсказываетъ по этому поводу скопецъ Калина Ампилоговъ.

„Захотѣлъ я, братецъ ты мой, душу свою спасать по-настоящему, взялся за разумъ. Оскопился я, видишь ли ты, маленькимъ, когда мнѣ было 12 лѣтъ. Оскопилъ меня отецъ. Былъ я сынъ очень богатыхъ родителей, жили мы въ деревнѣ Чивичахъ, Самарской губерніи. Все семейство у насъ было скопческое.

Разъ отецъ и говоритъ мнѣ: хочешь, Калина, ради Царствія Небеснаго и спасенія души оскопиться? Я глупый тогда еще былъ, съ дуру и брякнулъ ему: какъ не хотѣть, хочу, батюшка. Ну, отецъ, не думая долго, взялъ да меня и обрѣзалъ. Мнѣ нравилось тогда, когда взрослые называли меня ангеломъ. Нѣсколько лѣтъ спустя случилось, что все наше семейство забрали въ острогъ, но отецъ откупился, а я съ сестрой пошли въ Сибирь, и денегъ по раздѣлу на мою долю досталось много. Сестра въ Сибири уже оскопилась, здѣсь же я захотѣлъ уже спасать душу по-настоящему, потому что когда пришелъ сюда, то имѣлъ 18 лѣтъ; значитъ, въ разумъ началъ входить. Вотъ думаю, гдѣ спасать душу-то можно, здѣсь, въ Сибири, жить по-евангельски, по-братски. Придетъ бывало ко мнѣ кто изъ братьевъ, я сейчасъ бѣгаю, угощаю, потому помню слово апостоловъ. Кто въ чемъ

нуждался, все даю, потому я такъ понималъ братство, и дошелъ до того, что у самого ничего не осталось, даже хлѣба крошки. Послѣ этого прихожу къ богатому брату и говорю: „братъ, дай мнѣ пудикъ муки, лѣтомъ отработаю". „Не дамъ, говоритъ братъ, ты все съ братьями бражничаешь, лѣнишься работать, не бережешь копѣйки". „Не совѣстно ли тебѣ, говорю, братъ, говорить мнѣ такія рѣчи, когда ты знаешь, что я не лѣнивъ работать". „А если не лѣнивъ, то поруби мнѣ дрова, 30 коп. съ сажени получишь на своихъ харчахъ", отвѣчалъ братъ. Нечего было дѣлать, надо было согласиться, хотя я зналъ, что братъ другимъ давалъ за рубку по 50 коп. съ сажени. Хлѣбъ о ту пору былъ дорогой, 3 руб. 50 к. за пудъ, и мнѣ хватило 30 коп. только на $2^1/_2$ фун. хлѣба. Бился я, бился съ дровами и наконецъ бросилъ, потому очень отощалъ. Зло меня взяло страшное на скопцовъ. Какое, думаю, это братство, когда у одного амбары отъ хлѣба ломятся, а у другаго нѣтъ ничего. Развѣ такъ жили апостолы? Тутъ уразумѣлъ я, что наши братья скопцы не по-евангельски живутъ. Они говорятъ, что жить такъ, какъ заповѣдалъ Христосъ, могутъ только дураки, но умный человѣкъ такъ жить не будетъ. Они, значитъ, обрѣзались и думаютъ, что все дѣло въ томъ и состоитъ; плоть свою умертвили, а о душѣ не думаютъ; все братство у нихъ на словахъ только, а сути нѣтъ.

Вскорѣ послѣ этого, получивъ деньги изъ дому, я далъ исправнику 100 рублей, и онъ отпустилъ меня на Мечу, на золотые пріиски, куда я нанялся отвозить съѣстные припасы; дѣла мои снова пошли хорошо, ибо я зарабатывалъ по двѣ и по три тысячи рублей, которыя и тратилъ на нужды скопческой бѣдноты: кому денежки раздаю, кому сапоги покупаю, либо корову, кому что требуется. Но однажды въ дорогѣ со мной случилось несчастіе, у меня покрали много товара, и пріисковая контора не только лишила меня подряда, но и отобрала лошадей. Вернулся я домой пѣшкомъ. Многіе скопцы сдѣлались черезъ меня богаты, жить пошли на моихъ глазахъ. И что же, тѣ самые люди, которыхъ я одѣвалъ, обувалъ, когда придешь, бывало, къ нимъ, не только ничего не даютъ, чаемъ даже не напоятъ, да еще посмѣиваются: „Что, говорятъ, Калина Петровичъ, профорсился". Все это мнѣ было до того обидно и огорчительно, что я хотѣлъ было утопиться или повѣситься; однако Богъ не допустилъ это сдѣлать, и только я пуще прежняго озлился на своихъ братьевъ скопцовъ. Прихожу это разъ въ соборъ (молельню), гдѣ богачи наши первыя мѣста занимаютъ, и говорю: кто здѣсь долженъ быть первымъ? Всѣ молчатъ. Христосъ сказалъ, что легче верблюду пройти сквозь игольное ухо, чѣмъ богатому войти въ Царствіе Небесное. Опять всѣ молчатъ. Вы по богатству между нами первые, думаете и по дѣ-

ломъ первые. Нѣтъ, вы послѣдніе здѣсь, потому богатство-то награбили съ нашего же брата, бѣдняка. Петръ Акимовичъ, говорю, выходи. Выходитъ изъ толпы старичекъ, по правилу жилъ, праведной души человѣкъ былъ; онъ только и зналъ, что душу спасалъ постомъ и молитвою, ничего-то у него не было; офицеръ изъ кантонистовъ онъ былъ, на Кавказѣ до офицера дослужился. Петръ Акимовичъ, говорю, ты здѣсь первый, а не эти чревоугодники и языкоблуды. „Я себѣ не судья, Богъ мнѣ судья; онъ кормилецъ нашъ знаетъ, первый я здѣсь или не первый" отвѣчалъ Петръ Акимовичъ. „Ежели ты людямъ угоденъ, то и Богу угоденъ", сказалъ я: „садись вотъ тутъ". Взялъ его за руку, подвелъ къ тому мѣсту, гдѣ богачи сидѣли, выдернулъ одного изъ нихъ, а старичка посадилъ. „Бунтовать вздумалъ, голоштанникъ, прображничалъ капиталы-то, теперь и идешь противъ Бога и добрыхъ людей!" закричали на меня богачи. Шумъ поднялся, не приведи Богъ какой; за богачами и бѣдняки начали кричать на меня. А я прежде приспособилъ человѣкъ шесть, которые помнили мою хлѣбъ-соль, ребята все здоровые. Всѣ они были здѣсь. Думаю, не выдадутъ, коли ежели что. Сунулись было къ намъ, бить меня хотѣли; ребята мои грудью стали. Ну, значитъ, и получили отпоръ. Хотя ихъ и вдвое больше было, но поняли, что сила на нашей сторонѣ. Воротилы-то наши хотѣли было наказать меня, въ гор. Колыму выслать по приговору; послали ужъ было въ Якутскъ взятку въ 700 рублей. Дѣло у нихъ пошло въ ходъ послѣ этого, но я узналъ про ихніе замыслы, сейчасъ же къ протопопу да и принялъ православіе, прихвативъ съ собою и тѣхъ шестерыхъ. Бумага-то пришла изъ Якутска о выселеніи; хвать, а мы православные; православныхъ же по закону нельзя выселять; духовенство-то насъ и не дало въ обиду. Вѣдь они аспиды, эти наши скопцы, если бы не подкупали начальства, то у нихъ теперь развѣ одна треть осталась бы, а можетъ и того меньше, если бы начальство православныхъ скопцовъ не причисляло къ чорту на кулички. Такъ и меня послѣ этого зачислили въ глухую деревушку за 250 верстъ отсюда, но я тамъ не сталъ жить и ушелъ. Есть между скопцами очень многіе, которые уже спохватились, что не хорошо сдѣлали, когда оскопились; они видятъ, что скопцы не по-божески живутъ, да боятся, потому что начальство у нихъ всегда купленное, и въ Колыму идти не всякому хочется. Такъ, значитъ, по привычкѣ и живутъ между скопцами. Что подѣлаешь, куда дѣнешься? Если оставаться вышедшему изъ скопцовъ между ними, то они сожгутъ такого или убьютъ, и концовъ никогда не найти.

На другой день, продолжалъ разсказчикъ, когда я поссорился въ съ богачами, меня потребовали къ старостѣ, судить вздумали. Я при-

шелъ съ своими ребятами и спрашиваю, что надо? А вотъ мы тебя, говоритъ староста, хотимъ березовой кашей поподчивать, потому, что ты нонѣ сталъ ужъ больно высоко носъ заводить. „Кто же будетъ подчивать, ты, что ли, говорю?“ „Да, хоть бы и я“, отвѣчаетъ староста. „За что?“ „А за то, что не порочь честныхъ людей“. „Ну, такъ я и сейчасъ буду порочить твоихъ честныхъ людей такъ же, какъ и вчера“, и началъ честить ихъ на чемъ свѣтъ стоитъ. „Вы, говорю, іезуиты, хуже всякихъ жидовъ, обрѣзались и думаете, въ томъ вся суть. Тотъ изъ васъ, у кого осталось мало-мальски отъ струмента, то живетъ съ бабой, лицемѣритъ, вы продались дьяволу, людей и Бога обманываете, вы аспиды, кровопійцы“. Въ это время староста меня толкнулъ, а я его въ морду, съ ногъ сшибъ. Распушилъ, распушилъ ихъ и ушелъ. Послѣ принятія православія, пріѣхалъ въ городъ, сталъ по заработкамъ ходить, и хожу вотъ уже четыре года. На душѣ полегче маленько стало. Вотъ ты и посмотри на нашихъ скопцовъ, они всѣ въ неправдѣ живутъ, а какъ разъ наоборотъ“. Такъ закончилъ свой разсказъ Ампилоговъ.

У многихъ скопцовъ, грамотныхъ по большей части, вы найдете „Указаніе пути въ Царствіе Небесное“ и разныя другія книги, но послѣднія не служатъ никакой основой, понятно, а читаются ради любопытства и препровожденія времени. Міранину фанатикъ своихъ книгъ никогда не покажетъ. Изъ книгъ духовно-нравственнаго содержанія они выбираютъ такія мѣста, которыя можно примѣнить къ оправданію скопчества, и толкуютъ они эти мѣста всякій по-своему; но тексты изъ Евангелія и Библіи, упомянутые выше, толкуются и понимаются всѣми одинаково. Многое, что они отрицаютъ въ обыденной жизни, ни на чемъ не основано, напримѣръ, куреніе табаку, употребленіе чая, мяса, чтеніе книгъ свѣтскаго содержанія и прочее.

Приведемъ разговоръ, бывшій у интеллигента Овч—ва съ однимъ изъ пророковъ скопческихъ Петромъ.

— Здравствуй, милый человѣкъ, раздался вдругъ дряблый, женскій голосъ надъ моимъ ухомъ, въ комнатѣ, гдѣ я жилъ. Оборачиваюсь, вижу скопецъ.

— Здравствуй, садись. Что надо? спрашиваю; зачѣмъ пожаловалъ?

— Пришелъ на тебя посмотрѣть, сизый голубь, слышу это я, наши скопцы говорятъ о тебѣ, какъ о праведномъ человѣкѣ, дай, думаю, и я посмотрю.

— Чѣмъ же это праведный?

— Какъ чѣмъ? Да видишь ли, живешь ты въ келійкѣ-то какъ скопецъ, всю-то ее можно въ горсть взять, женщины у тебя нѣтъ, съ міррянами-извергами рода человѣческаго, хлѣба-соли не водишь,

водку не пьешь, вообще жизнь ведешь богоугодную, одно слово, скопецъ, да и только.

— А вотъ и неправда, жизнь я веду не богоугодную, табакъ курю, я не обрѣзанъ, въ гости къ мірянамъ хожу, говорю я.

— Нѣтъ, милый человѣкъ, ужъ мы знаемъ, что живешь ты особенною жизнію.

— Откуда вы все это знаете?

— Слухомъ земля полнится, да и чего нашъ скопецъ не узнаетъ, все узнаетъ. Брось курить-то, почти закричалъ на меня пророкъ, потому что я въ это время закурилъ папироску. Всѣмъ ты хорошъ, однимъ не хорошъ, зачѣмъ куришь, когда грѣхъ.

— Вотъ видишь ли, говорю, по-твоему курить грѣхъ, а по-моему какъ въ куреніи, такъ и въ чаепитіи нѣтъ никакого грѣха. Чѣмъ ты докажешь, что это грѣхъ?

— Писаніемъ докажу тебѣ, милый человѣкъ.

— Это очень интересно будетъ тебя послушать. Ну-ка скажи, гдѣ въ Библіи сказано, что курить и пить чай грѣхъ?

— Въ Библіи, отвѣтилъ мнѣ пророкъ, табакъ не названъ табакомъ, его не знали тогда люди. Поэтому, ни Моисею, ни пророкамъ, ни Христу и апостоламъ незачѣмъ было упоминать о немъ; но табакъ узнали люди недавно, когда они совершенно развратились. Поэтому, Искупитель нашъ батюшка и запретилъ курить табакъ, какъ діавольское, проклятое зелье; подобно вину, отъ котораго много грѣховъ люди дѣлаютъ. Въ винѣ заключается блудъ, убійство и много другихъ грѣховъ.

— Значитъ, вашъ Искупитель запрещаетъ курить табакъ?

— Да.

— А вино пить позволяется церковнымъ уставомъ, т. е. святыми отцами, которые прямо въ нѣкоторые праздники разрѣшаютъ пить вино и елей, да еще не по одной кривулѣ, а по двѣ.

— То вино, но не нашу сивуху, отъ которой человѣкъ дурѣетъ. Но у насъ запрещается и вино пить, потому что виномъ тоже можно напиться допьяна.

— Да и церковный-то вашъ уставъ кто сочинилъ?

— Святые отцы.

— Вотъ, видишь ли, святые отцы, но не первый Искупитель нашъ Іисусъ Христосъ. Ваши православные попы могли все это поддѣлать, т. е. подложно написать. Такъ это и сдѣлали они, должно быть.

— Постой! Въ Библіи упоминается, что Ной послѣ потопа пилъ вино.

— Вотъ, вотъ Ной-то выпилъ вино, и родной сынъ надъ нимъ издѣвался.

— Мясо почему вы не ѣдите?

— Мясо потому не ѣдимъ, что его прежде люди приносили въ жертву идоламъ, да и теперь некрещеные якуты и бурята то же дѣлаютъ. А кромѣ всего этого, если ѣсть мясо, то непремѣнно потянетъ къ грѣху.

— Къ какому это грѣху?

— Ужъ будто не понимаешь къ какому грѣху.

— Не понимаю.

— Да къ женщинѣ, сизый голубь.

— Женщина, значитъ, по-вашему грѣхъ?

— Женщина есть грѣхъ, и къ грѣху прикасаться нельзя. Прикасающійся грѣшитъ, оскверняетъ себя, а это противно Богу. По-нашему, если женщина скопчиха, родная мать вымоетъ рубашку сыну своему, то чтобы передать ее, напр., когда сынъ отправляется въ баню, она должна положить ее на стулъ или столъ, а не передавать ее въ руки, чтобы не осквернить сына. Истинно вѣрующая женщина такъ и сдѣлаетъ.

— Для чего же Богъ сотворилъ Еву? Вѣдь сказалъ Богъ такъ Адаму: я сотворилъ тебѣ помощницу.

— Богъ сотворилъ ее для того, чтобы наказать человѣка и испытать его.

— Почему же Богъ, въ такомъ случаѣ, сказалъ Аврааму: Я умножу сѣмя твое какъ песокъ морской. Что же это значитъ?

— А то и значитъ, отвѣчалъ пророкъ, что все это такъ и было; но Богъ увидѣлъ, что люди стали грѣшить, уподобились звѣрю, утратили подобіе божіе. Поэтому Богъ и послалъ втораго сына своего въ лицѣ Петра Ѳеодоровича, императора русскаго, какъ вы его называете, съ проповѣдью, чтобы вывести ихъ изъ заблужденія и указать путь для очищенія отъ грѣховъ. Путь этотъ — скопчество. Первый Искупитель Іисусъ Христосъ не все сдѣлалъ, когда приходилъ на землю для спасенія заблудшихъ овецъ. И вотъ явился второй сынъ Божій, Искупитель, во образѣ Петра Ѳеодоровича, рожденнаго отъ царицы небесной, матушки Елизаветы Петровны. Петръ Ѳеодоровичъ извѣстенъ у слугъ антихриста подъ именемъ крестьянина Савельева. Вотъ Искупитель и указалъ путь, по которому грѣшные люди должны идти.

— Значитъ, чиновники—слуги антихриста?

— Да.

— Но если вы отрицаете текстъ: повинуйтеся властямъ и покоряйтеся, то почему вы признаете другой текстъ: воздадите убо кесарю? Если вы платите подати, ваши молодые скопцы служатъ въ военной службѣ, то значитъ, что и вы являетесь послѣдователями антихриста?

— Нѣтъ, въ первомъ случаѣ мы во власти видимъ пока неизбѣжное зло, какъ заповѣдалъ намъ второй сынъ Божій. Искупителя-батюшку кормильца привели разъ въ Сенатъ слуги антихриста, когда онъ не возносился еще на небо, и говорятъ ему: „мы твоихъ дѣтушекъ будемъ отдавать въ солдаты". „А я велю служить имъ", отвѣчалъ батюшка. Ну, вотъ, поэтому наши молодчики и служатъ въ солдатахъ.

Война у скопцовъ въ принципѣ отрицается на основаніи словъ евангельскихъ: „не мечъ принесъ я на землю, а миръ" (но въ Евангеліи есть и текстъ съ обратнымъ смысломъ), и на слова шестой заповѣди: Не убей. Императорскую власть они отрицаютъ и называютъ всѣхъ императоровъ антихристами, на основаніи одного мѣста священнаго писанія, гдѣ говорится о числѣ звѣриномъ, именно о числѣ 666. Если слово императоръ написать церковно-славянскими буквами, а потомъ перевести ихъ на римскія, то въ суммѣ получится та же цифра 666. Буква м (40) выбрасывается на томъ основаніи, что будто бы антихристъ скрылъ въ ней свое имя. Поэтому, надо читать не императоръ, а иператоръ. Слово это не русскаго происхожденія и значитъ в о л ь н о д у м ъ. И если слово в о л ь н о д у м ъ написать тоже церковно-славянскими буквами, а потомъ сложить ихъ, переводя на цифры, то получится въ суммѣ то же звѣриное число. Итакъ и = 10 + п = 80 + е = 5 + р = 100 + а = 1 + т = 300 + о = 70 + р = 100, а все это равняется 666.

Церковь, на основаніи Апокалипсиса, скопцы называютъ блудницей вавилонской, сидящей на звѣрѣ багряномъ, держащей чашу съ м е р з о с т я м и б л у д о д ѣ я н і й. На этомъ основаніи всѣ обряды церковные, священники, архіереи и все духовенство православное отрицается. Духовенство, взятое все въ совокупности, представляющее изъ себя церковь, есть дѣва-блудница, а антихристъ со своими слугами и блудодѣйствуетъ съ дѣвой. Въ этомъ отношеніи взгляды скопцовъ сходятся вообще со взглядами раскольниковъ. Отрицательное отношеніе къ церкви православной и ненависть въ особенности къ ея духовенству объясняется тѣмъ гоненіемъ, которому раскольники и особенно скопцы подвергаются отъ духовенства.

Пріемъ въ секту производится такъ. Членъ скопческой организаціи распропагандированнаго мірянина, вполнѣ убѣжденнаго, стойкаго въ основныхъ принципахъ скопческаго ученія, приглашаетъ войти въ секту, т. е. сдѣлаться активнымъ ея членомъ. Если онъ изъявитъ на то желаніе, тогда членъ организаціи предварительно извѣщаетъ о томъ своихъ членовъ единовѣрцевъ. Такимъ образомъ, въ заранѣе опредѣленное время, въ соборъ или молельню является членъ съ желающимъ присоединиться для совершенія нѣкоторыхъ обрядовыхъ формальностей. Здѣсь уже собрались всѣ наличные члены организа-

ціи данной мѣстности и приготовились торжественно встрѣтить новаго послѣдователя вмѣстѣ съ членомъ, давшимъ прежде ручательство организаціи въ томъ, что будущій членъ искрененъ, благонамѣренъ, убѣжденъ крѣпко въ основныхъ принципахъ скопческой религіи, и что онъ былъ много времени подъ надзоромъ у рекомендующаго члена, и послѣдній въ немъ не замѣтилъ ничего подозрительнаго, что бы доказывало или бросало тѣнь относительно выдачи членовъ полиціи. Дѣлается это, понятно, въ видахъ охраненія самой организаціи отъ разрушенія ея со стороны власти.

При входѣ члена съ адептомъ въ соборъ, скопцы всѣ стоятъ на ногахъ, образуя полукругъ. По рединѣ стоитъ учитель со свѣчей въ правой рукѣ. При этомъ царствуетъ невозмутимая тишина. Членъ поручитель съ адептомъ подходятъ къ учителю, кланяются оба въ землю, и членъ говоритъ: „Вѣрный, праведный, не оставь насъ грѣшныхъ, прими въ истинное стадо Христово!“ Далѣе происходитъ такой разговоръ учителя съ адептомъ, понятно, по заранѣе заученному.

Учитель. Откуда пришли и чего ищете?

Адептъ. Желаю спасать душу и ищу вѣчнаго блаженства.

Въ этотъ моментъ членъ-поручитель дѣлаетъ поклонъ учителю и присоединяется къ прочимъ скопцамъ, а адептъ остается по рединѣ полукруга одинъ противъ учителя.

Учитель. Въ состояніи ли ты идти по тому пути, на который хочешь вступить. Путь этотъ узокъ, тернистъ, ты будешь не любимъ отцомъ, матерью, всѣми друзьями и знакомыми, и это будетъ продолжаться цѣлую жизнь твою, быть можетъ, будешь убитъ.

Адептъ. Все готовъ перенести съ радостію, какъ святыню, готовъ умереть ради души спасенія хоть завтра и принять мученическій вѣнецъ.

Учитель. Клянешься ли, что отрекаешься отъ всѣхъ ближнихъ, отца, матери, братьевъ, друзей и вообще отъ всего, что тебѣ дорого на свѣтѣ, не будешь пить водку, курить табакъ, не имѣть сношенія съ женщиной, сохранять все въ тайнѣ, все, что узнаешь здѣсь, свою принадлежность къ намъ, и вообще, если бы тебя пытали огнемъ и мечомъ?

Адептъ. Отрицаюсь отъ всего и клянусь, что не буду дѣлать всего того, что ты сейчасъ сказалъ. Если даже будутъ пытать и жечь огнемъ, рубить мечомъ, то не открою ввѣренной мнѣ тайны никому.

Учитель. Даю въ поручители Искупителя-батюшку.

Въ поручители даютъ обыкновенно Искупителя-батюшку или кого велитъ заранѣе назвать членъ-поручитель, т. е. Александра Ивановича (Шилова), Мартына Родіоновича или Акулину Ивановну. Это

поручительство, конечно, можетъ имѣть только духовное значеніе, въ родѣ того, какъ у православныхъ, при крещеніи, бываютъ духовные отцы и матери.

Затѣмъ учитель дѣлаетъ торжественно наставленіе, какъ вести себя въ обыденной жизни, напр. избѣгать всякихъ слабостей, могущихъ подать соблазнъ другимъ, не ругаться скверными словами, вести жизнь уединенную, никому никогда не довѣряться изъ мірянъ, не пить водки, не прикасаться къ женщинѣ, не воровать, не убивать и не открывать своей принадлежности къ сектѣ; за открытіе послѣдняго будетъ наказанъ отъ Бога и людей, не страшиться огня и меча, вѣрить второму сыну Божію, второй богородицѣ (Акулинѣ Ивановнѣ). Наставленіе это у скопцовъ извѣстно подъ именемъ заповѣдей. Послѣ этого всѣ поютъ: „Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся“ трижды; изъ чего можно заключить, что вышеизложенный обрядовый актъ у скопцовъ носитъ какъ бы характеръ крещенія у православныхъ. Далѣе учитель вопрошаетъ:

Понялъ ли ты, что это такое?

Адептъ. Понялъ.

Учитель. Хорошо это?

Адептъ. Да.

Учитель. У насъ еще есть тайна, о которой сказано въ писаніи, что Богъ открывается младенцамъ своимъ. Младенцы это—мы. Есть еще больше этой тайна; это—вотъ что: въ писаніи сказано, что ангелы работаютъ передъ престоломъ у Бога. Такъ работаемъ и мы. Мы тебѣ будемъ открывать тайну; поклянись намъ, что не скажешь ее никому,—за что будешь ты спасенъ и взысканъ милостями отъ Бога; въ противномъ случаѣ, будешь наказанъ отъ Бога, а также и отъ людей.

Адептъ. Я никому не открою ввѣренной мнѣ тайны.

Послѣ этого поютъ всѣ:

„Дай намъ, Господи, къ намъ Іисуса Христа, дай намъ сына, государь, божьяго! Помилуй, государь, насъ! Съ нами духъ, государь, святой! Господи помилуй, государь, насъ! Пресвятая государиня, помилуй, государиня, насъ! Мы съ тобою, Пресвятая государиня, спасены будемъ!“

Во время этого пѣнія скопцы зорко слѣдятъ за новымъ своимъ членомъ, какое впечатлѣніе производитъ на него какъ самое монотонное пѣніе, такъ и содержаніе пѣсни. Если будетъ замѣчено, что пѣніе и содержаніе производитъ впечатлѣніе непріятное, то на этомъ на первый разъ и заканчиваютъ церемонію; но если впечатлѣніе произведено пріятное, то послѣ этой молитвы поютъ:

„Ужъ голуби, голуби бѣлые, голуби бѣлые себѣ держатъ свѣтъ;

мы апостолы съ неба сосланы, на сырую землю мы посланы. А мы видѣли тамъ диво-дивное, диво-дивное, чудо-чудное, какъ душа съ тѣломъ разставалася, распрощалася. Я въ тебѣ жила, въ тебѣ не жила; а себѣ душу въ муку свервила (ввергла); а тебѣ, тѣло, путь показала. Мать сыра земля, гробова доска, злымъ-лютымъ змѣямъ на съѣденіе; а мнѣ, душѣ, на седьмое небо идти; предъ престоломъ стать, Богу отвѣтъ держать. Мимо рая шла, спотыкнулася; я зашла, душа, тамъ нѣтъ ни травы-росы и ни капли воды".

Учитель послѣ этого велитъ адепту выучить на память молитву: „Дай намъ, Господи, Іисуса Христа", говоря, что эта молитва спасаетъ отъ всякихъ недуговъ. Когда плоть будетъ обуревать, то слѣдуетъ пропѣть ее три раза, и плотью овладѣютъ ангелы.

Тотчасъ, по выходѣ изъ собора, за новичкомъ учреждается самый строгій надзоръ, незамѣтный для него. Что бы новичекъ ни дѣлалъ зоркій скопческій глазъ все видитъ, куда бы онъ ни пошелъ, скопецъ неустанно слѣдитъ за нимъ. При малѣйшемъ подозрительномъ шагѣ, всѣ скопцы немедленно уже извѣщаются объ этомъ. Если вновь поступающій не вынесетъ искуса, будетъ предаваться мірскимъ забавамъ, то отъ него всѣ отстраняются, предварительно обсудивъ въ соборѣ всѣ его поступки, какъ легче и удобнѣе безъ вреда устраниться отъ сношеній съ новичкомъ и оттолкнуть его самого. Если неофитъ въ теченіе извѣстнаго времени будетъ вести себя безукоризненно, то его оскопляютъ, смотря по желанію черезъ полгода или черезъ годъ, послѣ введенія въ организацію; но за это время почти каждый изъ скопцовъ непремѣнно испробуетъ его твердость и непоколебимость намѣренія. Иные будутъ приходить къ нему и разъубѣждать, говоря: „хотя я и оскопился, да теперь не радъ сталъ, скопцы народъ нехорошій" и въ этомъ родѣ; а сами въ душѣ бываютъ рады, когда получаютъ въ отвѣтъ настойчивое желаніе оскопиться. Въ иныхъ мѣстахъ испытуемому дается даже дѣвушка или женщина на полгода, и если за всѣмъ тѣмъ получается требованіе оскопить, тогда назначается мѣсто и время, гдѣ слѣдуетъ принять оскопленіе.

На мѣстѣ оскопленія всегда присутствуетъ учитель, который благословляетъ совершить богоугодное дѣло оскопителя и оскопляющагося словами: „Благослови тебя, Господи", и затѣмъ, подавая ножъ, спеціально избранному обрѣзывателю, говоритъ: „вотъ мечъ, чтобы грѣхъ отсѣчь". Тутъ происходитъ уже отсѣченіе грѣха. Оскопленіе, какъ извѣстно, бываетъ полное и неполное.

Въ послѣдующемъ радѣніи новичекъ уже видитъ, какъ совершается часть корабельнаго радѣнія, круговаго, крестоваго и пророчества.

Записки Иркутскаго жителя.

(И. Т. Калашникова).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Записки Иркутскаго жителя“ сохранились у дочерей ихъ составителя—Ивана Тимоѳеевича Калашникова—Юліи Ивановны и Наталіи Ивановны Калашниковыхъ, предоставившихъ ихъ въ наше распоряженіе. Предлагая ихъ вниманію читателей „Русской Старины“ и не распространяясь объ ихъ содержаніи, считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ объ авторѣ „Записокъ“, въ свое время небезызвѣстномъ писателѣ, несправедливо забытомъ въ изслѣдованіяхъ по исторіи нашей литературы.

И. Т. Калашниковъ былъ сыномъ Иркутскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчаго, надворнаго совѣтника Тимоѳея Петровича Калашникова, умершаго въ Иркутскѣ 17-го февраля 1828 года; въ Иркутскѣ же и родился Иванъ Тимоѳеевичъ 22-го октября 1797 года. Отецъ его былъ человѣкъ любознательный, не безъ образованія, пріобрѣтеннаго собственными средствами, легко и охотно писавшій—о чемъ свидѣтельствуетъ какъ большое количество его писемъ къ сыну, такъ и автобіографическія записки, носящія названіе „Жизнь незнаменитаго Т. П. Калашникова, простымъ слогомъ описанная“ [1]). Окончивъ въ числѣ лучшихъ учениковъ курсъ Иркутской гимназіи въ 1808 году (11 лѣтъ), при томъ самомъ академикѣ-директорѣ Ив. Миллерѣ, о которомъ онъ вспоминаетъ въ „Запискахъ“, И. Т. Калашниковъ въ томъ же году поступилъ на службу—подканцеляристомъ въ Иркутскую Казенную Экспедицію, заставъ еще, такимъ образомъ, до-реформенное время Сибирскаго управленія, время Трескина и его помощниковъ, а затѣмъ захвативъ кратковременное управленіе Сибирью Сперанскаго и бывъ личнымъ свидѣтелемъ его реформаторской дѣятельности. Въ 1822 году, по предложенію Сперанскаго, узнавшаго Калашникова черезъ своего старипнаго пріятеля П. А. Словцова, тогда визитатора Сибирскихъ училищъ,—Иванъ Тимоѳеевичъ былъ назначенъ совѣтникомъ Тобольскаго

---

[1]) Онѣ напечатаны нами въ „Русскомъ Архивѣ“ 1904 г., № 10, стр. 145—183.

Губернскаго Правленія и въ томъ же году получилъ, также по представленію Сперанскаго, золотые часы въ награду за усердную службу. Въ 1823 году Калашниковъ покинулъ Сибирь и отправился искать счастья въ Петербургъ; скоро ему удалось получить мѣсто столоначальника въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, и онъ быстро пошелъ по службѣ, послѣдовательно занимая должности: начальника I отдѣленія въ Департаментѣ удѣловъ (1827), правителя Канцеляріи Медицинскаго Департамента (1830), старшаго помощника производителя дѣлъ въ Собственной Е. И. В. Канцеляріи (1836), и. д. производителя дѣлъ въ V Отдѣленіи той же Канцеляріи (1838), директора канцеляріи Предсѣдателя Комитета Государственнаго Коннозаводства (1843) и, наконецъ, члена Комитета Государственнаго Коннозаводства (1850).

Получивъ 1-го января 1859 года чинъ тайнаго совѣтника, Калашниковъ въ томъ же году, 13-го ноября, вышелъ въ отставку, а черезъ четыре года, 8-го сентября 1863 г. скончался въ Петербургѣ; погребенъ онъ вмѣстѣ съ женой, Елизаветой Петровной, рожд. Масальской (ум. въ 1877 г.), дочерью близкаго къ Сперанскому человѣка— Петра Григорьевича Масальскаго и сестрой небезъизвѣстнаго писателя К. П. Масальскаго, на Митрофаніевскомъ кладбищѣ.

Литературная дѣятельность Калашникова началась еще въ бытность его въ Сибири, но тогда она имѣла случайный характеръ; извѣстность же его, какъ писателя, ведетъ свое начало съ появленія въ 1832 году его романа „Дочь купца Жолобова“, имѣвшаго настолько большой успѣхъ среди любителей „занимательнаго чтенія“, что въ томъ же году потребовалось 2-е изданіе книги, такъ же быстро раскупленное. За „Дочерью купца Жолобова“ послѣдовалъ, въ 1833 году, новый романъ изъ Сибирской жизни — „Камчадалка“, имѣвшій весьма солидный успѣхъ, а въ 1834 г.—повѣсть „Изгнанники“. Эти два романа и повѣсть создали прочную репутацію Калашникову, и имя его сдѣлалось извѣстнымъ въ кругу литераторовъ и, особенно, читающей публики, среди которой названные „сибирскіе“ романы пользовались огромною популярностью (въ 1842 г. „Дочь купца Жолобова“ вышла 3-мъ, а „Камчадалка“ 2-мъ изданіемъ). Однако, отвлекаемый службою и заботами о большомъ семействѣ, заставившими его, кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей, взять на себя должность учителя русской словесности въ 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ и наставника-наблюдателя въ Дворянскомъ полку, Калашниковъ долженъ былъ смотрѣть на свою литературную дѣятельность, какъ на побочную, и его опыты въ этомъ направленіи прекратились: появляясь, время отъ времени, въ различныхъ Петербургскихъ журналахъ со стихотвореніями и мелкими разсказами, Иванъ Тимоѳеевичъ только въ 1841 году издалъ еще одинъ романъ (въ 3 ч.) „Автоматъ“, но онъ уже не имѣлъ того успѣха,

какъ первыя его произведенія, хотя и обладалъ достоинствами; кромѣ того, Калашникову принадлежитъ еще компилятивная работа „Объ устройствѣ судебно-уголовной власти въ Греціи и Римѣ" (С.-Пб. 1830) и „Книга для чтенія воспитанниковъ Сельскихъ училищъ", изданная въ 1847 году.

„Записки Иркутскаго жителя" [1]) писаны въ 1862 году, слѣдовательно, за годъ до смерти автора. Вторая ихъ часть почти вся посвящена разсказу о Петрѣ Андреевичѣ Словцовѣ, извѣстномъ историкѣ Сибири. Калашниковъ отводитъ ему столько мѣста въ своихъ воспоминаніяхъ какъ изъ желанія сохранить память объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, такъ и изъ чувства вѣчной благодарности къ Словцову, которому онъ былъ многимъ обязанъ, и который руководилъ умственнымъ и нравственнымъ воспитаніемъ талантливаго юноши, замѣченнаго имъ еще въ Иркутскѣ. Цѣльный образъ Словцова весьма рельефно рисуется въ перепискѣ его съ Иваномъ Тимоѳеевичемъ, обнимающей время съ 1823 по 1843 годъ, — годъ его кончины. Мы надѣемся впослѣдствіи обнародовать переписку Словцова съ Калашниковымъ, въ которой не мало любопытныхъ подробностей изъ Сибирской и Петербургской жизни 1820—1840-хъ годовъ.

Б. Модзалевскій.

15 іюня 1905 г. Павловскъ.

„Записки Иркутскаго жителя", начинаясь первыми годами текущаго столѣтія, оканчиваются 1823 годомъ, въ который выѣхалъ я изъ Сибири.

Первая часть этихъ записокъ содержитъ описаніе внѣшней стороны Иркутской жизни. Сюда отнесено мною и управленіе, также принадлежащее наиболѣе къ внѣшнимъ обстоятельствамъ. Разсказъ мой обнимаетъ самое замѣчательное время: дѣйствія Генералъ-Губернатора Пестеля и Гражданскаго Губернатора Трескина, разрушеніе ихъ владычества и избавленіе Сибири отъ тяжелаго ига, снятаго съ нея Сибирскимъ Генералъ-Губернаторомъ Михаиломъ Михаиловичемъ Сперанскимъ. Въ особенности послѣднее время управленія Трескина представляетъ любопытную и страшную драму, въ которой былъ виденъ перстъ Божій, и которая можетъ служить навсегда поучительнымъ примѣромъ для правителей отдаленныхъ провинцій.

Бывъ многолѣтнимъ и близкимъ очевидцемъ тогдашнихъ происшествій, я желалъ сохранить для исторіи Сибири особенно драгоцѣнныя подробности о пребываніи въ Иркутскѣ Сперанскаго, полагая,

---

[1]) Другой экземпляръ ихъ (подлинная рукопись автора) находится въ Рукописномъ Отдѣленіи Императорской Публичной библіотеки.

что и малѣйшее обстоятельство, относящееся къ жизни столь замѣчательнаго человѣка, не можетъ не быть интересно для его соотечественниковъ, и есть неотъемлемое достояніе исторіи.

Вторая часть содержитъ внутреннюю сторону Иркутской жизни, степень цивилизаціи жителей и научное ихъ развитіе, на которое имѣло сильное вліяніе управленіе тамошними училищами Петромъ Андреевичемъ Словцовымъ, человѣкомъ необыкновеннаго ума и глубокаго просвѣщенія, котораго также, какъ и Сперанскаго, только буря обстоятельствъ, сдвинувъ съ блестящаго пути, ему открывавшагося, могла занести въ пустыни Сибири. Словцовъ былъ соученикъ и другъ Сперанскаго отъ самыхъ молодыхъ лѣтъ до самой смерти послѣдняго. Оба друга равно испытали невѣрность счастія, оба страдали напрасно; но жизнь Словцова представляетъ еще болѣе превратности и какого-то таинственнаго предопредѣленія, какъ и самъ Сперанскій писалъ къ нему однажды: „Вѣрь, что Провидѣніе ведетъ тебя особенно: ибо человѣческіе способы и усилія, противные твоему влеченію, какъ бреніе сокрушаются“.

Во многихъ журналахъ были напечатаны біографіи Словцова, но краткія и неудовлетворительныя. Бывъ много лѣтъ въ близкихъ сношеніяхъ съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ и получивъ, по смерти его, завѣщанныя имъ мнѣ бумаги [1]), я считалъ бы себя виноватымъ предъ памятію Словцова, если бы оставилъ въ неизвѣстности имѣющіяся у меня свѣдѣнія.

Въ этомъ убѣжденіи все, извѣстное мнѣ о П. А. Словцовѣ, я изложилъ во II-й части настоящихъ записокъ [2]).

Говоря объ управленіи, я старался, сколько было возможно, избѣгать всякаго личнаго упоминанія; но, къ сожалѣнію, происшествія были столь рѣзки, дѣла столь возмутительны, злоупотребленія столь тѣсно соединены съ личностями, что надлежало невольно коснуться многихъ весьма съ неблагопріятной стороны. Что дѣлать? Давно сказано, что исторія злопамятнѣе людей.

Не отрекаюсь, что, можетъ быть, въ какихъ-либо случаяхъ память и измѣнила мнѣ: въ сорокъ и даже въ пятьдесятъ лѣтъ, протекшихъ со времени описываемыхъ мною происшествій, легко можно было позабыть многое. И потому я обращаюсь собственно къ моимъ единоземцамъ словами древняго лѣтописца: „Отцы и братія! ожесь гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или недописалъ, чтите, исправляя Бога для, а не кляните“!

И. К—въ.

---

[1]) Нѣкоторыя бумаги Словцова находятся теперь въ Рукописномъ Отдѣленіи Публичной Библіотеки.

[2]) Эта часть печатается здѣсь въ сокращенномъ видѣ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Городское устройство.—Казенныя зданія и частные дома.—Мѣсто городскихъ гуляній.—Церкви, монастыри Иркутска.—Землетрясенія.

Въ началѣ настоящаго столѣтія Иркутскъ имѣлъ болѣе видъ грязнаго уѣзднаго городка или даже большого села, нежели столицы Сибири, какъ называли его тамошніе жители по пребыванію тамъ Сибирскихъ генералъ-губернаторовъ.

Послѣ проливныхъ дождей, многія изъ Иркутскихъ улицъ были непроходимы; на площадяхъ образовывались безпредѣльныя лужи. Проѣзда по нимъ почти не было; за то какое было наслажденіе для дѣтей! Бывало, ученики народнаго училища, идучи домой послѣ классовъ, поставляли долгомъ снять сапоги и съ неописаннымъ наслажденіемъ брели по водѣ, между тѣмъ какъ въ ихъ дѣтскомъ воображеніи,—лужа представлялась нѣчто въ родѣ океана.

Невысыхаемая грязь не была, однакожъ, единственнымъ достоинствомъ Иркутскихъ улицъ; онѣ были, сверхъ того, косы и кривы, тянулись, какъ имъ было удобнѣе, не удостоивая городской планъ ни малѣйшаго вниманія. Дома то высовывались впередъ, какъ бы желая взглянуть, что дѣлалось на улицахъ, то пятились назадъ, какъ бы стараясь уединиться отъ городского шума; многіе, особенно въ такъ называемыхъ солдатскихъ улицахъ, склонившись долу, послѣ долговременной службы, преспокойно доживали на боку свои послѣдніе дни. Къ довершенію картины, городъ былъ украшенъ тысячами колодезныхъ столбовъ, торчавшихъ изъ каждаго огорода, съ превеликими очепами, или, какъ называли въ Иркутскѣ, журавцами,—словомъ: городъ имѣлъ, какъ сказалъ я выше, видъ большого села, гдѣ на грязныхъ улицахъ гуляли коровы, стадами бѣгали собаки и, по временамъ, плавали утки.

Наконецъ, для этой сельской картины насталъ черный день. День этотъ былъ пріѣздъ въ Иркутскъ гражданскаго губернатора Николая Ивановича Трескина, въ 1808 году.

Трескинъ неутомимо принялся за благоустройство города. Признаться, пора была! Площади были подняты и осушены; на улицахъ не только главныхъ, но и второстепенныхъ, положены гати. Все это производилось колодниками, или, какъ называютъ въ Сибири, „несчастными". Инженеровъ путей сообщенія въ то время въ Иркутскѣ еще не было; поэтому работы производились подъ руководствомъ также ссыльнаго, нѣкоего Гущи, который ходилъ въ какомъ-то импровизированномъ имъ самимъ мундирѣ, въ видѣ начальника. Имя Гущи

было извѣстно всѣмъ въ городѣ, съ мала до велика. Рабочихъ, бывшихъ подъ его начальствомъ, иначе не называли, какъ Гущинскою командою. Но кто былъ этотъ великій осушитель улицъ и строитель гатей, откуда, изъ какого званія, для меня было и осталось тайною.

Появленіе Гущинской команды особенно было непріятно для владѣльцевъ тѣхъ домовъ, которые, по вольности дворянства, не уважали городского плана. Трескинъ хлопоталъ не только объ осушеніи улицъ и площадей, но и о томъ, чтобы выпрямить кривизны и косины и дать городу, елико возможно, наружность благоприличную. Спору нѣтъ, что благоприличіе вещь хорошая, но только ужъ слишкомъ нецеремонно поступали съ домами, стоявшими не по плану. Согласіе домовладѣльцевъ тутъ было дѣло излишнее. Бывало, явится Гущинская команда—и домъ, поминай, какъ звали. Если же не весь домъ стоялъ не по плану, а только какая-нибудь особенно смѣлая часть его вылѣзала впередъ, то безъ церемоніи отпилитъ отъ него сколько нужно по линіи улицы, а тамъ и поправляй его, какъ умѣешь. Если хозяину поправить дома было нечѣмъ, то онъ ёжился съ семействомъ въ остальной части, а полураспиленныя комнаты такъ себѣ и стояли на показъ иногда цѣлые годы.

Одинъ купецъ, по прозванію, помнится, Скоробогатой, долго упрямился и не хотѣлъ сломать своего дома. Домикъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ красивенькій и хорошо прибранный,—по изысканному вкусу хозяина, который былъ и самъ человѣкъ щеголеватый и даже нѣсколько щепетильный. Въ одну прекрасную ночь, когда Скоробогатой спалъ спокойнымъ сномъ, какъ человѣкъ вполнѣ довольный своимъ положеніемъ, можетъ быть, предавался сладкому мечтанію, какъ онъ женится и заживетъ весело съ супругою въ своемъ уютномъ и красивенькомъ домикѣ; можетъ быть, мечталъ и о тѣхъ перемѣнахъ, какія предполагалъ въ немъ сдѣлать,—какъ вдругъ раздается на кровлѣ роковой визгъ пилы... Труба Архангела, возвѣщающая кончину міра, едва-ли была бы для него болѣе ужасною! Сколько ни упрашивалъ, сколько ни умолялъ бѣдный купецъ объ отсрочкѣ разрушенія своего маленькаго рая, неумолимый Гуща продолжалъ свое дѣло — и половины дома какъ не бывало.

Долго и домъ моего отца, родное мое пепелище, находился въ опасномъ положеніи, и дѣтское воображеніе уже пугало грозною картиною приближенія Гущинской команды; но туча какъ-то прошла стороною, и нашъ домъ во все губернаторство Трескина простоялъ благополучно.

Каменныхъ домовъ было очень мало; едва-ли насчитывалось десятка три.

Изъ казенныхъ каменныхъ зданій, самое красивое, по странной

гирѣ случая, было — тюрьма, или, какъ называли въ Иркутскѣ, острогъ. На главный фасъ его выходила церковь во имя Св. Бориса и Глѣба, куда заключенные, каждое воскресенье, приходили слушать божественную службу. Острогъ стоялъ за городомъ, въ мѣстоположеніи весьма живописномъ.

Лучшіе деревянные дома, исключая одного, въ которомъ постоянно владычествовалъ откупъ, принадлежали казнѣ, какъ - то: генералъ-губернаторскій, губернаторскіе: зимній и лѣтній, и вице-губернаторскій.

Домъ генералъ-губернатора былъ весьма обширный, имѣлъ до тридцати комнатъ и три или четыре зала. Но во все время генералъ-губернаторства Ивана Борисовича Пестеля онъ стоялъ безъ всякой поправки и гнилъ безъ пользы. Извѣстно, что Пестель, побывавъ разъ въ Иркутскѣ, въ самомъ началѣ своего управленія, потомъ постоянно жилъ въ Петербургѣ, и потому какимъ-то острякомъ тогдашняго времени былъ названъ самымъ дальновиднымъ изъ начальниковъ.

Частные деревянные дома въ городѣ принадлежали большею частію купцамъ и мѣщанамъ; имѣли домы и чиновники, но небольшіе и бѣдные. Судя по домамъ, можно думать, что тогдашніе чиновники или жили однимъ жалованьемъ, или, если пользовались отъ трудовъ своихъ, то весьма скудными даяніями.

Вообще дома, какъ деревянные, такъ и каменные, не имѣли подъѣздовъ съ улицы, и крыльца ихъ выходили во дворъ, а чтобы попасть во дворъ, надобно было постучать въ ворота большимъ кольцомъ, для этого повѣшеннымъ на одной изъ двухъ калитокъ.

Постройка домовъ мало улучшилась и въ управленіе Трескина. Бывшій при немъ архитекторъ имѣлъ необыкновенное пристрастіе къ высокимъ крышамъ. Крыши, поставленныя имъ на выстроенныхъ имъ деревянныхъ домахъ, иногда въ полтора раза были выше самыхъ домовъ, и напоминали прежнихъ солдатъ въ безмѣрно высокихъ трехъ-угольныхъ шляпахъ.

При каждомъ домѣ, и богатомъ и бѣдномъ, былъ, какъ непремѣнное условіе жизни, огородъ, а при другихъ и садъ. Огороды были необходимы, потому что мелочныхъ или зеленныхъ лавочекъ не было и въ поминѣ, и каждый домохозяинъ долженъ былъ запасаться зеленью, большею частію, изъ своего огорода.

Лучшіе сады были при домахъ: генералъ-губернаторскомъ, губернаторскихъ и вице-губернаторскомъ. Впрочемъ, сады при лѣтнемъ домѣ губернатора и вице - губернатора не имѣли никакой отдѣлки и были обыкновенныя березовыя рощи. Одно было въ нихъ хорошо, что онѣ находились на берегу Ушаковки. Еще была березовая роща, называвшаяся комендантскою. Долгое время она не была даже и огорожена,

и служила только для игры ребятишекъ. Въ позднѣйшіе годы управленія Трескина ее обнесли заборомъ и сдѣлали въ ней кое-какія бесѣдки, но, по неудобному своему мѣстоположенію для прогулокъ, она по-прежнему оставалась всегда пустою...

Вообще мѣстъ, удобныхъ для публичныхъ гуляній, не было. Трескинъ хотѣлъ было учредить публичное гулянье въ принадлежавшей купцу Портнову сосновой рощѣ, превративъ ее въ садъ и наименовавъ Портновскимъ садомъ. Тамъ былъ выстроенъ для танцевъ особый залъ, или, лучше сказать, сарай и балаганъ, сколоченный изъ досокъ и ни снаружи, ни внутри не окрашенный. Даже были придуманы и фонтаны, для которыхъ была проведена вода изъ Ушаковки. Но ничто не помогло. По отдаленности отъ города, въ Портновскій садъ никто не заглядывалъ изъ жителей, и, наконецъ, онъ былъ брошенъ и запустѣлъ...

Но при недостаткѣ мѣстъ для веселыхъ сборищъ, Иркутскъ могъ похвалиться множествомъ и богатствомъ церквей. Церкви всѣ были каменныя и обширныя, почти всѣ двуэтажныя: нижній этажъ былъ теплый, гдѣ служили зимою, верхній—холодный, куда переходили въ первый день Св. Пасхи и служили лѣтомъ. Всѣ церкви отличались необыкновенно высокими шпицами. Многія изъ нихъ были внутри раскрашены; вообще же всѣ снаружи были выбѣлены, а по угламъ вымазаны черною краскою, что̀ придавало имъ траурный видъ; потомъ, не знаю, по чьему настоянію, черныя полосы были забѣлены. Всѣхъ церквей считалось до 13-ти.

Всѣхъ же домовъ, каменныхъ и деревянныхъ, при выѣздѣ моемъ изъ Иркутска, въ 1822 году, насчитывалось до 2.000, а жителей до 15.000 человѣкъ.

При городѣ были два монастыря: Вознесенскій, мужской, основанный въ 1672 году, и Знаменскій, женскій, основанный въ 1693 году. Первый былъ очень богатъ и имѣлъ нѣсколько церквей, изъ которыхъ въ главной почиваютъ мощи Св. Иннокентія, перваго Иркутскаго епископа. Изъ другихъ монастырскихъ церквей особенно замѣчательна деревянная, гдѣ прежде почивалъ Св. Угодникъ. Во время бывшаго въ монастырѣ большого пожара всѣ зданія около нея сгорѣли, а она осталась невредимою, хотя одна стѣна ея совершенно обуглилась.

Въ монастырь Вознесенскій стекались богомольцы со всей Россіи. Кромѣ того, Иркутскіе купцы, въ числѣ которыхъ были и милліонеры (считая деньги на ассигнаціи), весьма усердствовали къ украшенію монастыря. Сборщикомъ подаяній, въ мое время, былъ одинъ изъ несчастныхъ, наказанный кнутомъ. По приводѣ его въ Иркутскъ, онъ бѣжалъ за городъ, отрубилъ себѣ руку, вѣроятно, для того, чтобы

избавиться отъ каторжной работы, но сумѣлъ придать этому религіозной видъ: устроилъ себѣ въ лѣсу, для спасенія своей грѣшной души, недалеко отъ города, келейку, въ которой и былъ вскорѣ пойманъ. Вѣря въ его раскаяніе и въ желаніе посвятить себя Богу, его помѣстили въ монастырскіе служки. Тамъ онъ успѣлъ войти въ довѣренность архимандрита, сдѣлался трапезникомъ и даже нѣчто въ родѣ казначея...

Я помню набожную и постную физіономію этого проходимца. Онъ былъ лѣтъ тридцати; имѣлъ лице сухощавое и видъ болѣзненный; росту—средняго, глаза черные—блестящіе... Онъ ходилъ въ самые лютые морозы изъ монастыря въ городъ и изъ города въ монастырь, отстоявшій верстъ за пять, въ одномъ камлотовомъ подрясникѣ, со скуфейкою на головѣ: какимъ образомъ удавалось ему совершать безвредно эти опасныя прогулки при тридцати и болѣе градусныхъ морозахъ, это была его тайна; но тѣмъ не менѣе онѣ привлекали къ нему общее почтеніе жителей, въ особенности благочестивыхъ купчихъ, которыя считали его едва-едва не святымъ. Звали его Иваномъ, но жители обыкновенно называли его ласковымъ именемъ: Иванушка. Много Иванушка собиралъ подаяній, много содѣйствовалъ къ благолѣпію монастыря; даже сказывали, что на собранныя имъ пожертвованія была выстроена новая церковь...

Нѣсколько лѣтъ продолжалъ Иванушка вести себя такъ, что въ поведеніи его самый строгой взоръ не могъ бы примѣтить ни сучка, ни задоринки; но, наконецъ, врагъ ли рода человѣческаго впутался въ это дѣло, или привычка—вторая натура, взяла таки свою силу,—какъ бы то ни было, только Иванушка весьма скандально закончилъ свою роль. Въ одну прекрасную ночь онъ обокралъ монастырь и даже не устрашился поджечь его... Къ счастію, пожаръ былъ благовременно замѣченъ и потушенъ...

Разсматривая жизнь этого человѣка, нельзя не удивляться то необыкновенной твердости его характера, то его изумительному, обдуманному и выдержанному лицемѣрію, то, наконецъ, отчаянной дерзости, съ какою онъ рѣшился разбить разомъ твореніе многихъ и трудныхъ лѣтъ...

Знаменскій женскій монастырь былъ гораздо бѣднѣе Вознесенскаго. Оба монастыря стоятъ на берегу Ангары: Знаменскій въ предмѣстіи города, а Вознесенскій, какъ выше сказано, верстъ за пять. Проѣхать изъ одного монастыря въ другой нельзя иначе, какъ по рѣкѣ. Однажды игуменья и монахини Знаменскаго монастыря собрались поклониться мощамъ Св. Иннокентія. Онѣ поѣхали въ лодкѣ. Погода была бурная. Ангара, разливающаяся почти на версту, закипѣла бѣлыми волнами. Монахини, однакожъ, продолжали ѣхать. Ло-

дочники, сколько возможно, боролись съ волнами; но наконецъ налетѣлъ сильный шквалъ, лодка опрокинулась—и всѣ монахини потонули. Спасенія ожидать было не отъ кого: берега Ангары, отъ Знаменскаго монастыря до Вознесенскаго—пустынные, а по Ангарѣ и въ хорошую погоду лодокъ ѣздило весьма мало, тѣмъ больше въ бурную. Такимъ образомъ бѣдныя монахини, помнится, человѣкъ до девяти, всѣ погибли жертвою своей набожности.

Въ Знаменскій монастырь, въ день Знаменія Пресвятой Богородицы, 27-го ноября, бывалъ (вѣроятно, и нынѣ бываетъ) крестный ходъ изъ Соборной церкви съ иконою Пресвятой Богородицы, нарицаемою Казанскою. Въ этомъ ходѣ, не смотря на сильной морозъ, тогда бывающій, участвовало почти все народонаселеніе Иркутска, съ мала до велика. Вообще всякая духовная процессія была торжествомъ цѣлаго города. Духъ религіозный проникалъ равно во всѣ сердца. Вольнодумство было чуждо города, весьма съ малымъ исключеніемъ двухъ, трехъ человѣкъ, которыхъ зналъ весь городъ и считалъ за помѣшавшихся.

Съ особеннымъ торжествомъ провожали и встрѣчали Казанскую икону Богоматери, когда 21-го мая ее уносили въ деревню Куду, чтобы оттуда носить по полямъ для испрошенія на нивы Божія благословенія. Погода тогда бываетъ, большею частію, прекрасная; весна въ полномъ разгарѣ; дорога идетъ по полямъ и горамъ, усѣяннымъ множествомъ благоухающихъ цвѣтовъ. Надобно замѣтить, что иркутская флора несравненно богаче бѣдной Петербургской флоры: Иркутскъ южнѣе Петербурга болѣе, нежели на 7-мь градусовъ.

Версты за три отъ города стоялъ среди поля деревянный крестъ, и здѣсь былъ первый отдыхъ процессіи, по отслуженіи молебна. Отсюда большая часть провожавшихъ икону возвращалась домой. Представьте себѣ обширную цвѣтущую долину при подошвѣ высокой горы; вдали свѣтлѣетъ обширная Ангара; жители группами раздѣлились по зелени, въ разноцвѣтныхъ нарядахъ, пѣніе клира, развѣвающіяся хоругви, блестящія на солнцѣ одежды духовенства, набожныя толпы, окружающія икону—все это наполняло душу благоговѣніемъ и умиляло сердце. Въ дѣтствѣ моемъ я всегда участвовалъ въ этой процессіи вмѣстѣ съ однимъ изъ моихъ школьныхъ товарищей. Однажды мы зашли очень далеко отъ города и даже уговаривали бывшую съ нами старушку, бабушку моего товарища, итти до самой Куды.

Иркутскъ стоитъ при подошвѣ Петрушиной горы, на небольшой лощинѣ, обмываемой съ Запада и Сѣвера Ангарою, съ Востока Ушаковкою. За Ангарою опять поднимаются горы, пробиваемыя могучею рѣкою. Горы покрыты хвойными лѣсами; за лѣсами опять горы, за горами опять лѣса: видъ унылый, единообразный, утомительный: какъ

въ колыбельной пѣснѣ: „А за тѣми за лѣсами — лѣсъ да гора, а за тою за горою—горы да лѣса". Вдали виднѣлись: на западъ—двѣ деревушки—„Хомутова и Царь-дѣвица", на сѣверъ—колокольни Вознесенскаго монастыря, на востокъ—огромная Клубничная гора, съ крестомъ на могилѣ одного казненнаго преступника. Вотъ все, на чемъ могъ остановиться взоръ, брошенный изъ Иркутска, съ берега Ангары, на его печальныя окрестности.

Преступникъ, о которомъ упомянулъ я выше, былъ изъ солдатъ, прозывался Хлызовъ. Сосланный на каторгу, онъ бѣжалъ съ Нерчинскихъ заводовъ и пріютился въ домишкѣ своей жены, на концѣ города. Женѣ онъ поручалъ высматривать въ лавкахъ, гдѣ болѣе выручки, гдѣ хранятся деньги, и гдѣ удобнѣе ихъ украсть. Для этого она дѣлала по временамъ свои обсерваціи въ гостинномъ дворѣ и, наконецъ, собравъ удовлетворительныя свѣдѣнія, доставляла ихъ своему почтенному супругу. Такимъ образомъ было указано ею на одну изъ лавокъ, называвшихся Ситниковыми. Хлызовъ туда отправился, запасшись инструментами для пробитія свода, имѣлъ терпѣніе, пробравшись подъ кровлю, нѣсколько дней тихонько пробивать сводъ, и, наконецъ, пробивши отверстіе, спустился въ лавку, взялъ шкатулку съ деньгами, нѣсколько кусковъ лучшихъ матерій и тѣмъ же путемъ возвратился назадъ, не оставя послѣ себя ни малѣйшаго слѣда.

Въ другой разъ Хлызовъ обокралъ Крестовоздвиженскую церковь, бывшую за городомъ, на старомъ Иркутскомъ кладбищѣ. Церковь снаружи была украшена разными узорами, высѣченными изъ кирпича. По этимъ узорамъ, со страшною опасностью, Хлызовъ поднялся на колокольню, оттуда перебрался на хоры и съ хоръ въ церковь. Злодѣй не дрогнулъ взять съ престола Божія чашу, ободрать ризы съ образовъ, обокрасть ризницу, словомъ, святотатственно похитить столько, сколько могъ одинъ утащить... Сдѣлавъ это злодѣйство, онъ опять вышелъ тѣмъ же путемъ изъ церкви, все сбросилъ съ колокольни на землю, а потомъ и самъ спустился. Это происшествіе навело ужасъ на благочестивыхъ жителей Иркутска. Кто же былъ безбожный похититель, слѣдовъ опять никакихъ не было... Кражи начали повторяться, страхъ жителей увеличился; но преступника открыть не могли: полиція пришла въ совершенный тупикъ, и злодѣй еще долго бы торжествовалъ, если бы самъ Богъ не помогъ открыть его.

Живучи въ подпольѣ, Хлызовъ скрывался тамъ днемъ и только ночью выходилъ на преступную работу. Но, однажды, въ какомъ-то самозабвеніи, онъ вздумалъ подышать ли чистымъ воздухомъ, или взглянуть на свѣтъ Божій, и, отворивъ подъемную дверь, или трапъ, высунулъ оттуда голову, не болѣе какъ на мгновеніе, но этого и было достаточно для его гибели. Жены его дома не было, а въ избѣ

сидѣла сосѣдняя дѣвочка. Сколь ни скоро онъ заперъ трапъ, дѣвочка его увидѣла, и, сейчасъ побѣжавъ домой, сказала, что мужъ-то де-Сидоровны или Панкратьевны... возвратился.

— Какъ воротился?— съ удивленіемъ спросили домашніе.

„Да я сейчасъ своими глазами его видѣла...

Немедленно было дано знать полиціи,—и злодѣй былъ схваченъ. Утвари церковныя переломанныя, ризы священническія, товары, накраденные изъ лавокъ, все было спрятано между полами. Узнавъ объ этомъ открытіи, городъ спокойно вздохнулъ. Судъ надъ злодѣемъ былъ непродолжителенъ. Это было во время Трескина: тогда шутить не любили. Хлызовъ былъ приговоренъ къ тяжкому наказанію — и умеръ подъ ударами...

Къ несчастію, Сибирская жизнь полна подобными катастрофами. Собранныя въ одно цѣлое, онѣ представили бы многія любопытныя явленія для исторіи человѣческаго духа.

Воздухъ Иркутска сухой, по причинѣ возвышеннаго положенія; по барометрическимъ наблюденіямъ, онъ выше океана на 195 сажень. Высшая степень тепла доходитъ до 29°, самый большій морозъ до— 33°. Случается, что и ртуть въ термометрахъ замерзаетъ: впрочемъ, эти казусы бываютъ не каждый годъ. Въ эти дни улицы раскалываются съ трескомъ; бревна въ домахъ съ трескомъ лопаются; воздухъ сгущается и наполняется милліонами блестокъ; побѣлѣвшіе носы, уши и щеки то и дѣло встрѣчаются на улицахъ; жители надѣваютъ, кромѣ шубъ и теплыхъ шапокъ, огромные медвѣжьи сапоги, безъ которыхъ, какъ разъ, распрощаешься съ ногами. Несносное и тяжелое время!

Но и среди самыхъ палящихъ, или, какъ говорили въ Иркутскѣ, хлящихъ морозовъ, въ январѣ и особенно въ февралѣ мѣсяцѣ, вдругъ солнце какъ бы одолѣваетъ усиліе мороза, на кровляхъ снѣгъ начинаетъ таять и наипріятнѣйшая свѣжесть разливается въ атмосферѣ.

Въ отмщеніе за это, лѣтомъ, въ продолженіе жаровъ, вдругъ врывается дыханіе зимы, и одно холодное утро уничтожаетъ труды и надежды земледѣльца.

Сколь ни страшны были при мнѣ грозы и морозы въ Иркутскѣ, но страхъ, наводимый ими, ничто въ сравненіи съ ужасомъ, производимымъ землетрясеніями. Въ бытность мою въ Иркутскѣ, съ начала настоящаго столѣтія по 1823 годъ, были три раза сильнѣйшія землетрясенія, не говоря о незначительныхъ, бывавшихъ почти каждый годъ.

Первое землетрясеніе было въ 1804 году; оно случилось въ ночь на Св. Пасху. Въ эту ночь гарнизонная артиллерія обыкновенно приводила три орудія къ Собору, для обычныхъ сигналовъ. Едва раздался первый выстрѣлъ, какъ страшный ударъ землетрясенія потрясъ

городъ. Дома вздрогнули и закачались; въ нѣкоторыхъ каменныхъ домахъ показались трещины; въ комнатахъ зашевелились и застучали мебели; зазвенѣла посуда, заговорили окна и двери, и въ то же мгновеніе съ соборной колокольни отъ сильнаго качанія слетѣлъ крестъ, и, отброшенный саженъ на десять отъ основанія колокольни, едва не задавилъ артиллеристовъ. Изъ этого можно заключить, какъ сильно было колебаніе.

Многіе камергеры и камеръ-юнкеры, бывшіе въ то время въ Иркутскѣ съ графомъ Головкинымъ, который отправлялся посломъ въ Китай, въ испугѣ прибѣжали прямо съ постели искать спасенія въ домъ губернатора, накинувъ на себя, что попало подъ руку: до нарядовъ ли тутъ, какъ смерть виситъ на носу! Опомнившись отъ страха, гг. придворные увидѣли непристойность своихъ нарядовъ, и много смѣялись: Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas.

Второе землетрясеніе было 14-го февраля 1809 года, въ 3 часа пополуночи. Съ вечера былъ чувствуемъ сильный сѣрный запахъ, обыкновенно предшествующій землетрясенію; воздухъ сдѣлался удушливый; наступила грозная тишина, предвѣстница подземной грозы, и вдругъ раздался сильнѣйшій подземный ударъ, всѣ жители города разомъ проснулись и съ трепетомъ ожидали послѣдствій... Скоро землетрясеніе поколебало городъ, возобновляясь три раза въ теченіе ночи. Бывъ еще ребенкомъ, я проснулся съ ужасомъ, и теперь еще живо въ моемъ воображеніи, какъ трясся и трещалъ домъ, стучали мебель и двери и прыгали окна то вверхъ, то внизъ.

Третье землетрясеніе было при мнѣ въ 1814 году, часа въ два пополудни. О продолженіи его можно судить потому, что я успѣлъ выйти на крыльцо и, помолившись Богу, сдѣлалъ нѣсколько земныхъ поклоновъ. Между тѣмъ, всѣ окружающія нашъ домъ строенія трещали и тряслись... Картина страшная и страшнѣе ея едва-ли что можно представить!

Впослѣдствіи были при мнѣ еще нѣсколько землетрясеній, но весьма легкихъ: только пробѣгалъ по городу мгновенный гулъ, какъ бы пролеталъ сильный вихрь...

II.

Происхожденіе жителей.—Купечество.—Самостоятельность и степень образованія купцовъ.—Чиновники.—Загородныя прогулки.—Городскія удовольствія.—Вертепы.—Театры.—Народныя празднества.—Балы и маскарады.—Угощеніе.—Свадьбы.—Капустка.—Музыканты.—Иркутскіе оригиналы. — Пѣвческіе хоры.

Судя по выговору и по самостоятельности характера иркутскихъ сторожиловъ, можно полагать, что они происходятъ отъ зашедшихъ

въ Сибирь новогородцевъ, разсѣявшихся послѣ погрома при Грозномъ.

Самостоятельность, въ первомъ десяткѣ настоящаго столѣтія, до пріѣзда губернатора Трескина, особенно проявлялась въ сословіи купцовъ, составлявшихъ аристократію Иркутска. Замѣчательно, что среди нихъ не было ни одного раскольника; всѣ они брили бороды и носили фраки.

Гордость ихъ нерѣдко доходила до дерзости; главнѣйшіе изъ нихъ не ломали, какъ говорится, шапки и предъ главными начальниками.

Не извиняя дерзости, нельзя, однакожъ, не сказать, что самостоятельность купечества имѣла и свою хорошую сторону. Въ городѣ, гдѣ не было дворянства, кромѣ бѣдныхъ и безгласныхъ чиновниковъ, купеческое общество одно составляло нѣкоторый оплотъ самоуправству и беззаконію, столь обыкновенному, въ прежнее время, въ отдаленныхъ провинціяхъ. Если притѣсненія переходили мѣру терпѣнія, купцы приносили жалобу высшему правительству. Жалобы ихъ нерѣдко были признаваемы уважительными. Къ сожалѣнію, не всегда они умѣли пользоваться вниманіемъ правительства: успѣхъ ихъ жалобъ еще болѣе надувалъ купеческую спесь. Даже и въ началѣ управленія Трескина она не хотѣла уняться. Я помню случай, что купецъ, высокаго роста и гордѣйшаго характера, вошедши въ собраніе, гдѣ былъ и Трескинъ, поклонился и, наклонивъ голову, не разгибался, ожидая, пока всѣ станутъ на ноги и ему, въ свой чередъ, поклонятся...

Трескинъ терпѣливо сносилъ подобныя выходки, но между тѣмъ заготовлялъ для купцовъ страшный ударъ, о которомъ я скажу впослѣдствіи.

Богатѣйшими купцами были: Сибиряковъ, Мыльниковъ, Дудоровскій, Сизовъ, Старцовы; потомъ возникли Трапезниковы, Баснины, Медвѣдниковы, Чупаловъ и другіе. Все это были люди достойные, умные, готовые на всякое доброе дѣло. Но особенно титулъ благотворителя пріобрѣлъ Чупаловъ.

Онъ былъ добрый и простой, смиренный старичокъ. Дѣлая много добра, онъ выстроилъ каменный домъ для больницы. Въ день открытія больницы былъ устроенъ крестный ходъ въ нее изъ Соборной церкви. Въ процессіи этой Чупаловъ былъ отличенъ почетнымъ мѣстомъ. Потомъ въ зданіи больницы былъ обѣдъ и въ вечеру балъ. Во время стола пѣвчіе пѣли въ честь губернатора:

Мы тебя любимъ сердечно;
Будь намъ начальникомъ вѣчно!
Наши зажегъ ты сердца:
Мы въ тебѣ видимъ отца!... и проч.

Пѣли также кантату и въ похвалу Чупалова, сочиненную бывшимъ тогда вице-губернаторомъ Николаемъ Васильевичемъ Семивскимъ, любившемъ стихотворство и вообще человѣкомъ хорошо образованнымъ...

Не смотря на фраки и бритые подбородки, въ концѣ минувшаго и въ началѣ настоящаго столѣтія нравы купечества были крайне оригинальны. Сказываютъ, что попойки были господствующимъ увеселеніемъ, и ни одна пирушка не обходилась безъ драки... Впослѣдствіи, когда просвѣщеніе болѣе проникло въ купеческія семейства, подобныя вакханалии окончились, и среди купеческаго сословія явились молодые люди весьма образованные и жаждущіе науки. Я зналъ одного изъ молодыхъ купцовъ [1]), который любилъ литературу, много читалъ и самъ писалъ весьма искусно и пріятно.

Къ числу Иркутскихъ купцовъ можно отнести и извѣстныхъ даровитыхъ писателей, гг. Полевыхъ. Отецъ ихъ нѣкогда управлялъ питейнымъ откупомъ въ Иркутскѣ и слылъ за человѣка весьма умнаго и честнаго. Дѣтей его я видалъ въ Иркутскѣ, бывъ еще мальчикомъ; и тогда о нихъ говорили съ большою похвалою. Однажды, встрѣтившись въ обществѣ съ ихъ сестрою, я былъ удивленъ ея познаніями. Она прекрасно говорила и вела политическій разговоръ о тогдашнемъ положеніи Европы —о чемъ иркутскія дамы, за немногими исключеніями, и помышлять боялись...

Чиновники Иркутскіе были, большею частію, люди бѣдные и безотвѣтные, загнанные, невольныя орудія самовластія. Жизнь ихъ была самая простая и скудная. Каждый жилъ кое-какъ своимъ домишкомъ, своимъ хозяйствомъ, и искалъ удовольствія только въ своемъ семействѣ. Бывали и исключенія, но весьма немногія. Это продолжалось до пріѣзда Трескина, когда явился въ чиновническомъ мірѣ новый элементъ: земскіе. Подъ этимъ словомъ разумѣлись исправники и засѣдатели земскихъ судовъ. Они начали вести жизнь роскошную, ввели сильную картежную игру и шампанское, до того мало извѣстное Иркутску. Надобно замѣтить, что земскіе были почти всѣ пріѣзжіе, учившиеся въ университетахъ, люди цивилизованные. Они смотрѣли свысока на уроженцевъ иркутскихъ, и тѣ сами чувствовали, что имъ равняться нельзя съ этими великими людьми.

Самое высшее наслажденіе Иркутскихъ уроженцевъ, какъ чиновниковъ, такъ и вообще жителей, было—поѣздка за городъ. Прогуливаться пѣшкомъ было и негдѣ, и считалось, особенно для дамъ, предосудительнымъ; малѣйшее разстояніе требовало дрожекъ и лошади. Дрожки были на деревянныхъ подушкахъ или столбикахъ:

---

[1]) Н. Б. Баснинъ.

рессорные были весьма рѣдки. Кареты имѣли только архіерей, губернаторъ и комендантъ.

Ближайшимъ мѣстомъ загородной прогулки, и при томъ самымъ пріятнымъ, была Ушаковка. Прекрасныя и древнія ивы, раскидывавшія свои густыя вѣтви по берегамъ ея, были центрами, гдѣ собирались гуляющія семейства, пили чай, купались въ цѣлительныхъ водахъ рѣчки, пѣли, играли въ разныя игры; словомъ, веселились какъ умѣли. До пріѣзда Трескина въ окрестностяхъ Иркутска не было безопасно, и потому охотниковъ тамъ гулять было немного. Берегъ Ангары почти подходилъ къ подошвѣ горы, которая возвышается саженъ на сто. Спускъ съ нея былъ крутъ и съ поворотомъ. Здѣсь-то, въ темныхъ лѣсахъ, покрывавшихъ гору и ея подошву, гнѣздились разбойники, нападали на проѣзжихъ, грабили, убивали. Разбои и грабежи были весьма натуральны: въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ города находились три завода,—два винокурныхъ и одинъ соляной—на которыхъ работали каторжные, на каждомъ человѣкъ по 500, тогда какъ команды заводскія состояли изъ какой-нибудь сотни полувооруженныхъ казаковъ или дышущихъ на ладанъ инвалидовъ. На лѣсосѣкъ, напримѣръ, отправлялось человѣкъ двадцать или тридцать каторжныхъ и при нихъ два-три инвалида. Когда каторжнымъ надоѣдало работать, они преспокойно подходили къ инвалидамъ, брали у нихъ ружья и шли, куда имъ заблагоразсудилось. Такимъ образомъ составлялись большія шайки, и любимымъ ихъ притономъ была Верхоленская гора, заросшая дремучимъ лѣсомъ, и недалеко отъ города: два необходимыя условія разбойническаго промысла. Однажды разбойники убили до семи человѣкъ крестьянъ, возвращавшихся изъ города. Бывъ безъ оружія, крестьяне вывернули изъ телѣгъ оглобли и защищались храбро; но разбойники, вооруженные ружьями и ножами, одолѣли и убили всѣхъ до единаго. Страхъ, наведенный этимъ происшествіемъ, надолго останавливалъ поѣздки къ Верхоленской горѣ. Въ управленіе Трескина во всѣхъ подобныхъ мѣстахъ были поставлены казацкіе пикеты. Сверхъ того, разбойники были неутомимо преслѣдуемы земскою полиціею и жестоко наказываемы. Предсѣдатель уголовной палаты—человѣкъ очень строгій, весьма рельефно вычеканивалъ въ приговорахъ толстымъ почеркомъ: 300 ударовъ кнутомъ. Никто не могъ перенести подобнаго истязанія. Однажды, сказывали, было засѣчено разомъ четырнадцать человѣкъ. Разбои прекратились, и во все послѣднее время управленія Трескина о грабительствахъ не было слуху. Заслуга важная въ странѣ, наполненной преступниками!

Царь-дѣвицею именовалась деревушка, изъ двухъ или трехъ домовъ, находившаяся противъ города на горѣ, обмываемой Ангарою.

Мѣсто было самое живописное. Избушки тонули въ зелени рощей; передъ глазами разливалась широкая Ангара; вдали виднѣлся городъ со своими высокими церквами. Не знаю, отъ чего это мѣсто получило странное наименованіе Царь - дѣвицы. Сказывали, что тутъ въ старину дѣйствительно жила какая-то престарѣлая дѣва, которую въ шутку именовали Царь-дѣвицею. Это имя перешло и въ наслѣдство деревушкѣ.

Рядомъ съ Царь-дѣвицею была другая, также небольшая деревня, Кузьмиха, замѣчательная пребываніемъ тамъ поселенца Шубина. Шубинъ былъ изъ богатыхъ дворянъ и служилъ въ военной службѣ. Въ началѣ царствованія императора Александра Павловича, увлеченный честолюбіемъ, онъ впалъ въ преступленіе и былъ сосланъ на поселеніе. Преступленіе его было чисто игра молодой крови [1]. Съ молодостію прошло и ея обаяніе. Я помню его благородную наружность. Одѣвался онъ весьма чисто и даже щеголевато; ему помогала сестра, богатая помѣщица. Много лѣтъ прожилъ онъ въ Кузьмихѣ. Въ той же деревнѣ жилъ казакъ, имѣвшій молодую и хорошенькую дочь. Шубинъ полюбилъ ее, старался ее образовать и, наконецъ, на ней женился. Между тѣмъ, добрая сестра хлопотала о прощеніи брата и о дозволеніи вступить ему снова въ военную службу, чтобы обмыть свое преступленіе кровію. Это было въ 1814 году. Благодушный императоръ Александръ, въ то время увѣнчанный побѣдами, простивъ преступника, согласился на принятіе его въ службу и на возвращеніе ему имѣнія. Тогда Шубинъ, уже богатый помѣщикъ, уѣхалъ изъ Сибири вмѣстѣ съ своей женой — казачкой, отдалъ ее въ пансіонъ для окончанія образованія, а самъ отправился въ армію и получилъ офицерскій чинъ. По окончаніи войны, выйдя въ отставку, онъ пріѣзжалъ въ Иркутскъ и на мѣстѣ своего многолѣтняго страданія и раскаянія построилъ въ Кузьмихѣ церковь, въ благодарность Богу-Спасителю.

Въ бытность мою въ Иркутскѣ было два архіерея: Веніаминъ и Михаилъ.

Веніаминъ, въ свѣтскомъ званіи, имѣлъ фамилію Багрянскій; былъ человѣкъ высокаго образованія и необыкновеннаго ума, нрава строгаго и вспыльчиваго, путешествовалъ по Европѣ и былъ проповѣдникомъ при дворѣ Екатерины II; посвященъ въ санъ епископа въ присутствіи сей государыни въ 1789 году, прибылъ въ Иркутскъ въ

---

[1]) Сказывали, что въ чаяніи награды Шубинъ донесъ, будто бы онъ открылъ заговоръ, и будто бы заговорщики хотѣли его убить; чтобы подкрѣпить свой доносъ, онъ прострѣлилъ себѣ руку. Но, по изслѣдованію, никакого заговора не оказалось, и обманъ его открылся.

1790, скончался въ 1814 году. Духовенство во многомъ при немъ улучшилось; духовные его уважали и крайне боялись.

По смерти его осталась богатая библіотека, не знаю куда переданная; вѣроятно, въ Иркутскую семинарію.

Епископъ Михаилъ, въ свѣтскомъ званіи Бардуковъ, родомъ изъ Тобольска, былъ ученикъ славившагося въ свое время умомъ и просвѣщеніемъ Словцова, о которомъ я поговорю впослѣдствіи подробнѣе. Преосвященный сохранялъ къ Словцову, бывшему тогда директоромъ Иркутской гимназіи, особенное уваженіе. Онъ былъ посвященъ въ санъ епископа въ 1814 г., прибылъ въ Иркутскъ въ 1815 году; въ 1826 г. получилъ санъ архіепископа; былъ нрава кроткаго; управлялъ паствою съ христіанскою кротостію и смиреніемъ; любилъ просвѣщеніе и, присутствуя на экзаменахъ въ гимназіи, въ 1817 году, даже съ Соборной каѳедры, въ архипастырскомъ поученіи, убѣждалъ жителей отдавать дѣтей въ училища...

Городскія удовольствія Иркутскихъ жителей были весьма не затѣйливы и не многосложны. Нѣкоторыми равно пользовались какъ богачи, такъ и бѣдные. Таковые были, напримѣръ, вертепы. Это были передвижные кукольные театры, украшенные разноцвѣтными бумагами, обыкновенно въ два яруса. Между ярусами находилось пустое пространство на столько, сколько было нужно, чтобы просунуть туда руку для вывода куколъ, утвержденныхъ на палочкѣ. Содержаніе представляемыхъ піесъ было духовное. Въ верхнемъ ярусѣ представляли поклоненіе пастырей и волхвовъ при рождествѣ І. Х., бѣгство во Египетъ, крещеніе; въ нижнемъ выводили Ирода, представляли избіеніе младенцовъ, смерть Ирода, похищеніе души его злымъ духомъ въ адъ, представленный въ видѣ змѣиной головы, наконецъ погребеніе тѣла Ирода, потомъ пляска Иродіады, его дочери. Тутъ были придуманы нѣкоторыя сцены, то трогательныя, какъ, напримѣръ, плачъ матерей о своихъ дѣтяхъ, то забавныя, какъ казались, по крайней мѣрѣ, для дѣтей. Представленіе сопровождалось пѣніемъ хора.

При рожденіи Спасителя, когда шли волхвы, имъ предшествовала звѣзда, вырѣзанная изъ вызолоченной бумаги, и хоръ пѣлъ:

„Звѣзда идетъ отъ востока
На рожденнаго пророка“, и проч.

Когда воины избивали младенцевъ и плакали ихъ матери, тогда въ пѣніи слышалось утѣшеніе несчастнымъ матерямъ:

„Не плачь, Рахиль!“— и проч.

Когда приближалась смерть къ Ироду, придворный докладывалъ ему: „Ваше Величество, скоро смерть будетъ!“

Иродъ бѣсился, вскакивалъ съ трона, махалъ во всѣ стороны скипетромъ, но смерть, въ видѣ скелета съ косою, медленно, но неотвратимо приближалась, сопровождаемая пѣніемъ:

„Кто тя можетъ убѣжати, смертный часъ!

Ни цари—монархи,
Ниже патріархи!..
Красоту природну,
Юность благородну—
Все сѣчетъ смерть!"

Наконецъ, смерть приближается, подсѣкаетъ Ирода. Вдругъ адъ растворяется, выскакиваетъ дьяволъ и утаскиваетъ Ирода въ адъ (это значитъ его душу), потомъ еще разъ выскакиваетъ, съ ракетой, прилѣпленной къ животу: вотъ тутъ-то была страшная минута для дѣтей, потому что дьяволенокъ все вертится около свѣчки, наконецъ, ракета загорается и лопается, какъ лопнуло величіе Ирода...

Вслѣдъ за этимъ начинаются его похороны. Является его дочь, окруженная нѣсколькими генералами, въ военныхъ мундирахъ съ голубыми бумажками черезъ плечо. Иродіада, провожая гробъ отца, причитаетъ:

„Поди въ пещеру,
Тамъ царствуй съ миромъ!
Поди поспѣшно,
Тамъ царствуй вѣчно!" и проч.

Но вскорѣ печаль ея проходитъ, и она съ однимъ изъ генераловъ пускается въ пляску, обыкновенно по-русски; хоръ поетъ плясовую русскую пѣсню. Пляской оканчивается представленіе. Иногда съ вертепомъ ходили гарнизонные или казацкіе пѣвчіе. Замѣчательно, что всѣ напѣвы были польскіе: одни на манеръ мазурокъ, другіе—польскихъ. Изъ этого можно заключить, что вертепы заведены изъ Польши, или, еще вѣрнѣе, изъ Кіева.

Послѣ вертепа представляли иногда нѣчто въ родѣ водевилей. Въ особенной модѣ было представленіе Польскаго шляхты и его слуги. Смыслъ этой великой драмы въ томъ состоялъ, что плутъ и наглецъ слуга издѣвался надъ глупымъ и тщеславнымъ шляхтою. Это насмѣшливое направленіе показываетъ, что и сочиненіе шляхта и его слуга также вывезено изъ Кіева или Малороссіи.

Вертепы обыкновенно носили на святкахъ вечеромъ. Въ первый день Р. Х. ходили утромъ по домамъ христославщики изъ малолѣтковъ низшаго круга. Нѣкоторые изъ нихъ, воспитанники младшихъ классовъ семинаріи, славили Христа по-латыни.

Христославленье заключалось въ пѣніи трехъ тропарей: Христосъ

рождается—славите, Рождество Твое Христе Боже нашъ, Дѣва днесь Пресущественнаго рождаетъ.

Въ концѣ обыкновенно прибавлялась слѣдующая кантата:

„Нова радость во всемъ мірѣ
Нынѣ намъ явися:
Богъ - Царь отъ Дѣвы-Маріи
Въ вертепѣ родися!
Тому Ангелы на небѣ
Всѣ зѣло дивятся.
Земнородны человѣцы о томъ веселятся!
Виватъ, виватъ, виватъ, виватъ на многія лѣта!“

Сверхъ этой кантаты, говорили еще рацею (oratio), оканчивающуюся поздравленіемъ хозяина и хозяйки.

Обычай славить Христа и самая окончательная кантата, равно и рацея, кажется, такъ же, какъ и вертепъ, пришли изъ Малороссіи, сложившись подъ вліяніемъ, хотя и отдаленнымъ, католицизма, вѣроятно, потому, что первоначальные наставники Кіевской Академіи получали образованіе въ Лембергѣ или Львовѣ, въ католическихъ училищахъ.

Тяжелая година, давившая много лѣтъ судьбу Иркутска, имѣла сильное вліяніе какъ на дѣтскія, такъ и на общія удовольствія. Все, что выходило изъ рода оффиціальныхъ занятій, какъ-то постепенно чахло и наконецъ замерло. Въ томъ числѣ зачахъ и публичный театръ.

Публичный театръ былъ устроенъ въ первыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Зданіе, въ которомъ онъ помѣщался, не было, признаться сказать, изъ числа великолѣпныхъ: это былъ одноэтажный деревянный домъ, вросшій въ землю. Въ немъ была выкопана глубокая яма, въ которой были устроены сцены, партеръ и ложи, помнится въ три яруса. Все было улажено какъ слѣдуетъ: оркестръ находился передъ сценой, сцена была возвышена и довольно обширна, кулисы и передняя занавѣса были весьма удовлетворительны, декораціи перемѣнялись скоро, машины были довольно исправны. Актеры были выбраны изъ гарнизонныхъ солдатъ; нѣкоторые изъ нихъ играли очень недурно; особенно отличался какой-то Рожкинъ. Актрисы были изъ ссыльныхъ женщинъ, вѣроятно, игравшихъ прежде на театрахъ: по крайней мѣрѣ, игра ихъ очень нравилась.

Лучшая изъ актрисъ, можно сказать, единственная, была, помнится, нѣкая Джимайлова, дочь ссыльной, молодая и прехорошенькая дѣвочка, очень искусно игравшая. Къ сожалѣнію, она имѣла счастіе или несчастіе, сказать трудно, понравиться графу Головкину и была ангажирована на иныя сцены. Отнять ее у иркутскаго театра значило

похитить у нищаго кошель. Пробѣлъ, оставленный ею, былъ невознаградимъ. Но что сдѣлалось потомъ съ самой Джимайловой? Какія роли она занимала? На какихъ сценахъ играла? Дальнѣйшая исторія ея, какъ исторія Вавилонской имперіи, въ Кайдановомъ учебникѣ, темна, баснословна и покрыта мракомъ неизвѣстности.

На Иркутскомъ театрѣ играли комедіи, драмы,—большею частію Коцебу,—водевили, а иногда и волшебныя оперы. Я помню, какъ однажды, въ какой-то волшебной оперѣ подлежало спуститься съ неба генію. Онъ началъ спускаться на облакахъ; вдругъ веревка оборвалась, и бѣдный геній едва не сломилъ себѣ шеи.

Водевилей, въ тогдашнее время, было еще мало. „Мельникъ“ и „Сбитеньщикъ“ были почти единственными. Оба эти водевиля постоянно нравились Иркутской публикѣ; ихъ играли и въ позднѣйшее время на частныхъ театрахъ.

Каковъ бы ни былъ гарнизонный театръ, но онъ составлялъ развлеченіе въ единообразной Иркутской жизни. Наконецъ и его не стало, и только полуразрушенный домъ напоминалъ долго, — говоря классическимъ языкомъ,—о торжествахъ Таліи и Мельпомены, пока не явилась гущинская команда и не наложила на него свою роковую руку... Впослѣдствіи па мѣстѣ театра былъ выстроенъ домъ предсѣдателя гражданской палаты, и тамъ, гдѣ жили музы и граціи, водворилась юстиція. Это было именно въ духѣ времени!

Публичный театръ не возобновлялся во все время управленія Трескина; были только три частные спектакля, въ 1816 году.

Два первые спектакля были въ гимназіи. Въ немъ участвовали учителя; изъ нихъ особенно отличились Н. Г. Новотроицкій и Л. С. Бѣльшевъ.

Первый спектакль былъ 18-го февраля, на масляницѣ. Представляли драму, соч. Коцебу: „Добрый солдатъ“, и водевиль: „Мельникъ“.

Не повторяя содержаніе „Мельника“, болѣе или менѣе извѣстнаго каждому, я разскажу только содержаніе „Добраго солдата“. Вотъ видите, жилъ-былъ помѣщикъ, котораго крестьяне очень любили. Помѣщикъ этотъ, по общему порядку, помѣстье свое заложилъ и просрочилъ, такъ что оно досталось другому господину. Помѣщикъ былъ очень добрый, и потому тоже добрые крестьяне собрали сумму, потребную для выкупа ихъ деревни. Помѣщикъ сначала не хотѣлъ было принять отъ крестьянъ этой суммы, да староста сильно убѣждалъ его— и помѣщикъ согласился. Само собою разумѣется, что хотя крестьяне и собрали сумму добровольно, но этотъ сборъ въ конецъ разорялъ ихъ. Вотъ тутъ-то на выручку добрыхъ крестьянъ является добрый солдатъ, возвратившійся изъ похода. Во время похода онъ гдѣ-то утащилъ ящичекъ съ драгоцѣнностями. Совѣсть ужасно его мучила,

и, чтобы избавиться отъ ея мученій, онъ предлагаетъ помѣщику, въ замѣнъ крестьянскихъ денегъ, свои драгоцѣнности. Помѣщикъ, по добротѣ своей, принялъ этотъ замѣнъ, а доброму солдату, въ награду, позволилъ жениться на своей крѣпостной дѣвушкѣ, которую солдатъ очень любилъ...

И такъ, въ драмѣ было необыкновенное стеченіе добрыхъ людей: добрый баринъ, добрые крестьяне, добрый солдатъ. Трогательнаго и слезнаго было много. Новотроицкій, игравшій роль солдата, исполнилъ ее весьма хорошо: зрители плакали, особенно дамы. Бѣльшевъ, занимавшій роль бурмистра, также игралъ очень искусно, особенно, когда уговаривалъ барина взять крестьянскія деньги, хотя, казалось бы, большого краснорѣчія, въ подобныхъ случаяхъ, не требуется...

Второй гимназическій спектакль былъ на Пасхѣ, 12-го апрѣля. Шли двѣ піесы, также сочиненія Коцебу: драма „Пожертвованіе собою“, и комедія: „Несчастные“.

Спектакли гимназическіе, послѣ продолжительной театральной паузы возникшіе, возбудили соревнованіе. Вскорѣ послѣ представленій въ гимназіи, и именно 23-го того же апрѣля, играли чиновники съ участіемъ нѣкоторыхъ учителей, Новотроицкаго и Щукина, въ старомъ генералъ-губернаторскомъ домѣ. Давали „Сбитеньщика“. Лучше всѣхъ игралъ опять Новотроицкій, представлявшій Сбитеньщика, а изъ чиновниковъ—исполнявшій роль Ѳаддея, совѣтникъ губернскаго правленія Кузнецовъ, къ несчастію, весьма печально кончившій свое служебное амплуа, какъ увидимъ впослѣдствіи. Послѣ спектакля былъ балъ.

Нельзя не упомянуть еще объ одномъ весьма необыкновенномъ спектаклѣ, бывшемъ въ Иркутской семинаріи, помнится, въ 1817 г. Спектакль былъ въ большомъ залѣ, въ которомъ, однакожъ, для зрителей была оставлена весьма небольшая часть, гдѣ стояли въ три ряда деревянныя скамейки, одна выше другой. Вмѣсто занавѣсы висѣла, между зрителями и сценой, огромная холстина. Зрители сидѣли, до поднятія холстины, въ совершенной темнотѣ. Когда открылась сцена, архіерейскіе пѣвчіе запѣли „Громъ побѣды раздавайся“. Затѣмъ началось представленіе; играли трагедію: „Димитрій Самозванецъ“,—не Сумарокова, но какого-то древняго сочинителя, можетъ быть, сложившаго эту піесу для представленій, бывшихъ нѣкогда въ домѣ боярина Матвѣева. Содержаніе піесы было запутанно и мало понятно. Женскихъ ролей не было. Необыкновенно замѣчательна была костюмировка. Димитрій Самозванецъ, довольно высокій семинаристъ, былъ одѣтъ соотвѣтственно своему высокому сану, въ гарнизонномъ мундирѣ съ голубою лентою черезъ плечо. Въ концѣ піесы было натаскано на сцену съ полдюжины гробовъ, такъ что

сцена превратилась въ совершенное кладбище. Между тѣмъ, піеса тянулась нѣсколько часовъ, и весьма у немногихъ зрителей достало терпѣнія высидѣть до конца.

Спектакли составляли удовольствіе высшихъ сословій города: собственно же парадныхъ увеселеній и пиршествъ, въ бытность мою въ Иркутскѣ, не было, исключая одного, по случаю полученія извѣстія о взятіи Парижа, лѣтомъ 1814 г. Это извѣстіе, полученное въ Петербургѣ 8-го апрѣля, пришло въ Иркутскъ не ранѣе іюня. Не смотря на отдаленность, сердца иркутскія не менѣе забились отъ радости, какъ и въ центрѣ Россіи. Сибирь смотритъ на Россію, какъ на мать свою, и сибирякъ никогда не отдѣлялъ, не отдѣляетъ и не отдѣлитъ себя отъ общей судьбы отечества. Справедливо сказалъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ современниковъ, что Сибирь не есть колонія, но продолженіе Россіи до береговъ Восточнаго океана.

Руководимые этимъ чувствомъ, Иркутскіе жители, по полученіи въ Иркутскѣ манифеста о нашествіи Наполеона, когда началось молебствіе о спасеніи Россіи, — говоря безъ всякаго преувеличенія, — плакали, какъ малые, такъ и большіе... Была также весьма трогательная картина, когда, вскорѣ послѣ того, отправлялся въ дѣйствующую армію изъ Иркутска батальонъ. Слезы, благословенія и молитвы сопровождали защитниковъ отечества. Весь городъ сошелся на берегъ Ангары, чрезъ которую переправлялись воины. Взятіе Москвы произвело такое уныніе, какъ бы умерли родная мать или отецъ... Словомъ: сердца трепетали столь же сильно, какъ бы непріятель былъ на другомъ берегу Ангары!

Въ замѣнъ того, благопріятныя извѣстія, со времени очищенія Москвы, получались съ неменьшею радостію, съ какою печалію получались прежде неблагопріятныя. При полученіи извѣстія о взятіи Парижа восторгъ былъ неописанный. Городъ торжествовалъ это событіе, какъ сказалъ я выше, особеннымъ народнымъ празднествомъ.

Праздникъ начался церковнымъ парадомъ. Шествіе открыли пять или шесть десятковъ инвалидной команды, увѣнчанныхъ, за неимѣніемъ лавровъ, березовыми вѣтвями, потомъ шли казаки, предшествуемые трубачами, которые, бывъ не задолго предъ тѣмъ сформированы, производили на трубахъ невыносимый визгъ и вой. Затѣмъ шелъ гарнизонный полкъ и въ заключеніе четыре пушки гарнизонной артиллеріи. Словомъ: была двинута вся военная сила Иркутска. По окончаніи молебствія производилась пальба изъ ружей и пушекъ. Не смотря на свою оригинальность, парадъ все-таки произвелъ большой эффектъ, потому что сердца зрителей были наэлектризованы радостію совершившагося событія.

Послѣ парада, высшее общество было приглашено на обѣдъ и

балъ, а для народа было выставлено вино. Въ продолженіе попойки много совершилось смѣшныхъ сценъ, и немногіе изъ пирующихъ пришли домой безъ синяковъ и разбитыхъ носовъ.

Обѣдъ и балъ были въ загородномъ губернаторскомъ домѣ. Въ находившемся при немъ саду было гулянье для народа, играла музыка, пѣли пѣсельники. Особенно приводила въ восторгъ пѣсня, только что присланная тогда изъ Петербурга, гдѣ въ шуточномъ и саркастическомъ тонѣ изображались прежнія войны Наполеона, тщеславное нашествіе его на Россію и постыдное бѣгство изъ Москвы.

Имя князя Кутузова для народа было тогда священно. Въ массѣ народа нѣтъ ни лести, ни несправедливости: vox populi — vox Dei. Народъ нельзя ни заставить хвалить недостойное похвалы, ни хулить достойное. Онъ имѣетъ вѣрную и безошибочную ощупь. Сколько бы интрига, слабоуміе или высокомѣрная ученость ни старались унизить имя великаго полководца, оно всегда останется драгоцѣннымъ для истинно русскаго, какъ имя спасителя Отечества...

Подъ конецъ праздника подгулявшій народъ втерся въ танцовальную залу, явились и простонародныя маски: одинъ нарядился великаномъ, надѣвъ длинную женскую рубашку, другой вырядился медвѣдемъ, выворотивъ шубу и т. п. Тѣснота и духота въ залѣ сдѣлались нестерпимы — и балъ долженъ былъ самъ собою окончиться...

Говоря о балахъ иркутскихъ, нельзя не упомянуть о танцовальномъ завтракѣ, которой былъ данъ бывшимъ посланникомъ въ Японіи Николаемъ Петровичемъ Рязановымъ. Этотъ замѣчательный завтракъ, приводившій въ изумленіе весь Иркутскъ, былъ 10-го января 1807 года, въ домѣ гимназіи. Онъ начался въ 11 часовъ утра. Сначала танцовали польской и потомъ сѣли завтракать. Рязановъ очаровывалъ всѣхъ своею любезностью и, угощая, самъ за столъ не садился. Послѣ завтрака, окончившагося въ 4 часа по полудни, опять начались танцы и продолжались до 1-го часа ночи.

На этомъ завтракѣ было замѣчательное лицо—академикъ Адамсъ, привезшій съ береговъ Лены остовъ мамонта. Когда нашли его якуты въ отвалившемся берегу Лены, онъ имѣлъ еще на себѣ мясо и кожу. Якуты, обрадовавшись находкѣ, все мясо и жиръ съ него срѣзали и съѣли!...

Судьба Рязанова извѣстна: послѣ неудачнаго посольства, онъ умеръ, на возвратномъ пути, въ Камчаткѣ.

Bals-masqués, или маскерады почти никогда не давались; по крайней мѣрѣ, я помню только одинъ маскерадъ, бывшій при графѣ Головкинѣ. Всѣ гости были въ характерныхъ костюмахъ; особенно было

много китайцевъ, японцевъ, монголовъ, вообще азіатцевъ. Изъ характерныхъ масокъ наиболѣе поражала фигура съ фонаремъ на головѣ, освѣщеннымъ вставленною внутри его свѣчею...

Еще было нѣчто вродѣ маскерада въ первыхъ годахъ управленія Трескина. Я говорю: нѣчто, потому что въ костюмѣ былъ только одинъ—сосланный князь Г. . . . . . Онъ наряжался старухою, сидящею на старикѣ. Эта маска занимала все собраніе, потому что экс-князь былъ человѣкъ весьма остроумный и мастеръ говорить. Онъ жилъ въ деревнѣ и только по временамъ являлся въ Иркутскъ, гдѣ его принимали съ ласкою. Но съ нимъ былъ одинъ случай, приведшій въ негодованіе всѣхъ Иркутскихъ жителей, привыкшихъ смотрѣть на ссыльныхъ не какъ на преступниковъ, но какъ на несчастныхъ... Въ самомъ дѣлѣ, самое величайшее несчастіе есть преступленіе. Г. . . . . у была нанесена жестокая обида Иркутскимъ городничимъ Потемкинымъ (печать должна сохранять подобныя имена, заклейменныя общимъ омерзеніемъ). Экс-князь, не привыкнувъ къ своему безправному положенію, погорячился въ разговорѣ съ городничимъ, и городничій ударилъ его въ лицо: что можетъ быть гнуснѣе и преступнѣе, какъ обидѣть человѣка несчастнаго и безгласнаго?... Ни одинъ Иркутянинъ не могъ долгое время послѣ этого вспомнить безъ отвращенія позорное имя Потемкина...

Изъ сказаннаго о костюмировкѣ Г. . . . . на балѣ можно видѣть, что балы при Трескинѣ имѣли въ себѣ много оригинальнаго. Въ домѣ губернатора они давались разъ въ годъ, въ именины губернаторши, 21-го января. Къ этому дню съѣзжались въ Иркутскъ земскіе почти со всей губерніи; также собирались Бурятскія тайши, или начальники Бурятскихъ родовъ. Богатѣйшій изъ нихъ былъ тайша хоринскаго рода, кочующаго за Байкаломъ.

Балъ открывался польскимъ, гдѣ вмѣстѣ съ музыкою пѣли казацкіе пѣвчіе, обыкновенно: „Громъ побѣды раздавайся“, или: „Польскими летитъ странами“; послѣ польскихъ начинались экоссезы, матрадуры, вальсы; въ позднѣйшіе годы взошли на сцену и кадрили. Танцовали молодые чиновники, преимущественно земскіе, молодыя чиновницы, дочери чиновниковъ и купцовъ... Многія изъ нихъ отличались прекрасною наружностью... Главнѣйшая суть, ядро бала, были не нѣмецкія вывертки, а чистѣйшая Русь во образѣ нѣкоего Ивана, ссыльнаго, кажется, изъ цыганъ, и служанки губернатора, Софьи. Ванька и Сонька, какъ тогда ихъ безъ церемоніи называли, танцовали казачка и русскую. Ванька—мужчина средняго роста, хорошо сложенный и довольно красивый, дѣйствительно очень ловко вымётывалъ ногами и во всѣхъ движеніяхъ показывалъ цыганскую удаль. Сонька также была весьма недурна собою и танцовала съ большой

энергіей. Вообще въ пляскѣ ихъ было много дикаго, вакхическаго, но это и нравилось тогдашней Иркутской публикѣ...

Случалось, что среди бала вдругъ раздавалось удалое пѣніе полицейскихъ пѣсельниковъ, составленныхъ изъ полицейскихъ солдатъ и ссыльныхъ, подъ управленіемъ городничаго Карташева, мастера и охотника пѣть. Полицейскій хоръ пѣлъ весьма складно и живо.

Балъ оканчивался не котильономъ, не мазуркою, а нѣкоею восьмёркою, природнымъ Иркутскимъ танцемъ, въ родѣ деревенскихъ хороводовъ.

Въ торжественные дни и въ именины генералъ-губернатора давались балы городскимъ главою или цѣлымъ купеческимъ обществомъ. Гости приглашались печатными билетами, отличавшимися необыкновеннымъ краснорѣчіемъ. Для образца я приведу одинъ билетъ, которымъ градской глава Медвѣдниковъ приглашалъ на балъ по случаю тезоименитства государя императора Александра Павловича, 30-го августа 1816 года: „Иркутскій градской глава Прокофій Федоровичъ Медвѣдниковъ—сказано въ билетѣ—движимъ будучи вѣрноподданническимъ благоговѣніемъ ко всерадостнѣйшему тезоименитству всемилостивѣйшаго государя и желая ознаменовать торжественный для всѣхъ сыновъ Россіи день сей приличнымъ празднествомъ—дабы, соединя вѣрноподданническія чувствованія, усугубить общую радость—покорнѣйше проситъ пожаловать сего августа 30-го числа 1816 года, по полудни въ 6 часовъ, на балъ въ новую биржевую залу“.

Кромѣ биржевой залы, общественные балы давались иногда въ Портновскомъ саду, а, до устройства его, въ Комендантской рощѣ. Роща эта стояла далеко отъ рѣки, воды въ ней вовсе не было, а между тѣмъ, нельзя же быть саду безъ фонтановъ. Чтобы пособить горю, чей-то геніальный умъ придумалъ поставить за рѣшеткою сада двѣ пожарныя трубы, отъ нихъ рукава провести въ садъ, а наконечники скрыть въ группѣ деревъ, гдѣ держали ихъ полицейскіе солдаты. Когда стали собираться посѣтители, импровизированные фонтаны были пущены и привели неожиданностью своею въ восторгъ зрителей... Но каково было полицейскимъ, цѣлую почти ночь стоявшимъ подъ проливнымъ дождемъ.

По пріѣздѣ въ Иркутскъ генералъ-губернатора М. М. Сперанскаго, Иркутскіе балы совершенно измѣнили свой полуазіатскій характеръ. Для большаго соединенія общества, было положено, въ 1819 году, основаніе Иркутскому благородному собранію. Пріѣхавшіе съ генералъ-губернаторомъ молодые люди внесли въ составъ танцевъ совершенно новые элементы и совсѣмъ стерли съ лица земли несчастную восьмёрку, которая, послѣ того, кое-какъ пріютилась на окраинахъ города, въ солдатскихъ улицахъ, и являлась только украдкою на „ка-

пусткахъ". Здравствуетъ ли она теперь, или же приказала долго жить, мнѣ неизвѣстно.

„Капусткою" назывался сборъ дѣвицъ и женщинъ для рубки капусты общими силами или помощью, какъ говорятъ въ деревняхъ. Это было въ обыкновеніи въ домахъ и богатыхъ, и бѣдныхъ, и чиновническихъ, и купеческихъ,—словомъ, у всѣхъ жителей Иркутска. Старушки обрубали вилки, мальчишки подхватывали и ѣли кочни, а дѣвушки и молоденькія женщины рубили капусту, напѣвая разныя пѣсни. Извѣстно, что русская натура и трудъ, и радость, и горе,—все запѣваетъ пѣснями, отъ которыхъ и трудъ облегчается, и радость оживляется, и горе убаюкивается. Бывало, звонкіе голоса пѣвицъ далеко разливаются по улицамъ и невольно влекутъ прохожихъ въ знакомые имъ дома. По окончаніи рубки всѣхъ гостей угощали обѣдомъ, чаемъ, и потомъ начиналась пляска. Думаю, что теперь и капустки изчезли вмѣстѣ съ восьмеркою. Время измѣняетъ нравы. O tempora! O mores!

Въ самомъ угощеніи прежняго времени были въ Иркутскѣ замѣчательныя особенности. Въ какой часъ дня ни зашли бы вы въ гости, утромъ-ли, въ полдень-ли, вечеромъ-ли, ночью-ли,—вы не избѣгнете, чтобы васъ не угостили чаемъ. Кофе употреблялось только въ богатыхъ домахъ. Въ праздничные дни или въ дни именинъ и т. п., когда собирались гости, обыкновенно накрывали въ гостиной два стола. На одномъ ставили сушеные фрукты: винныя ягоды, изюмъ, черносливъ и проч., также разныя варенья, привозныя и домашнія; на другомъ столѣ стояли: кедровые орѣхи, брусника и къ чаю пирожки съ вареньемъ, по-иркутски: шарки, и сахарники или бисквиты; нѣмецкихъ печеній еще не знали.

Пить чай досыта почиталось невѣжествомъ. Старые люди говорили, что гости должны пить одну чашку, три чашки пьютъ родственники или близкіе знакомые, а двѣ—лакеи.

Подаваемыя сласти брали, но ѣсть ихъ также считалось неучтивостію. Гостья брала ихъ и клала куда-нибудь подлѣ себя. Между тѣмъ мужчинъ угощали домашними наливками; виноградныя вина были дороги и употреблялись мало. Доставка ихъ въ Иркутскъ была крайне затруднительна. Послѣ чаю подавали пуншъ, наиболѣе съ Кизлярской водкой, и только въ самыхъ богатыхъ домахъ подавался пуншъ съ ромомъ.

На богатыхъ свадьбахъ, само собою разумѣется, играла полковая музыка, а на бѣдныхъ (какъ и на вечеринкахъ) игралъ, большею частію, извѣстный тогда всему городу слѣпой скрипачъ, или, какъ называли его въ Иркутскѣ, Митька слѣпой. Митька былъ весьма замѣчательное явленіе. Слѣпой отъ рожденія, онъ не только игралъ

на скрипкѣ разныя пѣсни, танцы и духовные концерты, которые сопровождалъ пѣніемъ, но и дѣлалъ самъ скрипки. Память и слухъ его такъ были изощрены, что онъ изучилъ по слуху цѣлыя каѳизмы наизусть и читалъ ихъ въ церкви, вмѣсто дьячка. Бывшій въ Иркутскѣ комендантъ генералъ Сухотинъ даже сдѣлалъ Митьку слѣпого регентомъ военнаго пѣвческаго хора. Конечно, слѣпой Митька новыхъ піесъ разучивать не могъ; за то разученныя зналъ твердо и всякую фальшь могъ сейчасъ поправить: болѣе ничего отъ него и не требовалось. Словно теперь вижу этого бѣдняка, какъ, бывало, онъ сидѣлъ въ ясные лѣтніе дни и, устремивъ глаза прямо на полуденное солнце, все покачивалъ пальцемъ передъ глазами, и самъ все качался, какъ часовый маятникъ. Вѣрно, сквозь катаракты, покрывавшіе его глаза, онъ видѣлъ нѣсколько свѣтъ солнца и мельканіе пальца. Это крайне мучительное усиліе увидѣть свѣтъ Божій было весьма трогательно. Удивительно, однакожъ, что слѣпой Митрей всегда былъ веселъ и какъ бы не чувствовалъ своего лишенія, конечно, потому, что, родившись слѣпымъ, онъ не могъ представить себѣ окружающаго его міра, и, слѣдовательно, всей великости своей потери.

Въ домахъ болѣе зажиточныхъ на семейные вечера былъ приглашаемъ нѣкій Макаръ или Макарка, какъ преимущественно именовали его, ссыльный скрипачъ. Онъ хорошо зналъ ноты, игралъ вѣрно и довольно пріятно. Въ первомъ десяткѣ настоящаго столѣтія онъ былъ въ Иркутскѣ единственнымъ скрипичнымъ учителемъ. Къ несчастію, напослѣдокъ, съ бѣдности и горя, онъ вдался въ пьянство и оттого умеръ преждевременно...

Мѣсто Макара заступилъ другой скрипачъ, полякъ Савицкій, также ссыльный, осужденный за убійство своей жены; Савицкій былъ приписанъ къ Тельминской фабрикѣ, гдѣ училъ на фортепіано дочь директора. Онъ игралъ на скрипкѣ, какъ виртуозъ, читалъ ноты à livre ouvert, зналъ генералъ-басъ, перекладывалъ піесы на ноты безъ инструмента и умѣлъ играть почти на всѣхъ инструментахъ. Савицкій говорилъ про себя, что былъ капельмейстеромъ у князя Радзивилла. Правда-ли это, неизвѣстно, но можно сказать, что онъ былъ первый настоящій скрипичный учитель въ Иркутскѣ.

Такимъ образомъ Иркутскъ обязанъ былъ своими музыкальными познаніями ссыльнымъ; равно и первый танцовальный учитель въ Иркутской гимназіи былъ также изъ ссыльныхъ. Здѣсь истинно сбылась пословица: „нѣтъ худа безъ добра“.

До Савицкаго Иркутскъ имѣлъ только двухъ хорошихъ скрипачей. Одинъ изъ нихъ былъ чиновникъ Горновскій, весьма умный и хорошо образованный человѣкъ, бывшій нѣкогда въ Иркутскѣ прокуроромъ. Горновскій, по старой методѣ, игралъ короткимъ смычкомъ,

но весьма искусно. Я слышалъ его, когда онъ игралъ довольно мудреный концертъ Роде, но Иркутскъ рѣдко имѣлъ случай слышать Горновскаго. Гонимый начальствомъ, онъ лѣтъ двадцать жилъ въ бѣдности, на своей скудной заимкѣ, верстахъ въ восьми отъ города. Страшась преслѣдованій, никто въ городѣ не смѣлъ дать ему квартиру, кромѣ одного доктора Гриба. Зять Гриба служилъ въ канцеляріи губернатора, который, разсердившись на то, что Горновскій иногда останавливается въ домѣ его тестя, съ гнѣвомъ вскричалъ: „я домъ вашъ раскатаю по бревнамъ".

Другой скрипачъ въ Иркутскѣ былъ комендантъ Сухотинъ, о которомъ я упомянулъ выше. Игра его была весьма бѣглая, искусная и пріятная, но не совсѣмъ ровная.

Фортепіанная игра въ Иркутскѣ почти была неизвѣстна. Едва-ли въ трехъ или четырехъ домахъ были фортепіаны; за то въ большомъ употребленіи были гусли, и двое изъ ссыльныхъ отлично играли на нихъ. Фортепіаннаго учителя не было, кромѣ одного также ссыльнаго, Антона, игравшаго довольно плохо разные танцы. Должно полагать, что это былъ какой-нибудь несчастный таперъ.

Фортепіано было, между прочимъ, въ домѣ Ланганса, почтеннаго старика, бывшаго нѣкогда директоромъ Иркутскаго народнаго училища. Лангансъ самъ любилъ музыку; дочери его играли на фортепіано, а сыновья на скрипкахъ. Послѣ обѣда они обыкновенно задавали концерты, и это было въ Иркутскѣ явленіе необыкновенное: проходящіе останавливались и слушали съ удовольствіемъ.

Старикъ Лангансъ былъ человѣкъ умный, образованный, но съ нѣкоторыми особенностями. Онъ имѣлъ друга также чиновника, помнится, Горяинова, человѣка столько же оригинальнаго, какъ и самъ Лангансъ. Оба друга, наскучивъ-ли суетою свѣта, хотя въ Иркутскѣ и не было къ тому особаго повода, или по другимъ имъ однимъ извѣстнымъ причинамъ, дали обѣтъ не выходить никуда изъ своего дома и перейти изъ него только въ—могилу! Лангансъ, человѣкъ семейный, по крайней мѣрѣ проводилъ время въ своемъ семействѣ и наслаждался музыкою, а Горяиновъ былъ холостой и скучное время своей единообразной и безотрадной жизни убивалъ въ столярной работѣ, превращая, отъ нечего дѣлать, домъ свой въ лабиринтъ множествомъ перегородокъ, потаенныхъ дверей и другихъ выдумокъ. Въ этомъ лабиринтѣ трудно было отыскать хозяина, который самъ путался въ нихъ, какъ паукъ въ своей паутинѣ.

Между тѣмъ, оба друга, оставаясь нѣсколько десятковъ лѣтъ въ добровольномъ арестѣ, совершенно отстали отъ окружающаго ихъ общества, гдѣ все измѣнилось: нравы, обычаи, костюмы, мебели, экипажи... Одни они были неизмѣнны, какъ египетскіе сфинксы.

Горяиновъ выѣзжалъ, однакожъ, изъ дому разъ въ годъ къ вечернѣ, въ первый день св. Пасхи, и тогда цѣлый городъ сбѣгался смотрѣть на его дрожки на золотыхъ столбикахъ, представляющихъ два кресла, соединенныя боками, со спускомъ въ противоположныя стороны.

Чудаки твердо выдержали свой обѣтъ и перешли изъ временныхъ жилищъ въ вѣчныя, не увидавшись на землѣ другъ съ другомъ. Но встрѣтятся-ли они въ вѣчности — кто знаетъ?

Заговоривъ объ этихъ странныхъ Иркутскихъ личностяхъ, я не могу не присоединить къ нимъ еще третьей: это былъ нѣкто Францъ Ивановичъ Соломони, Совѣтникъ Гражданской Палаты. Онъ былъ человѣкъ весьма образованный, говорилъ на нѣсколькихъ европейскихъ языкахъ, родомъ изъ Сициліи. Какимъ образомъ попалъ онъ въ Россію и, наконецъ, въ Иркутскъ, мнѣ неизвѣстно; но можно было думать, что онъ привезъ съ собою изъ Сициліи огромный запасъ тепла, на всю свою жизнь, потому что въ самые страшные морозы, отъ которыхъ замерзала ртуть, трещали дома и лопалась земля; когда всѣ жители кутались въ шубы, надѣвали теплыя шапки и сапоги, подбитые медвѣжьимъ мѣхомъ, — словомъ, когда никто не смѣлъ выставить на морозъ носа, — Соломони ходилъ и ѣздилъ не только безъ шубы и шапки, но и безъ шинели, въ одномъ мундирѣ или фракѣ, со шляпою на головѣ, должно прибавить еще—лысой. Какъ теперь помню эту огромную фигуру, высокаго роста, тучную, съ полнымъ румянымъ лицомъ, катящуюся въ большихъ розвальняхъ, подпершись голыми руками въ бока... Это было предметомъ удивленія цѣлаго города. Смерть, однако-жъ, нашла дорогу и къ этому, повидимому, крѣпкому и здоровому гиганту. Родиться въ Сициліи и умереть въ Иркутскѣ, на двухъ оконечностяхъ міра—не довольно-ли странный жребій?

Въ параллель Соломони, въ Якутскѣ былъ докторъ Реслейнъ, который также велъ постоянную войну съ морозами, еще лютѣйшими, чѣмъ Иркутскіе, и когда жители не только кутались въ двѣ шубы, въ теплые шапки и сапоги, но надѣвали теплыя панталоны и прикрывали лица мѣховыми масками,—Реслейнъ парадировалъ въ одномъ фракѣ или сюртукѣ. Но онъ не удовольствовался битвою съ морозомъ въ городѣ и вздумалъ сразиться съ нимъ въ чистомъ полѣ, отправясь въ томъ же лѣтнемъ нарядѣ по уѣзду, но тамъ морозъ напалъ на него со всею яростію и одержалъ рѣшительную побѣду: Реслейнъ замерзъ на дорогѣ и былъ привезенъ на станцію уже мертвымъ...

Но виноватъ: воспоминанія объ этихъ оригиналахъ отвлекли меня отъ моего разсказа объ Иркутской музыкѣ.

Съ пріѣздомъ М. М. Сперанскаго явился еще скрипачъ, уже родевской школы, съ длиннымъ смычкомъ, которымъ извлекалъ изъ

своего Страдиваріуса полные, сильные, сладостные звуки. Это былъ чиновникъ Канцеляріи Генералъ-Губернатора, Густавъ Ивановичъ Вильде, человѣкъ весьма образованный, ловкій и талантливый. Сперанскій привезъ его изъ Пензы. По пріѣздѣ въ Петербургъ Вильде участвовалъ въ квартетѣ съ первенствующими музыкантами, играя на альтѣ. Смерть, не щадящая талантовъ, давно положила конецъ его музыкальному поприщу...

Оркестръ, бывшій въ Иркутскѣ въ мое время, былъ оркестръ гарнизоннаго полка, игравшій только марши и танцы, въ старину весьма незатѣйливые и немногосложные; полякъ Савицкій нѣкоторое время дирижировалъ этимъ оркестромъ и подвинулъ его впередъ. Цвѣтущее время его было во время коменданта Ивана Богдановича Цейдлера, который увеличилъ его составъ, прибавилъ новые инструменты, выписалъ новыя ноты, словомъ: сдѣлалъ для оркестра все, что только отъ него зависѣло. Но главное достоинство этого оркестра состояло въ томъ, что онъ былъ въ Иркутскѣ единственнымъ и гремѣлъ,—худо-ли хорошо—на всѣхъ торжественныхъ балахъ и обѣдахъ.

Вокальная музыка имѣла больше представителей. Въ одно время Иркутскъ имѣлъ три хора: Архіерейскій, солдатскій и казацкій.

Хоръ Архіерейскій, при преосвященномъ Веніаминѣ, дошелъ до крайней степени упадка, такъ что въ немъ былъ, наконецъ, только одинъ басъ, да и тотъ пѣлъ пополамъ съ грѣхомъ. При преосвященномъ Михаилѣ хоръ Архіерейскій нѣсколько поправился, но все, однакожъ, уступалъ хору, составленному изъ казаковъ.

Солдатскій хоръ въ началѣ былъ очень неудовлетворительный, но потомъ, подъ руководствомъ слѣпого регента, дошелъ до крайней степени упадка, и никогда уже, въ бытность мою въ Иркутскѣ, не поднимался.

Въ замѣнъ того хоръ казацкій, обучаемый весьма опытнымъ учителемъ, обыкновенно, изъ ссыльныхъ, пѣлъ весьма искусно и прекрасно исполнялъ концерты Бортнянскаго, особенно извѣстную ораторію: „Воспойте, людіе, благолѣпу пѣснь въ Сіонѣ“.

Въ этомъ концертѣ, помнится въ 1814 году, я, въ первый разъ, слышалъ необыкновеннаго баса: это былъ нѣкто Пальмовскій, только что возвратившійся съ миссіею изъ Пекина, гдѣ прожилъ нѣсколько лѣтъ для изученія китайскаго языка. Обладая сильнѣйшимъ басомъ, онъ имѣлъ, въ то же время, весьма пріятный теноръ: сочетаніе весьма рѣдкое. Онъ пѣлъ многія китайскія пѣсни: напѣвъ ихъ былъ очень унылый. Иногда, по просьбѣ пріятелей, Пальмовскій провозглашалъ: „Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ“!—и голосъ его былъ такъ силенъ, что съ трудомъ можно было его выносить. Какъ человѣкъ, Пальмовскій былъ весьма пріятный, умный и добросердечный. Въ Иркутскѣ онъ прожилъ два или три года, служа въ канцеляріи губернатора,

потомъ уѣхалъ въ Петербургъ и совсѣмъ изчезъ изъ виду: куда дѣвался онъ—узнать я не могъ; всего вѣрнѣе, что умеръ. Много уже знакомыхъ и пріятелей моей молодости сошли со сцены этого міра, и, оглянувшись назадъ, видишь только длинную цѣпь могилъ и крестовъ.

III.

Характеръ тогдашняго управленія. — Самопроизвольное раздѣленіе генералъ-губернаторской власти. — Лица, пострадавшія невинно. — Высылка иркутскихъ купцовъ. — Высылка чиновника Корсакова. — Характеръ и образъ жизни губернатора Трескина и близкіе къ нему люди. — Борьба между губернаторомъ и казенною экспедиціею. — Борьба вице-губернатора и членовъ казенной экспедиціи. — Наружный порядокъ губерніи. — Тиранство исправника Лоскутова. — Оскорбленіе духовенства. — Религіозное дѣло Хоринскаго тайши. — Опредѣленіе генералъ-губернатора Сперанскаго. — Смерть губернаторши. — Смерть Бѣлявскаго. — Арестъ Лоскутова. — Увольненіе Трескина. — Судьба его и Пестеля. — Отъѣздъ Сперанскаго.

Въ „Жизни графа Сперанскаго“ [1]) находится весьма замѣчательное выраженіе графа Уварова, что „исторія Сибири дѣлится на двѣ только эпохи: 1) отъ Ермака до Пестеля и 2) отъ Пестеля до NN“.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣ покоренія Сибири Ермакомъ едва-ли было время болѣе замѣчательное, какъ управленіе Пестеля. Званіе сибирскаго генералъ-губернатора почти имъ началось и окончилось, потому что бывшій до него генералъ-губернаторъ Селифонтовъ и послѣ него М. М. Сперанскій были: первый не болѣе двухъ, а послѣдній не болѣе трехъ лѣтъ.

Высочайше утвержденною въ 1803 году инструкціею сибирскимъ генералъ-губернаторамъ была дарована огромная, почти неограниченная власть. Правительство имѣло цѣлію пріучить народъ къ повиновенію, искоренить скопища и комплоты,—откуда истекали непрерывные доносы и ябеды,—и силою полновластія водворить въ Сибири порядокъ и благоустройство. Съ этою цѣлію было предоставлено сибирскимъ генералъ-губернаторамъ людей, какого бы званія ни было, замѣченныхъ въ наклонности къ ябедѣ, ссылать въ отдаленныя мѣста безъ слѣдствія и суда, не говоря уже о томъ, что они имѣли право опредѣлять и отрѣшать большую часть чиновниковъ.

Генералъ-губернаторъ Сперанскій, обозрѣвавшій Сибирь въ 1819 и 1820 годахъ, отозвался въ отчетѣ своемъ о бывшемъ до него управленіи, „что оно было личное, такъ сказать, домашнее, и не имѣло опредѣленныхъ правилъ“. Прекрасно говоритъ далѣе Сперанскій о неудобствахъ, проистекавшихъ изъ этой несчастной системы само-

[1]) Соч. бар. М. А. Корфа, томъ II, стр. 237.

управства. „Власть личная, сказано въ отчетѣ его, удобно перерождается въ злоупотребленіе и всегда почти имѣетъ видъ самовластія. Дѣйствуя безъ публичныхъ, законныхъ участниковъ и по причинамъ, ей одной извѣстнымъ, она не можетъ, даже при самой чистотѣ намѣреній, оградить себя отъ подозрѣній. Въ Сибири, гдѣ не было и нѣтъ еще публичнаго мнѣнія, и, гдѣ, по недостатку дворянства, и быть оно долго еще не можетъ, подозрѣнія сіи дѣйствуютъ еще сильнѣе. Самыя разстоянія усиливаютъ ихъ: ибо предполагается, что до высшей власти ничто не доходитъ, потому что и въ самомъ дѣлѣ не доходитъ многое. По продолжительному навыку къ симъ подозрѣніямъ и по многимъ послѣдствіямъ самовластнаго личнаго распорядка, вообще люди тамъ думаютъ, что зависятъ отъ произвола начальника, и о законности дѣйствій тамъ еще менѣе имѣютъ понятія, нежели въ другихъ мѣстахъ. Одинъ способъ защиты и противодѣйствія былъ въ Сибири до 1819 года: жалобы и доносы... Если бы личная власть, предоставленная бывшимъ въ Сибири главнымъ правителямъ, и ограждалась подробными и самыми вѣрными правилами: то и тогда, бывъ удалена отъ надзора и не имѣя вокругъ себя ни преграды, ни предостереженія, она легко могла бы перейти въ самовластіе..." [1]).

Изъ этого очевидно, что если и ограниченная правилами власть сибирскаго генералъ-губернатора могла бы перейти въ самовластіе, то какова же была она безъ всякихъ правилъ, дѣйствуя по личному произволу и распоряжаясь одною изъ обширнѣйшихъ странъ, какъ говоритъ Сперанскій, домашнимъ образомъ?

Генералъ-губернаторъ Пестель не только самъ управлялъ самовластно, но облекъ такою же властію и иркутское главное начальство, которое, провозглашая данныя ему генералъ-губернаторомъ неограниченныя права, явно и оффиціально требовало себѣ безмолвнаго повиновенія, какъ увидимъ впослѣдствіи.

Такимъ образомъ, вмѣсто одного, явилось два генералъ-губернатора; въ Петербургѣ — Пестель, который жилъ здѣсь постоянно съ 1809 года, наблюдая, въ высшихъ правительственныхъ мѣстахъ, за ходомъ сибирскихъ дѣлъ, и въ Иркутскѣ—Трескинъ, распоряжавшійся самовластно губерніею и въ то же время руководившій дѣйствіями самого Пестеля. Справедливо сказано въ „Жизни графа Сперанскаго", что „Трескинъ, неограниченно господствуя на далекомъ нашемъ востокѣ, и изъ Иркутска владѣлъ Пестелемъ, какъ собственною своею рукою".

Тринадцать лѣтъ, какъ черная туча, висѣло надъ Сибирью управленіе Пестеля, тринадцать лѣтъ—легко сказать!—страдало нѣсколько

---

[1]) Обозрѣніе Глав. основ. мѣстнаго управленія Сибири, стр. 13 и 14.

милліоновъ народа подъ игомъ жесточайшаго самовластія, и когда пріѣхалъ туда Сперанскій, онъ не могъ, конечно, найти уже, по крайней мѣрѣ, двухъ третей преступленій, хотя и найденныхъ имъ было довольно для осужденія виновныхъ: многія жертвы несправедливости и притѣсненія за долго до него окончили свои страдальческіе дни, и понесли жалобы къ престолу Вышняго Судіи.

Печальная исторія генерала Куткина, описанная въ „Жизни графа Сперанскаго“ [1]), не была единственнымъ эпизодомъ управленія Пестеля. Начальникъ Тобольской провіантской коммиссіи, генералъ-маіоръ Куткинъ, арестованный и разоренный, лишенный свиданія съ женою и даже возможности съ нею переписываться, десять лѣтъ (не десять дней!) томился въ заточеніи, бывъ посаженъ—какъ говорили въ Тобольскѣ его современники—въ такую комнату, въ которой, по высокому росту своему, не могъ разогнуться, чтобы встать прямо, и долженъ былъ вѣчно ходить сгорбившись; наконецъ, утомленный нравственными и физическими страданіями, онъ умеръ въ 1817 году... и что же? послѣ смерти своей, въ 1821 году, уже во время Сперанскаго, былъ признанъ — невиннымъ! Сперанскій испросилъ женѣ его вознагражденіе за разореніе, причиненное ея мужу; но кто могъ возвратить жизнь невинному мученику? Кто могъ воскресить эти мучительныя десять лѣтъ, которыя отравили несправедливость и злоба людей?

Въ одно время съ Куткинымъ, былъ также посаженъ подъ арестъ провіантскій коммиссіонеръ полковникъ Денисевскій, единственно для того, чтобы не имѣлъ сношенія съ Куткинымъ, и такимъ образомъ, ни за что, ни про что, просидѣлъ подъ арестомъ—одиннадцать лѣтъ!.. пока не былъ освобожденъ Сперанскимъ.

Наконецъ, по пріятельской связи съ Куткинымъ, пострадалъ еще, также невинный, тобольскій купецъ Полуяновъ. По разнымъ подрядамъ ему слѣдовала изъ казны большая сумма, но, не выдавая ея, требовали, чтобы прежде онъ заплатилъ самой казнѣ слѣдовавшую съ него сумму, несравненно меньшую, вмѣсто того, чтобы замѣнить одну другою. Полуяновъ, находясь въ невозможности исполнить это требованіе, былъ описанъ, разоренъ въ конецъ и доведенъ до нищеты. Дѣло о немъ тянулось во все время Пестеля, и было окончательно разсмотрѣно уже при генералъ-губернаторѣ Западной Сибири Капцевичѣ. Словцовъ писалъ мнѣ изъ Тобольска отъ 2-го февраля 1824 года: „сосѣдъ мой, котораго дѣло было изложено вами, докучаетъ мнѣ, чтобы просить о томъ дѣлѣ, поступившемъ, чрезъ генералъ-губернатора въ 1-й департаментъ Сената. Если это можно сдѣлать, помогите старцу нищему. Истинно нищій!“

---

[1]) Томъ II, стр. 186.

Въ это время, какъ такія дѣла совершались въ Тобольскѣ, на одномъ концѣ Сибири, на другомъ, въ Иркутскѣ, также разыгрывались драмы, не менѣе поразительныя.

Полиціи Иркутской было оффиціально предписано: посредствомъ прислуги и другими всевозможными путями узнавать, не составляется-ли гдѣ комплота противъ начальства и не готовится-ли жалобы высшему начальству.

Иркутскіе купцы, выведенные изъ терпѣнія разными самовластными дѣйствіями губернскаго начальства, рѣшились, по прежнимъ примѣрамъ, принести жалобу. Жалоба была послана съ чиновникомъ Пѣтуховымъ. Полиція, усердно дѣйствовавшая въ исполненіе даннаго ей предписанія, открыла намѣреніе купцовъ. Пестель, извѣщенный о поѣздкѣ Пѣтухова въ Петербургъ, подготовилъ для него пріятный сюрпризъ. Едва только Пѣтуховъ подъѣхалъ къ петербургской заставѣ, какъ былъ схваченъ и отвезенъ въ Архангельскъ, а бумаги его были отобраны и, вѣроятно, переданы въ руки Пестеля...

Между тѣмъ, одинъ изъ купцовъ, именно Киселевъ, человѣкъ весьма бойкій и смышленый, внезапно сошелъ съ ума, былъ запертъ въ больницу умалишенныхъ и тамъ вскорѣ умеръ, какъ говорили, отъ неискуснаго леченія холодною водою... Много толковали въ городѣ объ этомъ происшествіи...

Но вслѣдъ затѣмъ вниманіе жителей было отвлечено другимъ не менѣе разительнымъ событіемъ.

Въ одно прекрасное утро, два главные столпа, на которыхъ опиралось Иркутское купечество, Сибиряковъ и Мыльниковъ, люди пожилые и весьма почтенные, были приглашены въ губернское правительство. Не зная за собой никакой вины, они шли смѣло, въ ожиданіи благопріятныхъ послѣдствій своей жалобы, тѣмъ болѣе, что начальникъ губерніи былъ съ ними весьма учтивъ и даже робокъ... Наконецъ они входятъ въ присутствіе правительства и что же?... Тамъ поражаетъ ихъ, какъ громъ, предписаніе генералъ-губернатора, что они, какъ вредные члены общества и составители комплотовъ противъ начальства, не лишаясь своего званія, ссылаются безъ суда и слѣдствія навсегда — Сибиряковъ въ Нерчинскъ, и Мыльниковъ въ Баргузинъ... Сибиряковъ, человѣкъ желѣзный по своей натурѣ, вынесъ этотъ страшный и неожиданный ударъ, а Мыльникова разбилъ параличъ, и онъ, уже больной, былъ отвезенъ въ мѣсто своего заточенія...

Отъ подобной безсудной высылки не были обезопашены и чиновники, даже принадлежавшіе къ высшему разряду въ губернской администраціи. Такъ, Совѣтникъ Уголовной Палаты Корсаковъ, также оподозрѣнный въ доносахъ, безъ всякой вины, былъ высланъ изъ Иркут-

ской губерніи, съ тѣмъ, чтобы прочіе губернаторы не позволяли ему проживать въ своихъ губерніяхъ ни въ какомъ мѣстѣ болѣе нѣсколькихъ дней, а Пестель не велѣлъ его выпускать изъ Сибири... Такимъ образомъ, Корсаковъ долженъ былъ испытывать судьбу вѣчнаго жида. Гдѣ бы онъ ни остановился, вездѣ слышалъ роковой голосъ: „иди! иди!“ Наконецъ Томскій губернаторъ изъ жалости дозволилъ ему остаться въ Томскѣ, гдѣ онъ и жилъ до пріѣзда общаго избавителя Сибири—Сперанскаго, при которомъ онъ возвратился въ Иркутскъ, послѣ многолѣтняго изгнанія [1]).

Послѣ всѣхъ такихъ ударовъ, нанесенныхъ рукою твердою и искусною, Иркутскіе купцы естественно упали духомъ и не могли долго опомниться, а чиновники, и прежде уже совершенно безгласные, не смѣли и подумать о какомъ-либо противодѣйствіи: это было стадо барановъ, гонимыхъ на бойню.

Остановимся здѣсь и посмотримъ ближе на личности, разыгрывавшія всѣ эти великія Иркутскія драмы.

Начнемъ по порядку съ самого Трескина. Не обладая научными познаніями, Трескинъ былъ одаренъ отъ природы необыкновеннымъ умомъ, орлинымъ взглядомъ, быстро обнимающимъ самые многосложные вопросы; дѣятельность его превосходила всякую мѣру: онъ работалъ почти постоянно съ ранняго утра до глубокой ночи; въ 6 часовъ утра уже принималъ доклады; особенно въ дни отправленія Московской почты онъ просиживалъ цѣлый день надъ бумагами, не поднимая головы, въ прямомъ смыслѣ этого слова. Характеръ его былъ мрачный, строгій и крайне раздражительный [2]). Образъ жизни его былъ весьма простъ и единообразенъ. Погруженный вѣчно въ дѣла, онъ не пользовался никакими увеселеніями; даже загородныя прогулки были для него необыкновенными исключеніями. Равно и семейство его мало пользовалось удовольствіями и вело жизнь самую тихую. Два или три бала въ годъ: вотъ все, что составляло его развлеченіе и на нѣсколько часовъ прерывало вѣчную монотонію его жизни. Въ праздничные дни, послѣ обычнаго поздравленія отъ чиновниковъ и купечества, Трескинъ отправлялся къ обѣднѣ. Набожность его была проникнута глубокимъ чувствомъ: пріобщаясь Св. Таинъ, онъ всегда плакалъ... Судъ человѣческій свершился надъ этимъ человѣкомъ, но кто знаетъ судъ Того, предъ Которымъ раскрыты всѣ

---

[1]) Подробнѣе о Корсаковѣ см. у бар. М. А. Корфа—„Жизнь графа Сперанскаго“, томъ II, стр. 169.

[2]) Въ обращеніи съ приближенными былъ ласковъ, но не фамиліаренъ: отношенія начальника никогда не оставляли его; съ лицами посторонними былъ всегда гордъ и властолюбивъ.

тайныя помышленія души; и для Котораго одна минута раскаянія изглаживаетъ преступленія цѣлой жизни?

Въ другихъ обстоятельствахъ, въ другой сферѣ, Трескинъ, конечно, былъ бы „славный“ губернаторъ, какъ назвалъ его Словцовъ на одномъ изъ данныхъ ему Трескинымъ предписаній: ума и дѣятельности его достало бы на десять губерній...

Главный помощникъ его былъ нѣкто Бѣлявскій, сперва секретарь его, а потомъ предсѣдатель Гражданской Палаты; человѣкъ умный, обладавшій самымъ искуснымъ перомъ и необыкновеннымъ даромъ діалектики, не только правая рука Трескина, какъ сказано въ „Жизни графа Сперанскаго“ [1]), но и душа всѣхъ дѣлъ его и, между тѣмъ, человѣкъ мрачный, гордый и легко впадавшій въ порывы жестокости. Сказываютъ, что на одномъ публичномъ обѣдѣ, когда губернаторъ выразилъ мысль, что онъ постарается разбить своихъ враговъ, Бѣлявскій вскричалъ съ яростію: „Въ дребезги, ваше превосходительство, въ дребезги!“ Мудрено-ли, что при такомъ поощрителѣ начальникъ его дошелъ до крайнихъ предѣловъ самовластія?... Но охотно выискивая добро въ самомъ злѣ, должно сказать, что Бѣлявскій не чуждъ былъ благородства, чувствовалъ свое нравственное превосходство предъ окружавшею его толпою приближенныхъ губернатору лицъ, не входилъ съ ними ни въ какое сближеніе и имѣлъ совѣсть, которая, наконецъ, страшно проснулась въ немъ...

Прочія лица, окружавшія Трескина, за немногимъ исключеніемъ, не имѣя ума и талантовъ Бѣлявскаго, имѣли одни отрицательныя свойства. Духъ раболѣпства и обогащенія проникалъ весь ихъ составъ. Для нихъ ничего не существовало священнаго, кромѣ воли начальства, какъ бы эта воля ни противорѣчила общей пользѣ и даже постановленіямъ правительства. Словъ: правда и честь не было въ ихъ лексиконѣ. Это была туча саранчи, которая истребляла все достояніе губерніи и, наконецъ, повергла ее въ безнадежность и отчаяніе. Всѣ думали, что не будетъ и конца страданіямъ...

Исключеніе, о которомъ упомянулъ я выше, составлялъ Иркутскій исправникъ Волошиновъ, человѣкъ кроткаго нрава, всегда унылый, какъ бы чувствовавшій неизбѣжныя послѣдствія своего положенія, засѣдатель Романовъ, человѣкъ ловкій, пріятный и съ порывами къ добру; наконецъ, Верхнеудинскій исправникъ Геденштромъ [2]). Всѣ эти люди кружились volens-nolens, хотя и не хотя, въ общемъ

---

[1]) Томъ II, стр. 200.

[2]) Матвѣй Матвѣевичъ Геденштромъ умеръ 20-го сентября 1845 года, 65 лѣтъ, близъ Тобольска, гдѣ былъ почтмейстромъ (см. Геннади, Словарь, т. I, стр. 198). Б. М.

вихрѣ, но выдавались изъ общей массы, и особенно Геденштромъ, своими манерами и своими нравственными качествами.

Геденштромъ былъ человѣкъ весьма образованный, говорилъ на многихъ европейскихъ языкахъ, зналъ очень хорошо естественныя науки, много имѣлъ наглядныхъ свѣдѣній, проведя многіе годы въ путешествіи; по характеру былъ весьма кроткій, мягкій и обязательный, готовый всегда на услугу, но вмѣстѣ весьма смѣтливый и хитрый и, къ несчастію, не имѣвшій въ душѣ никакихъ нравственныхъ основаній, никакой религіи... Невѣріе его распространялось и на близкихъ къ нему людей. Такъ, своякъ его, т. е. мужъ сестры жены Геденштрома, нѣкто Бритюковъ, заразившійся невѣріемъ и матеріализмомъ, въ одинъ праздничный день, когда у Геденштрома были гости, придя въ гостиную съ пистолетомъ въ рукѣ, сказалъ: „Посмотрите, какую штуку я сдѣлаю"—и съ этимъ словомъ выстрѣлилъ себѣ въ ротъ и тутъ же палъ мертвымъ.

Жизнь Геденштрома была исполнена разныхъ переворотовъ. Онъ учился въ Дерптскомъ университетѣ. По вступленіи въ службу, вскорѣ былъ, по Высочайшему повелѣнію, удаленъ на службу въ Сибирь, гдѣ было поручено ему описать берега Ледовитаго океана. Скитавшись нѣсколько лѣтъ по пустыннымъ тундрамъ полярныхъ странъ и льдамъ Сѣвернаго океана, онъ обогатилъ географію открытіемъ Новой Сибири и издалъ весьма любопытное описаніе своего путешествія [1]). Это была одна изъ лучшихъ страницъ его жизни.

По пріѣздѣ въ Иркутскъ, Геденштромъ былъ опредѣленъ Верхнеудинскимъ исправникомъ. Здѣсь онъ женился на прекрасной дѣвушкѣ, разбогатѣлъ, какъ Крезъ, и катался, какъ сыръ въ маслѣ, не зная счету въ деньгахъ, въ прямомъ смыслѣ этого слова. Сказывали, что, принимая въ казначействѣ деньги на покупку хлѣба для запасныхъ магазиновъ, онъ никогда не считалъ ихъ, и что, пользуясь его небрежностію, какой-то благородный казначей не додалъ ему 15 тыс. рублей ассигн.

Другой пришелъ бы отъ этого въ отчаяніе, но Геденштрому, въ тогдашнее время, это ровно ничто не значило. Онъ махнулъ рукой—и оставилъ дѣло безъ всякихъ изысканій. Это время былъ апогей его земного счастія. Молодъ, богатъ, обладающій прекрасной женой—чего было ему желать еще болѣе?

Пріѣздъ Сперанскаго, разрушившій экономію иркутскаго управленія, имѣлъ неблагопріятное вліяніе и на Геденштрома. Нельзя

---

[1]) Онъ издалъ книги: „Отрывки о Сибири", С.-Пб. 1830 г. и Fragmente, oder Etwas über Sibirien", St. Petersb. 1842; статьи его помѣщены также въ „С.-Петерб. Вѣстникѣ" 1822 г. и „Журн. Мин. Вн. Дѣлъ" 1829—1830. Б. М.

не удивляться, что Геденштромъ, какъ видно изъ „Жизни графа Сперанскаго“, былъ одинъ изъ первыхъ доносчиковъ на Трескина и даже невыгодно отзывался о его супругѣ [1]). Геденштромъ всѣхъ менѣе имѣлъ право это сдѣлать, потому что, какъ выше видно, пользовался вполнѣ земными благами подъ покровительствомъ Трескина и потому, что былъ принятъ, какъ родной, и обласканъ его семействомъ, вообще весьма пріятнымъ и добрымъ. Доносъ не избавилъ, однакожъ, Геденштрома отъ общей участи: онъ былъ отрѣшенъ отъ должности и долженъ былъ расплатиться съ обиженными; здѣсь конецъ его благосостоянію.

Въ 1827 году, въ бытность въ Сибири сенаторовъ, Геденштромъ испросилъ себѣ разрѣшеніе возвратиться въ Россію, служилъ въ Петербургѣ, потомъ опять возвратился въ Сибирь и поселился близъ Томска, лишился жены, прожилъ все состояніе, вдался въ низкое пьянство и умеръ въ нищетѣ [2]).

Окруженный подобными поборниками, которые сами погрязли въ темныхъ дѣлахъ и потому не смѣли и не имѣли права оказывать никакого противорѣчія, на что̀ не могло рѣшиться губернское начальство, облеченное неограниченною властію? И дѣйствительно, послѣ разгрома купеческаго общества, глубокое и повсемѣстное безмолвіе водворилось въ губерніи: терпѣли и молчали; возвышать голосъ было уже безуміе... Но нашелся одинъ человѣкъ, проникнутый-ли чувствомъ человѣческаго достоинства и правоты, или дѣйствовавшій изъ другихъ, менѣе высокихъ побужденій, какъ бы то ни было, но еще нашелся человѣкъ, который осмѣлился встать за правду: этотъ человѣкъ былъ вице-губернаторъ Левицкій. Борьба съ нимъ губернскаго начальства продолжалась съ 1811 до начала 1814 года.

Но прежде, нежели я разскажу нѣкоторыя подробности этой борьбы, должно сказать, что съ 1805 года Иркутское Губернское правленіе было переименовано въ Губернское правительство, раздѣленное на двѣ экспедиціи: исполнительную, которою назвали прежнее Губернское правленіе, и казенную, въ которую была переименована Казенная палата. Въ первой предсѣдательствовалъ губернаторъ, во второй — вице-губернаторъ.

Причина возставшей, хотя не кровопролитной, но весьма ожесточенной и продолжительной распри между губернаторомъ и казенною эксцедиціею, былъ хлѣбъ, предметъ, какъ видите, немаловажный для земнородныхъ; при томъ дѣло шло не о кускѣ хлѣба, но о милліонахъ кусковъ.

---

1) Т. II, стр. 168.
2) „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 168.

Губернское начальство утверждало, что въ Иркутской губерніи существовалъ нѣсколько лѣтъ сряду неурожай; казенная экспедиція старалась доказать противное: вотъ тема, повидимому, простая, но на которой разыгрывались самыя трудныя и разнообразныя варіаціи. Кто былъ правъ? Кто виноватъ?.. Много горя и страданій влекла за собою эта неровная борьба слабаго противника съ сильнымъ непріятелемъ; но уже полъ-столѣтія протекло съ тѣхъ поръ, и спасибо времени, какъ будто ничего не бывало: люди умерли, вопли ихъ умолкли; остались однѣ безмолвныя бумаги, да и тѣ сгніютъ, наконецъ, въ архивахъ! Всему есть конецъ подъ солнцемъ!

Изъ идеи постояннаго неурожая истекали разнообразныя слѣдствія, изъ коихъ главнѣйшимъ была необходимость заготовленія громадныхъ количествъ хлѣба для городскихъ запасныхъ магазиновъ.

Заготовленіе хлѣба въ запасные магазины производилось черезъ земскихъ чиновниковъ, по возвышеннымъ цѣнамъ, вслѣдствіе той же идеи о неурожаѣ. При покупкѣ хлѣба составлялись общественные приговоры: сколько хлѣба продано и по какой цѣнѣ; но все-ли получали крестьяне, что было означено въ приговорахъ? Это лежало на совѣсти земской полиціи.

Между тѣмъ весьма естественный и важный вопросъ самъ собою кидался въ глаза: если въ губерніи неурожай, то откуда же, въ тѣ же неурожайные годы и въ той же губерніи, являлся хлѣбъ въ запасные магазины, которые въ Иркутскѣ были не только наполнены, но и переполнены, такъ что огромное количество запасного хлѣба надобно было положить въ хлѣбные магазины провіантскаго вѣдомства? Этотъ-то вопросъ казенная экспедиція и старалась выяснить, но голосъ ея пропадалъ въ пустынѣ.

Казенную экспедицію особенно безпокоило то обстоятельство, также вытекавшее изъ идеи неурожая, что остановилось винокуреніе, погибалъ откупъ, оставаясь безъ вина, и несла большіе убытки казна, не получая откупной суммы... Тщетно члены казенной экспедиціи разъѣзжали по деревнямъ для покупки хлѣба на винокуреніе: весь излишекъ хлѣба, остававшійся отъ продовольствія крестьянъ, былъ закупленъ въ провіантскіе и запасные магазины, а если и были остатки, то крестьяне не хотѣли или не смѣли ихъ продавать, такъ что члену стоило величайшихъ усилій купить самое незначительное количество. На откупъ или, сказать правильнѣе, на откупщика, купца Куклина, губернское начальство смотрѣло неблагопріятными глазами. Молва объясняла это по-своему. Какъ бы то ни было—откупъ совершенно разстроился, начались долговременные простои, недоимки откупной суммы возрастали съ каждымъ днемъ, Куклинъ былъ разоренъ къ конецъ и, пробираясь въ Петербургъ искать правосудія,

былъ задержанъ въ Тобольскѣ и—умеръ въ тюрьмѣ! Что можно прибавить еще къ этимъ двумъ страшнымъ словамъ: „умеръ въ тюрьмѣ!“

Между тѣмъ случилось происшестіе, сильно возмутившее губернское начальство.

4-го марта 1813 года члены казенной экспедиціи, пріѣхавъ въ провіантскіе магазины для освидѣтельствованія хлѣба, встрѣтили тамъ крестьянъ, привезшихъ хлѣбъ для запасныхъ магазиновъ, уже въ нихъ, какъ сказано выше, неумѣщавшійся. Крестьяне принесли имъ жалобу на обвѣсъ при пріемѣ отъ нихъ хлѣба. Вице-губернаторъ, выслушавъ эти жалобы (и какъ же было не послушать?), вмѣстѣ съ членами казенной экспедиціи повѣрилъ вѣсы, по которымъ принимался запасной хлѣбъ, съ вѣсами провіантскихъ магазиновъ и нашелъ, что вѣсы запасного хлѣба дѣйствительно весьма невѣрны и, слѣдовательно, жалоба крестьянъ справедлива.

Въ то же время было открыто казенною экспедиціею, что помощникъ смотрителя запасныхъ магазиновъ, дослужившійся до чина губернскаго секретаря, происходилъ изъ ссыльно-каторжныхъ и былъ двукратно наказанъ плетьми за воровство. Справедливость требуетъ сказать, что въ этомъ случаѣ нельзя похвалить и казенную экспедицію: подыскиваться подъ частнымъ лицомъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть извинительно. Но таковы всегда послѣдствія вражды: всегда она переходитъ за предѣлы благоразумія и приличія.

Былъ еще случай, гдѣ казенная экспедиція или, сказать правильнѣе, вице-губернаторъ Левицкій вступился за пользу крестьянъ.

Въ 1812 году въ Сибири, вмѣсто сбора рекрутъ, по причинѣ ея малаго населенія, было Высочайше повелѣно собрать по 20 руб. съ души. Сборъ этотъ оказался весьма тягостенъ для крестьянъ и потому былъ Всемилостивѣйше отмѣненъ. Между тѣмъ по Иркутской губерніи его было собрано и хранилось въ казначействахъ до 662.000 р. Что подлежало сдѣлать? Отвѣтъ весьма простъ: или раздать крестьянамъ собранную сумму, или замѣнить ее въ подати. Но губернское начальство не только не сдѣлало этого, но еще, вопреки Высочайшей волѣ, приказало продолжать сборъ, а между тѣмъ подати взыскивать своимъ чередомъ. Губернское начальство ссылалось на то, что крестьяне, продавая хлѣбъ по высокимъ цѣнамъ, могутъ имѣть избытокъ для оплаты податей. Ясно, что крестьяне, какъ замѣчала казенная экспедиція, не только могли сами себя продовольствовать, но и продавать излишекъ. Это была обмолвка губернскаго начальства, которую казенная экспедиція не упустила поставить на видъ. Но здѣсь ее безпокоило то, что деньги болѣе десяти мѣсяцевъ хранились въ казначействахъ, безъ выдачи крестьянамъ и безъ замѣны въ подати, о чемъ

крестьяне неоднократно просили ее, по причинѣ крайняго затрудненія въ платежѣ податей; что, къ вящему отягощенію ихъ, отмѣненный Государемъ сборъ, Богъ знаетъ для чего, продолжается; что милость царская встрѣтила какую-то странную преграду въ дѣйствіи мѣстной власти; что, наконецъ, значительныя суммы этого сбора лежали безгласно въ волостныхъ правленіяхъ [1]).

Обязанный заботиться о пользѣ казенныхъ крестьянъ, вице-губернаторъ Левицкій поручилъ одному изъ членовъ казенной экспедиціи, въ проѣздъ его на винокуренные заводы, куда онъ посланъ былъ по особенной казенной надобности, узнать по дорогѣ въ мірскихъ обществахъ: не остаются-ли гдѣ деньги упомянутаго сбора?

Членъ, исполнивъ данное ему вице-губернаторомъ предписаніе, открылъ, что дѣйствительно остаются въ двухъ или трехъ мірскихъ обществахъ, на дорогѣ находящихся, около 14.000 руб. Сверхъ сего, было также открыто имъ, что болѣе 10.000 руб., слѣдовавшихъ за купленный у крестьянъ для заводовъ хлѣбъ, и отпущенныхъ изъ казны въ августѣ 1812 года, не было еще отдано крестьянамъ въ мартѣ 1813 года. Надлежало-ли наградить или наказать за подобное открытіе? Конечно, скажете вы, наградить. Но тогда не такъ дѣлалось. По слѣдамъ члена казенной экспедиціи поѣхалъ чиновникъ земской полиціи и старался его оклеветать, сколько было возможно. Четыре великія преступленія были взведены на несчастнаго члена: 1) разъѣзжалъ по селеніямъ, 2) не доплатилъ прогоновъ 1 р. 25 к. сер., 3) назывался начальникомъ и 4) былъ въ подгулкѣ. Разсмотримъ подробнѣе эти мнимыя преступленія.

1. Разъѣзжалъ по селеніямъ. Членъ былъ, какъ выше видно, командированъ на винокуренные заводы и только по дорогѣ справлялся о крестьянскихъ деньгахъ. Да если бы, и въ самомъ дѣлѣ, онъ разъѣзжалъ съ толь полезною цѣлію для крестьянъ и при томъ не самовольно, а по предписанію своего начальника: то не была-ли бы это скорѣе заслуга, чѣмъ преступленіе?

2. Не доплатилъ прогоновъ 1 р. 25 к. сер. Прогоны выдавались, для расплаты съ ямщиками, обыкновенно, казаку, который всегда посылался съ чиновникомъ для охраненія его въ дорогѣ, не вездѣ безопасной. И кто бы могъ покорыствоваться столь ничтожною суммою, особенно зная, что по слѣдамъ его гонится, какъ гончая за зайцемъ, земская полиція, готовая воспользоваться всякимъ случаемъ къ погубленію своей жертвы?

3. Назывался начальникомъ передъ крестьянами. Надобно сказать, что въ тогдашнее время крестьяне въ Сибири всѣхъ чинов-

[1]) Постановленіе каз. эксп. въ апрѣлѣ 1813 года.

никовъ, безъ разбору, называли общимъ именемъ: начальника. На вопросъ, напримѣръ: „Кто ѣдетъ?“ крестьяне обыкновенно отвѣчали: „Какой-то начальникъ“. Такимъ образомъ въ понятіи ихъ слова: начальникъ и чиновникъ — были синонимы. Изъ этого слѣдуетъ, что если бы членъ казенной экспедиціи и наименовалъ себя передъ крестьянами начальникомъ, то онъ ничего не сказалъ бы для нихъ новаго и нисколько не возвысилъ бы тѣмъ своего сана. Но для чего сталъ бы онъ и возвышать себя передъ крестьянами? Величаются передъ ними только тѣ, которые имѣютъ въ виду собственную выгоду, а членъ дѣйствовалъ, напротивъ, въ видахъ пользы самихъ же крестьянъ; наконецъ, если бы и дѣйствительно членъ казенной экспедиціи, завѣдывавшій тогда, по общему учрежденію о губерніяхъ, крестьянами въ хозяйственномъ отношеніи, назывался начальникомъ: то какой вредъ изъ этого могъ произойти?

4. Былъ въ подгулкѣ. Господи, да кто же, доживъ до сѣдыхъ волосъ, хотя разъ въ жизни не бывалъ въ подгулкѣ? Кто изъ земнородныхъ—спрашиваю я—при первомъ удобномъ случаѣ, на именинахъ или крестинахъ, на свадьбахъ и даже иногда на похоронахъ, на обѣдахъ торжественныхъ, при возглашеніи оффиціальныхъ тостовъ, и въ пріятельскихъ кружкахъ при пѣніи застольныхъ пѣсенъ, на великолѣпныхъ пирахъ и бѣдныхъ пирушкахъ, знатный баринъ и простой поденьщикъ, богачъ и бѣднягъ, ученый мужъ и обыкновенный смертный,—словомъ, кто, повторяю, хотя одинъ разъ въ жизни, не былъ въ подгулкѣ? И между тѣмъ, со временъ Ноя, подгулявшаго на развалинахъ древняго міра, до настоящаго вѣка, столь знаменитаго своими публичными подгулками, никто и нигдѣ не предавался за это суду!.. Но членъ казенной экспедиціи другое дѣло: онъ составлялъ исключеніе изъ всего рода человѣческаго!.. Человѣкъ давно уже съ сѣдыми волосами, извѣстный всему городу своимъ честнымъ и трезвымъ поведеніемъ, исполнившій усердно весьма важное и полезное порученіе, по одному доносу обличенной имъ въ упущеніи земской полиціи, былъ обвиненъ въ преступленіи новаго рода—подгулкѣ! И смѣшно, и прискорбно!

Ясно, что искали не вины, которой найти было нельзя; искали только случая къ обвиненію. И вотъ, за всѣ эти мнимыя преступленія членъ казенной экспедиціи — въ награду за полезное имъ открытіе—былъ преданъ суду. [1]). Сколько ни оправдывался онъ (хотя и оправдываться было не въ чемъ), сколько ни доказывалъ свою невинность, судъ ничего слушать не хотѣлъ. Та же жестокая рука,

---

[1]) Предложеніе губернатора исполнительной экспедиціи отъ 19-го марта 1813 года.

которая, не дрожа, назначала преступникамъ невыносимое истязаніе, не дрогнула подписать и осужденіе невиннаго. Членъ былъ приговоренъ къ строгому выговору. Служба безпорочная запятнана бытностію подъ судомъ, право на пенсію—потеряно, мщеніе—удовлетворено: чего же болѣе?—Вотъ что значило въ тогдашнее время затрогивать за живое земскую полицію и служить общественному благу!

Но не одинъ этотъ несчастный членъ, вся казенная экспедиція подверглась, въ то же время, сильнѣйшему гоненію.

Исторія двадцати-рублеваго сбора, особенно же ненавистная повѣрка вѣсовъ запаснаго хлѣба и изслѣдованіе происхожденія смотрительскаго помощника окончательно разгнѣвали губернское начальство. И вотъ, прибравъ многіе другіе подобные случаи, губернаторъ провозгласилъ вице-губернатора и его товарищей — отложившимися отъ всякой зависимости и уваженія къ начальнику губерніи, облеченному властію генералъ-губернатора, превзошедшими всю мѣру его терпѣнія, формальными доносчиками, нарушителями порядка, людьми, творящими дѣла необыкновенныя и примѣрныя, — словомъ, явными бунтовщиками и отчаянными революціонерами, вышедшими изъ предѣловъ всякой законности...

Этотъ грозный приговоръ былъ произнесенъ въ предложеніи губернатора, данномъ исполнительной экспедиціи 19-го марта 1813 года.

Ничего лучше не характеризируетъ тогдашнее Иркутское управленіе, какъ это замѣчательное предложеніе, и потому взглянемъ на нѣкоторые его пункты и объясненія казенной экспедиціи [1]).

1. Здѣшняя казенная экспедиція, сказано въ предложеніи, „отложилась отъ всякой зависимости и уваженія къ начальнику губерніи, который, по силѣ 6-й статьи Высочайшей инструкціи, данной Сибирскому генералъ-губернатору, поставленъ здѣсь во власти генералъ-губернатора, на время настоящаго отсутствія его высокопревосходительства".

Казенная экспедиція объясняла, что она дѣйствовала по точной силѣ законовъ. Относительно же усвоенія губернаторомъ власти генералъ-губернатора, будто бы на основаніи 6-й статьи Высочайшей инструкціи, данной Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, экспедиція съ благородною смѣлостію доказывала, что означенной статьей дозволено только снабжать нѣкоторою властію чиновниковъ, въ отдаленныхъ мѣстахъ находящихся, а именно: въ Нерчинскѣ, Якутскѣ и Камчаткѣ, какъ объяснено въ слѣдующей, 7-й статьѣ той же инструкціи; но чтобы генералъ-губернаторъ — сказано было далѣе въ объясненіи экспедиціи—былъ уполномоченъ передавать ему одному,

---

[1]) Постановленіе казен. экспед. 29-го марта 1813 года.

по Высочайшей волѣ, присвоенныя права, о томъ она никакого Высочайшаго повелѣнія въ виду не имѣетъ.

Итакъ, Иркутское губернское начальство оффиціально и гласно—какъ и выше замѣчено—провозглашало присвоенную имъ власть генералъ-губернатора, не имѣя на то никакого основанія, кромѣ воли самаго генералъ-губернатора, также не имѣвшаго на раздвоеніе своей власти никакого уполномочія. Дать губернатору права генералъ-губернатора не значитъ-ли произвесть его въ генералъ - губернаторы? Кто могъ это сдѣлать безъ Высочайшей власти? И между тѣмъ, это незаконное присвоеніе Иркутскимъ губернаторомъ не принадлежащихъ ему правъ, обременявшее безъ мѣры губернію, существовало во все управленіе Пестеля!

2. Продолжая далѣе упрекать казенную экспедицію, что она, „по мнимой независимости своей отъ начальника губерніи", приняла, съ извѣстнаго времени, за непремѣнное правило прекословить его распоряженіямъ по всѣмъ вообще дѣламъ,—губернаторъ напоминаетъ ей, что ослушаніе ея вынудило уже генералъ-губернатора дать ей предписаніе, въ которомъ, угрожая строгимъ взысканіемъ, особенно съ вице-губернатора, генералъ-губернаторъ сказалъ въ заключеніе, что онъ „будетъ ожидать (отъ казенной экспедиціи) безмолвнаго исполненія распоряженій гражданскаго губернатора"; но что, не смотря на это, казенная экспедиція продолжаетъ упорствовать въ противодѣйствіи его распоряженіямъ, представляя, мимо его и генералъ-губернатора, министру финансовъ, и что, наконецъ, вошла на него, губернатора, съ формальными доносами.

Очевидно, что если бы казенная экспедиція, представляя непосредственно министру финансовъ, дѣйствовала неправильно, то министръ финансовъ и самъ не оставилъ бы ей это замѣтить. Но какое имѣло право низшее, въ отношеніи министерства, начальство запрещать сноситься съ высшимъ и даже ставить это въ вину? Не показывало-ли это одно желаніе, чтобы, кромѣ губернатора, никто не осмѣливался возвышать свой голосъ до Петербурга, и чтобы губернаторъ былъ единственный органъ, чрезъ который бы высшее правительство и видѣло, и слышало?

Но самое замѣчательное въ приведенной выше, въ подлинникѣ весьма длинной, тирадѣ—есть слова: безмолвное повиновеніе, какого требовалъ Пестель распоряженіямъ гражданскаго губернатора. Слѣдовательно, какъ бы распоряженія эти ни противорѣчили закону или предписаніямъ высшаго правительства (а они были даже, какъ видно выше, иногда противорѣчущи и Высочайшимъ повелѣніямъ!), какъ бы они ни были вредны выгодамъ казны или общему народному благу,—надлежало ихъ исполнять, не разсуждая, безмолвно, слѣпо! Такова

была вообще система тогдашняго Сибирскаго управленія: „молчи и повинуйся!" Не духъ-ли Чингисъ-Хана, нѣкогда кочевавшаго въ Сибири, все еще носился надъ нею и заражалъ умы язвою азіатскаго самовластія?

Казенная экспедиція, съ подобающимъ уваженіемъ, но безъ боязни, отвѣчала, что она всѣ предложенія гражданскаго губернатора, не противорѣчащія указамъ Сената и предписаніямъ министра финансовъ, исполняла и будетъ исполнять безпрекословно; но что если и уклонялась она отъ исполненія нѣкоторыхъ распоряженій губернатора, то дѣйствія ея одобрены Сенатомъ и министромъ финансовъ, а распоряженія губернатора отмѣнены, какъ неумѣстныя и противныя общимъ видамъ правительства; въ заключеніе, казенная экспедиція присовокупляла, что никакихъ доносовъ на губернатора она не дѣлала, а только объясняла высшему правительству тѣ препятствія, какія встрѣчала она въ своихъ дѣйствіяхъ, къ пользѣ казны клонившихся, и оправдывалась иногда въ обвиненіяхъ, какія взводило на нее мѣстное начальство.

Для чего же начальство это старалось обыкновеннымъ служебнымъ представленіямъ присвоить наименованіе доносовъ? Для того, что слово: доносъ было страшнымъ орудіемъ тогдашняго Сибирскаго управленія, какъ нѣкогда ужасное выраженіе: слово и дѣло. Всякое справедливое объясненіе, всякую жалобу на притѣсненіе, всякое представленіе, не нравящееся мѣстному начальству, стоило только заклеймить словомъ: доносъ,—и этого было достаточно, чтобы предать доносителя, правъ-ли онъ или не правъ, всѣмъ карамъ преслѣдованія. Такимъ образомъ, что бы съ тобой ни дѣлали, какъ бы тебя ни притѣсняли, ни обижали, жаловаться не смѣй: тогда запятнаютъ тебя страшнымъ именемъ доносчика, и тебѣ нѣтъ спасенія: тебя или сошлютъ въ отдаленныя мѣста, какъ Сибирякова или Мыльникова, или вышлютъ изъ губерніи и превратятъ въ вѣчнаго жида, какъ было сдѣлано съ Корсаковымъ. Вотъ въ этомъ-то и заключалась тайна того удивительнаго явленія, что въ то время, какъ Россія наслаждалась самымъ кроткимъ и благотворнымъ правленіемъ, каково было царствованіе императора Александра I, одна Сибирь носила на себѣ иго временъ Іоанна Грознаго!

3. Всѣ обвиненія, взводимыя на казенную экспедицію, были прибраны собственно для того, чтобы, какъ и выше замѣчено, аккомпанировать статьѣ, касавшейся самой чувствительной струны губернскаго начальства — хлѣба, составлявшаго главный предметъ предложенія.

„4-го числа сего марта — сказано въ предложеніи—вице-губернаторъ съ членами казенной экспедиціи, при освидѣтельствованіи

воинскихъ провіантскихъ магазиновъ, дѣлали ревизію надъ хлѣбомъ казенныхъ запасныхъ магазиновъ, приняли жалобу отъ случившихся тамъ двухъ крестьянъ и четырехъ братскихъ въ обвѣсѣ ихъ, повѣряли вѣсы, нашли какую-то невѣрность съ вѣсами воинскихъ магазиновъ и, не давъ знать о томъ ни ему, губернатору, ни губернскому правленію, донесли министру финансовъ".

Казенная экспедиція, въ оправданіе свое, описала это происшествіе, какъ оно было и какъ описано выше. Очевидно, что мѣстное начальство старалось представить его въ превратномъ видѣ: иное ослабило, другое переиначило. На замѣчаніе же губернатора, что казенная экспедиція донесла объ этомъ происшествіи министру финансовъ, она отвѣчала, что сдѣлала это для своей безопасности, потому что всѣ дѣйствія съ главнымъ губернскимъ начальствомъ подвергаются обвиненію предъ высшимъ правительствомъ.

Но при этомъ случаѣ казенная экспедиція, продолжая постоянно одну и ту же тему о несуществованіи неурожая, замѣтила, что въ то время, какъ гражданскій губернаторъ увѣрялъ о двугодичномъ сряду неурожаѣ — количество хлѣба заготовлено въ тѣхъ же годахъ несравненно большее, чѣмъ въ прежнихъ. Гдѣ же неурожай, когда купленнаго хлѣба уже столько, что и ссыпать его некуда!

4. Продолжая обвиненія казенной экспедиціи, губернаторъ говорилъ: „Сего, однакожъ, недостаточно было (т. е. принятія жалобъ, повѣрки вѣсовъ и проч.): казенная экспедиція, дабы усилить таковые ни съ чѣмъ несообразные подъиски свои, вытребовала изъ губернскаго архива, въ противность всякаго порядка, свѣдѣніе о начальномъ происхожденіи помощника смотрителя запасныхъ магазиновъ, заслужившаго сей чинъ 33-хъ лѣтнею службою, и который отправлялъ при прежнихъ главныхъ начальникахъ интересныя должности, а въ настоящей должности утвержденъ г. Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ".

Казенная экспедиція отвѣчала, что, послѣ увѣренія гражданскаго губернатора о 33-хъ лѣтней безпорочной службѣ помощника смотрителя запасныхъ магазиновъ, она нисколько въ томъ не сомнѣвается; но что онъ, прежде безпорочной службы, за воровство двукратно былъ наказанъ плетьми и присланъ въ Иркутскъ въ числѣ ссыльныхъ, слѣдовавшихъ въ Нерчинскъ въ каторжную работу, въ томъ удостовѣряетъ ее свѣдѣніе, изъ губернскаго архива полученное...

Трудно объяснить, изъ какихъ началъ рождалось столь сильное желаніе скрыть открытый обвѣсъ и выхвалять безпорочную службу человѣка, двукратно наказаннаго тѣлесно за воровство, и который, обвѣшивая крестьянъ, какъ видно, худо раскаявался въ прежнихъ преступленіяхъ?

Между тѣмъ на обвѣсъ жалоба была повсемѣстна, потому что, по

причинѣ малаго привода на рынокъ, жители довольствовались хлѣбомъ изъ казенной лавки; цѣны запаснаго хлѣба назначались по усмотрѣнію начальства, иногда даже выше базарныхъ: слѣдовательно, казенная продажа служила не къ пониженію, а еще къ большему возвышенію цѣнности хлѣба [1]); чиновникамъ хлѣбъ выдавался по билетамъ за подписью губернатора, которые нелегко было выпрашивать какъ особенную милость, — и весь этотъ видъ какого-то голоднаго времени выставлялся въ тѣ годы, въ которые купленный хлѣбъ уже не вмѣщался въ магазинахъ.

Предложеніе губернатора, которымъ осуждались члены казенной экспедиціи, было дано, какъ сказано выше, исполнительной экспедиціи, въ которой онъ былъ самъ предсѣдателемъ, и которая, состоя изъ безгласныхъ лицъ, готова была исполнить всякое его приказаніе. Странно видѣть, что губернаторъ, какъ будто не зная, куда и къ кому онъ пишетъ, говоритъ весьма серьезно въ заключеніи своего предложенія, что онъ „по долгу званія своего и власти, предоставленной ему отъ генералъ-губернатора (т. е. незаконно данной и незаконно присвоенной!) обязаннымъ себя находитъ все сіе (т. е. дѣйствія казенной экспедиціи) сдѣлать извѣстнымъ предъ губернскимъ правительствомъ“ (т. е. передъ самимъ собою и двумя безмолвными и запуганными совѣтниками), считая, „между тѣмъ, мѣру уклончивости, снисхожденія и терпѣнія его исполненною уже (удивительное терпѣніе!) и опасаясь, чтобы дальнѣйшее снисхожденіе его не было причтено ему въ явную слабость, и чтобы самому не подвергнуться законной отвѣтственности“... (Да! опасность была большая!).

Естественно, что исполнительная экспедиція приняла съ жаромъ сторону губернатора—и какъ же могло быть иначе? Въ бумагѣ, присланной ею въ казенную экспедицію, укоризнамъ не было мѣры. Все, что только можно было сказать обиднаго на счетъ членовъ казенной экспедиціи—все было сказано: самоначаліе, отступленіе отъ порядка службы, присвоеніе не принадлежащей власти, неповиновеніе и прекословіе главному мѣстному начальству, доносы, ябеды и проч. и проч. и проч. [2]).

Положеніе членовъ казенной экспедиціи становилось постепенно хуже и хуже; наконецъ, послѣ оскорбленій, нанесенныхъ имъ изложеннымъ выше предложеніемъ, и обидъ со стороны совершенно равнаго казенной экспедиціи мѣста, т. е. исполнительной экспедиціи, составлявшей, какъ выше видно, не болѣе, какъ одну часть того же губернскаго правительства, котораго другую часть составляла экспе-

---

[1]) См. постановленіе казен. экспед. въ апрѣлѣ 1813 года.

[2]) Отношеніе исполн. эксп. 24-го марта 1813 года, № 435.

диція казенная,—страшась дальнѣйшихъ преслѣдованій, члены казенной экспедиціи рѣшились просить высшее правительство о переводѣ ихъ на службу въ другія губерніи [1]). Просьба ихъ была уважена въ томъ только отношеніи, что имъ было дозволено выѣхать изъ Сибири, но никакого назначенія имъ дано не было; даже прогоны были выданы только одному вице-губернатору.

Нельзя не удивляться твердому и смѣлому духу вице-губернатора Левицкаго. Бывъ не болѣе, какъ статскій совѣтникъ, безъ состоянія, безъ связей, безъ покровительства, онъ осмѣлился встать за правду противъ столь сильныхъ людей, каковы были генералъ-губернаторъ Пестель и гражданскій губернаторъ Трескинъ; боролся съ ними нѣсколько лѣтъ и, наконецъ, падши въ неравномъ бою, могъ, не краснѣя, повторить извѣстное выраженіе: „Tout est perdu hormis l'honneur“ [2]). Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ жилъ безъ должности, терпѣлъ крайнюю нужду и умеръ въ совершенной бѣдности!

Соратники и сослуживцы его, члены казенной экспедиціи, по выѣздѣ его изъ Иркутска, были обречены на новыя гоненія. Жалованье ихъ было остановлено; на имѣніе наложено запрещеніе на случай могущаго открыться взысканія; самихъ ихъ задержали въ Иркутскѣ для сдачи дѣлъ, которыя сдавать они вовсе не были обязаны. Много они хлопотали, чтобы разорвать наложенныя на нихъ узы. Къ счастію ихъ, состоялся Всемилостивѣйшій манифестъ 30-го августа 1814 года и избавилъ ихъ отъ взысканія. Отъ сдачи дѣлъ освободилъ ихъ Правительствующій Сенатъ. Наконецъ, выбрались они изъ печальнаго Иркутска и потащились, кто какъ могъ, въ далекую Россію искать новаго куска хлѣба!.. Одинъ только изъ нихъ, удрученный лѣтами, болѣзнями и крайнею бѣдностію, принужденъ былъ остаться въ Иркутскѣ и, съ горемъ пополамъ, доживать тамъ свои послѣдніе годы. Давно уже нѣтъ его на свѣтѣ. Это былъ тотъ великій преступникъ, котораго Шемякинъ судъ осудилъ за четыре неслыханныя злодѣянія... Судьба членовъ, выѣхавшихъ изъ Иркутска, мнѣ неизвѣстна. Судя по тогдашнимъ ихъ лѣтамъ, должно полагать, что и ихъ кости отдыхаютъ уже въ могилѣ отъ треволненій жизни. Могу сказать, что всѣ они были люди достойные и честные. Особенно заслуживалъ уваженія Василій Владиміровичъ Бергъ, совершенно обрусѣлый нѣмецъ, хорошо образованный, любившій литературу и человѣкъ кроткаго и нѣжнаго сердца... Миръ праху вашему, бѣдные ревнители правды!

---

[1]) Постановленіе казен. экспед. 29-го марта 1813 года.

[2]) Все потеряно, кромѣ чести.

Оканчивая здѣсь разсказъ мой о подвигахъ и неудачахъ казенной экспедиціи, не могу не упомянуть объ одномъ странномъ случаѣ. Изъ числа членовъ казенной экспедиціи только одинъ совѣтникъ Ш....., при самомъ началѣ распри, отдѣлился отъ своихъ товарищей и принялъ сторону враждебнаго лагеря; поэтому онъ не раздѣлилъ и общей судьбы ихъ: послѣ разгрома казенной экспедиціи, онъ остался на своемъ мѣстѣ. Но что выигралъ?

То же самое начальство, котораго былъ онъ поклонникомъ, впослѣдствіи столкнуло его съ мѣста. Онъ былъ принужденъ оставить Иркутскъ и, живучи въ Томскѣ, съ горя и досады предался пьянству, которое и довело его до могилы. Однажды, въ нетрезвомъ видѣ, варивши спиртъ, онъ пролилъ его на огонь и залилъ имъ себѣ халатъ. Совершенно растерявшись, вмѣсто того, чтобы халатъ тотчасъ съ себя сбросить, онъ выбѣжалъ во дворъ и сталъ кататься по землѣ... Пламя обняло его со всѣхъ сторонъ, загорѣлась рубашка и исподница, и онъ кончилъ жизнь въ жестокихъ страданіяхъ. Не было-ли это наказаніемъ за уклоненіе отъ праваго дѣла?

Между тѣмъ, разрушивъ послѣднюю и единственную оппозицію въ лицѣ вице-губернатора и его сотрудниковъ, губернское начальство, казалось, могло уже спокойно наслаждаться плодами своихъ побѣдъ. Купечество было запугано; чиновники боялись и помыслить о малѣйшемъ противорѣчіи; принципъ: безмолвное повиновеніе распоряженіямъ губернскаго начальства, прямое наслѣдство отъ Чингисъ-Хана, развился во всей обширности. По губерніи распространилась мертвая тишина. „Кто противъ Бога и Великаго Новгорода?“, когда-то возглашали новогородцы; тотъ же возгласъ, съ небольшими измѣненіями, могло бы повторять и Иркутское начальство.

Но если, съ одной стороны, внутренніе враги, застращенные и забитые, не были уже опасны: то, съ другой, нечего было, равнымъ образомъ, бояться и внѣшняго нашествія. Наружный видъ губерніи былъ отдѣланъ на славу. Дороги, гати, мосты, находились въ отличнѣйшемъ порядкѣ, болота осушены, грязи очищены, пути непроходимые сдѣланы проходимыми; станціонные дома—удобные, просторные, теплые и чистые, лошади—сытыя и добрыя, ямщики—удалые... Грабежи по дорогамъ прекращены. Мѣста, до того пустынныя—облюжены новыми водвореніями; поселенія превосходили во многомъ старыя села и деревни; поселенцы изъ бродягъ сдѣлались честными и трудолюбивыми земледѣльцами. Присутственныя мѣста, отъ губернскаго правительства до мірской избы, перестроены или построены вновь и содержались въ строгой опрятности; архивы въ примѣрномъ порядкѣ. Города, по возможности, улучшены, выправлены и очищены. Пожарныя команды, если не въ количествѣ, то въ ка-

чествѣ, мало уступали столичнымъ. Трудно исчислить всѣ наружныя устройства, которыя были совершены въ дѣятельное управленіе Трескина, и которыми весьма справедливо славится его имя. Любому ревизору можно было смѣло сказать: „Милости просимъ! Полюбуйтесь!"

Не доставало, къ сожалѣнію, немногаго, бездѣлицы: „человѣколюбія и справедливости".

Но если бы было это немногое (что на дѣлѣ и составляетъ все!), то что за чудесное управленіе имѣла бы тогда Иркутская губернія!..

Нельзя, однакожъ, сказать, чтобы главная масса народонаселенія, крестьяне, были слишкомъ разорены. Нѣтъ сомнѣнія, что поборы были немалые; иначе откуда же бы явились богатство и роскошь у земскихъ чиновниковъ, пріѣхавшихъ въ Иркутскъ едва не нищими? Но крестьяне, поддерживаемые покупкою у нихъ огромныхъ количествъ хлѣба, болѣе или менѣе, свое получали; терпѣла только казна, которой, какъ сказалъ Фонъ-Визинъ, положенъ уже такой предѣлъ, его же не прейдешь, или, какъ говоритъ острякъ позднѣйшаго времени:

„У казны не грѣхъ украсть:
Есть кому ее накласть!"

Мѣру казеннаго взысканія генералъ-губернаторъ Сперанскій исчислилъ до 3.000.000 рублей.

Послѣ отъѣзда вице-губернатора Левицкаго, въ 1814 году, губернское начальство три года наслаждалось вожделѣннымъ спокойствіемъ; но вдругъ начала подниматься туча съ такой стороны, откуда всего менѣе можно было ожидать.

Въ Нижне-Удинскомъ уѣздѣ, т. е. на западной границѣ Иркутской губерніи, при самомъ въѣздѣ въ вѣдомство Иркутскаго начальства, былъ посаженъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ исправниковъ, Лоскутовъ, сначала бывшій смотрителемъ Нижне-Удинскихъ поселеній, которыя обязаны ему своимъ первоначальнымъ устройствомъ. Но, пересоздавая ссыльнаго въ поселенца, дѣлая изъ бродяги—трудолюбиваго пахаря, изъ мошенника и вора—честнаго человѣка, изъ развратника и негодяя — добраго семьянина и домохозяина, Лоскутовъ не употреблялъ и не зналъ другого средства, кромѣ жесточайшаго истязанія. Безспорно, что съ ссыльными строгость была необходима, но она перешла у него въ безчеловѣчную, лютую жестокость, которая обратилась въ привычку и даже въ наслажденіе. Лоскутовъ, всегда мрачный и грозный, дѣлался еще мрачнѣе и суровѣе, когда долго не видѣлъ крови, не слыхалъ стоновъ; развеселялся, когда кровавые ручьи и лужи обагряли землю и стоны наполняли воздухъ. Никакая

жалость не проникала въ его желѣзное сердце. Во время сильнѣйшихъ истязаній, которыя едва могла выносить натура человѣческая, онъ кричалъ неистовымъ голосомъ людоѣда: „Катай его, нечестивца!"

Сдѣлавшись исправникомъ, Лоскутовъ распространилъ свой терроризмъ и на мирныхъ старожиловъ Нижне-Удинскаго уѣзда. Окруженный всегда казаками, вродѣ опричниковъ временъ Грознаго, Лоскутовъ возилъ всегда съ собой орудія казни: розги, палки и плети. Пріѣздъ его въ селеніе былъ сигналомъ пролитія крови: тотчасъ начинались истязанія, въ которыхъ онъ доходилъ до адской утонченности [1]). Селеніе, извѣщенное о его прибытіи, благовременно готовило ему жертвы. Толпы обреченныхъ къ наказанію были уже готовы и стояли на улицѣ; пуки розогъ и палокъ были разложены въ великомъ множествѣ. Не было пощады ни полу, ни возрасту, ни состоянію здоровья. Старики и дѣти, дѣвицы и беременныя женщины, больные и хилые... всѣ равно подвергались мученію. Вопли и стоны раздирали душу; кровь лилась потоками... Многіе умирали на мѣстѣ; другіе спустя день, два послѣ мученія!.. Трудно даже повѣрить, что это было въ Россіи, въ XIX столѣтіи, въ царствованіе Александра I-го!

„Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!".

И какія же были тѣ тяжкія преступленія, за которыя люди такъ безчеловѣчно были истязуемы? Плохо вспахана земля—сѣкли; нечисто во дворѣ или въ избѣ—сѣкли; прорѣха на рубашкѣ или сарафанѣ—сѣкли; сѣкли за все и про все!.. Но, Боже сохрани, если случалась въ деревнѣ покража, особенно, если украли что у проѣзжаго или срѣзали ящикъ или тюкъ въ обозѣ: о! тогда сѣкли, безъ пощады и безъ разбору, все селеніе, съ мала до велика, пока не открывался виновный: это былъ уже великій праздникъ для кровожадной души губителя!

Но, преслѣдуя мелкихъ воровъ, Лоскутовъ былъ-ли самъ чуждъ корысти? Нѣтъ! Онъ былъ одинъ изъ величайшихъ грабителей губерніи, и, награбивъ огромное имѣніе, сдѣлался изъ нищаго богачемъ... Наконецъ, напыщенный награбленнымъ богатствомъ, отуманенный безграничною властію, одурѣваемый окружающимъ его раболѣпствомъ, ожесточенный и загрубѣлый въ кровопійствѣ, ничего и никого не страшившійся, въ надеждѣ на неизмѣнное покровительство губернскаго начальства, — Лоскутовъ, въ полномъ смыслѣ слова, зазнался и, считая себя, въ своемъ уѣздѣ, полновластнымъ владыкою, не уважалъ болѣе ничьихъ правъ, ни состоянія, ни сана!.. И кто и

[1]) Истязанія, употребляемыя Лоскутовымъ, раздѣлялись на два рода: а) обыкновенныя и b) съ пересыпкою. Пересыпка состояла въ томъ, что наказываемаго сперва били по спинѣ палками, а потомъ, по свѣжимъ ранамъ, сѣкли розгами.

кому могъ и смѣлъ на него жаловаться?—Крестьяне? Нѣкоторые изъ нихъ, приведенные въ отчаяніе, рисковали было сунуться въ Иркутскъ съ жалобою, но они скорѣе могли бы найти справедливость въ берлогѣ медвѣдя. Обратно переданные въ руки мучителя, дорого они поплатились за свой рискъ, можетъ быть, самою жизнію... Чиновники? Безгласные, запуганные, они были не болѣе, какъ послушные рабы Лоскутова. Боже сохрани, если кто-нибудь изъ нихъ осмѣлился только пикнуть! Купцы? — Нѣтъ, эти хорошо помнили удары, потрясшіе познатнѣе ихъ купечество, — Иркутское!..

Посреди этой безмолвной и раболѣпной толпы слышался по временамъ только одинъ голосъ, осмѣливавшійся возвышаться и стоять за правду, голосъ нижне-удинскаго протопопа, человѣка почтеннаго и умнаго, котораго, казалось, самый санъ долженъ былъ ограждать отъ дерзости и самоуправства тамошняго деспота. Но случилось, чего нельзя было и помыслить. Лоскутовъ питалъ къ протопопу непримиримую ненависть за его смѣлое правдолюбіе и искалъ случая нанести ему оскорбленіе. Случай не замедлилъ представиться.

Бродячій народъ, Карагасы, къ извѣстному дню, выходятъ изъ лѣсовъ на опредѣленное урочище для уплаты ясака; тамъ, посреди дебрей, въ мѣстѣ пустынномъ и дикомъ, встрѣтившись съ ненавистнымъ протопопомъ, Лоскутовъ, какъ тигръ, обрадовался своей добычѣ и, заведя нарочно съ нимъ ссору, въ пылу злобы и гнѣва, вдругъ велѣлъ казакамъ схватить его и нанесъ ему самое тяжкое, кровавое оскорбленіе [1]).

Губернское начальство, вмѣсто того, чтобы преслѣдовать преступленіе, чего требовала и собственная его честь и даже безопасность, вздумало, напротивъ, защищать виновнаго! Такъ слѣпо и необъяснимо было пристрастіе его къ Лоскутову, грабителю и кровопійцѣ!.. Правда, было наряжено слѣдствіе; но, въ угожденіе губернской власти, оно производилось съ такимъ пристрастіемъ, что бывшій при немъ депутатъ съ духовной стороны счелъ за лучшее удалиться. Этого было не довольно; открылось по всей губерніи общее преслѣдованіе духовенства! Малѣйшій проступокъ, малѣйшее движеніе, каждое слово духовнаго лица ловила налету городская и земская полиція и доводила до свѣдѣнія губернатора, который немедленно доносилъ о томъ генералъ-губернатору. Цѣль была понятна: доказавъ общій упадокъ духовенства, бросить тѣнь и на протопопа, который былъ оскорбленъ Лоскутовымъ, равно и на самое епархіальное начальство...

[1]) Лоскутовъ жестоко сѣкъ протопопа ремнемъ. Протопопъ представилъ архіерею свою окровавленную рубашку, которую архіерей препроводилъ въ Святѣйшій Синодъ (см. „Сѣвер. Пчела“ 1862 года, февраля 12-го, № 42).

Преосвященный Михаилъ, при всей кротости своего характера, при всемъ благодушіи своемъ и нежеланіи вмѣшиваться въ дѣла мірскія, жалуясь на дерзость и безчинство Лоскутова, вынужденъ былъ написать высшему правительству объ общемъ стѣснительномъ положеніи губерніи: „вопль народный, писалъ онъ, проникаетъ сквозь толстыя стѣны архіерейскаго дома [1])“.

Идетъ бѣда—отворяй ворота, говорили наши предки, потому что одна бѣда всегда ведетъ за собою другую и третью. Къ дѣлу Лоскутова примѣшалось другое, также касающееся религіи.

Тайша Хоринской орды, человѣкъ еще весьма молодыхъ лѣтъ, задумалъ было принять христіанскую вѣру. Но или намѣренія его были не совсѣмъ чисты, или постороннее вліяніе Верхне-Удинской земской власти, бывшей тогда въ рукахъ невѣрующаго Геденштрома, сбило его съ истиннаго пути, только молодой тайша, вмѣсто принятія христіанской вѣры, перемѣнилъ только свой костюмъ и образъ жизни: надѣлъ фракъ, одѣлъ своихъ женъ въ европейскія платья, пустился въ роскошь и мотовство и возбудилъ противъ себя общее негодованіе Хоринскаго рода. Буряты были близки къ возмущенію. Необходимость требовала дозволить имъ избрать другого тайшу. Такъ и было сдѣлано: новый тайша былъ избранъ и утвержденъ начальствомъ; но прежній жаловался, что ему воспрепятствовали въ его христіанскихъ намѣреніяхъ. Здѣсь опять былъ видъ гоненія на религію.

Между тѣмъ, какъ двѣ эти тучи носились надъ губернскимъ управленіемъ, Горновской, о которомъ я говорилъ выше, не имѣя болѣе терпѣнія жить въ отчужденіи отъ людей, также послѣ многолѣтняго молчанія, отправилъ жалобу. Кажется, и для купцовъ исполнилась мѣра терпѣнія: они тоже принесли жалобу. Жалоба ихъ была отправлена съ мѣщаниномъ Саламатовымъ, человѣкомъ весьма высокаго роста и довольно подозрительной наружности. Сказываютъ, что, притаившись въ какомъ-то публичномъ саду, онъ ожидалъ приближенія одной важной дамы, которой намѣревался вручить жалобу, и когда она подошла, выскочилъ изъ-за дерева и, павъ на колѣна, вскричалъ: „О всепѣтая мати!“ Дама испугалась и едва не упала въ обморокъ...

Стеченіе разомъ многихъ возмущающихъ случаевъ и жалобъ совпало съ потерею Пестелемъ расположенія графа Аракчеева, какъ пишетъ баронъ Корфъ [2]), и скала, на которой тринадцать лѣтъ возвышался сибирскій кумиръ, поколебалась: 22-го марта 1819 года

---

[1]) „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 176.

[2]) „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 173.

послѣдовалъ Высочайшій указъ о назначеніи сибирскимъ генералъ-губернаторомъ Михаила Михаиловича Сперанскаго.

Казалось, Иркутское начальство приняло всѣ мѣры къ обезпеченію своей безопасности. Дѣла губернаторской канцеляріи были чисты, какъ стекло: въ бумагахъ, тамъ писанныхъ, не заключалось иныхъ словъ, кромѣ справедливости, блага народнаго и пользы казны: это была лицевая сторона дѣлъ: изнанка ихъ канцеляріи была неизвѣстна. Тайными бумагами и секретными помыслами продолжалъ завѣдывать Бѣлявскій, не смотря на то, что онъ не былъ уже секретарь губернатора, а предсѣдатель палаты. Вѣроятнѣе же всего, что дѣла, требованія особенной тайны, и вовсе не довѣрялись бумагѣ. Между тѣмъ по губерніи непрерывно разъѣзжали ревизоры и единогласно доносили, что мѣстныя управленія дѣйствовали, какъ слѣдовало по закону, и все было въ наилучшемъ порядкѣ. Ясно, что донесеніями своими несчастные ревизоры, хотя и не хотя, принимали на себя всю отвѣтственность за злоупотребленія и безпорядки и ограждали собою губернское начальство. Наружное устройство губерніи, какъ сказалъ я выше, было доведено до совершенства. На западной границѣ губерніи, откуда можно было ожидать нападенія, стоялъ на стражѣ неусыпный Лоскутовъ. Чего еще желать было болѣе? Чего бояться? Но человѣкъ предполагаетъ, Богъ располагаетъ!..

Въ одинъ прекраснѣйшій лѣтній день, кажется, въ іюнѣ мѣсяцѣ, губернскій стряпчій Лангансъ, только что объѣхавшій всѣхъ бурятскихъ тайшей Иркутскаго уѣзда, дѣлалъ за городомъ, именно на Каѣ, обѣдъ. Губернаторъ съ семействомъ и все близкое къ нему было приглашено туда. Въ этотъ же день пришла московская почта. Извѣстіе, привезенное ею, было, какъ слѣдовало полагать, не весьма благопріятное: на всѣхъ лицахъ людей, близкихъ губернатору, изображалось какое-то безпокойство. Я былъ также приглашенъ на обѣдъ и, не подозрѣвая никакого особеннаго событія, поѣхалъ вмѣстѣ съ другими. Надлежало переѣзжать Ангару. Пока толпились на берегу, въ ожиданіи баркаса, я услышалъ разговоръ. Говорилъ совѣтникъ Кузнецовъ, не задолго передъ тѣмъ ревизовавшій Нижне-Удинскій уѣздъ, и, по общему правилу, донесшій, что все обстоитъ благополучно. Кузнецовъ разсказывалъ, что въ Пензу опредѣленъ губернаторомъ Лубяновскій. Зная, что тамъ былъ губернаторомъ Сперанскій, я спросилъ Кузнецова:

— Куда же опредѣленъ Михаилъ Михаиловичъ?

Когда онъ готовился отвѣчать мнѣ, лицо его поблѣднѣло, вытянулось и приняло такое отчаянное выраженіе, что до сихъ поръ я не могу забыть его. Онъ едва могъ выговорить:

— Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ.

Эта вѣсть произвела во мнѣ живѣйшую радость, которую я едва могъ скрывать, тогда какъ у всѣхъ бесѣдующихъ было написано на лицахъ невыразимое отчаяніе: это была дѣйствительно тризна по бывшемъ управленіи, поминки по его славѣ, силѣ и богатству. Отсюда начинается рядъ испытаній.

Всѣхъ мрачнѣе былъ за столомъ Кузнецовъ; кажется, его ужасно мучила мысль о недавней, произведенной имъ, ревизіи. По возвращеніи въ городъ, проходя по залѣ въ кабинетъ губернатора, я видѣлъ, что Кузнецовъ ходилъ въ темномъ углу, въ глубокомъ раздумьѣ. За ужиномъ у губернатора я узналъ, что Кузнецовъ сдѣлался боленъ. На завтра, по обыкновенію, придя весьма рано въ канцелярію, я отправился съ докладомъ губернатору. Кузнецовъ былъ уже тамъ и ходилъ мрачный, мѣрными шагами, въ концѣ той же залы. Едва возвратился я въ канцелярію, какъ услышалъ ужасный крикъ во дворѣ. Кузнецовъ изъ дома губернатора выбѣжалъ на улицу и опрометью кинулся къ Ангарѣ. Кучера, бывшіе во дворѣ, побѣжали за нимъ и силою притащили назадъ. Блѣдный, съ растрепанными волосами, съ выкатившимися глазами, вырываясь изъ рукъ кучеровъ, несчастный кричалъ въ отчаяніи: „О, ангелъ Господень! снизойди ко мнѣ на помощь!“ Наконецъ, его успѣли увести въ домъ губернатора. Чрезъ нѣсколько времени губернаторъ посадилъ его съ собою на дрожки, поѣхалъ за городъ, для осмотра тюремнаго замка. По дорогѣ надобно было переѣзжать черезъ мостъ, проходившій надъ шлюзами изъ Ушаковскаго мельничнаго пруда. Но едва только они выѣхали на мостъ, какъ Кузнецовъ соскочилъ съ дрожекъ и бросился въ прудъ. По крику губернатора сбѣжались люди и вытащили утопавшаго, къ счастію, еще живого. Послѣ этой добровольной ванны, больной опомнился, но былъ долго еще боленъ; наконецъ, по пріѣздѣ Сперанскаго, выздоровѣлъ физически, но душевный недугъ его не проходилъ: онъ постоянно былъ молчаливъ и мраченъ, хотя опасенія его были напрасны, и гроза его не коснулась. Вслѣдъ за Сперанскимъ, Кузнецовъ выѣхалъ изъ Иркутска и, томимый необъяснимою тоскою, вскорѣ умеръ...

Спустя недѣлю или двѣ, послѣ извѣстія о назначеніи новаго генералъ-губернатора, помнится, въ воскресенье, было получено новое извѣстіе, страшное и горестное для семейства губернаторскаго. За мѣсяцъ, кажется, передъ тѣмъ, супруга губернатора уѣхала за Байкалъ, на минеральныя воды. На пути, какъ писали сопровождавшіе ее чиновники, лошади понесли ее съ горы, экипажъ опрокинулся, и она была убита... Въ „Жизни графа Сперанскаго“ сказано: „Былъ слухъ, что будто бы, узнавъ объ опредѣленіи Сперанскаго, губернаторша сама отравилась, и что сопровождавшіе ее придумали разогнать ло-

шадей и опрокинуть экипажъ уже съ мертвою" [1]). Слухъ этотъ не имѣетъ никакого основанія. Губернаторша была женщина умная и твердаго характера и при томъ собственно за себя опасаться ей было нечего, особенно въ такой степени, чтобы рѣшиться на самоубійство. Были другіе слухи, можетъ быть, болѣе основательные, но весьма неблагопріятные для ея проводниковъ. Замѣчательно, что одинъ изъ нихъ, спустя нѣсколько годовъ, умирая въ мученіяхъ катался по полу и кричалъ: „Мало мнѣ этого, злодѣю!" Все это происшествіе покрыто непроницаемою тайною; истина извѣстна одному Богу.

Между тѣмъ, главный наперсникъ и помощникъ губернатора въ продолженіи всего времени управленія Иркутскою губерніею, Бѣлявскій, былъ въ Верхнеудинскѣ. Вѣсть объ опредѣленіи Сперанскаго также была для него вѣстію смерти. Онъ сошелъ съ ума и уже въ помѣшательствѣ былъ привезенъ въ Иркутскъ. Сказываютъ, что сцена свиданія его съ губернаторомъ была поразительна. Ни разу не придя въ себя, онъ умеръ вскорѣ по прибытіи въ Иркутскъ, въ сильныхъ страданіяхъ, доводившихъ его до бѣшенства. Сумасшествіе его было-ли дѣйствіе внезапнаго страха, потрясшаго его организмъ, или слѣдствіе сильно и внезапно пробудившейся совѣсти, объяснить трудно. Можно даже допустить послѣднее: Бѣлявскій, по природѣ своей, былъ человѣкъ благородный, и нравственное его паденіе должно скорѣе приписать несчастнымъ обстоятельствамъ, въ которыя онъ былъ поставленъ судьбою.

Такъ разрушалось зданіе суетнаго величія, а между тѣмъ гроза приближалась: Сперанскій все становился ближе и ближе...

Наконецъ, въ одинъ праздничный день, народъ, выходя изъ собора, стоявшаго на берегу Ангары, увидѣлъ за рѣкой, по Московскому тракту, поднимающуюся пыль и нѣсколько повозокъ, быстро ѣхавшихъ въ городъ. Народъ высыпалъ на набережную, надѣясь встрѣтить нетерпѣливо ожидаемаго генералъ-губернатора, но вдругъ разнеслась вѣсть, что это везутъ заарестованное имущество Лоскутова. Радость народа была выше всякаго описанія; всѣ почувствовали, что, наконецъ, пришелъ день, давно ожидаемый, день спасенія, и наступаетъ новая жизнь Сибири.

---

[1]) Томъ II, стр. 169.

IV.

Встрѣча Сперанскимъ Лоскутова.—Арестъ.—Увольненіе Трескина.—Помощники Сперанскаго.—Его отъѣздъ изъ Сибири.

Генералъ-губернаторъ Сперанскій встрѣтилъ Нижнеудинскаго исправника Лоскутова на берегу рѣки Кана, составлявшаго границу Иркутской губерніи съ Томскою.

Лоскутовъ принялъ всѣ предосторожности, чтобы крестьяне не могли подать жалобъ: отобралъ у нихъ бумагу и чернила и все велѣлъ свезти въ волостныя правленія; самъ же переѣхалъ черезъ Канъ, дабы, встрѣтивъ тамъ генералъ-губернатора, потомъ сопровождать его во время дороги по всему своему уѣзду. Мысль его была понятна: онъ надѣялся, что присутствіе его удержитъ запуганныхъ имъ крестьянъ отъ подачи просьбъ. Но разсчетъ его не оправдался. Два старика крестьянина перебрались за Канъ съ жалобами. Генералъ-губернаторъ, уже имѣвшій прежде положительныя свѣдѣнія о беззаконныхъ дѣйствіяхъ Лоскутова, приказалъ прочитать жалобы крестьянъ въ присутствіи сего послѣдняго и, найдя въ нихъ подтвержденіе того, что было ему извѣстно, тутъ же отрѣшилъ Лоскутова отъ должности, арестовалъ и оставилъ за Каномъ. Говорятъ, что крестьяне, увидя Лоскутова, упали безъ чувствъ и когда опомнились и узнали объ его отрѣшеніи, то схватили Сперанскаго за полу, и въ страшномъ испугѣ шептали: „Батюшка! не было бы тебѣ чего худого: вѣдь это Лоскутовъ". Такъ былъ страшенъ этотъ лютый и кровожадный человѣкъ для своего уѣзда. Спрашивается: каково же было положеніе несчастныхъ крестьянъ, нѣсколько лѣтъ преданныхъ его звѣрству?

Сперанскій, переѣхавъ черезъ Канъ въ Иркутскую губернію, приказалъ немедленно описать въ Бирюсинской волости, гдѣ было постоянное пребываніе Лоскутова, принадлежавшее ему имущество: деньги, серебро, мѣха, всего па 8.000 руб., и отправилъ его въ Иркутскъ, а самъ проѣхалъ въ Нижнеудинскъ, учредилъ тамъ надъ Лоскутовымъ слѣдственную коммиссію и оставался въ Нижнеудинскѣ двѣ недѣли для личнаго надзора за производствомъ первоначальныхъ розысканій.

По произведеніи слѣдствія, Лоскутовъ былъ преданъ суду, но, не дождавшись его окончанія, умеръ отъ злѣйшей чахотки. Мучимый, въ продолженіе ненавистной жизни своей, жаждою крови, ненасытный кровопійца, наконецъ, захлебнулся собственною кровію...

Изъ Нижнеудинска Сперанскій отправился далѣе, въ Иркутскъ.

29-е августа 1819 года былъ тотъ достопамятный въ лѣтописяхъ Иркутска день, когда, предшествуемый славою, какъ человѣкъ великій по всеобъемлющему своему генію, по глубокому просвѣщенію,

по безсмертнымъ заслугамъ отечеству, наконецъ, по самымъ несчастіямъ своимъ Сибирскій генералъ-губернаторъ Михаилъ Михаиловичъ Сперанскій прибылъ въ Иркутскъ...

Жители уже двое сутки, не сходя съ набережной ни днемъ, ни ночью, ожидали своего избавителя. Наконецъ, въ означенный день, часовъ въ 9-ть вечера, когда начинало уже смеркаться, завиднѣлись вдали за рѣкою экипажи. Общій говоръ пошелъ между народомъ: „Ѣдетъ! ѣдетъ!“ Скоро съ противоположной стороны отвалилъ катеръ—и народъ умолкъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи. Губернаторъ и другія власти находились на пристани. Скоро катеръ подъѣхалъ къ берегу, и общій взрывъ радости огласилъ воздухъ. Выйдя на берегъ, генералъ-губернаторъ снялъ шляпу и кланялся народу. Городскія ворота и городъ были иллюминованы. Сперанскій сѣлъ въ коляску, и безчисленныя толпы сопровождали экипажъ до назначеннаго генералъ-губернатору дома. Одно непріятное впечатлѣніе пробѣжало въ народѣ, что ему приготовили квартиру въ домѣ откупщика, преданнаго губернскому начальнику, какъ будто не было лучшихъ домовъ въ городѣ. Прозорливые люди угадывали тайное намѣреніе бросить тѣнь на генералъ-губернатора при первомъ вступленіи его на иркутскую почву.

На завтра, 30-го августа, бывшій день тезоименитства государя императора Александра Павловича, Сперанскій былъ у обѣдни въ соборѣ. Народъ тѣснился въ церковь; всякій хотѣлъ взглянуть па новаго начальника и великаго человѣка, всякій благодарилъ Бога и славилъ государя. Живая, непритворная радость была написана на всѣхъ лицахъ. Долго Иркутскъ ожидалъ этого дня; наконецъ, Провидѣніе услышало его молитву. Прекрасная, величественная и вмѣстѣ кроткая наружность Сперанскаго сама по себѣ уже проливала во всѣ сердца надежду и довѣренность.

Жители не обманулись въ своихъ ожиданіяхъ: притѣснители были удалены отъ должностей; притѣсненные избавлены отъ гоненій и получили должное назначеніе. Особенно трогательно было видѣть радость и торжество старика Горновскаго, тринадцать лѣтъ гонимаго и жившаго, какъ сказалъ я выше, въ изгнаніи и бѣдности, среди дремучихъ лѣсовъ, на скудной своей заимкѣ. Онъ получилъ мѣсто предсѣдателя Гражданской палаты. Но прошедшаго не воротишь: онъ недолго пользовался своею свободою и вскорѣ умеръ...

Въ ноябрѣ 1819 года кончилъ и Николай Ивановичъ Трескинъ свою карьеру...

Уволенный отъ должности, онъ еще нѣсколько мѣсяцевъ оставался въ Иркутскѣ. Наконецъ, Иркутскъ проводилъ его, если не съ сожалѣніемъ, то и не съ укоризною: Сибирь не злопамятна. Напро-

тивъ, дѣла темныя были забыты и свѣтлыя донынѣ воспоминаются съ благодарностью...

Между тѣмъ во всѣхъ центрахъ злоупотребленій были открыты, подобно Нижнеудинску, слѣдственныя коммиссіи. Наблюдая надъ ходомъ ихъ, Сперанскій умѣрялъ ихъ стремленіе, дабы онѣ не превратились въ родъ нѣкоторой инквизиціи. И видя, что злоупотребленія обняли почти всю генерацію чиновниковъ, вошли, такъ сказать, въ ихъ плоть и кровь, Сперанскій, по христіанской мудрости своей, соединяя строгость съ пощадою, придумалъ способъ наказанія хотя весьма дѣйствительный, но не губительный. Исключивъ слово: взятки изъ лексикона ревизіи, дѣла такого рода онъ обратилъ въ гражданскій искъ [1]). Если взятки не подлежали сомнѣнію, виновный долженъ былъ только расплатиться. За всѣмъ тѣмъ оказалось гласно-виновныхъ по всей Сибири болѣе 680 человѣкъ и насчитанное на нихъ взысканіе, какъ сказано въ предыдущей главѣ, простиралось до 3.000.000 руб.

Для окончательнаго рѣшенія Сибирскихъ дѣлъ, по пріѣздѣ Сперанскаго въ Петербургъ, былъ составленъ особый комитетъ, который одобрилъ все имъ сдѣланное. Наконецъ, судьба Пестеля, Трескина и подчиненныхъ имъ чиновниковъ была рѣшена Высочайшимъ указомъ 26-го января 1822 года. Пестель былъ отставленъ отъ службы, Трескинъ преданъ суду, Томскій губернаторъ Илличевскій подвергнутъ отвѣту и разсмотрѣнію въ Сенатѣ; надъ 48 чиновниками повелѣно окончить судъ въ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ; изъ прочихъ лицъ 43 человѣка отрѣшены отъ мѣстъ, 13 удалены изъ Сибири и на десять лѣтъ отъ службы, другіе подвергнуты разнымъ административнымъ взысканіямъ, наконецъ, 25 отставлены отъ дѣлъ свободными.

Такъ разсѣялась буря, свирѣпѣвшая надъ Сибирью тридцать тяжелыхъ и страшныхъ годовъ!

Пестель, отставленный отъ службы, жилъ въ своей деревнѣ и умеръ въ глубокой старости, въ 1845 году, претерпѣвъ еще на землѣ страшную божескую кару въ лицѣ своего сына [2]).

Трескинъ долго находился подъ судомъ, наконецъ, былъ лишенъ чиновъ и орденовъ, съ запрещеніемъ въѣзжать въ столицы. Онъ жилъ подлѣ Москвы, сохранилъ бодрость духа и свѣжесть ума и умеръ въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія, также въ глубокой старости.

Изыскивая прямой источникъ дѣйствій Трескина, должно замѣтить, что ни общее мнѣніе, ни оффиціальный судъ не обвиняли его

---

[1]) „Жизнь гр. Сперанскаго", т. II, стр. 197.

[2]) Декабриста П. И. Пестеля, казненнаго въ 1826 г. Б. М.

въ корыстолюбіи. Послѣ этого, кто имѣетъ право обременять судьбу его, человѣка уже отстрадавшаго за свои вины, новыми недоказанными преступленіями? Но скажутъ: откуда же проистекала эта слѣпая довѣренность, какую питалъ онъ къ людямъ, однажды имъ избраннымъ? Откуда рождалась эта непонятная готовность защищать ихъ дѣла даже съ собственною опасностію? Откуда появилась эта непримиримая ненависть къ людямъ, осмѣливавшимся говорить правду, вопіющая несправедливость и упорство, съ какими предпринимались и защищались самыя беззаконныя мѣры? Всѣ эти недоумѣнія легко разрѣшаются неограниченною гордостію и жаждою властолюбія, одною изъ лютѣйшихъ страстей человѣческихъ. Признаться, что ошибся въ выборѣ людей; что мѣры, предпринятыя имъ, неправильны; что справедливость на сторонѣ его враговъ: нѣтъ, Трескинъ не могъ этого сдѣлать и скорѣе готовъ былъ биться до послѣдняго издыханія, нежели допустить, чтобы враги взяли надъ нимъ верхъ, а врагами его были всѣ осуждающіе его распоряженія. Но, въ одобреніе его, можно по крайней мѣрѣ сказать, что въ дѣйствіяхъ его не было элементовъ пошлости и низости. Властолюбивый Трескинъ не былъ способенъ ни къ какому поступку, на который могъ бы рѣшиться человѣкъ слабый и ничтожный. Даже послѣ суда, лишенный всѣхъ почестей, живучи въ изгнаніи, онъ, какъ падшій духъ, оставался тѣмъ же Трескинымъ—гордымъ, смѣлымъ и непреложнымъ.

Нельзя не пожалѣть искренно, что съ такими достоинствами, какія имѣлъ этотъ человѣкъ, онъ набросилъ такую черную тѣнь на свое имя въ исторіи Сибири и былъ причиною несчастія своего семейства. Онъ имѣлъ четырехъ сыновей и четырехъ дочерей. Сыновей его я зналъ еще дѣтьми: они были очень милые и кроткіе мальчики; дочери—умныя, ласковыя и образованныя дѣвушки. По выѣздѣ ихъ изъ Иркутска судьба ихъ мнѣ не была извѣстна.

Возвращаясь къ дѣйствіямъ Сперанскаго, надлежитъ сказать, что не одно преслѣдованіе преступленій было занятіемъ его дѣятельности. Въ то же время были составлены имъ, по Высочайшему повелѣнію, новое учрежденіе объ управленіи Сибири и многіе уставы и положенія по разнымъ частямъ сибирской администраціи. Государю угодно было, чтобы управленіе Сибирью было сколь возможно умѣреннѣе. Въ этомъ направленіи составленные Сперанскимъ проекты были Высочайше утверждены 22-го іюля 1822 года.

Сибирь была раздѣлена на двѣ половины:

Восточную и западную. Въ восточной былъ опредѣленъ генералъ-губернаторомъ тайный совѣтникъ Лавинской, въ западную—генералъ-лейтенантъ Капцевичъ, въ Иркутскъ губернаторомъ—бывшій тамъ комендантомъ генералъ-маіоръ Цейдлеръ, о которомъ я упомянулъ выше.

Достигло-ли сибирское учрежденіе существеннаго развитія, исполнилось-ли благотворное желаніе государя, приведенъ-ли въ исполненіе во всемъ пространствѣ планъ Сперанскаго? Вотъ вопросы, какіе возбудилъ государственный мужъ, составлявшій біографію графа Сперанскаго [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что въ позднѣйшіе годы основная мысль сибирскаго учрежденія: устранить самовластіе, водворить законность, исправить судъ, оградить безопасность каждаго, развить торговлю, промышленность и земледѣліе, словомъ, сдѣлать Сибирь страною вполнѣ счастливою,—эта великая мысль, конечно, получила полное развитіе; но въ первые годы введенія означеннаго учрежденія оно не могло еще скоро привиться къ сибирской почвѣ, послѣ многихъ лѣтъ самовластія и рабства. „Толстая книга, писалъ мнѣ Словцовъ въ сентябрѣ 1823 года—составленная для Сибири, лежитъ, а Сибирь еще долго будетъ представлять меланхолическую картину для людей чувствительныхъ“.

Въ другомъ письмѣ, отъ 25-го января 1825 г., говорилъ онъ, что „по гражданской службѣ въ Сибири основалось совершенное рабство... Однажды было сказано мнѣ, что надобно во многомъ перечистить учрежденіе. Правда—про себя думалъ я—надобно перечистить тѣ статьи, въ силу которыхъ въ Сибири позволяютъ себѣ грубости даже съ высшими здѣшними чиновниками“. Наконецъ, отъ 28-го ноября 1827 года писалъ онъ: „я радуюсь, что вы выѣхали изъ Сибири, гдѣ ничтожныя прихоти дѣлаютъ жизнь наименѣе полезною. Только въ томъ и надежда, что пока не пріѣхалъ начальникъ, ждутъ его, а когда пріѣдетъ и обживется, льстятся скорымъ его отъѣздомъ. Развѣ въ этомъ должно состоять благоденствіе края?“

Изъ этихъ словъ человѣка, по отзыву самого Сперанскаго, единственнаго умнаго во всей Сибири [2]), не зависѣвшаго отъ сибирскихъ властей и, слѣдовательно, бывшаго безпристрастнымъ зрителемъ совершавшихся предъ глазами его событій, изъ этихъ словъ, говорю, можно видѣть, какъ въ странѣ, бывшей столько лѣтъ подъ гнетомъ необузданнаго самовластія и преданной личности злоупотребителей, было трудно водвориться законности и уваженію къ правамъ человѣчества!..

Но пора возвратиться къ прерванной мною нити разсказа.

И такъ, въ теченіе менѣе полуторыхъ лѣтъ пребыванія въ Сибири, окончивъ розысканія по многосложнымъ, многолѣтнимъ и безчисленнымъ преступленіямъ по всѣмъ Сибирскимъ губерніямъ, и на-

---

[1]) „Жизнь гр. Сперанскаго“, т. II, стр. 230.

[2]) „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 212.

писавъ также многосложные и огромные проекты, въ числѣ десяти [1]), для будущаго устройства Сибирскаго края, — Сперанскій совершилъ истинное чудо, только одному генію доступное. Все обнялъ быстро и вѣрно своимъ геніальнымъ взглядомъ, всему далъ жизнь и движеніе, вездѣ положилъ твердыя и вѣрныя начала, и когда же! — посреди безпрестанныхъ переѣздовъ, такъ сказать на лету, почти безъ всякой помощи!..

Всѣ почти проекты были писаны собственною рукою Сперанскаго; въ дѣлѣ редакціи одинъ помощникъ его былъ Батенковъ, бывшій инженеръ путей сообщенія, взятый Сперанскимъ изъ Томска, человѣкъ блестящихъ способностей, обладавшій и бойкимъ перомъ, и необыкновеннымъ даромъ слова [2]). Затѣмъ собственно пріѣхавшихъ со Сперанскимъ, кромѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Цейера, человѣка умнаго, благороднаго, но слабаго здоровьемъ, было только четверо молодыхъ людей, изъ которыхъ всѣхъ полезнѣе былъ Кузьма Григорьевичъ Рѣпинскій, только что получившій тогда чинъ коллежскаго регистратора [3]). Сперанскій, хваля скромность и вѣрность Рѣпинскаго, говорилъ однажды Словцову, что отдать переписать бумагу Рѣпинскому, все равно, что запереть ее подъ замокъ.

Не могу не сказать и о себѣ нѣсколько словъ. Я имѣлъ личное порученіе отъ генералъ-губернатора Сперанскаго. Оно заключалось въ историческомъ и статистическомъ описаніи поселеній Иркутской губерніи и составленіи многосложныхъ разсчетовъ относительно издержекъ, употребленныхъ на поселенія, и раскладки податей. Когда я представилъ свой трудъ, Сперанскій, со свойственною ему привѣтливостію, обласкалъ меня, благодарилъ, приглашалъ вступить въ число чиновниковъ его канцеляріи, далъ мнѣ высшее мѣсто и впослѣдствіи испросилъ мнѣ Высочайшую награду. Мои тогда обстоятельства не дозволили мнѣ воспользоваться его лестнымъ предложеніемъ—служить подъ непосредственнымъ его начальствомъ, но его привѣтливость, его ласка, его доброта глубоко врѣзались въ мою память. Часто одно слово, сказанное съ участіемъ, бываетъ дороже награды, съ холодностію назначаемой!

Пребываніе Сперанскаго въ Иркутскѣ было истиннымъ праздни-

---

[1]) 1) Учрежденіе объ управленіи сибирскими губерніями, 2) Уставъ объ управленіи инородцами, 3) Уставъ объ управленіи сибирскими киргизами, 4 и 5) Уставы о ссыльныхъ, 6) Уставъ о сухопутныхъ сообщеніяхъ, 7) Уставъ о сибирскихъ городовыхъ казакахъ, 8) Положеніе о земскихъ повинностяхъ, 9) Положеніе о хлѣбныхъ запасныхъ магазинахъ, 10) Положеніе о долговыхъ обязательствахъ между крестьянами и инородцами.

[2]) Гавр. Степ. Батенковъ, впослѣдствіи декабристъ. Б. М.

[3]) Впослѣдствіи тайный совѣтникъ и сенаторъ.

комъ жителей. Едва могли они опомниться, что тринадцатилѣтняя буря миновалась, и что солнце освобожденія, мира и спокойствія осѣнило ихъ мрачную и унылую жизнь. Всѣ стали дышать свободнѣе, веселиться безъ страха, образовалось, какъ сказалъ я выше, первое благородное собраніе, гдѣ собирались по воскресеньямъ жители Иркутска въ Биржевомъ залѣ, и гдѣ бывалъ почти всякій разъ и самъ генералъ-губернаторъ. „Едва вѣрятъ здѣшніе жители, писалъ Сперанскій къ своей дочери изъ Иркутска, что они имѣютъ нѣкоторую степень свободы и могутъ безъ спроса и дозволенія собираться танцовать или ничего не дѣлать".

Вмѣстѣ съ предметами общественнаго увеселенія были соединены и дѣла благотворенія и религіи. Было учреждено благотворительное общество и открыто Библейское отдѣленіе.

Надобно сказать, что Сперанскій, пріѣхавъ въ Иркутскъ, имѣлъ отъ роду не болѣе 48-ми лѣтъ, слѣдовательно, былъ еще въ полномъ расцвѣтѣ жизни, не имѣя ни малѣйшаго признака старости; поэтому трудно объяснить, почему приближенные къ нему люди именовали его столь непочтительно, какъ сказано въ книгѣ барона Корфа: „нашъ старикъ". Отъ того-ли, что, быть можетъ, сами они были слишкомъ молоды и не могли вполнѣ оцѣнить великость этого нашего старика?

Правда, Сперанскій и самъ говорилъ про себя, что онъ старѣетъ [1]); но старѣть и быть старикомъ—двѣ вещи совершенно различныя: несчастія старѣютъ и молодого...

1-го августа 1820 года, черезъ одиннадцать мѣсяцевъ по прибытіи, Сперанскій, которымъ по справедливости могла гордиться Россія,—наконецъ, этотъ великій человѣкъ, котораго только бури государственныя могли забросить въ печальныя пустыни Сибири,—сопровождаемый благословеніями, сожалѣніемъ, слезами и даже страхомъ возвращенія опять прежняго ужаснаго времени, — выѣхалъ изъ Иркутска.

По выслушаніи обѣдни въ соборѣ, онъ шелъ, посреди множества народа, пѣшкомъ до пристани, простился, наконецъ, съ огорченными жителями, сѣлъ въ катеръ—и оставилъ Иркутскъ—навсегда!

Долго еще смотрѣлъ народъ на удаляющійся катеръ, смотрѣлъ, какъ катеръ присталъ къ другому берегу, какъ вышелъ на берегъ отъѣзжающій его благодѣтель, какъ сѣлъ въ коляску, какъ коляска поскакала вдоль дороги и скрылась изъ вида... Народъ все еще толпился и, казалось, еще не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ, не хотѣлъ сознать своего сиротства... Наконецъ, толпы стали рѣдѣть и

[1]) „Жизнь гр. Сперанскаго", стр. 205.

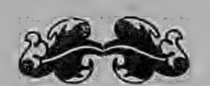
неохотно разошлись, съ сжатымъ сердцемъ отъ горести и тайнаго страха о будущемъ...

Такъ этотъ великій человѣкъ умѣлъ привязать къ себѣ народъ въ самое краткое время своего пребыванія въ Иркутскѣ!

Купечество и главные чины провожали генералъ-губернатора до первой станціи и тамъ былъ прощальный обѣдъ, данный купеческимъ головою Сибиряковымъ, сыномъ удаленнаго въ Нерчинскъ. Въ 6-ть часовъ вечера пиръ окончился, съ нимъ окончился и одиннадцатимѣсячный праздникъ Иркутска!

Заключимъ эту главу словами товарища и друга Сперанскаго, Словцова, который, посвящая безсмертному имени графа Сперанскаго, послѣ смерти его, II-й томъ „Историческаго обозрѣнія Сибири", говорилъ въ своемъ посвященіи: „Облеченный въ званіе генералъ-губернатора всей Сибири, онъ несъ отъ престола два важныя порученія: а) прекратить неправды, вопіявшія въ странѣ безгласной, б) начертать учрежденія для управленія столь отдаленнымъ краемъ. Въ полтора года пребыванія въ Сибири, онъ исполнилъ первое, какъ ангелъ мира, съ любовію, которая горевала о неправдѣ, радовалась объ истинѣ, и второе, какъ мужъ государственный. Его только генію, легкому и быстро-объемлющему, нетрудно было обхватить всю обширность предметовъ управленія, всю обширность злоупотребленій, ту и другую толь же обширную, какъ Сибирь".

Сколько, между тѣмъ, явилъ онъ дѣлъ снисхожденія, состраданія и вообще любви просвѣщенной къ ближнему! Довольно было бы и однихъ этихъ дѣлъ, чтобы имени такого правителя, каковъ былъ Сперанскій, остаться незабвеннымъ въ Сибири.

Изъ архивныхъ мелочей.

Указы императора Павла I.

С.-Петербургъ, 15-го декабря 1798 г.

Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи Беклешовъ. Статскаго совѣтника Бароцци указали мы генералу-отъ-инфантеріи графу Гудовичу отправить къ вамъ, а вы не оставьте употребить его по способностямъ и знаніямъ его въ пограничныхъ дѣлахъ по усмотрѣнію вашему, производя ему изъ доходовъ губерній, вамъ ввѣренныхъ, то же самое содержаніе, каковое получалъ онъ по бытности пограничнымъ коммиссаромъ въ Подольской губерніи. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. „Павелъ".

Помѣта: Полученъ въ Кіевѣ 6-го января 1799 г.

Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи и военный губернаторъ Беклешовъ. Корсунь, староство, принадлежащее по смерти Яблоновскаго казнѣ, состоящее во владѣніи Понятовскаго, который продаетъ право свое за пятьсотъ тысячъ злотыхъ, повелѣваемъ купить у него, и означенное имѣнье причислить въ казенное вѣдомство. Впрочемъ пребываемъ вамъ благосклонный. „Павелъ".

Помѣта: Полученъ въ Кіевѣ 7-го января 1799 г.

Редакторъ-Издатель **С. Зыковъ**.

существованія молдавской церкви были учреждены три епархіи: молдавская митрополія и двѣ епископіи: Романская и Радоуцкая; затѣмъ, въ концѣ XVI столѣтія, учреждена была и епископія Хушская. Въ половинѣ XVII вѣка, по особымъ обстоятельствамъ, возникла Проилавская епархія, существовавшая съ перерывами до 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія; большая часть ея вошла впослѣдствіи въ Нижне-Дунайскую епархію. Радоуцкая епархія, въ составъ которой входила Буковина, прекратила свое существованіе для молдавской церкви по присоединеніи ея къ Австріи, въ 1777 г. Отъ нея оставался только нынѣшній Хотинскій уѣздъ, Кишиневской епархіи, который составлялъ Хотинскую епархію до 1812 г., когда и послѣдняя прекратила свое существованіе, по присоединеніи Бессарабіи къ Россіи.

Такимъ образомъ, въ первой части помѣщены историческіе очерки слѣдующихъ епархій: Молдавской, Романской, Радоуцкой, Хушской, Проилавской и Нижне-Дунайской. Излагая исторію той или другой епархіи, авторъ представляетъ въ хронологическомъ порядкѣ списокъ святителей ея, при чемъ на болѣе выдающихся останавливается, подробно отмѣчая тѣ или иныя стороны ихъ жизни и дѣятельности, опредѣляя значеніе ихъ для церкви и государства, указывая литературу предмета.

Митрополія въ Молдавіи учреждена въ 1401 г. Первымъ митрополитомъ былъ Іосифъ Мушатъ. Онъ происходилъ изъ знатной фамиліи Мушатовъ, унаслѣдовавшихъ молдавскій престолъ послѣ воеводы Лацка, съ которымъ прекратилась династія Богдановичей (отъ Богдана, основателя Молдавіи). Родоначальникомъ этой фамиліи былъ Константинъ Мушатъ, отъ сына котораго, Петра Мушата, бывшаго на молдавскомъ престолѣ около 16-ти лѣтъ (1373—1389), и происходилъ митрополитъ Іосифъ, вмѣстѣ съ другими братьями, впослѣдствіи молдавскими господарами: Александромъ Добрымъ, Югомъ, Выльчемъ и Ромашкомъ. Матерью его была дочь польскаго короля Владислава Ягелла, который, если принять во вниманіе знатность этой династіи, не выдалъ бы дочь свою за Петра, если бы тотъ происходилъ изъ незнатнаго рода. О дѣтствѣ и юношествѣ Іосифа свѣдѣній не имѣется. Онъ постригся въ монахи въ одномъ изъ молдавскихъ монастырей, проходилъ тамъ монашеское послушаніе и затѣмъ посвященъ въ первыя іерархическія степени, пока не былъ призванъ къ высшему іерархическому служенію. Время занятія Іосифомъ молдавской каѳедры точно неизвѣстно. Какъ сынъ правящаго господаря, онъ, конечно, находился въ благопріятныхъ условіяхъ для успѣшной церковной дѣятельности. Государственная и церковная власть, имѣя представителями своими родныхъ братьевъ, естественно, дѣйствовала въ союзѣ ко благу церкви и государства. Прежде всего, въ цѣляхъ лучшей администраціи, Александръ раздѣлилъ страну на округа. Примѣнительно къ гражданскому устройству, онъ вмѣстѣ съ митрополитомъ Іосифомъ обратилъ вниманіе и на церковную организацію Молдавіи, хорошо понимая, что гражданское устройство господарства не можетъ быть прочнымъ безъ устройства церковнаго. Столицею государства онъ сдѣлалъ Сочаву, которая стала и каѳедрою митрополіи. Затѣмъ, въ 1404 г., соотвѣтственно гражданскому дѣленію, учреждены были два епископства: въ Романѣ и въ Радоуцахъ.

Такъ какъ учрежденныя въ это время епархіи были слишкомъ велики, то въ качествѣ помощниковъ епархіальной власти назначены были протопопы. Эта должность и до тѣхъ поръ существовала, но теперь получила надлежащее устройство. До Александра Добраго былъ одинъ протопопіатъ во главѣ съ протопопомъ Петромъ. По раздѣленіи Молдавіи на епархіи, число протопоповъ увеличилось; ихъ было, по крайней мѣрѣ, по одному на епархію. Обязанности ихъ опредѣлялись епархіальнымъ архіереемъ, довѣреннымъ лицомъ котораго и былъ избранный имъ протопопъ.

Молдавско-валахскіе митрополиты пользовались не только церковною властью, но и свѣтскою. Въ диванахъ они всегда занимали мѣсто предсѣдателя и были главнѣйшими совѣтниками господарей, имѣя огромное вліяніе на политическія, а также и на гражданскія дѣла страны. При рѣшеніи важныхъ судебныхъ или уголовныхъ дѣлъ въ присутствіи самого господаря, митрополитъ занималъ мѣсто между судьями и первый подавалъ свой голосъ о виновности или невиновности судимаго лица, не обращая вниманія на то, согласно ли его мнѣніе съ мнѣніемъ господаря, или нѣтъ.

Съ 1902 г. молдавскимъ митрополитомъ состоитъ преосвященный Парѳеній Клинчанъ, святительствовавшій съ 1886 г. въ Нижне-Дунайской епархіи.

Вторая часть разсматриваемой нами книги— „Главные моменты и важнѣйшіе дѣятели румынской церковной жизни въ XIX вѣкѣ"—распадается также на шесть главъ. Она заключаетъ въ себѣ очерки по новѣйшей исторіи румынской церкви: I. „Положеніе православнаго приходскаго духовенства въ Румыніи въ XIX в." II. „Секуляризаціи монастырскихъ имуществъ". Остальные четыре очерка посвящены біографіямъ святителей Молдавіи—митрополита Веніамина Костаки, епископовъ Неофита и Филарета Скрибановъ, романскаго епископа Мелхиседека и хушскаго епископа Сильвестра, имѣвшихъ громадное значеніе въ ея исторіи; послѣдніе три—воспитанники Кіевской духовной академіи.

Въ концѣ книги помѣщенъ именной и географическій указатель.

Н. К-ш-ъ.

Редакторъ-издатель **С. Зыковъ.**

